

Г. Н. ЧАГИН

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ
СРЕДНЕГО УРАЛА
В КОНЦЕ XVII —
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Г. Н. Чагын

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА
В КОНЦЕ XVI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Издательство Пермского университета

Пермь 1995

БК 63.3 (2) 52

Ч-128

Научный редактор

доктор исторических наук профессор **В. А. Оборин**

Редактор Е. А. Огиенко

Рецензенты: отдел этнологии русского народа Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук; доктор исторических наук И. В. Власова

Печатается по решению ученого совета Пермского университета

Чагин Г. Н.

Ч-128 Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI - первой половине XIX века. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. - 364 с.

ISBN 5-8241-0093-4

В монографии, основанной на материале разнообразных архивных, полевых и опубликованных источников, исследуются особенности формирования и расселения народов Среднего Урала, традиции русских в расселении, жилище, одежде, а также влияние процессов и результатов взаимодействия русского и других народов на развитие материальной культуры.

Для этнографов, историков, широкого круга читателей.

0503020200 - 11

Ч _____ Без объявл.

Н 55 (03) - 95

ISBN 5-8241-0093-4

© Г. Н. Чагин, 1995

Памяти доктора исторических наук,
лауреата Государственной премии
Российской Федерации
Вадима Александровича Александрова -
моего учителя

Введение

Этническая история любого народа предстает сложным и многоаспектным процессом. Помимо собственных культурных традиций, выработанных в результате адаптации к условиям проживания, каждый народ в той или иной степени приобретает черты, заимствованные от этносов, с которыми устанавливает близкие отношения. Изучение тенденций к взаимодействию культур, процессов и результатов исторических контактов по-прежнему остается актуальным и перспективным в этнографической науке.

Взаимодействие народов по-разному проявлялось в их этнокультурной истории. Оно могло затрагивать язык и духовную культуру, хозяйственную деятельность и материальную жизнь. В полиэтничных регионах при сохранении своеобразия культуры нередко возникали ее общие черты.

Этническими процессами принято считать изменения, происходящие в тех признаках, которые формируют этнос и выделяют его среди других общностей людей. Наряду с языком, самосознанием, характером и представлениями об окружающей среде этнические особенности многообразно проявляются в традиционной народной культуре. В монографии исследуются этнические процессы, развивавшиеся в материальной культуре у народов Среднего Урала. Поэтому данный выбор нашел отражение в названии работы.

В отечественной истории и культуре Средний Урал занимает особое место. Его западная территория - Прикамье, именовавшаяся с XIV века Пермью Великой, первой на всем Урале в 1470-е годы стала органической частью Русского государства. В 1580-е годы государственная территория Урала значительно увеличивается за счет вхождения зауральских земель в результате похода дружины Ермака в Сибирь. Эти земли давали огромные средства Русскому государству, поставляя меха, соль, руды, камни. Через них пролегали удобные пути для освоения Сибири и торговли с Дальним Востоком и Китаем.

Население Среднего Урала с давних пор было полиэтничным. В

близком соседстве жили русские, коми-пермяки, манси, марийцы, удмурты, башкиры, татары. Однотипные способы хозяйствования, сложившиеся под воздействием природной среды, и постоянные контакты на смежных территориях проживания послужили базой для сближения народов. Наиболее значительные перемены в этнокультурной истории Среднего Урала начали происходить с XVI века, когда широко развернулось освоение русскими среднеуральских земель. С середины XVII века русские по численности и хозяйственно-культурному потенциалу стали доминирующей частью населения Среднего Урала. Они принесли из северной и средней полосы Европейской России передовые сельскохозяйственно-промышленные, культурно-бытовые навыки и этим способствовали более высокому экономическому и культурному развитию Русского государства на девственных землях Урала, созданию базы для русской колонизации Сибири.

Главным содержанием предлагаемой монографии является рассмотрение закономерностей этнокультурной истории Среднего Урала, сформировавшихся в конце XVI - первой половине XIX века под воздействием исторических, демографических, миграционных, природно-географических и конфессиональных факторов. Основным объектом изучения избрано русское сельское население на Среднем Урале, в культуре которого доминировали многие этнические традиции. Культура других народов рассматривается только через призму сближения ее с русской культурой. Для целей этнокультурного исследования нами выбраны особенности форм народной культуры - расселения, поселения, крестьянской усадьбы и одежды, роль которых в процессах этнического развития любого народа всегда являлась существенной.

Этнографическое изучение русского населения Среднего Урала в отечественной этнографии является составной частью комплексного исследования тех групп русского этноса, которые складывались путем переселения русских за пределы территории, где формировалась сама народность. На Среднем Урале сложился один из периферийных центров русской народной культуры, который не был изолирован, а находился в XVI - начале XVIII века на магистральном пути из Поморья (Русского Севера) в Сибирь, позднее - из центральных европейских районов во всю азиатскую часть государства. Поэтому знание народных традиций населения Среднего Урала приобретает чрезвычайно важное значение как для решения региональных проблем, так и для воссоздания этнокультурной истории русского народа, особенно той его части, которая обживала территории Европейского Севера, Урала и Западной Сибири.

Познание русской народной культуры Среднего Урала представляет интерес для решения двух взаимосвязанных проблем - как в процессе формирования русской этнической территории развивались хозяйственные и культурно-бытовые черты, принесенные из мест выхода на новые земли, и какой оттенок приобрела культура новоприходцев и их потомков в местных условиях. Совокупность ответов на эти вопросы составляет отличительную черту истории русских. Такой подход позволяет восстановить многообразие особенностей русской культуры, проявлявшееся как в основной части этноса, так и в его внутренних подразделениях - этнических и региональных группах. Единство и локальные отличия в традиционной культуре русских обуславливались прежде всего историей формирования населения и приспособлением его к местным условиям - природным и иноэтническим.

Исходя из исторических условий формирования, развития и многовариативности проявления русской народной культуры, возможно более глубокий подход к решению указанных проблем обеспечивает сравнительно-исторический анализ начальных форм и динамики конкретных компонентов культуры. Применение этого метода на современном этапе становится более совершенным благодаря изданию в 1950-е - 1990-е годы специальных и обобщающих трудов по истории, этнографии и искусству русских Европейского Севера и Сибири, основанных на разнообразных архивных и полевых материалах. Чтобы результаты изучения той или иной области народной культуры отражали как можно более точно и полно объективную реальность, исследователю необходимо владеть обширным набором фактов и добиваться типологического обобщения этнокультурных явлений и выделения их локальных вариантов. При этом возникает еще одно важное обстоятельство - следует определять время и ареалы (территории) бытования конкретных явлений.

Первые историографические сведения о народах Среднего Урала появились в общерусских и местных летописях - Патриаршей, или Никоновской, летописи, Устюжском летописном своде, Вычегодско-Вымской летописи. Известия этих письменных памятников служат основой для реконструкции многих существенных событий истории, расселения и взаимодействия народов.

Этнокультурные процессы на Среднем Урале стали привлекать внимание путешественников, публицистов и исследователей со второй половины XVII века. Первыми обратились к осмыслению этнографического материала иностранцы, проезжавшие через Урал в Сибирь по

служебным делам¹. Прежде всего их интересовали народы, о которых еще не знали в Западной Европе. Офицер, следовавший из Москвы в Сибирь в 1666 году, обратил внимание на бытовые особенности и язык пермяков (коми), проживавших в междуречье Вычегды и Камы. Исключительный интерес представляет его указание о степени знания пермяками (коми) русского языка: "Наряду со своим родным языком употребляют они также русский, на своем же говорят обыкновенно"². Языковая близость пермяков (коми) и русских является отражением существовавших межэтнических контактов. Глава русского посольства И.Идес (вероятно, по происхождению голландец) по пути следования в Китай в 1692 году познакомился с бытом чусовских манси (в среднем течении р.Чусовой) и увидел в их жилище сходство типов с русским жилищем. Записки И.Идеса и его сподвижника А.Бранда публиковались в Западной Европе в XVIII веке, а в России - в 1967 году³.

Подъем в развитии производительных сил Среднего Урала в XVIII веке обусловил необходимость комплексного описания его природы, истории, населения. На этническую консолидацию и контакты народов Среднего Урала обращали внимание В.Н.Татищев и члены академических экспедиций Г.Ф.Миллер, И.И.Лепехин, П.С.Паллас, И.Г.Георги. Их наблюдения были изложены в первой обобщающей этнографической работе И.Г.Георги, вышедшей в 1776 году на немецком, французском и русском языках. В ней подчеркивалось, что нерусские народы Среднего Урала допускали заимствования только тех явлений русской материальной культуры, которые способствовали развитию хозяйства и рациональной культуры жизнеобеспечения⁴. Этнические традиции культуры и быта народов Среднего Урала, описанные еще в двух обобщающих работах, составленных по программе Вольного Экономического Общества, - "Топографическом описании Пермского наместничества" 1786 года и "Хозяйственном описании Пермской губернии", подготовленном к первому изданию в 1804 году учителем Н.С.Поповым⁵. Последнюю работу следует считать рубежом в истории этнографии Среднего Урала, так как она впервые подвела итог всего предыдущего этапа изучения местных народов. На основе накопленного материала, послужившего базой для дальнейших исследований, впервые отмечался факт перенесения севернорусских традиций языка и культуры путем миграций населения на Средний Урал из Северо-Двинского бассейна. Кроме того, Н.С.Попову удалось показать некоторую эволюцию материальной культуры народов Среднего Урала.

Не ставя целью написать полный историографический очерк по избранной проблематике (на некоторых его существенных положениях

мы останавливались в предыдущей работе⁶), отметим лишь значительную изученность материальной культуры русского населения по интересующему нас периоду. Кроме того, ряд историографических сюжетов будет дан по главам при раскрытии конкретных элементов культуры.

В XIX - начале XX века в разнообразных формах фиксировался и в известной мере осмысливался фактический материал. Из материальной культуры раньше всего привлекли внимание усадьбы и костюм крестьян. Многие описательные работы сохраняют историческую ценность, так как к началу профессионального изучения народной культуры ее изначальные явления оказались уже утраченными. Значительные исследования по материальной культуре и быту русских крестьян провело отделение этнографии Русского Географического общества. Члены и сотрудники его опубликовали статьи по результатам своих поездок на Средний Урал, получили ответы с мест на разосланную в 1848 году программу изучения народного быта. Свыше 80 материалов из Пермской губернии вошло в описание рукописей Ученого архива Русского Географического общества, составленное и изданное Д.К.Зелениным⁷. В ответах на вопросы программы отражалось состояние материальной культуры в середине XIX века, процессы же ее развития не рассматривались.

Первым обратился к выяснению сложения усадебного комплекса у старожильского русского населения Прикамья И.Словцов⁸. Он использовал достаточно убедительные источники - закладные акты крестьян XVI-XVIII веков, хранившиеся в Соликамском Вознесенском монастыре, - и пришел к выводу, что преобладающее трехкамерное связевое жилище возводилось "на взмостьи" и к нему вплотную примыкал двухъярусный двор. Усадьбы ограждались заплотом, за которым располагались постройки для сушки и обмолота снопов - овины, гуменники, мякинницы. Обратившись к достоверной источниковедческой базе изучения жилища, И.Словцов не выяснил эволюцию крестьянских усадеб. Эти вопросы решались в неопубликованной работе И.К.Бахарева, выполненной в 1865-1880-е годы⁹. Приняв во внимание горизонтальное развитие жилища, назначение помещений и способ дымоудаления, он выделил 12 типов домов в числе 77, которые сохранялись в момент их описания в с.Серегово Чердынского уезда¹⁰. Наблюдения, касающиеся сохранности старых приемов возведения жилища в позднем, рубежа XIX-XX веков, изложил А.В.Копалов в обстоятельной работе, посвященной как крестьянскому, так и заводскому домостроению в Верхотурском уезде¹¹.

Сведения об одежде русского населения Среднего Урала приводит

лись попутно с описанием других явлений культуры и быта. Чаще всего о ней вспоминали при характеристике свадебных обрядов. Специальную работу можно назвать лишь одну: это статья А.Ф.Теплоухова¹², в которой с использованием полевых материалов, собранных автором в 1910-1912 годах, показано этническое и региональное своеобразие женских головных уборов коми-пермяков и русских. Помимо введенного в статью в научный оборот большого описательного и изобразительного материала заслуживает внимания установленное им заимствование коми-пермяками головных уборов русских с XVI века, когда только начались межэтнические контакты. На разных примерах А.Ф.Теплоухов показал, что к началу XX века "русские утратили свои головные уборы, а пермячки до сих пор их сохраняют, как и сарафаны (дубасы)"¹³.

Исследователи и путешественники неоднократно обращались к изучению поселений русских крестьян, но никто из них, в том числе крупные историки Урала второй половины XIX века Н.К.Чупин, А.А.Дмитриев, не затронули этнических особенностей в размещении и планировке поселений. Для демонстрации системы расселения они ограничивались количественными и типологическими характеристиками поселений. Лишь несколько авторов (И.Широкий, И.Кривошеков) обратили внимание на кучевую и рядовую расстановку усадеб в поселениях, что позднее стали считать этнокультурным признаком.

Этнографическое исследование русского населения Среднего Урала в 1920-е годы осуществлялось в рамках краеведческого движения. Активно вели эту работу и публиковали некоторые ее результаты общества изучения местного края и музеи в Перми, Екатеринбурге, Кунгуре, Чердыни, Сыктывкаре, Кудымкаре, Красноуфимске, Нижнем Тагиле. Но наиболее интересными сведениями располагали Уральское общество любителей естествознания (г.Екатеринбург), возникшее в 1870 году, и активно заявивший о себе в 1916 году "Кружок по изучению северного края при Пермском университете", которым руководил профессор П.С.Богословский. Работа общества и кружка сосредоточивалась на исследовании народного устного и изобразительного творчества. Жилищу и одежде были посвящены только две работы - А.К.Сыропотова и Н.Е.Ончукова, где обобщался новый полевой материал¹⁴. А.К.Сыропотов посетил многие старинные селения русских и коми-пермяков в Пермском, Соликамском и Чердынском уездах и обратил внимание на скульптурные украшения жилища, которые, по его мнению, "как элементы известного звериного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края продолжают развиваться до

сего времени"¹⁵. К сожалению, исследования были приостановлены в начале 1930-х годов.

Новый этап в изучении материальной культуры русских крестьян Среднего Урала наступил в начале 1950-х годов. Для него характерно проведение полевых работ по более совершенной программе. Впоследствии результаты полевых исследований стали дополняться материалами архивных источников. Поселения, жилище и одежда рассматривались в эволюции и во взаимосвязи с процессом формирования населения и природной среды, хозяйственными и этническими изменениями.

Русское жилище Среднего Урала как объект деревянного зодчества начал изучать в 1951 году историк архитектуры И.В.Маковецкий¹⁶. В его двух монографиях были впервые показаны типология и конструктивные формы жилища старожильского русского населения Северного Прикамья на фоне развития народной архитектуры Европейского Севера и Верхнего Поволжья. И.В.Маковецкий сделал вывод о сохранении севернорусских традиций в строительной культуре, принесенных переселенцами с Европейского Севера. Подобное исследование, но охватив весь Средний Урал, осуществил в 1980-е годы другой историк архитектуры Е.Н.Бубнов¹⁷. К работам аналогичного характера относится книга С.А.Дегтерева, в которой увидена зависимость характера народного жилища от природно-географической среды¹⁸. Все указанные исследования построены на большом фактическом материале конца XIX - начале XX века. Он позволил авторам описать особенности местного жилища, но без обращения к тому раннему периоду, когда шло формирование русского старожильского населения Среднего Урала, и без вскрытия эволюции конструктивных форм и этнической специфики.

На иной методической основе изучались поселения, жилище и одежда русского населения западных районов Среднего Урала (Пермская область) сотрудниками Института этнографии Академии наук СССР: первый раз - в 1954 году, второй - в 1978-1984 годах. Руководили экспедиционными отрядами Г.С.Маслова, Т.В.Станюкович, И.В.Власова. Результатами их работы явились монографии, статьи. Кроме того, полученный материал был включен в обобщающие труды по русской этнографии¹⁹.

Для выявления специфики традиционной культуры русских крестьян принимались во внимание особенности заселения Приуралья накануне и после вхождения в Русское государство, миграция внутри и за пределы изучаемого региона, контакты русских с другими народа-

ми. Учитывались фактор межрегионального расположения рассматриваемой территории, ее связующая роль во взаимоотношениях Европы и Азии. В постройках, одежде и многих других сторонах быта исследователи 1950-х годов увидели много общего с русским населением Европейского Севера. Близость культуры русских наиболее значительно проявилась в Северном Прикамье и менее значительно - в южном. В постройках и одежде южнорусского населения Приуралья ярче проступали черты Среднего Поволжья, поскольку сюда после утраты самостоятельности Каванским ханством переселялись наравне с татарами, марийцами, удмуртами и русские крестьяне. Г.С.Маслова и Т.В.Станюкович пытались связать некоторые черты материальной культуры и быта с новгородским влиянием. Но этого не получилось, поскольку, как они сами убедились, "очень трудно выделить собственно новгородское из того, что стало общесеверным и могло в дальнейшем приноситься из северных районов"²⁰. Уровень изученности особенностей заселения Среднего Урала, в ходе которого сформировалось постоянное русское население, социального состава переселенцев, районов их выхода и характера приспособления к новым природным условиям в первой половине 1950-х годов еще не имел полного освещения в литературе, поэтому массовый этнографический материал с исторических позиций сложно было подвергнуть детальной проработке.

В историческом исследовании Среднего Урала были достигнуты существенные результаты к 1970-м годам. На основе архивных материалов процессы заселения и хозяйственного освоения отдельных районов, а порой и всего среднеуральского региона были тщательно исследованы в монографиях и статьях В.И.Шункова, В.Н.Устюгова, А.А.Преображенского, А.А.Введенского, В.А.Оборина, В.П.Червякова и др.²¹ Все авторы пришли к выводу, что основной состав русских переселенцев на Средний Урал дал Северо-Двинский бассейн, причем главное место принадлежало черносошным крестьянам и жителям посадов, уходившим с разрешения мирских органов. Освоение новых земель с середины XVIII века осуществлялось исключительно за счет внутренних миграций. В условиях роста городских и заводских поселений, развития транспорта и возникновения буржуазных отношений в сельском хозяйстве шел процесс социального и имущественного расслоения крестьянства. Значительная часть местного крестьянства явилась источником наемной рабочей силы в горнозаводской промышленности. А.А.Преображенскому и В.А.Оборину удалось наиболее полно показать хозяйственно-культурную взаимосвязь русских переселенцев с местными народами в Верхотурском, Кунгурском, Соликамс-

ком, Чердынском уездах. Кроме того, В.А.Оборин, используя археологический материал и ранние письменные сведения, раскрыл содержание их контактов на примере поселений и хозяйственного уклада еще до вхождения Среднего Урала в Русское государство.

На археологическом материале предприняли изучение жилых и хозяйственных построек Среднего Урала XVI-XVII веков С.П.Маврина и Б.Б.Овчинникова²². Но предложенная ими классификация усадеб не получилась достаточно обоснованной, поскольку авторы не располагали необходимым для этого фактическим материалом.

Существенное значение для решения этнографической проблематики имело изучение традиционной культуры и быта нерусских народов Среднего Урала. Наиболее плодотворно велась эта работа В.Н.Белицер, Л.С.Грибовой, Г.Н.Климовой относительно коми-пермяков, Т.Л.Молотовой, Г.А.Сепеевым - марийцев, Р.Г.Кувеевым - башкир, сотрудниками Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР - пермских татар и башкир²³. Все исследователи обобщили большой фактический материал и при этом уделили внимание проявлениям в культуре и быте народов взаимоконтактов с русским населением, которые наблюдались во второй половине XIX - начале XX века. Но применительно к более раннему этапу этнокультурной истории этот вопрос остается до сих пор неисследованным.

Этнографы И.В.Власова, И.А.Кремлева, Т.А.Листова, Т.С.Макашина стремились не только описать традиционную культуру русского населения Верхнего Прикамья и Припечорья, но и выявить ее исторические корни, чтобы раскрыть этногенетические связи и преемственность культуры населения Русского Севера, Урала и Сибири. С этой целью пришлось обратиться не только к полевой информации, но и к архивным и опубликованным источникам XVI-XVII веков. Поэтому получили всестороннее обоснование общерусские и местные черты, проявившиеся в занятиях, размещении поселений, застройке усадеб, типе жилища и одежды, семейном строе и семейных обрядах. В работах И.В.Власовой впервые показана зависимость заселения и хозяйственного быта крестьян от форм землевладения и землепользования, социальной принадлежности крестьян и структурно-поколенного состава семьи.

Материальная культура русских старожильческих районов Среднего Урала заняла важное место в этнографических исследованиях Пермского университета 1970-х - 1990-х годов, руководимых Г.Н.Чагиным. Полевые работы сопровождались изучением архивных материалов. На основе указанных источников удалось выявить типы поселений,

жилища, одежды и проследить изменения в них до начала XX века. Наиболее полно это сделано относительно Прикамья, традиционная культура которого характеризуется преобладанием севернорусских черт. Обобщающая характеристика жилых и хозяйственных построек и одежды упомянутого района нами дана в коллективной монографии этнографов²⁴. Из последних работ следует назвать книги по материальной и духовной культуре русских крестьян Среднего Урала середины XIX - начала XX века²⁵. Но в них экскурсы в ранние этапы этнокультурной истории слишком фрагментарны.

Некоторые элементы материальной культуры русских старожилов восточного склона Урала рассматривались в работах, посвященных истории и этнографии Сибири. По сведениям, доступным исследователям, сделан вывод об однотипности жилища и одежды русских крестьян Европейского Севера, Приуралья и Западной Сибири²⁶. Этнографический материал по XVII - первой половине XIX века в обобщенном виде представлен в фундаментальной работе о крестьянстве Сибири²⁷. В ряде исследований показано заимствование элементов материальной культуры русских крестьян аборигенным населением Западной Сибири²⁸.

В целом в публикациях поселения, жилище, одежда русского населения Среднего Урала конца XVI - первой половины XIX века отражены фрагментарно. Исключение составляет только Верхнее Прикамье. Такой уровень изученности темы явно недостаточен. Учитывая это, мы обращаемся к материальной культуре раннего этапа этнокультурной истории. Хронологические рамки нашей работы ограничим концом XVI - первой половиной XIX века, а территориальные - среднеуральским регионом, в этнокультурной истории которого было немало своеобразного. Географическая, историческая, культурная, экономическая общность Среднего Урала в конце XVIII века была выделена в самостоятельную административную единицу - Пермскую губернию. Для освещения исторических судеб народов Среднего Урала самыми выгодными и ключевыми районами на его западной территории является Верхнее Прикамье - Соликамский и Чердынский уезды, на южной - Кунгурский уезд, на восточной - Верхотурский.

Широкие хронологические и территориальные рамки позволяют исследовать элементы народной культуры в развитии и поставить в предлагаемой работе следующие задачи: 1) выявить общие и внутрирегиональные особенности традиционной культуры русских крестьян, проявившиеся в расселении, поселениях, жилых и хозяйственных постройках, одежде на этапе освоения Среднего Урала и стабилиза-

ции хозяйственной деятельности; 2) показать зависимость этнокультурного развития региона от исторических, демографических, миграционных, природных и конфессиональных факторов; 3) проследить преемственность материальных культурных традиций, соотношение традиций и новаций и определить последующее место новаций в традиционно-бытовой культуре; 4) на примере избранных элементов материальной культуры раскрыть проявления взаимодействия народов Среднего Урала и показать роль русской народной культуры в сближении и укреплении связей этих народов в среднеуральском регионе.

Источниковой базой работы послужили разнообразные материалы, собранные во время многолетних архивных и экспедиционных поисков, а также во время работы с опубликованными документами и литературой. По происхождению и информационному содержанию основные использованные источники можно объединить в следующие группы.

Исключительную ценность для воссоздания картины заселения, расселения, миграции крестьян и эволюции типов и форм поселений имеют писцовые, переписные, дозорные, ясачные книги XVI - начала XVIII века, ревизские сказки XVIII - первой половины XIX века, составленные в фискальных целях. Привлекались не все переписные материалы, приходящиеся на конец XVI - первую половину XIX века, а только те, которые сохранились в полном виде на всех территориях Среднего Урала за один и тот же год или близкие годы и отражают важные этапы этнокультурной истории. В переписном материале особую ценность имеют сведения о географии размещения и численности типов поселений, количестве дворов и жителей. Из них наиболее значимы данные об этническом составе населения. Кроме того, часть подобных материалов использована по публикациям П.Н.Буцинского, А.А.Дмитриева, Н.В.Устюгова, а также из "Списка населенных мест по сведениям 1869 года". Значительные статистические материалы о населенности, этническом составе, типах заселения и типах поселений сведены в таблицы.

Особую группу источников составляют текущие делопроизводственные документы центральной и местной администрации, судов, таможен, вотчинных хозяйств со сведениями о застройке поселений, крестьянских усадеб, а также о товарах, покупаемых крестьянами на местных ярмарках. К сожалению, очень часто официальная документация не содержит тех полных указаний, по которым мы смогли бы всесторонне судить об этнической специфике культуры и быта крестьян. Но ввиду того, что многие из них оказываются единственными источниками по конкретному району и вопросу, мы все их вклю-

чили в свое исследование. Чрезвычайную ценность имеют судебные дела о разделе имущества между наследниками.

Хорошую основу для обобщений дают челобитные, купчие, закладные, духовные, поручные, меновые грамоты конца XVI - начала XVIII века, написанные от лица крестьян. Документы из Верхотурского, Кунгурского, Соликамского, Чердынского уездов отложились в фондах учреждений того времени или позднее были выделены в самостоятельные коллекции архивов, музеев и библиотек. Кроме того, часть актового материала отражена в публикациях Археографической комиссии, а иногда и в приложениях к работам исследователей. Чаще всего в них речь идет о поселениях и усадьбах, так как крестьяне их часто продавали или закладывали монастырям и состоятельным людям за взятые на определенный срок деньги, необходимые для уплаты налогов. К этим источникам близки порядные записи крестьян, отражающие условия, на которых они поселялись в вотчинах феодалов и монастырей. Больше же всего получено сведений о жилых и хозяйственных постройках. Нам пришлось познакомиться с содержанием 935 грамот, из которых сведения о материальной культуре обнаружены в 536. Наибольшее число ценных актов относится к XVII веку.

Значительную группу письменных источников образуют записки современников. Подавляющую часть их составляют ответы на программу-анкету 1848 года, подготовленную Русским Географическим обществом, о которой мы уже писали. Дошедшими до нас ответами широко пользуемся в работе, поскольку они достаточно полно характеризуют состояние поселений, жилища и одежды в середине XIX века - позднего этапа исследуемого периода. Во многих наблюдениях современников раскрывается не только общая картина материальной культуры, но и отмечаются наравне с ее традиционными элементами новые явления, которые внедрялись в состоятельных крестьянских хозяйствах под воздействием рыночных отношений и возросших культурных запросов. Значительная часть описаний выполнена в такой форме, что позволяет нам реконструировать типологические комплексы усадеб, построек, одежды. Безусловный интерес представляют и опубликованные записки очевидцев, составленные как в тот период, который мы исследуем, так и позднее. Их взгляд на культуру и быт крестьян был разным. Одни его знали и описали более тщательно, другие проявляли любознательность и отмечали не самое интересное. Но, несмотря на субъективный оттенок народной культуры, информация из опубликованных материалов играет в современных этнографических исследованиях немалую роль.

Важную источниковую ценность имеют неизданные работы, подготовленные научными и просветительскими организациями: "Топографическое описание Пермского наместничества 1786 года", составленное Вольным Экономическим Обществом; "История села Серегово Чердынского уезда за 1865-1880 годы", написанная И.К.Бахаревым по заданию Пермского научно-промышленного музея; "Жизнеописание народов Среднего Урала конца XVIII - начала XIX века", отложившееся в фондах Пермской ученой архивной комиссии и Уральского общества любителей естествознания, и др. Кроме того, выявлены и использованы этнографические описания из личных архивных фондов.

Для полноты изучения привлекался картографический и изобразительный материал: карты Пермской губернии и ее уездов, зарисовки одежды, оставленные в записках современников, фотографии, запечатлевшие старинные крестьянские постройки, планы и схемы поселений. Из картографических источников особую ценность имеют карты Осинского и Чердынского уездов 1782-1793 годов с обозначением планировки сел и деревень и атлас Пермской губернии 1800 года, составленный в Перми по заданию Вольного Экономического Общества. Существенным дополнением к последнему источнику служит "Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года".

В целом исследованы источники, хранящиеся в 18 архивах, рукописных собраниях библиотек, музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Перми, Екатеринбурга, Кунгура, Чердыни, Ильинского. В результате изучения их в научный оборот введены документы 985 дел 69 архивных фондов и коллекций из 8 городов. Назовем наиболее значительные архивные фонды. В Российском государственном архиве древних актов - фонды 137 (Боярские и городовые книги), 214 (Сибирский приказ), 237 (Монастырский приказ), 280 (Коллегия Экономии), 281 (Грамоты Коллегии Экономии), 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), 444 (Соликамская провинциальная канцелярия), 474 (Верхотурская воеводская канцелярия), 615 (Крепостные книги местных учреждений), 829 (Таможни и кружечные дворы), 1015 (Кунгурские административные и судебные учреждения), 1111 (Верхотурская приказная изба), 1209 (Поместный приказ), 1267 (Демидовых), 1278 (Строгановых), 1355 (Экономические примечания к Генеральному межеванию), 1398 (Верхотурское уездное комиссарство), 1431 (Дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах), 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI-XIX веков), разряд XVI (Госархив). В Российском государствен-

ном военно-историческом архиве - фонд ВУА (Военно-ученый архив). В Российском государственном архиве литературы и искусства - фонд 1366 (Н.Е.Ончукова). В отделе письменных источников Государственного Исторического музея - фонды 14 (Голицыных), 450 (Е.В.Барсова). В отделе рукописей Российской государственной библиотеки - фонды 218 (Собрание отдела рукописей), 256 (Н.П.Румянцева). В Российском государственном историческом архиве - фонды 1092 (Шуваловых), 1290 (Центральный статистический комитет МВД), 1350 (Межевой департамент. Сената). В архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук - коллекции 2 (Соликамская съезжая изба), 122 (Чердынская воеводская изба), фонд 28 (Верхотурская воеводская изба). В архиве Русского Географического общества Российской Академии наук - разряд 29 (Пермская губерния). В архиве Российской Академии наук - фонд 21 (В.Н.Татищева). В Государственном архиве Вологодской области - фонды 883 (И.Н.Суворова), 1260 (Коллекция рукописей свитков XVI-XVII веков), 4389 (Вологодское общество по изучению северного края). В рукописном отделе Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника - фонд ВО-ИСК (Вологодское общество изучения северного края). В Государственном архиве Пермской области - фонды 6 (Верхотурский уездный суд), 10 (Кунгурский уездный суд), 12 (Пермский уездный суд), 13 (Соликамский уездный суд), 15 (Чердынский уездный суд), 21 (Соликамский городской магистрат), 111 (Пермская казенная палата), 177 (Пермская палата уголовного и гражданского суда), 279 (Пермская межевая комиссия), 281 (Осинская земская управа), 297 (Пермская ученая архивная комиссия), 316 (Пермское губернское наместническое управление), 597 (А.А.Дмитриева), 680 (Пермский научно-промышленный музей), 973 (Богословских). В Государственном архиве Свердловской области - фонды 12 (Екатеринбургский уездный суд), 24 (Уральское горное управление), 101 (Уральское общество любителей естествознания), 129 (Н.К.Чупина), 2266 (В.П.Бирюкова). В фонде редких книг Пермской областной библиотеки - коллекция 61595 (Соликамские грамоты XVII-XVIII веков). В секторе документальных письменных источников Пермского областного краеведческого музея - коллекции 11051 (Писцовая книга Ф.Бельского 1678-1679 годов), 11101 (Свитки Шадринской слободы XVII века). В отделе фондов Кунгурского краеведческого музея - коллекция Соликамских грамот XVII века. В архиве Чердынского краеведческого музея имени А.С.Пушкина - фонд 4 (Чердынская уездная земская управа), коллекции 717 (Ко-

пии крестьянских грамот XVII - начала XVIII века), 2558 (Крестьянские грамоты XVII века из с.Цидва), 2561 (Грамоты крестьян Чердынского уезда XVII - начала XVIII века), 2689/3 (Летопись с.Вильгорт), 3009 (Летопись с.Юрла). В отделе фондов Ильинского краеведческого музея - коллекция 2038 (Ландратская книга Строгановской вотчины 1715 года).

Не менее письменных источников важны полевые наблюдения за состоянием той этнокультурной среды, которая сохраняется у народов Среднего Урала в наши дни. Материалы, полученные в экспедициях, более всего помогли восстановить картину поэтапного заселения русскими и другими народами конкретных мест исследуемого региона и их расселения. Были обнаружены поселения с элементами старой традиционной застройки и усадьбы, жилые и хозяйственные постройки которых имели признаки традиционной строительной культуры. Анализ некоторого полевого материала проводился с привлечением архивных источников, что нашло отражение как в тексте монографии, так и в отдельных иллюстрациях. Полевыми работами охвачены территории бывших Верхотурского, Красноуфимского, Кунгурского, Оханского, Пермского, Соликамского, Чердынского уездов. В ходе большинства экспедиций изучалось русское, коми-пермяцкое, марийское, удмуртское население, в меньшей мере - татарское и башкирское, а также русское из юго-восточных уездов Пермской губернии.

При подготовке монографии использовались и вещественные источники, сосредоточенные в центральных и местных музеях, а также те, которые удавалось обнаружить в полевых условиях. В основном это коллекции одежды конца XIX - начала XX века, хранящиеся в г.Санкт-Петербурге в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, Российском этнографическом музее, Пермском областном краеведческом музее, Чердынском краеведческом музее имени А.С.Пушкина, Екатеринбургском областном краеведческом музее, Верхотурском краеведческом музее, Нижне-Тагильском музее-заповеднике, Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Велико-Устюгском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Сольвычегодском историко-художественном музее. Музейные коллекции, связанные с жилищем, одеждой, бытом, были значительно пополнены в результате наших полевых исследований. Хотя вещи из этих коллекций поздние, но их роль в решении ряда существенных вопросов о бытовании ранних комплексов жилища и одежды достаточно велика. Наиболее содержательными являются мате-

риалы об одежде русского старообрядческого населения Екатеринбургского, Оханского, Пермского, Соликамского, Чердынского уездов.

Изобилует этнографическими материалами центральная и местная публицистика XIX - начала XX века. Очерки, рассказы, дневники путешествий, путевые впечатления, воспоминания исследователей и любителей истории встречаются в газетах "Пермские губернские ведомости", "Пермские епархиальные ведомости", "Пермская земская неделя", "Екатеринбургская неделя", "Урал и Кама", "Волжский вестник", а также в научных, специальных и популярных периодических изданиях - "Труды Вольного Экономического Общества", "Отечественные записки", "Живая старина", "Записки Императорского Русского Географического общества", "Известия Императорского Русского Географического общества", "Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете", "Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом", "Записки Уральского общества любителей естествознания", "Этнографический сборник", "Этнографическое обозрение", "Журнал Министерства народного просвещения", "Журнал Министерства внутренних дел" и др. Тематическая направленность и полнота опубликованных работ слишком разнообразны, но ценность их для уточнения разных этнокультурных традиций несомненна.

Некоторый недостаток в изучении происхождения народов и изменения их культуры в процессе этнического развития восполнили по фольклорным источникам. Нами они получены как из архивных и опубликованных описаний, так и во время полевой работы. Наибольшую ценность представляют этногенетические предания, включенные в "Топографическое описание Пермского наместничества" 1786 года и "Хозяйственное описание Пермской губернии" 1804 года.

Наше стремление обнаружить важные и достоверные этнографические источники для освещения реальной действительности не всегда завершалось успехом. Скучными оказались описательные и изобразительные материалы о ранней застройке и планировке поселений, поэтому в ряде случаев приходилось привлекать документы, выходящие за хронологические рамки работы. Не удалось найти сплошных описаний материальной культуры XVII - начала XVIII века по уездам, регионам или отдельным поселениям, поэтому приходилось пользоваться фрагментарными сведениями. Наиболее слабо отражена в источниках культура и быт коми-пермяков, марийцев, удмуртов XVII - первой половины XIX века.

Помимо краткого источниковедческого обзора дается конкретная

характеристика некоторых использованных документов в ходе изложения поставленных вопросов.

Цель, задачи и методы исследования определили структуру монографии. В первой главе рассматривается поэтапно освоение территории Среднего Урала как потомками аборигенного населения, так и вновь пришедшими народами, в том числе русским. Раскрывается демографический, этнический, социальный состав населения и выявляются локальные группы русских. Завершается глава характеристикой этнических особенностей в заселении и расселении. Проблемность главы состоит в показе развития материальной культуры и взаимовлияний народов Среднего Урала. Сложившимся типам комплексов поселений, жилища и одежды посвящены три самостоятельные главы. Завершает работу глава, в которой вскрываются конкретные проявления взаимодействия русских с другими народами Среднего Урала в характере поселений, устройстве построек, изготовлении и ношении одежды. Вопросы, затрагиваемые в этой главе, в будущем планируем рассмотреть на примере духовной культуры.

---

¹ Чагин Г.Н. Культура народов Прикамья в записках иностранцев XVII века // Россия и запад: Политические и культурные традиции: Тез. докл. науч. конференции. Пермь, 1994. С.51-54.

² Алексеев М.Н. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке // Исторический архив. М.;Л., 1936. С.151.

³ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М., 1967. С.73.

⁴ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Спб., 1776. Ч.1. С.60-65.

⁵ "Топографическое описание Пермского наместничества" хранится в РГБИА, ф.ВУА, д.18920; "Хозяйственное описание Пермской губернии" издавалось дважды: в 1804 году в двух томах в Перми и в 1811-1813 годах в трех томах в Санкт-Петербурге.

⁶ Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века (этнические традиции материальной жизни). Пермь, 1991. С.5-15.

⁷ Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского Географического общества. Пг., 1916. Вып.3.

⁸ Словцов И. Деревня Соликамского края в XVI в. // Пермский сборник. М., 1859. С.117-124.

⁹ ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180.

¹⁰ Там же. Л.3-8.

¹¹ Копалов А.В. Сельские постройки Пермской губернии // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1903. Т.24. С.83-92.

¹² Теплоухов А.Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып.2. С.122-137.

¹³ Там же.

¹⁴ Сыропятов А.К. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. С.37-51; Ончуков Н.Е. Поездка в Чердынский край летом 1923 г. // Там же. С.29-32.

¹⁵ Сыропятов А.К. Указ. раб. С.39.

¹⁶ Маковещкий И.В. Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955; Он же. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.

¹⁷ Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988.

¹⁸ Дегтерев С.А. Климат и архитектура народного жилища. Свердловск, 1989.

¹⁹ Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения (XIX - начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960. С.72-171; Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967, 1970; Полевые исследования Института этнографии. 1978. М., 1980. С.3-30; Власова И.В. К изучению этнографических групп (юрлинцев) // Полевые исследования Института этнографии. 1980-1981. М., 1984. С.3-11; На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства. М., 1989; Власова И.В. Заселение и хозяйственное освоение Северного Приуралья (XVI-XX вв.). М., 1991.

²⁰ Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. раб. С.74.

²¹ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII в. М.;Л., 1946; Он же. Очерки по истории землевладения Сибири XVII в. М., 1956; Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957; Он же. Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Вып.5; Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII - начале XVIII в. М., 1956; Он же. Урал и Западная Си-

бирь в конце XVI - начале XVIII в. М., 1972; Он же. Об историческом взаимодействии народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVII-XVIII вв. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения В.Д.Грекова. М., 1982. С. 248-261; Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. М., 1962; Оборин В.А. Миграции местного населения и их роль в освоении Урала в XVI-XVII вв. // История СССР. 1974. №4. С.63-77; Он же. Использование русским населением в XV-XVII вв. поселений нерусского населения на Урале // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С.119-126; Он же. Заселение и освоение Урала в конце XI - начале XVII в. Иркутск, 1990; Червяков В.П. Миграции населения в Русском государстве в XVII - I четверти XVIII века (по материалам Соликамского уезда) // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып.1. С.90-108.

²² Маврина С.П., Овчинникова В.Б. Деревянные жилые и производственные постройки XVI-XVII в. на Урале // Культура и быт до-революционного Урала. Свердловск, 1989. С.4-13.

²³ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX - начало XX в. М., 1958; Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980; Климова Г.Н. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1989; Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX - начало XX в.). Йошкар-Ола, 1975; Молотова Т.Л., Иванова Н.А. Особенности женского народного костюма уральских марийцев // Полевые материалы этнографической экспедиции 80-х гг. Йошкар-Ола, 1993. С.41-51; Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992; Пермские татары. Казань, 1983.

²⁴ На путях из земли Пермской...

²⁵ Чагин Г.Н. Культура и быт...; Он же. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века. Пермь, 1993.

²⁶ Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974; Этнография русского крестьянства Сибири: XVII - середина XIX в. М., 1981.

²⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. Гл.1.

²⁸ Этнография русского крестьянства Сибири...; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма...

Глава I. Формирование сельского населения, его этнический состав и особенности расселения

§ I. Заселение Среднего Урала в X - первой половине XVI века

Территория Среднего Урала с давних пор являлась историческим перекрестком путей многих народов, продвигавшихся вдоль Камы или через Уральский хребет. Расположение региона на стыке Европы и Азии предопределило многоэтническое по составу население и сложную этнокультурную историю. К Среднему Уралу принято относить западный и восточный склоны Урала в его центральной части.

Первоначальное освоение среднеуральских земель осуществлялось их коренным населением, из которого сформировались финно-угорские (коми-пермяки, удмурты, марийцы, манси) и тюркские (башкиры, татары) народы. Археологические источники позволяют воссоздать сложную картину миграции уральских племен в эпоху великого переселения народов (IV-IX века) и на последующем этапе истории (X-XV века)¹, когда социальный и хозяйственно-культурный уровень развития аборигенного населения создал предпосылки образования этнических общностей (рис.1).

В Верхнем Прикамье (севернее впадения в р.Каму р.Чусовой) шел процесс консолидации племен родановской культуры (названа по Роданову городищу на р.Каме) в коми-пермяцкую народность, составившую основную часть населения Перми Великой с центром - г.Чердынь. По притокам Камы - Чусовой, Сылве, Ирени, Тулве, где обнаружены памятники сылвенской культуры, - формировалось угро-тюркское население, отдельные группы которого поздние источники называют "остяками" или "иштеками". Некоторую близость оно имело к древнему населению Зауралья, проживавшему в верховьях притоков Тобола - Исети, Пышмы, а также к башкирским племенам, проникшим с юга в верховья Тулвы и Уфы.

В верховьях Вятки и по ее притокам Чепце, Кильмези, Вале из племен чепецкой культуры сложилась удмуртская народность.

В X-XIII веках северные башкиры и угро-тюрки, селившиеся по Тулве, Чусовой и Сылве, зависели от Волжской Булгарии, с XIII века входили в Золотую Орду, позднее - в Казанское ханство.

В восточной части Урала в бассейнах Тавды (включая Ловьву, Сосьву, Лялю, Пельм), Туры, Ницы, Пышмы и верховьях Чусовой из племен юдинской культуры сформировалась в X-XIII веках народность

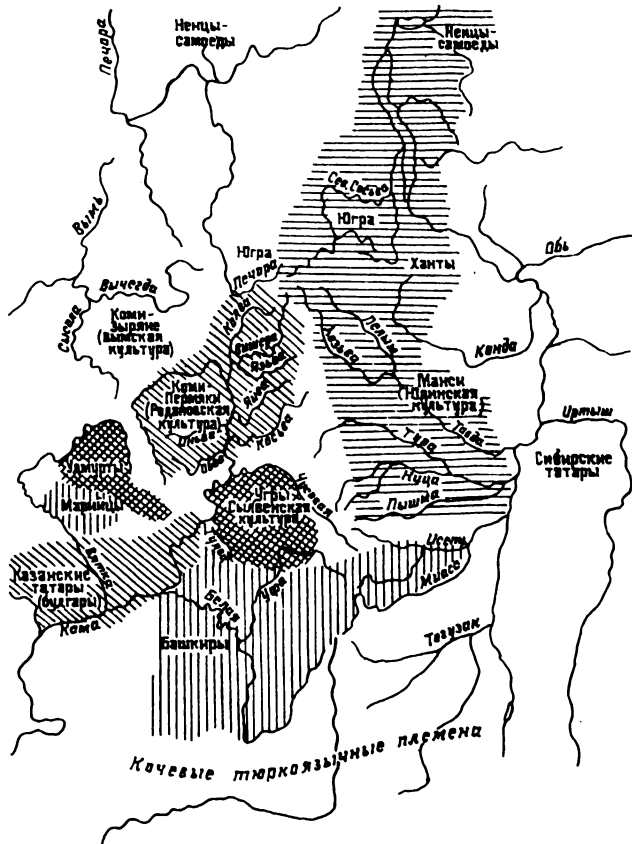

Рис. 1. Расселение народностей и племен Урала в IX-XV веках

манси, известная по поздним средневековым источникам под названием "вогулы", "вогуличи". В XIV-XV веках в среду угорского населения восточного Урала проникли сибирские тюрки.

В дорусский период на Среднем Урале протекали процессы этнической консолидации и ассимиляции коренного населения. Путем сближения родственных племен и групп закладывались основы раннефеодальных народностей. У них появлялись самоназвания и названия (этнонимы), которые давали соседние народы. Так, коми-пермяки именовались "пермяками", удмурты - "вотяками", манси - "вогулами". У формирующихся народностей развивались общие черты в культуре - жилище, costume, прикладном искусстве, обрядах, мировоззрении. Но консолидационные процессы к концу XV века еще не завершились. Они продолжались в XVI-XVII веках. В народности вливались не только родственные коллективы людей, но и представители других этнических общностей. Так, в состав коми-пермяков вошли группы удмуртов, манси, коми-зырян. Среди удмуртов поселялись марийцы и волжские булгары. Манси принимали группы сибирских татар, коми-пермяков, коми-зырян. К башкирам по Тулве поселились волжские булгары, кипчаки, печенежское племя "баджурт" ("башкурт").

В XV веке степень освоения территории Среднего Урала была незначительной. Оставалось немало свободных земель, удобных для земледелия, охоты, рыболовства. С XIII века они и стали привлекать не только новгородских бояр, владими́ро-суздальских князей, но и русских крестьян. С заселением и освоением прикамских и зауральских земель русскими начинается новый этап в этнокультурной истории Среднего Урала.

Первой территорией, где поселилось русское население, было Верхнее Прикамье, официально называвшееся Пермью Великой. В XIV-XV веках появление русских носило стихийный и достаточно эпизодический характер. Предметы раннего русского происхождения чаще всего обнаруживаются археологами в культурных комплексах коми-пермяков². Но есть примеры, свидетельствующие о том, что предприимчивые русские люди стремились довольно прочно обосноваться на верхней Каме. Так, в начале XV века двинской воевода Анфал Никитин строил укрепленный городок, а жители вологодского посада Калининковы вываривали соль. В 1451 году московский князь Василий II направил в Чердынь своего первого наместника Михаила Ермолича. Власть Москвы вскоре закрепляется христианизацией местного населения. Епископ Питирим в 1455 году, а затем епископ Иона

в 1462 году "крести Великую Пермь, постави им церкви и попы"³. Этим актом начиналась монастырская колонизация Среднего Урала.

Во второй половине XV века за овладение Пермью Великой развернулась борьба между Новгородом и Москвой, Каванским и Сибирским ханствами. Наместники Москвы повели сепаратистскую политику, даже "за каванцев норовили... , людям торговым великого князя грубили"⁴. После присоединения Великого Новгорода к Москве Иван III организовал в 1472 году военный поход на верхнюю Каму, по окончании которого территория Перми Великой первой на Урале стала частью Русского государства.

Из коренных народов Среднего Урала первыми вошли в Русское государство коми-пермяки и манси западного Приуралья. Отношения русских и коми-пермяков были мирными, они развивались в направлении сближения народов. Манси же считали лесные угодья своей собственностью и длительное время не пускали в них русских.

Освоение русскими верхнекамских земель становится интенсивным с 1558 года, когда в целях укрепления восточных рубежей Русского государства Иван IV передал коми-пермяцкие земли по Каме и ее притокам от впадения Лысьвы (на севере) до устья Чусовой (на юге) солепромышленнику и торговцу Г.Ф.Строганову. Жалованная грамота позволяла Строгановым варить соль, выявлять руды, строить городки и слободы. В 1568 году земли по Чусовой, Сылве, Ирени и Каме до впадения р.Лысьвы, мало заселенные манси и татарами, получил Я.А.Строганов. Позднее владения Строгановых расширялись, в 1574 году им была предоставлена возможность осваивать и восточный склон Урала. Русское правительство создавало Строгановым льготные условия для освоения новых земель. В свои городки они имели право приглашать как местное население, так и пришлое.

Большие возможности в заселении и освоении среднеуральских земель появились с присоединением к Русскому государству Казанского ханства (1552), переходом Ногайской Орды в данническую зависимость от Москвы (1563) и добровольным вхождением в Русское государство основной части башкир (1555-1556) и удмуртов (1557). На земли Среднего Прикамья устремился поток русского и другого населения из Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. На башкирских землях строились укрепленные русские городки, возник Уфимский уезд, куда были включены земли по Тулве, Буе, верхней Уфе (так называемая Северная Башкирия). Из городков образуется оборонительная линия, прикрывающая среднеуральские земли от набегов кочевых калмыков и ногайцев.

Феодальная эксплуатация, рост помещичьего землевладения, расслоение деревни и христианизация вынуждали население Среднего Поволжья покидать родные места и уходить на свободные земли. Продвигаясь на восток, во второй половине XVI-начале XVII века казанские татары, чепецкие удмурты, луговые марийцы, северные башкиры поселились на свободных южных плодородных землях Среднего Урала (бассейн Тулвы, Буя, Уфы, Сылвы, Ирени). Они образовали компактные этнические группы, сохранившиеся до наших дней. В это же время здесь начинают селиться русские крестьяне из Северного Прикамья и Среднего Поволжья.

Интенсивные этнические процессы в Зауралье отмечены после завершения похода Ермака и присоединения во второй половине 1580-х годов Западной Сибири к Русскому государству. Ликвидация Сибирского ханства, распространявшего экспансию и на Прикамье, позволила селиться русским крестьянам и выходцам из посадской среды поморских уездов и ранее освоенного Приуралья на малоосвоенных землях манси, башкир и татар. Плацдармом в освоении Сибири стало Прикамье, а первым опорным пунктом - Лозьвинский городок, выстроенный в 1588 году в Северном Зауралье при впадении р.Лозьвы в р.Ивдель. Удобным путем для заселения бассейна Туры, Тавды, Ницы, Нейвы явилась Бабиновская дорога, проложенная в конце XVI века А.С.Бабиновым от г.Соликамска до нового административного и хозяйственно-культурного центра Зауралья - г.Верхотурья - и вниз по р.Туре⁵. С давних пор использовался и водный путь по Чусовой, соединяющий через Уральский хребет юго-восточные территории Среднего Урала с северо-западными.

Вхождение среднеуральских земель в Русское государство открывало возможности массового заселения русскими большой территории на границе Европы и Азии. Главной формой освоения земель явилась вольная стихийная крестьянская и посадская колонизация⁶, хотя правительство прибегало к мерам по регулированию переселений. На раннем этапе освоения Среднего Урала раздача земель в вотчинное владение допускалась только в Прикамье для Строгановых. Зауральские земли заселялись преимущественно черносошными крестьянами, часть которых составляли приглашенные правительством из "охочих людей" и сосланные за какие-нибудь провинности.

Проблема освоения русскими Среднего Урала получила освещение в трудах историков второй половины XIX - XX века. Исследователи ввели в научный оборот разнообразные археологические, письменные, изобразительные источники и выявили пути, формы, особенности за-

селения и хозяйственного освоения многих территорий Среднего Урала в различные периоды⁷. В ряде работ обращено внимание на связь освоения территорий с некоторыми сторонами этнокультурных процессов (В.А.Оборин, А.А.Преображенский, В.И.Шунков и др.). Но этого явно недостаточно для составления обобщающей характеристики этнографии среднеуральского крестьянства. Поэтому в следующих параграфах настоящей главы с учетом этапности миграционных передвижений раскроем наиболее существенные историко-этнографические аспекты освоения среднеуральских территорий – пополнение населения Среднего Урала русскими переселенцами, изменение этнического состава населения и образование районов со старожильческим населением, отражение в расселении взаимоотношений русского и местного населения, проявление особенностей расположения поселений на местности в зависимости от физико-географической среды и их взаимной группировки.

§ 2. Освоение территории Среднего Урала во второй половине XVI - начале XVIII века

Во второй половине XVI - начале XVIII века Средний Урал принял наибольшее число русского населения, оставаясь одновременно перевалочным пунктом в русском колонизационном движении из Европейской России (преимущественно из Поморья) в Сибирь. Основной контингент переселенцев составили поморское черносошное крестьянство и посадское население. Владельческих крестьян на раннем этапе колонизации было немного, особенно в Зауралье.

С середины XVI века русские активно заселяли Северное Прикамье - Чердынский, Соликамский уезды и вотчины Строгановых, а с середины XVII века - вновь образованные Верхотурский и Кунгурский уезды. Рассмотрим заселение и освоение каждой административно-территориальной единицы того времени по отдельности.

Чердынский уезд

Ранним источником, характеризующим заселение и формирование населения Чердынского уезда, является писцовая книга И. Яхонтова 1579 года⁸. Центром уезда был г. Чердынь, именовавшийся ввиду нахождения в нем первых наместников и воевод Москвы Пермью Великой Чердынью. В его 290 дворах проживало 326 человек мужского пола.

Территория уезда включала обширные верхнекамские земли и де-

лилась на 3 стана: Окологородный, Верхний, Нижний - и Отхожий округ. Окологородный стан занимал пригородные земли с двумя погостами, 23 деревнями, 10 починками, в которых насчитывалось 230 дворов пашенных и 23 двора беспашенных крестьян. В этом стане проживало 287 человек мужского пола. Северная часть уезда в излучине Камы и по р. Колве приходилась на Верхний стан, где было 4 погоста, 19 деревень, 6 починков, 357 дворов пашенных крестьян и 43 беспашенных, а также насчитывалось 435 человек мужского пола. Южнее Окологородного стана по Вишере и Каме находился Нижний стан с 3 погостами, 27 деревнями, 16 починками, 331 двором пашенных и 39 дворами беспашенных крестьян, 420 человеками мужского пола. В трех станах Чердынского уезда проживала основная часть русских крестьян, пришедших из северных поморских уездов. Значительная часть плодородных земель была включена в ховяйственный оборот. В Отхожий округ (станом не назывался) входили обширные западные и южные земли в северной излучине Камы и по ее притокам Косе, Иньве, Обве, Яйве, Косье. Население Отхожего округа было малочисленным: в 178 дворах, расположенных в 2 погостах, 22 деревнях и 3 починках, насчитывалось 232 человека мужского пола. На значительной территории Отхожего округа (северная излучина Камы, бассейн Косы, Иньвы, Обвы) проживало аборигенное коми-пермяцкое население. К 1570-м годам русская колонизация этих земель еще не началась. Всего в Чердынском уезде (без города) в 1579 году было 137 поселений, 1203 двора и 1374 человека мужского пола (табл. 1, 11). Многие поселения с русским населением стали носить коми-пермяцкие названия. В центральной части Чердынского уезда топонимы имели древние форманты кар (город), горт (дом, родина), ьб (поле), шор (ручей) и др.⁹ Сама Чердынь развивалась на месте двух коми-пермяцких городищ IX-XII веков.

Через 44 года, в 1624 году, Чердынский уезд был переписан М. Кайсаровым¹⁰. За это время численность населения его и количество поселений значительно увеличились. Вместо 11 погостов стало 19. Наиболее успешно проходила русская колонизация. Если среди топонимов (названия поселений, рек, урочищ, полей), зафиксированных в переписи 1579 года, русскими по происхождению можно считать до 30%, то по писцовой книге 1624 года они составляли 55%. Основная часть русских селилась в Окологородном стане уезда, где поселения с русскими названиями возникли около поселений, имеющих коми-пермяцкие и угорские наименования (т.е. местные, дорусские).

На остальной территории Чердынского уезда подобной картины еще не наблюдалось. В 1624 году в 19 погостах насчитывалось 170 деревень, 114 починков, в которых находилось 2286 дворов крестьян (табл. 1, 11), а сельское население состояло из 2639 человек мужского пола (табл. 1). За 44 года возникло 176 поселений. Наряду с центральными погостами процесс русской колонизации охватил и южные земли бывшего Стхожего округа - побережья Камы, низовья Яйвы, Косьвы, Обвы. После 1624 года бассейны Иньвы и Обвы именуются уже станами Иньвенским и Обвенским. В 1640 году территории обоих бассейнов были переданы из Чердынского уезда в Соликамский. Тогда же погост Косьвинский, включающий низовья р.Косьвы, перешел в Соликамский уезд.

О результатах освоения Чердынского уезда в середине - второй половине XVII века можно судить по писцовой книге Ф.Бельского 1678 года¹¹. В 23 погостах (вместо 19 в 1624 году) находилось 192 деревни и 87 починков, в них насчитывалось 2895 дворов и изб, число жителей достигло 9105 человек мужского пола (табл. 1, 11). Количество поселений в Чердынском уезде оставалось почти прежним - 302 (в 1624 году было 303). В их числе новых было 79. Общий показатель не увеличился лишь потому, что от Чердынского уезда отошли бассейны Иньвы, Обвы, Косьвы, а также Яйвы.

В 1678 году населенных пунктов с русскими названиями было уже 70%. Если в первой четверти XVII века сохранялась привязанность русских поселений к коми-пермяцким, то во второй половине XVII века такого явления уже не наблюдалось. Поэтому следует утверждать, что русские к концу XVII века активно осваивали новые территории, не тронутые аборигенным населением. Причем осваивались побережья не только крупных рек, но и мелких, а также некоторые водоразделы, например, междуречья нижней Вишеры и Камы, нижней Вишеры и Глухой Вильвы. В 1678 году впервые упоминаются русские деревни и починки по Каме - на крайнем западе Чердынского уезда, в районе озера Кумикуш, а также на севере по р.Колве в погосте Нырб. Северный регион Чердынского уезда не имел до 1678 года постоянного населения, хотя его богатыми лесными, охотничьими и рыболовными угодьями, простиравшимися вплоть до Чусовского озера и Печоры, пользовались многие жители уезда - русские, коми-пермяки, коми-зыряне, манси. Здесь, видимо, существовали сезонные поселения, но все предыдущие переписи их не называют. Через эти земли шли древние волоки из Камского бассейна на Печору и Вычегду. Обо всем этом убедительно свидетельствуют "Расспросные речи

Таблица 1

Заселенность сельской местности Среднего Урала
во второй половине XVI - первой четверти XVIII века

Административно-территориальная единица	Г о д							
	1579	1621	1678	1710-	1579	1621	1678	1710-
		1624	1680	1725		1624	1680	1725
	(м. п.)				(об. п.)			
	Количество дворов				Число жителей			
Чердынский уезд	1203	2286	2895	1658	1374	2639	9105	12430
Соликамский уезд	162	412	3038	726	205	523	8065	7185
Вотчина Строгановых	352	1032	2855	1737	406	1485	9462	15466
Кунгурский уезд	-	-	3725	4661	-	-	4645	24430
Новоникольская слобода и Осинская дорога	-	188	329	2306	-	-	963	13012
Верхотурский уезд	-	315	1980	3708	-	813	6218	29355
ВСЕГО	1717	4233	14822	14796	1985	5460	38458	101878

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГБ. Ф.256, д.308; РГАДА. Ф.1209, кн.352, 442, 443; Ф.214, кн.4, 5, 10, 697, 1521, 1538, 1539, оп.5, д.744, 2175; Разряд XVI; ГА-ПО. Ф.597, оп.1, д.15; ИКМ. Кол.2038

Таблица 2

Этнический состав населения (обоого пола)
Среднего Урала в первой четверти XVIII века

Территория	Н а с е л е н и е, чел.							
	Всего	Русские	Коми- пермяки	Тата- ры	Баш- киры	Марий- цы	Удмур- ты	Ман- си
Чердынский уезд	12430	9350 (75,22)	3026	-	-	-	-	54
Соликамский уезд	7185	7125 (99,16)	-	-	-	-	-	60
Вотчина Строгано- вых	15466	9303 (60,15)	4763	1350	-	-	-	50
Кунгурский уезд	24430	20354 (83,31)	-	2940	-	1136	-	-
Новониколь- ская слобода и Осинская дорога	13012	1420 (10,09)	-	580	10082	-	930	-
Верхотур- ский уезд	29355	28699 (97,76)	-	-	-	-	-	656
ВСЕГО	101878	76351 (74,84)	7789 (7,64)	4870 (4,78)	10082 (9,89)	1136 (1,13)	930 (0,90)	820 (0,82)

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГАДА. Ф.214, кн.1521, 1538, 1539; оп.5, д.744, 2175, оп.3, д.1662; Разряд XVI; ГАПО. Ф.597, оп.1, д.15; ИКМ. Кол.2038. В скобках приведен показатель численности населения в процентах

крестьян 1667 года в Чердынской съезжей избе о оверах, горах, зверях, рыбе, рудах в Перми Великой¹². В документе перечисляются многие названия рек, овер, гор, урочищ в верховьях Колвы и Печоры, указывается расстояние до них от уездного центра и точное их местонахождение. Ценность этих записей состоит еще и в том, что они были сделаны со слов крестьян многих, не обязательно северных, погостов уезда.

Заселение Чердынского уезда и его хозяйственное освоение на рубеже XVII и XVIII веков отражает доворная книга 1710 года¹³. В 23 погостах (число их с 1678 года не увеличилось), 6 селах, 181 деревне, 44 починках было 1658 дворов и изб, проживало 12430 человек обоого пола (табл. 1, 11). Крестьянское население с 1678 по 1710 год значительно сократилось. В 1678 году в уезде насчитывалось 2895 дворов, а в 1710 году - 1658 (на 1237 меньше). В 1678 году число крестьян мужского пола достигло 9105, а в 1710 году число крестьян обоого пола - 12430 (табл. 1, 11). Причин этому было несколько: оскудение природных богатств в центральной части уезда, малоплодородие почв, частые неурожаи, а также распространявшиеся слухи о богатстве сибирских земель. Основная часть населения уходила в южные прикамские уезды - Кунгурский и Осинский, а затем в Верхотурский уезд. Обстоятельства, которые заставляли чердынских крестьян покидать обжитые места, достаточно убедительно передает челобитная Чердынского земского старосты, посадских людей и уездных крестьян 1671 года, направленная царю Алексею Михайловичу: "... и от твоих великого государя беспристанных сибирских ямских отпусков, и от хлебных запасов, и от судового дела, и от новоприбавочных стрелецких денег, и от хлебного недороду стало нам сиротам твоим безмерная тягость при прежних годах и от того мы сироты твои обнищали и задолжали и пашнишек своих отбыли и покиня домипшка и пашнишка свою в пусте разбрелись врознь..."¹⁴.

Анализ топографии поселений показал, что сокращение численности населения Чердынского уезда происходило при активном освоении территории - с середины XVII века наблюдалась тенденция стабилизации старинных поселений, исчезали же в основном починки. Аналогичное явление наблюдалось во многих районах Европейского Севера.

Аборигенное население Чердынского уезда - коми-пермяки - проживало в 1710 году в трех компактно расположенных погостах: Коса, Гайны, Юсеево и в одном отдаленном: Верх-Явьвинском. В 4 погостах оно имело 2 села, 35 деревень, 16 починков, 335 дворов. Чис-

ленность коми-пермяцкого населения составляла 3026 человек обоего пола¹⁵ (табл. 2).

На северо-восточной окраине Чердынского уезда, в верховьях Вишеры, Колвы, Березовой, в XVII - начале XVIII века продолжали жить манси (вогулы). Горнотаежный район был освоен их предками в начале II тысячелетия. С 1599 по 1607 год вишерских манси приписывали к вновь образованному Верхотурскому уезду. Как только верхотурские сборщики стали брать с них завышенный ясак, они обратились к русскому царю с просьбой вернуться в Чердынский уезд. Из челобитной, направленной в 1607 году в Москву, видно, что в верховьях Вишеры и по ее притоку Велсу проживало 35 "ясачных вогуличей"¹⁶. В этой грамоте заявлялось, что от насильства сборщиков "вишерские ясачные вогуличи многие разбрелись розно, по городам на Березов, и на Верхотурье, и в Пермь Великую, а иные померли"¹⁷. В XVII веке в земли вишерских манси постоянно проникали русские люди и оттесняли их на северо-восток. О взаимоотношениях русских и манси и территории проживания манси (вогулов) в конце XVII века можно судить по челобитной вишерских манси 1689 года: "Велите, государи, чердынским посадским и волостным и иным русским людям заказ учините, чтоб они, русские люди, впредь сверх писцовых книг и оброчных свсих вод в чердынские ясачные вогульские угодья от Морчану (деревня, поаднее - село в среднем течении Вишеры. - Г.Ч.) вверх Вишеры реки для рыбной ловли, за Кваркуш и за Березовский камень для соболиной и звериной добычи не ходили. Потому что, государи, те угодья изстари вогульския ясачныя. И буде, государи, русским людям к Вишере реке сверх оброчного места рыбная ловля надобна, и им велите, государи, от Морчану вверх по той Вишере реке рыболовить в вогульском ясачном угодье до Писаного камни; а от Писаного камни вверх по Вишере реке не велите, государи, русским людям в ясачном угодье вылавливать и нас сирот голодить, чтоб нам сиротам от обид с голоду не разбрестись..."¹⁸. В начале XVIII века вишерских манси насчитывалось 54 человека (табл. 2).

Таким образом, русские стали преобладать по сравнению с аборигенным населением в Чердынском уезде раньше, чем в других регионах Среднего Урала. Более плотно русские проживали в центральной части уезда по берегам Камы, Вишеры, Колвы, Уролки, Боровой, Мошевицы, Вильвы. Здесь они начали предпринимать попытки создания пашенного земледелия. Оставшиеся на постоянное жительство положили начало русскому старожильческому населению Прикамья.

Соликамский уезд

Уездный центр - г.Соликамск - назывался в XVI веке Усольем Камским, Солью Камской, а уезд - Усольским. В 1579 году в Соликамске было 190 дворов с населением 201 человек мужского пола. По переписи И.Яхонтова 1579 года Соликамский уезд выглядел небольшим. Он не имел погостов и не разделялся, как Чердынский, на станы. Его 23 деревни, 11 починок, 3 займища насчитывали 162 двора с населением 205 человек мужского пола¹⁹. Территория Соликамского уезда охватывала побережья Камы и ее притоков - Усолки, Зырянки, Лысьвы, Кондаса, Яйвы, Чашкинского озера. Почти со всех сторон уезд окружал Чердынский уезд.

В 1624 году во время переписи Соликамского уезда М.Кайсаровым²⁰ границы его оставались прежними, но плотность заселения значительно возросла. За 44 года возник Окологородный стан и 3 погоста: Городище, Рождественский (Усть-Боровской), Зырянка, ставшие центрами округов. Они включали 49 деревень и 41 починок с 412 дворами, в которых проживало 523 человека мужского пола (табл. 1, 11). В 11 починок Окологородного стана посадские люди имели отхожие пашни, 3 починок принадлежали Соликамскому Вознесенскому монастырю.

Названия поселений, зафиксированные в переписях второй половины XVI - первой четверти XVII века, в 90% случаев имели русское происхождение. Это было вызвано тем, что в Соликамском уезде до массовой русской колонизации коми-пермяцкое население встречалось редко. Здесь почти нет названий поселений с типичными коми-пермяцкими формантами кар (город), горт (дом, родина), ьб (поле), шор (ручей) и др. Возникновение многих русских поселений в центральной части Соликамского уезда объясняется в значительной степени тем, что здесь развивалось солеварение, требовавшее большой рабочей силы. Уже на раннем этапе часть поселений функционировали как промысловые поселения. Сопоставление географии поселений 1579 и 1624 годов и археологических памятников XII-XV веков (позднего рождественского этапа родановской культуры, принадлежащей предкам коми-пермяков) позволяет назвать те районы Соликамского уезда, которые более всего привлекли русское население. Они находились в бассейне р.Усолки (район г.Соликамска) и при устьях притоков Камы Боровой, Ленвы, Зырянки, Яйвы, Кондаса, где концентрировались солеваренные промыслы.

Об успешном заселении и освоении Соликамского уезда свиде-

тельствуют переписи П.Елизарова 1647 года²¹ и Ф.Бельского 1678 года²². С 1624 по 1647 год население Соликамского уезда возросло на 157%, а к 1678 году - на 395, т.е. вчетверо (табл. 1, 11). Для сравнения укажем, что население Чердынского уезда за этот же период увеличилось лишь на 80%²³. В 1678 году Ф.Бельский насчитал в Соликамском уезде 19 погостов (вместо 3 по переписи 1624 года), 276 деревень, 317 починок, дворов в них было 3038, а жителей - 8065 человек мужского пола (табл. 1, 11).

Помимо центральных погостов интенсивно шло заселение земель в бассейнах Иньвы, Косьвы и Обвы, переданных в 1640 году из Чердынского уезда в Соликамский. В 7 погостах Обвинского поречья находилось 118 деревень, 224 починок, 1416 дворов и проживало 5409 человек мужского пола²⁴. По р.Косье в 1 погосте имелось 22 деревни, 5 починок, 163 двора и 657 человек мужского пола. В 5 погостах Иньвенского бассейна - Кудымкар, Купрос, Майкор, Богородицкий над Кудвой (Кувой), Георгиевский (Нижняя Юсьва)-обитали коми-пермяки. Они образовали компактную группу. В 1678 году у коми-пермяков Соликамского уезда было 55 деревень и 56 починок с 737 дворами. Численность населения в них составляла 2742 человека мужского пола²⁵. В поселениях по Обве и Иньве между 1647 и 1678 годами количество дворов возросло с 803 до 1987, что намного превышало их число в основной части Соликамского уезда. Население этих мест интенсивно увеличивалось и позднее. Так, в 1702 году, когда Обва и Иньва отошли к вотчине Строгановых, здесь имелось 3443 двора и избы с населением 14003 человека мужского пола²⁶. Население обоих поречий увеличивалось в основном за счет внутреннего прироста. По данным 1678 года пришлое население Обвинского поречья составляло 24,1%, а Иньвенского - 6,9%²⁷. Самый низкий показатель пришлого населения приходился на земли, заселенные коми-пермяками.

В составе Соликамского уезда находились два монастыря - Соликамский Вознесенский и Пыскорский Спасо-Преображенский. В 1678 году Вознесенский монастырь имел 74 двора и 121 человек мужского пола, а Спасо-Преображенский - соответственно²⁸ 274 и 927. Кроме слобод в Соликамске и Пыскоре монастыри владели поселениями как в Соликамском уезде - 24 деревни и заимки, так и в Кунгурском - 13 деревень и заимок.

Переписные материалы составлены так, что дают возможность ответить на один из самых важных вопросов, без чего невозможно понимание этнокультурной специфики исследуемого региона. Вопрос

этот такой: каким же пришлым русским населением заселялось и осваивалось Верхнее Прикамье?

В 1678 году на посаде Соли Камской записано пришлых 347 человек, из которых 312 человек, т.е. 90%, пришли из поморских уездов и посадов: 100 человек (28,9%) из Чердыни, 47 (13,6) из Великого Устюга, 36 (10,4) из Вятки, 36 (10,4) из Сольвычегодска, 24 (7,0) из Кайгородка, 18 (5,2) из Ваги, 15 (4,1) с Двины, 15 (4,1) из Каргополя и др.²⁹

Состав пришлого населения в погостах на основной территории Соликамского уезда в 1678 году был таким. Из 1489 человек взрослого мужского населения пришлых было 228, т.е. 15,3%. Они являлись выходцами в основном из поморских уездов и посадов - 219 человек (96%): 105 человек (46,1%) из Чердыни, 19 (8,4) из Сольвычегодска, 18 (7,9) с Ваги, 16 (7,0) с Вятки, 10 (4,4) с Чаронды, 6 (2,6) из Пинеги, 5 (2,1) из Кайгородка, по 4 из Мезени, Устьянских волостей, Каргополя и Тотмы, по 3 с Двины, из Яренска, по 2 из Вологды и Галича, по 1 из Кавани, Уфы, Пошехонья, Юрьевца-Поволжского, место выхода 1 человека неизвестно³⁰. Наибольший приток русских наблюдался в 3 погостах: Городище, Усть-Боровском, Верх-Усольском. В значительно меньшей мере привлекали погосты Половодовский и Булатово, и ни одного пришлого не было в отдаленном Введенском в верховьях р.Яйвы.

Севернорусским населением осуществлялось заселение и монастырских вотчин. В 1678 году в Вознесенском монастыре было 24 пришлых человека, из них 8 (33,3%) переселились из Великого Устюга, 4 (16,6) с Вятки, по 2 из Сольвычегодска, Кайгородка, Осы, по 1 из Каргополя, Кунгура, Чердыни, Яренска, Галича, Уфы³¹.

Среди служебников и вкладчиков Пыскорского монастыря в 1678 году значилось 44 человека пришлых, из которых 10 (22,7%) были родом из Соликамска, 7 (15,9) из Чердыни, 5 (11,3) из Великого Устюга, по 3 из Сольвычегодска, Ваги, Устьянских волостей, по 2 с Вятки и Яренска, по 1 из Кайгородка, Вологды, Пинеги, Сарапула, Балахны, Нижнего Новгорода, Сибири, Галича. Кроме того, в 1678 году среди крестьян и бобыльского населения вновь пришедших насчитывалось 34 человека. Из них 14 человек (41,2%) появилось с Вятки, 5 (14,7) из Кайгородка, 4 (11,7) из Великого Устюга, по 3 из Соликамска, Чердыни, Сольвычегодска, по 1 из Ваги и Галича³².

Таким образом, приведенные данные показывают, что заселение и освоение Соликамского уезда в XVII веке шло интенсивно благодаря новоприходцам из поморских уездов и посадов. Аналогичная по ха-

рактору вольная народная колонизация Соликамского уезда продолжалась еще в первой четверти XVIII века. Результаты этого процесса отражает доворная книга Соликамского уезда 1710 года³³, которая впервые учла не только мужское, но и женское население.

В 1710 году на основной территории Соликамского уезда (на той, которая образовывала уезд до 1640 года) было 5 погостов, 7 слобод, 147 деревень, 80 починок. В них насчитывалось 726 дворов и 7125 человек обоего пола. По сравнению с 1678 годом произошло сокращение числа поселений и жителей за счет оттока населения в более южные уезды Прикамья и Зауралье (табл. 1, 11). Западные и южные земли Соликамского уезда принадлежали в 1710 году Строгановым и переписывались отдельно. Характер и результаты их заселения рассмотрим в следующем разделе.

Вотчина Строгановых

Во второй половине XVI века начинается активное освоение прикамских земель, полученных во владение Строгановыми. В 1558 году Строгановы основали первый на Каме укрепленный городок Канкор (при устье р.Пыскорки), в 1558-1560 годах - Пыскорский монастырь, а в 1564 году при устье р.Яйвы - центр всей вотчины, слободу Орел-городок. В северной части владений при впадении р.Усолки в Яйву выстроилась слобода Яйва. На землях по р.Чусовой, переданных Я.А.Строганову, возникли опорные пункты - Нижне-Чусовская слобода с острогом в 1568 году, Сылвенская слобода с острогом в 1570 году. Во время переписи Перми Великой И.Яхонтовым в 1579 году границы вотчины Строгановых простирались по обоим берегам Камы от устья р.Льсывы (севернее Пыскорского монастыря) до устья р.Ласьвы (ниже впадения р.Чусовой), включая обширные земли в низовьях рек Чусовой и Сылвы. Всего в имении Строгановых в 1579 году было 4 слободы и 39 крестьянских поселений: по Каме слобода Орел-городок с 3 деревнями и 4 починками, по Яйве слобода Яйва с 3 починками, по Сылве слобода Сылвенская с 3 деревнями и 5 починками, по Чусовой слобода Нижне-Чусовская с 5 деревнями и 16 починками. В них насчитывалось 352 двора с населением 406 человек мужского пола³⁴ (табл. 1, 11).

В 1597 году владения Строгановых расширились благодаря царскому пожалованию южных земель по Каме до впадения р.Ошп и р.Очер. В устье р.Очер был выстроен Очерский острожек. В 1615 го-

ду южные владения увеличились по царской грамоте за счет включения земель вниз по Каме до впадения р.Тулвы. В 1606 году на верхней Каме возникает новый административный и хозяйственно-культурный центр вотчины Строгановых - слобода Новое Усолье.

В новых границах вотчина Строгановых была переписана М.Кайсаровым в 1624 году. Она имела более 5,6 тыс. десятин освоенных земель, где располагалось 9 слобод, 72 деревни, 60 починок. Численность дворов достигла 1032, а жителей - 1485 человек мужского пола (табл. 1, 11).

Интенсивно осваивалась вотчина Строгановых в середине XVII века. По переписи Ф.Вельского в 1678 году она делилась на 6 округов - Орловский, Яйвинский, Нижне-Чусовской, Верхне-Чусовской, Сылвенский, Очерский - и 3 вотчины - Слудская, Верхне-Муллинская, Кишертская. В них было 3 городка - Орел-городок, Нижне-Чусовской, Верхне-Чусовской, 4 острожка - Яйвенский, Сылвенский, Очерский, Кишертский, 1 слобода - Новое Усолье, 8 сел, 2 сельца, 176 деревень, 153 починок, в которых насчитывалось 2855 дворов и 9462 человека мужского пола³⁵ (табл. 1, 11).

В Строгановской вотчине, имевшей трех владельцев, переписью 1678 года зарегистрировано 257 приехавших крестьян. Местами своего выхода они назвали следующие: 51 человек (19,8%) - Сольвычегодск, 33 (12,8) - Вятку, 28 (10,9) - Великий Устюг, 24 (9,3) - Чердынь, 20 (7,8) - Соликамск, 16 (6,2) - Яренск, 13 (5,0) - Двину, 12 (4,7) - Вагу, 9 (3,5) - Кайгородок, 5 (1,9) - Вологду, 4 (1,5) - Юрьево-Поволжский, 3 (1,2) - Сибирь, по 2 - Ярославль, Ростов, Ветлугу, Новгород, Галич, Пинегу, Казань, Сарапул, по 1 - Балахну, Каргополь, Москву, Уфу, Осу, Унжу, Уржум, 2 человека места выхода не указали³⁵. Приведенные сведения показывают, что среди приехавших людей преобладали уроженцы поморских уездов и посадов. Их доля составляла 85,2% (219 человек).

Больших успехов в расширении территории и заселении вотчины добился Г.Д.Строганов (1656-1715), ставший с 1688 года единоличным владельцем всего пермского имения. По царской грамоте 1685 года он получил право оброчного владения землей по р.Весляне (левый приток в северной излучине Камы), в 1688 году ему были пожалованы новые земли по р.Яйве, в 1694 году дана жалованная грамота на владение землей по р.Лолог (приток Камы) в Чердынском уезде, в 1697 году ему перешли Ленвенские и Зырянские промыслы, а в 1702 году по царской грамоте Г.Д.Строганов получил в веиное и потомственное владение земли по притокам Камы Обве, Иньве, Косьве в Со-

ликамском уезде, в которых было 16 погостов, 601 деревня и починок с 3443 крестьянскими дворами и 13915 человеками мужского пола³⁷.

Результаты освоения старых и вновь приобретенных земель вотчины Строгановых отражает дозорная книга 1711 года и ландратская книга 1715 года, составленная М.Воронцовым-Вельяминовым и Соликамским комендантом Синявиным³⁸. В Строгановском имении, состоящем из двух присудов (Орловский и Чусовской), поселения объединялись по округам. В 1711 году наиболее значительными являлись 49 поселений: 3 городка, 4 острожка, 16 погостов, 25 сел, 4 сельца. Кроме того, было 267 деревень и 210 починок. Во всех поселениях дворов насчитывалось 1737, а жителей - 15466 человек обоого пола (табл. 1, 11). Показатели 1715 года не включены в таблицы, так как отражают заселенность не всей вотчины, а только Обвинского и Иньвенского поречий.

Наибольшей плотностью заселения выделялось Обвинское поречье. К названному в 1678 году 57 деревням, 52 починок и 7 погостам добавилось 105 деревень, 153 починок и 2 села. Во всех 376 поселениях было 763 двора, где проживало 7502 человека обоого пола³⁹. По ландратской книге 1715 года, которая составлялась для более точного учета населения Строгановской вотчины, в Обвинском поречье существовало 13 сел, 274 деревни, 264 починок с 1946 дворами и 15356 человеками обоого пола⁴⁰. Увеличение населения Обвинского поречья происходило в основном за счет внутреннего прироста. Так, по переписи 1725 года пришлое население составляло 80 человек. По месту выхода они распределялись следующим образом: 18 человек (22,5%) с Ваги, 15 (18,7) из Великого Устюга, 8 (10) из Сольвычегодска, 7 (8,75) из Чердыни, 7 (8,75) с Вятки, по 3 человека из Кайгородка, Вологды, Костромы, по 2 из Балахны, Нижнего Новгорода, Ярославля, Ростова, по 1 из Кунгура, Осы, Нижне-Чусовских городков, Соликамска⁴¹.

По Чусовой и Каме (южнее устья Чусовой), где опорными поселениями были Нижне-Чусовские и Верхне-Чусовские городки, Сылвенский (Троицкий) и Очерский острожки, в 1711 году располагались 7 сел, 31 деревня, 29 починок, 1 пустынь Шерьинского монастыря с 132 дворами и 2036 человеками обоого пола⁴².

В северной части вотчины, которая называлась Орлинским присудом, в 1711 году насчитывалось 7 сел, 2 погоста, 1 сельцо, 23 деревни, 5 починок, 551 двор (в починок и деревнях) с населением 3083 человека обоого пола⁴³.

В Иньвенском поречье, перешедшем к Строгановым в 1702 году,

как и в Обвинском, проживали коми-пермяки. В нем в 1711 году было 9 погостов (Кудымкар, Майкор, Кыласово, Георгиевский, Богородский, Николаевский, Юсьвинский, Купросский, Егва), 1 село (Отевское), 65 деревень и 22 починок, в которых находилось 213 дворов и насчитывалось 1474 человека обоого пола⁴⁴. По уточненным данным переписи 1715 года Иньвенское поречье имело 8 сел, 84 деревни, 41 починок (133 поселения), 599 дворов, где жило 4763 человека обоого пола⁴⁵. Сопоставление этих показателей с данными переписи 1678 года (116 поселений, 737 дворов, 2742 человека мужского пола) свидетельствует о незначительном росте населения и количества поселений. Это обусловлено постоянным оттоком из Иньвенского поречья людей, не желавших оставаться в крепостной зависимости от Строгановых. Перепись 1715 года одновременно позволила судить о миграции населения Иньвенского поречья. В нем в 1715 году было 697 пустых дворов, из которых убежало 3304 человека обоого пола⁴⁶.

В верховьях Яйвы и Косьвы, входящих в вотчину Строгановых, проживали манси (вогулы). В 1598 году они обращались к русскому царю с просьбой закрепить за ними верх-косьвинские земли, чтобы не попасть в зависимость от строящегося города Верхотурья. Борис Годунов удовлетворил просьбу манси и просил верхотурского воеводу и городского голову "по Косьве сенные покосы и рыбные, и звериные ловли и всякие угодыя поделить, как будет доведетца, чтоб вогуличам в том тесноты не было"⁴⁷. В XVII веке в горных труднодоступных местах манси еще жили, но численность их сокращалась. Часть манси обрусела, часть ушла на Сосьву, и в начале XVIII века их уже здесь не осталось. В вотчине Строгановых значительное число манси оставалось в среднем течении р.Чусовой. Татарское население численностью до 1350 человек обоого пола проживало по притокам Камы - Верхней и Нижней Мулянке - и по р.Сылве (табл. 2).

Кунгурский уезд

Территория уезда в XVII - середине XVIII века охватывала среднее и верхнее течение р.Сылвы и ее главный приток - Ирень. Поэтому в литературе уезд называли еще Сылвенско-Иренским поречьем. Благодаря географическому положению и природным условиям этот уезд имел немало преимуществ. Сылва впадала в Чусовую и давала населению выход в Каму. В верховьях Сылвы проходили древние доро-

ги в Сибирь. Кроме того, территория уезда характеризовалась наличием черноземных почв, разветвленной речной системы, лесостепной растительности, полезных ископаемых. В начале XVII века весьма значительным был фонд свободных земель. Нижнее течение Сылвы с конца 1560-х годов входило в вотчину Строгановых. Равные участки бассейна Сылвы и Ирени были издавна заселены нерусскими, на раннем этапе достаточно малочисленными. Поэтому в переписи Строгановских земель И. Яхонтов в 1579 году вынужден был записать: "По обе стороны реки Сылвы берега и острова пусты"⁴⁸.

Сылвенско-Иренское поречье стало частью Русского государства после присоединения Каванского ханства к Москве. Нерусское население, проживавшее на этих землях, разные источники конца XVI - начала XVII века называют обобщающе - "татарами", "остяками", "иштеками", "вогуличами", "черемисами". В ряде источников допускалось смешение этих понятий. Писец М. Кайсаров в 1624 году насчитал по Сылве и Ирени 67 юрт татар и остяков, 4 юрты марийцев, 1 юрту мордвы, а в них 86 жителей мужского пола⁴⁹.

Этническая принадлежность нерусского населения Сылвенско-Иренского поречья интересовала многих исследователей, но вопрос этот до сих пор остается недостаточно выясненным из-за отсутствия достоверных источников. Мы склонны согласиться с авторами, считающими остяков не хантами, а манси (вогулами), предки которых восходят к угорским (протомадьярским) племенам, проникшим в V веке с территории Южного Урала⁵⁰. Значительная часть остяков подверглась ассимиляции сибирскими, позднее - поволжскими тюрками (с VII века) и частично пришедшими с юга башкирами (с IX века).

Сылвенско-Иренское поречье входило в Туркский Каганат (VII-VIII века), затем подверглось влиянию Волжской Булгарии, Нагайской Орды и Каванского ханства. Сложившееся на его территории татарское население имело сложное происхождение. Хотя в литературе раскрывается этногенез приуральских татар, но он нуждается еще в более глубоком изучении на новой источниковой базе. Основу сылвенско-иренских (пермских, кунгурских) татар составили поволжские турки - булгары, кипчаки, татары, к которым присоединились татары из Сибирского ханства и башкиры. По мнению Н. А. Томилова, Сылвенско-Иренское поречье в XIII-XIV веках являлось "зоной контактов поволжских и сибирских татар"⁵¹. Идею участия западносибирского и башкирского компонента в этногенезе сылвенско-иренских татар подтверждает Д. Б. Рамазанова, указывающая на присутствие в говоре пермских татар особенностей, "общих с восточнотюркскими языками",

а также с башкирами⁵². Кроме того, на культуру и быт Сылвенско-Иренских татар заметно влияли древние финно-угры⁵³. По наблюдениям Ю.Ю. Юсупова, аналогично шло формирование татар в соседнем регионе - верховьях Уфы⁵⁴.

Освоение русскими Сылвенско-Иренского поречья начиналось с создания очагов вотчинно-монастырского землевладения. Владелец соликамских солеварен Ф.Елисеев с братьями и племянником И.Суровцевым путем покупки, предоставления денежных ссуд под заклад и прямого захвата земельных угодий образовал в 1620-1640 годах значительную вотчину с населением из ясачных людей, русских беглых крестьян, бобылей и посадских жителей.

В 1630-е - 1640-е годы обширные земельные угодья в Сылвенско-Иренском поречье находились во владении Соликамского Вознесенского и Пыскорского Спасо-Преображенского монастырей. В ответ на челобитную царю в 1632 году Вознесенский монастырь получил на оброк земли у слияния Сылвы и Ирени, а через 12 лет - земли по притоку Ирени - р.Кунгур. Центром монастырского хозяйства стала слобода Вовдвиженской пустыни (основана в 1632 году), в которой в 1647 году значилось 86 крестьянских дворов и 296 человек мужского пола⁵⁵. Рядом с вотчиной Вознесенского монастыря в 1634-1636 годах получает большие земли по правому берегу Сылвы между притоками Шаква и Мечка и по р.Мечке Пыскорский Спасо-Преображенский монастырь⁵⁶. Кроме пожалованных земель монастырь захватил соседние угодья ясачных людей. В первой половине XVII века он стал одним из крупных вотчинников в Сылвенско-Иренском поречье. Центром монастырского землевладения явилась слобода Рождественской пустыни, основанная в 1636 году.

Проникновение вотчинников на новые земли порождало недовольство в среде патриархально-феодальных кругов местного ясачного населения. История земельных владений полна примерами длительных тяжб Строгановых, Елисеевых, Суровцевых, Соликамского и Пыскорского монастырей с владельцами крупных вотчин из среды нерусского, ясачного населения⁵⁷.

Одновременно с созданием вотчинно-монастырского землевладения началось активное заселение Сылвенско-Иренского поречья русскими. Начало этому положили беглые крестьяне в 1620-е годы. В конце 1640-х годов во всех владениях поречья численность зависимого населения, пришедшего из Северного Прикамья и центральных поморских уездов, значительно возросла. Быстрым заселением поречья и наличием большого резерва плодородных земель воспользовалось прави-

тельство. В 1648 году оно создает на Среднем Урале новый уезд чернососного землевладения - Кунгурский - и тем самым ограничивает вотчинно-монастырское землевладение. По распоряжению правительства проводится сыск беглых людей в вотчинах Строгановых, Елисеева, Суровцева, Соликамского и Пыскорского монастырей для расселения их на новых государственных землях. Так, в 1648 году 385 семей беглых крестьян, бобылей и посадских людей (1222 человека) поселили по р.Кунгур⁵⁸. Недалеко от впадения р.Кунгур в р.Ирень основывается Кунгурский острожек. За 1648-1651 годы в Кунгурском уезде поселилось 645 семей с 1878 человеками мужского пола⁵⁹.

Мероприятия по переселению беглых людей следует рассматривать как решение задачи укрепления восточных границ государства и защиты от разорительных набегов башкирских феодалов. Крестьянам приходилось самостоятельно заводить пашню, строить дома и дворы, обеспечивать себя инвентарем и семенами. Приток беглых в Кунгурский уезд усиливался еще потому, что правительство первоначально предоставляло льготы новопоселенцам - временно освобождало от обременительного тягла.

Беглые крестьяне Кунгурского уезда, которых переселяли из частных и монастырских вотчин в 1648-1651 годах, были выходцами из тех же поморских уездов, откуда шел поток русского населения в Чердынский, Соликамский уезды и вотчину Строгановых. Местами выхода являлись Кайгородский уезд - 29,4%, Сольвычегодский - 19,7, Вятский - 3,0, Устюжский - 3,0, Важский - 2,4, Кеврольский - 1,7, Яренский - 0,6, Холмогорский - 0,5, Вологодский - 0,3, а также Каргополь, Шенкурск, Двина, Лальск, Мезень, Нижний Новгород, Ярославль. Кроме того, были выходцы из уездов Северного Прикамья: Чердынского - 18,8%, Соликамского - 11,3 - а также из южных уездов: Осинского - 4,6%, Сарапульского - 1,2 - и из Сибири - 0,8%⁶⁰. В последующие 1651-1661 годы правительственную колонизацию стала перекрывать стихийная народная колонизация. Известно немало случаев, когда русские крестьяне селились не только на свободных землях, но и в деревнях с татарами, марийцами, хотя правительственным указанием 1671 года запрещалось самовольно селиться беглым русским в татарских и марийских деревнях.

Освоение и заселение Кунгурского уезда осуществлялось под постоянной угрозой нападения башкирских феодалов. Строительство Кунгурского острожка башкиры восприняли как проявление стремления царской администрации захватить их земли. Поэтому феодальная вер-

хушка башкир и мусульманское духовенство организовали в 1662-1664 годах восстания против населения Кунгурского уезда. Был сожжен острожек, разорены чернососные и вотчинные деревни, немалый ущерб причинен ясачным людям. После башкирского разорения наступило запустение Кунгурского уезда, значительное число жителей ушло в вотчину Строгановых на Чусовую, Обву, Иньву, Косьву, бежал в Сибирь. Однако многие документальные факты показывают, что период запустения был временным и освоение некоторых плодородных земель Сылвенско-Иренского поречья успешно продолжалось. В 1663 году при впадении р.Ирень в р.Сылву начали заново строить крепость, под защиту которой впоследствии перешло все население Сылвенско-Иренского поречья. Крепость и возникший возле нее посад положили начало г.Кунгуру - новому центру уезда.

По переписи И.Тальвина 1672 года в Кунгурском уезде было 5 сел и 42 деревни с 1083 дворами, в которых крестьян, бобылей и подсоседников насчитывалось 3110 человек мужского пола⁶¹. Причем в самом г.Кунгуре было 58 дворов и проживало 193 человека мужского пола. Через 7 лет в переписных книгах П.Ахматова и Д.Жукова 1679 года ход народной колонизации Кунгурского уезда предстает в таком виде. Число поселений возросло ненамного. Вместо 5 сел и 42 деревень стало 7 сел и 45 деревень, вновь появилось 5 починок. Зато значительно увеличилось количество дворов и численность жителей. Писцы насчитали у крестьян 752 двора, 2 избенки с населением 2587 человек мужского пола, у бобылей 253 двора, 67 избенок с населением 765 человек мужского пола, у нищих 37 дворов, 39 избенок с населением 140 человек мужского пола, у вдов 13 дворов, 18 избенок с населением 36 человек, у захребетников 9 дворов с населением 13 человек. Кроме того, часть соседей, подсоседников, захребетников не имели своих дворов или избенок и жили у крестьян в 90 семьях численностью 232 человека мужского пола, у бобылей в 13 семьях численностью 35 человек мужского пола, у нищих в 1 семье из 5 человек и у 3 вдов⁶². Всего тяглового населения в Кунгурском уезде насчитывалось 4116 человек мужского пола, оно проживало в 1174 дворах и 126 избенках. В г.Кунгуре было 113 дворов с населением 302 человека мужского пола. Помимо этого, 138 дворов и 10 избенок оставались в момент переписи 1679 года пустыми.

Следующая перепись, проведенная в 1704 году И.Текутьевым в связи с передачей Кунгурского уезда в ведение Сибирского приказа, вновь выявила значительный прирост населения за счет беглых крестьян. В Кунгурском уезде в 1704 году крестьян и бобылей было

3896 человек, на посаде - 291 человек мужского пола⁶⁴.

В 24 населенных пунктах главы семей указали место рождения и время прихода в Кунгурский уезд. Из 912 таких семей 514 (56,4%) пришли из поморских, в том числе прикамских, уездов, а 398 (43,6) родились в Кунгурском уезде. Хотя эти сведения неполные (всего по 24 поселениям), они тем не менее позволяют увидеть существенную особенность формирования населения Кунгурского уезда - в начале XVIII века основу русского населения составляли уже старожильцы, т.е. потомки новоприходцев. О наличии тенденции образования старожильческого населения свидетельствует и такой факт: крестьян, поселившихся в Кунгурском уезде за 10 и более лет до переписи 1704 года, писец насчитал более половины жителей. 514 пришедших семей по месту выхода распределялись таким образом: 78 (15,1%) из Устюжского уезда, 59 (11,4) из Осинского, 57 (11,1) из Важского, 56 (10,9) из Чердынского, 55 (10,9) из Кайгородского, 33(6,4) из Соликамского, 24 (4,7) из Устьянских волостей, 23 (4,6) из Сольвычегодского, 17 (3,3) из Юрьев-Поволжского, 16 (3,1) из Тотемского, 16 (3,1) из Яренского, 15 (2,9) из Сарапульского, 12 (2,3) из Вятского, 10 (1,9) из Мезенского, 10 (1,9) из Галицкого, 6 (1,1) из вотчины Строгановых, 5 (1,0) из Каргопольского, 3 (0,6) из Вологодского, 3 (0,6) из Уфимского, 16 из Холмогор, Пинеги, Кевролы, Чаронды, Чепцы, Новгорода, Нижнего Новгорода, Балахны, Костромы, Троице-Сергиева посада, Удоры, Шешминска, Царевококшайска. Эти материалы вновь подтверждают верность вывода о местах выхода населения, остававшегося жить в Кунгурском уезде. Родные места покидали крестьяне преимущественно поморских и прикамских уездов. Помимо приведенных данных известно, что в Кунгурском уезде в 1704 году было обнаружено более 300 выходцев из Чердынского уезда⁶⁵.

Несмотря на постоянную угрозу со стороны башкирских феодалов и разорение 1662-1664 годов черносошное русское население Кунгурского уезда за 55 лет, с 1648 по 1704 год, возросло более чем в 12 раз и имело 4277 дворов (включая г.Кунгур)⁶⁶.

Об интенсивном заселении Кунгурского уезда в начале XVIII века свидетельствует еще одна перепись - 1719 года⁶⁷. Судя по ней, численность русского населения достигла 20354 человек обоего пола (83,31%), проживавших в 9 селах, 121 деревне, 5 острожках, 1 пустыни, в которых насчитывалось 3998 дворов, дворянских, изб и избенок (табл. 1, 2, 11).

Ранее мы писали, что территория Кунгурского уезда издавна об-

живалась разными народами. Древние этнические общности положили начало татарам, марийцам, манси. В XVII веке Сылвенско-Иренское поречье наряду с русскими продолжало привлекать удмуртов, марийцев, татар, башкир, чувашей. Переписные книги второй половины XVII - начала XVIII века отражают постоянный рост нерусского населения. Такое обстоятельство является показателем отсутствия какого-либо препятствия со стороны поселявшихся в это же время русских крестьян, бобылей и посадских жителей для увеличения численности издавна проживавшего и вновь пришедшего нерусского населения. В переписной книге Кунгурского уезда 1679 года впервые приводятся точные данные об этнической принадлежности нерусского ясачного населения 52 деревень. Из записанного в книгу 1131 человека мужского пола, проживавшего в 368 юртах, татар было 785 (в 252 юртах), марийцев - 311 (в 100), удмуртов - 15 (в 10)⁶⁹.

Примеры дальнейшего роста нерусского населения дает "Переписная книга ясачных и оброчных татар, черемисов, вотяков, чувашей Кунгурского уезда 1704 года"⁷⁰. В 1704 году нерусское население численностью 1971 человек мужского пола проживало в 652 юртах 74 деревень, объединенных в 4 четверти (территориальная единица) - Карьевскую (125 юрт), Верх-Иренскую (201), Шаквинскую (106), Верх-Сылвенскую (220) (рис. 2). Из 1971 человека 693 являлись главами семей, остальные попавшие в перепись 1278 человек - их детьми, братьями, внуками, племянниками. Этническую принадлежность по документу можно определить только у той части населения, которая отнесена к категории глав семей. Татарских семей было 454, марийских - 213, удмуртских - 18, чувашских - 8. Из 74 деревень татарскими являлись 48, марийскими - 19, удмуртскими - 1, чувашами своей деревни не имели. В 6 деревнях этнический состав населения был смешанный: в 2 - татары и марийцы, 1 - марийцы и удмурты, 1 - марийцы, удмурты и чуваша, 1 - татары, удмурты и чуваша, 1 - татары и удмурты (рис. 2).

Интересная картина открывается при определении места рождения марийцев, записанных в 1704 году главами юрт (семей): 41 человек - уроженцы Каванского уезда, 25 - Уфимского, 1 - Уржумского, 1 - Чайшурского, 1 - Чердынского, а 144 - Кунгурского. Причем 114 марийцев из 144 родившихся в Кунгурском уезде проживали в своих родных деревнях. Эти данные свидетельствуют о том, что в миграциях марийцев из родных деревень в другие деревни Кунгурского уезда участвовало только 30 человек (20,8%). Существование в 1704 году 69 марийцев (20,8%), родившихся за пределами Кунгурского уезда

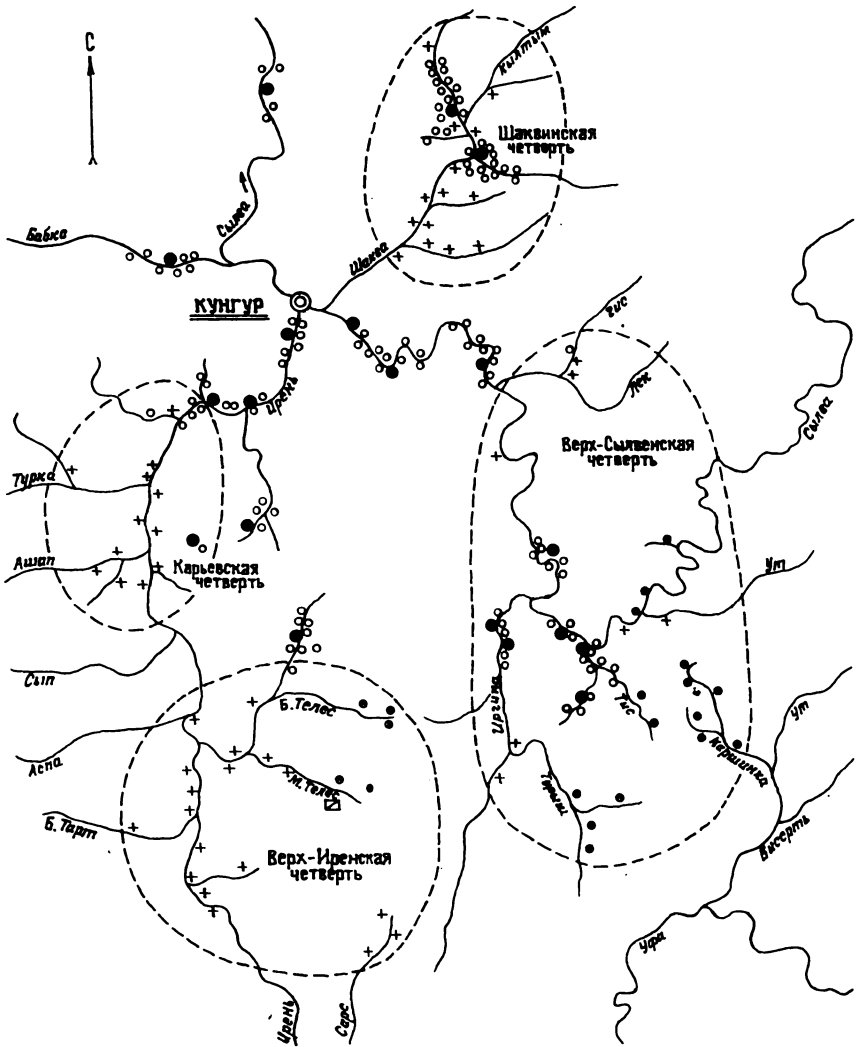
(преимущественно в Каванском и Уфимском уездах - 95,6%), можно расценивать как показатель продолжающихся миграций на рубеже XVII-XVIII веков из Среднего Поволжья и Южного Урала.

Сведения о татарском населении совсем иные. В 1704 году 53% глав (454 человека) татарских юрт (семей) родились в своих же деревнях, 35% переехали из одной деревни в другую в пределах Кунгурского уезда и 12% прибыли из разных уездов Среднего Поволжья. Таким образом, для татарского этноса Кунгурского уезда характерна большая стабильность, чем для марийского.

Результаты освоения Кунгурского уезда нерусским населением в начале XVIII века были еще раз отражены в переписи 1719 года⁷¹. Татары численностью 1470 человек мужского пола проживали в 52 деревнях и имели 455 юрт. Марийцев насчитывалось 568 человек мужского пола. Они жили в 11 деревнях и имели 208 юрт. Удмуртов и чувашей, отмеченных переписью 1704 года, перепись 1719 года уже не выявила. Таким образом, в 1719 году нерусского населения в Кунгурском уезде было 2038 человек мужского пола, имевших 663 юрты (табл. 1, 2). Марийцы расселялись в двух четвертях - Верх-Иренской и Верх-Сылвенской, в которых проживали татары и русские (в большем количестве в Верх-Сылвенской). Татары обитали еще в двух четвертях - Карьевской и Шаквинской, где имелось немало поселений русских крестьян (рис. 2).

Сопоставление результатов переписей XVII - начала XVIII века позволяет проследить процесс формирования нерусского населения в Сылвенско-Иренском поречье и выделить наиболее значимые его этапы. С 1624 по 1679 год количество юрт нерусского населения возросло в 5,1 раза, а число жителей мужского пола - в 13,1. За 40 лет, с 1679 по 1719 год, это население увеличилось с 1131 человека мужского пола до 2038 (в 1,8 раз), а количество юрт - с 368 до 663 (в 1,8 раз).

Рост населения Кунгурского уезда в XVII - начале XVIII века происходил при одновременном освоении новых земель под пашню, сенокосы и лесные промыслы. На раннем этапе заселения осваивались земли по Сылве и нижнему течению Ирени. Южные лесостепные пространства начали активно распахиваться в конце XVII века, когда на границе с башкирскими кочевьями обстановка стала более спокойной. Урожайность зерновых культур в Кунгурском уезде в начале XVIII века была самой высокой на Среднем Урале (до сам-десяти). Переписные книги начала XVIII века показывают, что в Кунгурском уезде преобладающей в земледелии была паровая двухпольная и трехпольная

Условные обозначения :

○ Территории четвертей
● Русские села

○ деревни: ○ русских; + татар; ● марийцев; □ удмуртов

Рис. 2. Размещение поселений Кунгурского уезда в 1704-1719 годах

система. Для поднятия тяжелых целинных почв с мощным дерновым слоем крестьяне изобрели сабан (соху-кунгурку), соединив северную соху-односторонку с отвалом и сибирскую двуральную соху с передком на колесах⁷². Кстати, позднее, в 1870-е годы, в Кунгурском уезде была изобретена наиболее удобная для поднятия тяжелых почв соха-курашмика, которая в процессе работы была устойчивой (названа по месту изобретения - с. Курашим).

В Кунгурском уезде очень рано возник сельскохозяйственный рынок. Здесь закупали хлеб для Чердынского, Соликамского уездов и вотчин Строгановых. В 1701 году в Кунгурском уезде насчитывалось 102 мельницы⁷³. Вместе с земледелием успешно развивалось животноводство. При наличии сенокосных и пастбищных угодий в поймах рек в большом количестве разводили крупный и мелкий рогатый скот. Продукция животноводства поступала на местный рынок, а также в немалом объеме вывозилась скупщиками-торговцами за пределы уезда. На многие рынки поступали "говяжьи" кожи, например, в 1704 году - 5538 штук. Основными поставщиками их являлись крестьяне уезда. Своим товарооборотом Кунгурский уезд активно содействовал формированию всероссийского рынка.

В Кунгурском уезде не осталась без внимания природная сырьевая база для металлургического производства. Местные крестьяне-промышленники вырабатывали кричное полосовое железо, уклад. О масштабе развития мелкой металлургии говорит такой пример. В 1722 году организатор уральской промышленности В.И.Геннин вынужден был наложить на нее запрет, чтобы не истощались руды и леса, необходимые для вновь строящихся заводов. Возникновение промышленных центров в Кунгурском уезде и вокруг него стимулировало сельскохозяйственное развитие. На заводах население уезда составляло значительную часть рабочей силы.

Таким образом, заселение и освоение Кунгурского уезда в XVII - начале XVIII века имело большое значение для развития всего Среднего Урала. Хорошо заселенный и развитый экономический район способствовал хозяйственно-культурному сближению Прикамья, Зауралья и Южного Урала. В середине XVIII века через Кунгур был продолжен известный в истории Урала и Западной Сибири Сибирский тракт. В Кунгурском уезде было достаточно природных ресурсов, чтобы сесться и жить русским и другим народам, искавшим в XVII - начале XVIII века спасения в бегстве на свободные и плодородные земли.

Новоникольская слобода и Осинская дорога

Новоникольская слобода возникла по указанию правительства в 1591 году на Осинском городище, недалеко от впадения р.Тулвы в р.Каму. Помимо хозяйственного освоения южно-прикамских земель, на слободу были возложены и задачи обороны Перми Великой от южных кочевых народов, в первую очередь башкир. До образования Пермского наместничества (1781 год) территория бассейна Тулвы находилась в административном подчинении Уфимскому уезду Казанской губернии. До 1552 года она подчинялась Казанскому ханству, с принятием русского подданства находилась в составе Казанского приказа, в 1708-1734 годах входила в Уфимский уезд Казанской губернии, с 1734 по 1744 - в Оренбургскую губернию, с 1744 по 1781 - вновь в Уфимский уезд Казанской губернии. С 1736 года в г.Оса, возникшем из Новоникольской слободы, существует свое воеводство.

В XVI-XVII веках бассейн Тулвы, левобережье Камы и верховье Буя образовали самостоятельную Осинскую дорогу (термин "дорога" происходит от монгольского слова "даруга" - начальник). Такое название она получила по конечному северному пункту - р.Осе (Осинке), притоку Камы, и Осинскому городищу. Деление на дороги (административно-территориальные округа) возникло во времена, когда приуральские земли входили в Золотую Орду. Название это сохранялось и после присоединения земель к Русскому государству. В двух верстах от Новоникольской слободы за р.Камой (с Казанской стороны) черноривцами И.Пошехонцевым и А.Мевенцевым в 1596 году было положено начало Спасо-Преображенскому монастырю⁷⁴. В XVII - начале XVIII века Новоникольская (Осинская) слобода превратилась в хозяйственный, духовный и оборонительный центр вновь осваиваемых прикамских земель.

Вокруг Новоникольской слободы с конца XVI века стали селиться русские люди, хотя землями по Тулве издавна владели башкиры. В 1596 году в 9 поселениях, принадлежавших слободе, находилось 74 жилых и 30 пустых дворов, в которых проживало 262 человека мужского пола. Кроме того, в Спасо-Преображенском монастыре было 46 дворов с населением 84 человека мужского пола⁷⁵. В начале XVII века по Каме и Тулве стали селить своих крестьян Строгановы. В 1614 году по царской грамоте они получили часть земель по Каме, выше и ниже Новоникольской слободы, а позднее начали покупать земли у башкир. В 1618 году земли по Тулве и ее притокам (вокруг бывшей башкирской деревни Красный Яр) берет в оброк А.С.Крылов -

племянник патриарха Гермогена. Позднее Крылов расширил свое владение и в 1722 году продал Строгановым. Центром этого владения стало село Крылово.

Территория, относящаяся к Новоникольской слободе, была описана О.Эвиным и Т.Матвеевым в 1621 году⁷⁶. Русских деревень они насчитали 7 - 3 по левобережной Каме и 4 по правобережной, с Казанской стороны. Число дворов в них доходило до 188. Крестьяне этих деревень пахали государеву пашню и являлись дворцовыми, многие из них были прямыми выходцами из Великого Устюга, Кайгородка, Нового Усолья, которых в 1595 году по грамоте царя Федора Иоанновича переселяли для защиты слободы от башкир, живущих по Тулве.

Из имеющихся в нашем распоряжении письменных источников самые ранние сведения о проживании башкир по Тулве относятся к 1596 году⁷⁷. Но устные предания, записанные у башкир в 1780-е годы, показывают время их давнего поселения: "Предки их перешли и поселились в Ураде в 1199 году из области Булгарской, из города, называемого на их языке Шагер Булгар... по выходе поселились в разных уральских местах"⁷⁸. Хотя в предании рассказывается, что предки осинских башкир покинули "область Булгарскую" в XII веке, по Тулве, Бую и верховьям Таныпа, по мнению Р.Г.Кузеева, они поселились в XIII-XIV веках⁷⁹. Продвижение их в это время было вызвано приходом в юго-западную Башкирию кочевников кипчаков. По свидетельству А.Н.Самойлович, северные башкиры долгое время сохраняли близость к волжским булгарам и чувашам⁸⁰.

На протяжении второй половины XVI - XVII века земли по Тулве, как и остальные территории Башкирии, закреплялись царскими указами за башкирскими племенами и родами. Установившееся вотчинное общинное владение признавалось башкирами до начала XX века.

Одним из самых древних и крупных племен в составе Северной (Осинской) Башкирии было племя Гайна. Оно владело землями по обоим берегам низовий Тулвы и по левобережью Сылвы. С возникновением Новоникольской (Осинской) слободы и заселением ее округи русскими крестьянами часть гайнинцев переселяется на юг и восток - в верховья Тулвы, Ирени, Таныпа, а также на Чусовую и Бисерт (приток Уфы). В Ачитском районе Свердловской области (бывший Красноуфимский уезд) сохраняется д.Гайны, жители которой до сих пор считают себя потомками переселенцев из-под Осы⁸¹. На землях между Камой и нижней Сылвой потомки гайнинцев сохранили только 2 деревни - Кояново и Култаево. Переселение башкир-гайнинцев, в том числе и испытавших влияние татар, продолжалось до конца XVIII века, особен-

но в связи с подавлением крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева.

Кунгурский бургомистр Юнев по инструкции В.И.Геннина в 1725-1726 годах собрал наиболее точные сведения о расселении башкир⁸² (табл. 2). В Уфимском уезде башкиры жили по 4 дорогам - Сибирской, Ногайской, Каванской и Осинской. По Осинской дороге они имели волости: Гарейскую с 450 дворами и 1350 человеками мужского пола; Терсятскую с 200 дворами и 600 человеками мужского пола (в этой волости вместе с башкирами жили мещеряки, марийцы, удмурты); Уранскую с 800 дворами и 2400 человеками мужского пола; Гайнинскую, граничащую с вотчиной Строгановых, с 654 дворами и 1962 человеками мужского пола⁸³. При этом писец отметил такие особенности осинских (тулвинских) башкир: "Хлеб имеют много и пашни, и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские. Скота у них не так много, как у протчих... В волости Гайнинской люди пожиточные, не так как протчие башкиры, они не часто воюют для того, что они отдалены от неприятельских рубежей, однако ружья довольно имеют"⁸⁴. Приведенный материал позволяет согласиться с мнением Кунгурского бургомистра Юнева о том, что осинские (тулвинские) башкиры, как и русские, вели оседлую жизнь, занимались хлебопашеством. В удаленной на север Гайнинской волости проживало немало зажиточного населения. В отличие от башкир верховьев Тулвы его не тревожили неприятели.

Некоторые сведения о расселении и численности башкир сообщают другие источники. В 1739 году башкиры проживали в 5 волостях, находящихся в бассейне Тулвы и по верховьям Буя⁸⁵. В самой большой волости - Гайнинской в низовьях Тулвы - они имели 214 дворов, в Ирехтинской (правобережная Тулва) - 183, Уранской (междуречье Тулвы и Камы) - 572, Уваньской (по р.Буй) - 106, Тавларской (на юге Осинской дороги, ближе к р.Бири) - 52. Во всех 5 волостях находилось 1127 дворов и насчитывалось 4489 человек мужского пола. По наблюдению П.Рычкова 1740 года⁸⁶, в 3 волостях было несколько иное число дворов: в Гайнинской - 562, Ирехтинской - 148, Уранской - 218. Сопоставление данных 1739 и 1740 годов позволяет обнаружить миграцию башкир из южных волостей в северные (низовья Тулвы). Различие в количестве дворов трех волостей по этим источникам небольшое: в 1739 году - 969, а в 1740 - 928. Но соотношение дворов по волостям изменилось существенно: в Гайнинской волости вместо 214 дворов стало 562, в Ирехтинской - не 183, а 148, в Уранской (самой южной из трех) из 572 осталось 218. Причиной миг-

рации служили постоянные поземельные конфликты и значительное увеличение народонаселения в южных волостях.

В середине XVII - начале XVIII века в бассейне Тулвы и на соседних землях башкир поселялись не только русские, но и другие народы из многонационального Среднего Поволжья: татары-мещеряки, удмурты, чувашы, мордва (табл. 2). Перепись 1725-1726 года отметила из четырех одну - Терсятскую - волость со сложным этническим составом: на землях башкир жили мещеряки, марийцы, удмурты. Но количество их осталось неизвестным.

Всем вновь пришедшим народам можно было жить на башкирской земле только по припуску, т.е. на правах аренды. Башкиры выделяли переселенцам земли и требовали платить ясак или денежный оброк-ренту. Люди, проживавшие на таких условиях, впоследствии получили название припущенников. Институт припуска явился своеобразной формой реализации земельной собственности башкирской общины. При отсутствии права отчуждать свою землю, имеющуюся в значительных размерах, община позволяла пользоваться ею пришлому населению. Припущенники селились как обособленно на свободных землях, так и в башкирских деревнях, образуя свои кварталы и улицы. Таким образом, формирование социального слоя припущенников осуществлялось в условиях расселения крестьян, бежавших из Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья от малоземелья, гнета и произвола.

Из описания башкирских земель И.К.Кириллова, сделанного в 1735 году, видно, что татар, живших по припуску и находившихся на военной службе у башкир, называли мещеряками, а землепашцев удмуртов, чувашей, мордву и татар - тептерями⁸⁷. Кроме различий социальных И.К.Кириллов отмечает у припущенников различие духовное: "Тептери, чувашы, вотяки, татары, мордва в давних в немалой слабой вере находятца, ибо языка русского не знают и все чрез толмача попа толкуют, и то разве в год однова... а татары пришлецы из Сибири, а паче из Кавани, духовные ахуны, муллы, абызы, превосходнее прилежат в свой магометанской закон приводить и обрезать мордву, чувашы, вотяки и воздержным своим житием простеков к себе привлекают, школы имеют и обучают, мечетей множество настроили..."⁸⁸. Татары, расселившиеся по Тулве, больше сблизились с башкирами как в хозяйственном, так и в культурном отношении, поскольку религиозные обряды и верования у них были сходными. Татары оказались на более высоком хозяйственно-культурном уровне развития, и их влияние на башкир проявилось даже в языке. Как раз об этом и пишет И.К.Кириллов: "... татары превосходнее прилежат в

свой магометанский закон... простеков к себе привлекают, школы имеют и обучают, мечетей множество настроили"⁸⁹.

Из этносов, поселившихся на землях Осинской Башкирии, наиболее компактную этническую группу образовали удмурты (вотяки) по р.Буй (левый приток Камы). Первое упоминание об их предках относится к 1572 году. На земли башкирского племени уран они пришли в связи с изменением этнических территорий Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья после падения Казанского ханства. М.Г.Атаманов и В.К.Кельмаков, детально исследовавшие переселение в Приуралье воршудно-родовых групп удмуртов, считают буйскую группу по происхождению и языку особой среди всех приуральских удмуртов⁹⁰.

В 1673 году удмурты заключили договор с башкирами и начали жить на отведенной земле в качестве припущенников. В 1737 году по жалованной грамоте царицы Анны Иоанновны освободились от уплаты оброка башкирам и получили земли по р.Буй в вечное пользование⁹¹. Хотя удмурты стали собственниками занимаемой земли, притеснения со стороны башкир еще долго не прекращались. Известны случаи нападения и сжигания удмуртских деревень. Небольшая часть буйских удмуртов мигрировала в бассейн р.Таныпа (деревни Башалова и Сикашева), где к концу XVIII века она облизилась с татарами и перешла на татарский язык.

Во второй половине XVII - начале XVIII века продолжалось заселение русскими земель, принадлежавших Новоникольской (Осинской) слободе. Результаты этого процесса можно реконструировать по переписным данным 1678 и 1710 годов (табл. 1, 11). Вместо деревень, существовавших в 1621 году, в 1678 году было 2 слободы (Новоникольская и Камская), 42 деревни и 1 село Рождественское с 329 дворами и 963 человеками мужского пола⁹¹. В связи с крестьянскими переселениями в Верхотурский уезд, вызванными надеждами обрести более спокойную среду проживания и свободные земли, число поселений и дворов за период с 1678 по 1710 год сократилось. Поселений вместо 45 стало 37 - 2 слободы, 2 села, 31 деревня, 2 починка. В них насчитывалось 202 двора с населением 1420 человек⁹² (табл.1, 11). Русские поселения размещались компактно возле Новоникольской (Осинской) слободы и небольшими группами по обоим берегам Камы вплоть до границы с Казанским уездом. На эти земли миграции продолжались преимущественно из уездов Русского Севера и Верхнего Прикамья. Поэтому слово "верхокамец" в официальных переписях часто дополняло имена новоприходцев (например, "Игнатей Семенов сын Верхокамец"⁹³). Передвижения русских крестьян в более южные и

юго-восточные земли от Новоникольской (Осинской) слободы сдерживались присутствием там башкир, татар и других этносов, живущих на положении припущенников.

Таким образом, обширная территория Южного Прикамья - Новоникольская слобода и ее округа, Осинская дорога, Кунгурский уезд - оказалась заселенной разными по языку и культуре народами. Полиэтничность региона, многосторонние связи народов, одинаковая природная среда проживания обусловили интенсивные этнокультурные взаимодействия.

Верхотурский уезд

Включение Зауралья в Русское государство началось после завершения похода Ермака в конце 1580-х годов. С этих пор царское правительство проявляло заботу о формировании земледельческого населения и обороне вновь вошедших в состав государства земель. Одновременно разворачивалось стихийное заселение края севернорусскими крестьянами и ремесленниками. В Верхотурском уезде в середине XVII века русское крестьянство стало преобладающей категорией населения.

В 1588 году при впадении в Лозьву р.Ивделя строится Лозьвинский городок, который становится административным центром Лозьвинского уезда, расположенным на пути через Урал в Сибирь. Исходя из экономических и стратегических интересов в 1598 году по указу царя в верховьях р.Туры строится еще один военно-административный центр - г.Верхотурье. В связи с удобным положением он быстро превращается в главный город Зауралья. В него переводится гарнизон Лозьвинского городка. Образованный на рубеже XVI-XVII веков Верхотурский уезд занимал обширную территорию восточного склона Урала и Западной Сибири. Северная его часть включала бассейн рек Лозьвы, Сосьвы, Ляли, Лобвы. От Перми Великой к Верхотурскому уезду отошла горная часть западного Урала, от верховьев Вишеры на севере до верховьев Чусовой на юге. На юго-западе границы Верхотурского уезда доходили до Уфимского уезда, благодаря чему в его пределах оставались верховья Уфы, Чусовой, Исети. В середине XVII века границы Верхотурского уезда значительно раздвигаются на восток, до устья р.Тагила, и на юго-восток, включая новые земли по Нице, Пышме, Исети.

До освоения зауральских земель русскими переселенцами на тер-

ритории будущего Верхотурского уезда проживали манси (вогулы) и незначительное число татар и остяков. Ранним источником, показывающим их расселение и численность, является ясачная книга 1626 года⁹⁴. Это население проживало в 12 сотнях (по-русски волостях): Верх-Туринской, Туринской, Лялинской, Подгородной (по р.Ляля), Сосьвенской, Ловьвинской, Косьвинской, Невьянско-Мугайской, Тагильской, Чусовской, Зерх-Чусовской, Верх-Уфимской; 5 сотен находилось севернее Верхотурья, а 7 - южнее. Невьянско-Мугайскую сотню населяли остяки (невьянские) и манси (вогулы мугайские), Верхне-Уфимскую - татары, остальные - только манси (вогулы). Сотню образовывали одна или несколько юрт. Во главе их стояли сотники. В 1626 году в Верхотурском уезде насчитывалось 24 юрты с 323 человеками мужского пола, из которых 225 были манси, 65 - татары, 3 - остяки⁹⁵. Наибольшее число манси проживало по рекам Ляле, Ловье, Сосьве, в верховьях Чусовой и Косьвы.

Во второй половине XVII века по причине побегов и смертности происходит сокращение численности нерусского населения. По ясачной книге 1681 года видно, что число сотен сократилось до 9. Из Аятской и двух Уфимских сотен одни ясачные люди "отошли на Уфу", другие, "изменив государю, отъехали в поле" (73 человека мужского пола)⁹⁶. В то же время была образована новая Уткинская сотня, куда вошли татары и марийцы, проживавшие по р.Бисерть, правому притоку р.Уфы (рис.3). В Верхотурском уезде ясак платили 248 человек мужского пола⁹⁸.

В первой четверти XVIII века волостей с нерусским населением осталось только 7: Лялинская, Ловьвинская, Сосьвинская, Низ-Туринская, Верх-Туринская, Чусовская, Уткинская. В них жили преимущественно новокрещенные манси, часть которых занималась хлебопашеством и службой. Во всех 7 волостях насчитывалось 656 человек манси, они имели 120 юрт⁹⁸ (табл. 2).

На раннем этапе русское население обосновывалось в центре Верхотурского уезда, так как здесь проходил путь из Прикамья в Сибирь и почвы были плодородными. На юге уезда весь XVII век сохранялась угроза нападения кочевников из казахских и монгольских степей. Правительство было заинтересовано в формировании русского земледельческого населения на сибирской стороне Урала, чтобы обеспечивать хлебом местную администрацию и служилых людей, которые находились на хлебном, соляном и дежежном жалованьи.

По мнению В.И.Шункова и И.В.Власовой, в Верхотурском уезде, как и во всей Западной Сибири, в XVII-XVIII веках развивалось па-

ровое (на раннем этапе преобладало двухпольное) полеводство в сочетании с перелогом и росчистями⁹⁹. Правильный трехпольный севооборот сложился только к концу XVIII века¹⁰⁰. Основную массу земледельческого населения Верхотурского уезда составляли государевы пашенные крестьяне. За обработку государственной "десятинной пашни" они получали в свое владение "собинную пашню" или платили "оброчный хлеб". На землях монастырей и служилых людей крестьяне селились только на договорных условиях, становясь половниками, соседниками, захребетниками. Поэтому после освоения пригодных земель вокруг г.Верхотурья русские новоприходцы устремились на юго-восток, в бассейн рек Тагила и Мугая. Правительство поощряло политику местных воевод селить "новоприборных охочих людей" на свободные земли.

Картина раннего заселения русскими Верхотурского уезда восстанавливается по доворной книге М.Тюхина 1624 года¹⁰¹. Русское население проживало в 3 волостях - Подгородной (вблизи г.Верхотурья), Тагильской, Невьянской - и 4 вотчинах монастырей - Верхотурского Николаевского, Тагильского Преображенского, Невьянского Богоявленского, Велико-Устюжского Архангельского. М.Тюхин определил, что у пашенных крестьян было доброй земли 2074 чети, перелогу 4106 четей и государственной пашни 125 десятин¹⁰². Кроме того, посадские и служилые люди, ямские охотники и духовенство имели доброй пашни 1091 четь и перелогу 1872 чети¹⁰³.

В Подгородной волости, приходившейся на верховья Туры и ее притоки Пию, Салду, образовалось 44 деревни с 80 дворами и 102 человеками мужского пола. В Тагильской волости по р.Тагилу и его притоку Мугаю поселения стали возникать с 1612 года. В 1624 году здесь было 36 деревень, 65 дворов и проживало 103 человека мужского пола. В центре волости на берегу Тагила находился Преображенский монастырь. Земли южнее Тагильской волости, по рекам Нейве и Режу, заселялись по распоряжению правительства. Присланная в 1621 году 41 семья из Казанских дворцовых сел основала по Нейве и Режу 5 деревень и Невьянскую слободу - первую в Верхотурском уезде. В этом же году Верхотурский воевода поселил из "охочих людей" еще 47 семей. По рекам Нейве, Режу и Тагилу они образовали еще 15 деревень. Выше Невьянской слободы по р.Нейве в 1622 году возникает Богоявленский монастырь. В 1624 году в Невьянской волости всего существовали 1 слобода, 19 деревень с 67 дворами и 165 человеками мужского пола. Кроме поселений черносошных крестьян в Верхотурском уезде в 1624 году было 37 деревень служилых людей, мо-

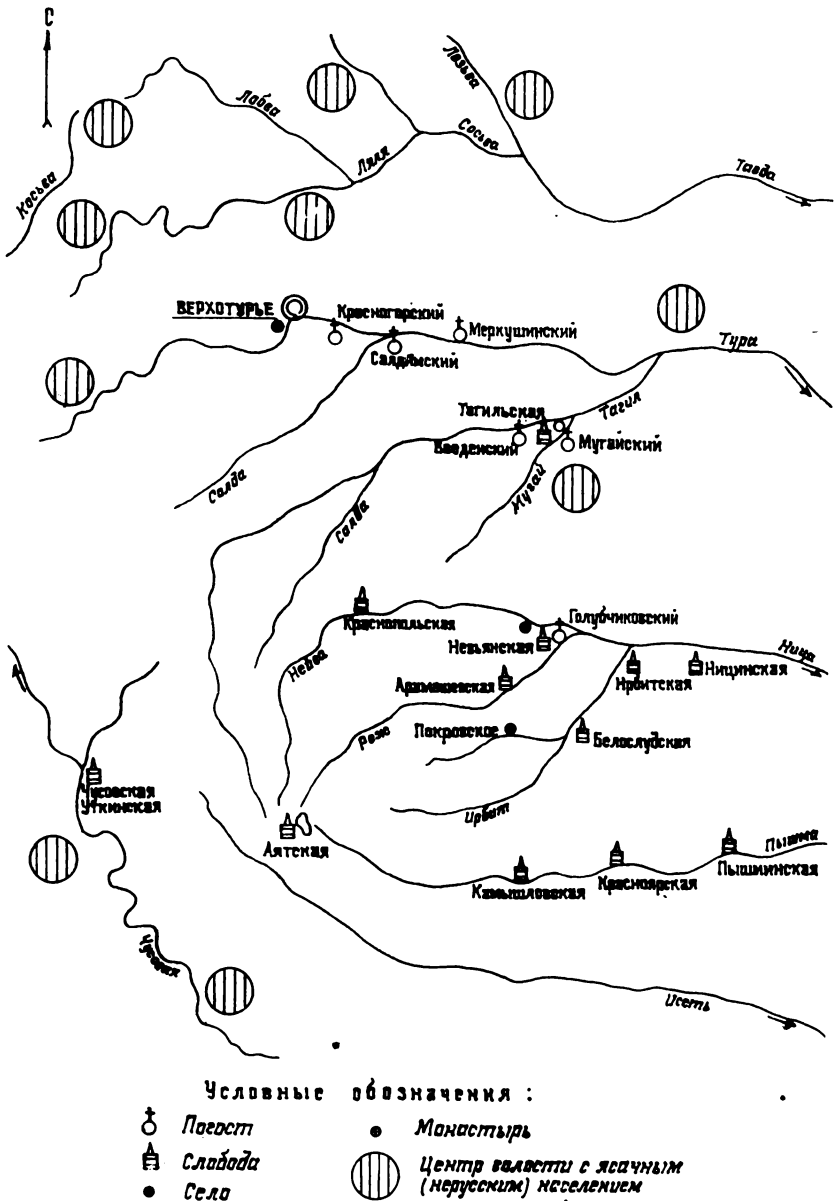

Рис. 3. Размещение поселений в Верхотурском уезде в 1680-1681 годах

настырских крестьян, духовенства, в них писец определил 45 дворов и 55 жителей мужского пола¹⁰⁴.

Недалеке от острога г.Верхотурья и Верхотурского Николаевского монастыря с 1600 года строилась Ямская слобода. Ямщики, проживавшие здесь, несли государеву ямскую службу, получали помимо денежного жалованья землю, как возле слободы, так и по рекам Туре, Тагилу, Мугаю, Салде, Режу, на своих землях строили деревни. В 1624 году они имели 16 деревень с 34 дворами и 65 человеками мужского пола. Часть деревень и пашен ямщики закладывали вновь пришедшим людям.

В Верхотурском уезде у русского населения в 1624 году было 2 слободы, 149 деревень, 3 заимки, 291 двор, с 490 жителями мужского пола - дворовладельцами (табл. 1, 11).

Таким образом, судя по количеству поселений, дворов и численности населения в 1624 году, Верхотурский уезд в течение четверти века осваивался русскими достаточно активно. Наибольшую часть крестьян составляли "прибранные", "призванные" и пришедшие по своему желанию. Их местная администрация посадила на государеву "десятинную пашню". что соответствовало проводимому правительством курсу на создание казенного хлебопашества для успешного вовлечения сибирских территорий в жизнь Русского государства. Основной поток переселенцев шел из европейских поморских уездов и Пермь Великой.

Дальнейшее освоение территории Верхотурского уезда в XVII - начале XVIII века происходило таким образом. Большое значение для заселения новых территорий приобрело строительство слобод. В 1620-е - 1640-е годы они были основаны по р.Нице - Рудная, Киргинская, Чубаровская, Ощепково-Ницинская, Ницинская (через нее прошла дорога из Верхотурья в г.Туринск, позднее слобода стала называться Нижне-Ницинской), Верхне-Ницинская, Усть-Ницинская, Красная, Краснослободский острог - и по р.Нейве, притоку Ницы, - Новая Невьянская, Краснопольская, Мурвинская, при впадении Мугая в Тагил - Тагильская, по р.Реж - Арамашевская, по р.Ирбиту - Ирбитская, Усть-Ирбитская, Белослудская, в верховьях Чусовой - Чусовская, по р.Пышме - Пышминская. Всего в Верхотурском уезде с прежними стало 19 слобод. Строительство большого числа слобод в южной части уезда было вызвано стремлением местной администрации быстрее заселить плодородные земли и препятствовать проникновению в них южных соседей - в первую очередь Джашкир. Под защитой слобод образовались самые крупные земледельческие районы Верхотурского

уезда. Вокруг слобод стали преобладать земледельческие поселения. В 1650-1670-е годы по южным рекам возникло 8 слобод: по р.Пышме - Камышевская (Камышловская), Красноярская, Калиновская, Юрмыцкая, Куярская (самая восточная), при овере Аять - Аятская, по р.Исеть - Арамильская, Буткинская (самая восточная).

По ряду источников возможно определить происхождение вольных пришлых ("новоприходцев", "гулящих") людей Верхотурского уезда. Чаще всего они объявляли себя уроженцами северных поморских уездов. При записи в служебные книги Верхотурской прикавной избы 1635-1636 годов "гулящие" люди называли себя устюжанами (269 человек - 23%), важанами (150 - 12,8), вычегжанами (135 - 11,5), сольвычегодцами (129 - 11,0), пинежанами (106 - 9,04), пермичами (18 - 1,53), соликамцами (8 - 0,63), а также сысоличами, мезенцами, яренчанами, вымичами, лаличами, двинянами, кайгородцами и т.д., иначе, выходцами из 40 мест¹⁰⁵. Среди пришлых 1174 человек доля устюжан, важан, вычегжан, пинежан, сольвычегодцев составляла около 70%. Аналогичные сведения содержатся в служебной книге 1678 года: из 200 человек "гулящих" людей были 41 устюжанин (20,5%), 28 важан (14,0), 24 яренчанин (12,0), 20 сольвычегодцев (10,0), 16 пинежан (8,0), 14 кеврольцев (7,0)¹⁰⁶. По служебной книге 1698-1699 годов Чусовской слободы, в которую было "велено записывать... кто имено ехали мимо той слободы с Москвы и из русских городов в Сибирь"¹⁰⁷, состав пришлых людей имел иную картину. На первом месте были кунгурцы (124 человека) - выходцы из соседнего Кунгурского уезда, затем шли устюжане, яренчане, сольвычегодцы, устьянцы, важане, вычегжане¹⁰⁸. И так же, как по данным 1635-1636, 1678 годов, незначительным оставалось число уроженцев центральных европейских уездов.

На районы выхода новоприходцев Верхотурского уезда указывают и другие источники. Судя по крестоприводной книге, составленной в 1645-1646 годах во время приведения 617 "гулящих" людей Верхотурского уезда к присяге новому царю Алексею Михайловичу, половина объявила прежним местом жительства Устюжский уезд и г. Великий Устюг¹⁰⁹.

Итоги освоения всей территории Верхотурского уезда во второй половине XVII века наиболее полно показывает дозорная книга Л.Поскочина 1680 года¹¹⁰. Территория уезда делилась на 19 административных единиц, заселение которых выглядело следующим образом. Из прежних волостей оставалась одна Подгородная с 3 погостами - Красногорским, Меркушинским, Салдинским - и 68 деревнями.

Заселение других территорий также имело убедительные результаты: возникли 39 околородных деревень стрельцов и посадских людей, 39 ямских деревень и 2 погоста, Верхотурский Николаевский монастырь с 6 деревнями, Невьянский Вогоявленский монастырь с селом Покровским и 2 деревнями, Верхотурский волок с селом Растес и 2 деревнями, Тагильская слобода с Введенским погостом и 12 деревнями, Невьянская слобода с Голубчиковским погостом и 24 деревнями, Арамашевская слобода с 23 деревнями, Ницинско-Ощепковская слобода с 9 деревнями, Ирбитская слобода с 22 деревнями, Белослудская слобода с 7 деревнями, Усть-Ирбитская слобода с 4 деревнями, Камышевская слобода с 6 деревнями, Красноярская слобода, Пышминская заимка и деревня Верхотурского Николаевского монастыря, Пышминская слобода с 9 деревнями, Аятская слобода с 4 деревнями, Краснопольская слобода с 7 деревнями, Чусовская-Уткинская слобода с 12 деревнями (рис. 3). Всего в 1680 году в Верхотурском уезде существовали 12 слобод, 2 монастырские слободки, 7 погостов, 1 село, 2 монастыря, 2 заимки, 339 деревень (табл. 11) - в целом 363 населенных пункта с 1980 дворами, в которых проживало 6218 человек мужского пола (табл. 1, 11). По сравнению с 1624 годом число дворов возросло в 6,8 раза (было 291), а русское мужское население - в 12,6 (было 490 - табл. 1). Как видим, в XVII веке в Верхотурском уезде активно протекали два взаимосвязанных процесса: увеличение населения и расширение территории его размещения. Преобладающим оставалось земледельческое население. Из 1980 дворов 1099 принадлежали пашенным крестьянам (55,5%), 388 - крестьянам, платившим оброк хлебом (19,6), остальные 386 - крестьянам, платившим денежный оброк (19,5).

Перепись Л.Поскочина помимо общих показателей заселения Верхотурского уезда к 1680 году дает возможность чрезвычайно точного статистического анализа пришлого населения, поскольку в ней указано место рождения (часто с точностью до волости и деревни уезда) глав семейств. Из 1980 дворовладельцев Верхотурского уезда 962 являлись пришлыми, т.е. 48,59%. По местам выхода они распределялись следующим образом: из Соликамского уезда 163 человека, в том числе 9 из посада Соликамска и 40 - из вотчины Строгановых (16,94% всех пришлых), Устюжского - 106, в том числе 14 из посада Великого Устюга (11,02), Важского - 88 (9,16), Осы и "пригородка на Осе" (Новоникольская слобода и Осинская дорога Казанского уезда) - 79 (8,22), Чердынского - 64, в том числе 4 из посада Чердыни (6,65), Сольвычегодского - 59, в том числе 2 из посада Сольвыче-

годска (6,13), Пинежского - 58 (6,02), Каванского - 37 (3,86), Кеврольского - 31 (3,23), Кайгородского - 31, в том числе 13 из посада Кайгородка (3,22), Тотемского - 28, в том числе 3 из посада Тотьмы (2,9), Кунгурского - 23 (2,4), Чарондского - 23 (2,4), Яренского - 22, в том числе 4 из Яренского городка (2,27), Мезенского - 21 (2,18), Вятского - 21 (2,17), Устьянской волости - 13 (1,36), Каргопольского - 12 (1,24), Тобольского - 12 (1,24), Туринского - 12 (1,24), Вологодского - 11 (1,14), Холмогорского - 9 (0,92), Сарапульского - 7 (0,73), Уфимского - 7, в том числе 2 из посада Уфы (0,73), Кукарского - 5 (0,53), Елабужского - 4 (0,42), Галицкого - 4 (0,42), Архангельского - 3, в том числе 1 из г. Архангельска (0,32), Лальского - 2 (0,21), Юрьевца-Поволжского - 2 (0,21), Суздальского - 1 (0,11), Нижегородского - 1 (0,11), Царево-Кокшайского - 1 (0,11), Новгорода Великого - 1 (0,11), Подмосковья (с. Ащерино) - 1 (0,11).

По приведенным данным видно, что продвижение русских в Верхотурский уезд активно продолжалось из Северного и Центрального Поморья. Из него было 490 дворовладельцев (50,94%). Следующая категория русских семей была из Прикамья - Чердынского, Соликамского, Кунгурского, Осинского, Кайгородского уездов. Их насчитывалось 360 (37,42). Население, прибывшее из уездов Среднего и Верхнего Поволжья, Южного Урала и Вятской земли, в 1680 году образовало 88 семей (9,14). Остальные 24 семьи вели происхождение из соседних западносибирских уездов - Туринского и Тобольского (2,48).

Состояние переписных данных, оставленных нам Л.Поскоциным в 1680 году, таково, что позволяет увидеть расселение пришлого русского населения в Верхотурском уезде по земляческим коллективам. Так, большая часть выходцев из Новоникольской слободы и Осинской дороги проживала в Чусовской слободе¹¹¹, из Казанского и Уфимского уездов - в слободах по р. Пышме¹¹², Тотемского - в Аятской слободе¹¹³, из Утмоновской волости Устюжского уезда - в д. Заборская Пышминской слободы¹¹⁴, Кокшенгской чети Важского уезда - в д. Зачерине Ирбитской слободы¹¹⁵, Мезенского уезда - в д. Притыкинской Белослудской слободы¹¹⁶ и т.д. У русских крестьян Верхотурского уезда земляческое размежевание сохранялось длительное время.

В конце XVII века особенно густоваселенной оказалась южная часть Верхотурского уезда. Об этом сообщают наряду с переписными материалами заметки, оставленные иностранцем, главой русского посольства И. Идесом, проследовавшим через Урал в Китай в 1692 году: "Выехав 10 июня из Утки (слобода по р. Чусовой. - Г.Ч.) на телегах

и лошадях, проехали мы мимо слободы Аятской и пересекли огибающую ее реку Нейву. Далее мы последовали вдоль реки Реж до слободы Арамашевской и оттуда до Невьянского острога... Это путешествие сухим путем доставило мне величайшее наслаждение, так как по пути встречались прекраснейшие поля, леса, реки, озера и самые плодородные и прекрасно обработанные поля, какие только можно себе представить, все хорошо заселенные русскими; здесь можно было достать всякие припасы по сходной цене¹¹⁷.

Перемены в освоении Верхотурского уезда на рубеже XVII-XVIII веков нашли отражение в дозорной книге 1710 года, впервые взявшей на учет мужское и женское население¹¹⁸. В г.Верхотурье и уезде проживало 33332 человека обоего пола. На территории уезда находилось 2 завода: Алапаевский с 69 дворами и 464 человеками¹¹⁹ и Невьянский с 842 дворами и 994 человеками¹²⁰. Алапаевский завод строили крестьяне 8 слобод Верхотурского уезда, а Невьянский - 15, и, как писал В.И.Геннин, "не по равному числу, но когда сколько понадобится"¹²¹. По указу Петра I к Невьянскому заводу Н.Демидова приписывались Аятская и Краснопольская слободы и монастырское село Покровское, всего 239 дворов с 1111 человеками мужского пола¹²².

По Туре и ее притокам к 3 старым погостам добавился еще один - Рождественский, в в них было 75 деревень с 437 дворами и 3082 человеками обоего пола. Все они относились к категории подгородных крестьян. Кроме пашенных и оброчных (хлебных и денежных) крестьян в подгородных деревнях в 124 дворах (бывшая Подгородная волость) проживало 698 ямских охотников¹²³. Еще большее число ямских охотников - 1954 человека - имели 187 дворов в 29 деревнях Тагильской слободы¹²⁴. По-прежнему главными поселениями Верхотурского уезда оставались слободы. В 1710 году их было 14: Невьянская с 1 селом и 19 округами-деревнями (571 двор, 4572 человека), Ницинская (без деревень, 116 дворов, 886 человек), Тагильская с 6 погостами, 36 деревнями (180 дворов, 1963 человека), Арамашевская с 1 погостом (257 дворов, 2104 человека), Ирбитская с 13 деревнями (232 двора, 1821 человек), Белослудская с 23 деревнями (227 дворов, 2144 человека), Пышминская с 14 деревнями (156 дворов, 1824 человека), Красноярская с 12 деревнями (298 дворов, 1432 человека), Камышинская (без деревень, 130 дворов, 1654 человека), Чусовская (без деревень, 54 двора, 481 человек), Краснопольская с 10 деревнями (88 дворов, 611 человек), Аятская с 7 деревнями (92 двора, 696 человек)¹²⁵ и вновь образованные Тима-

кульская с 8 деревнями (66 дворов, 452 человека), Мурвинская (без деревень, 134 двора, 1374 человека)¹²⁶.

Помимо слобод в Верхотурском уезде сохранялись монастырские вотчины. Верхотурский Николаевский монастырь имел 3 деревни и 3 заимки с 62 дворами и 526 человеками, Невьянский Богоявленский монастырь - 8 деревень, заимку и село Покровское с 4 деревнями, в которых насчитывалось 137 дворов и проживало 1123 человека¹²⁷.

Всего же в Верхотурском уезде в 1710 году числилось 14 слобод, 11 погостов, 54 заимки, 1 село, 2 заводских слободы, 262 деревни (табл. 11). Из 33332 человек обоого пола крестьян и ямских охотников было 29355 человек (88,0%), они имели 3708 дворов (табл. 1, 2).

Изменения, происшедшие в заселении и освоении Верхотурского уезда за 30 лет после переписи Л.Поскочина 1680 года, таковы. Общее количество поселений увеличилось до 413 (было 363). Население росло за счет увеличения числа дворов - в 1710 году их стало в уезде (без города и заводских слобод) 3708 (было 1980). Иначе, количество дворов возросло на 1728, а численность русского населения увеличилась с 6218 человек мужского пола до 28699 человек обоого пола (табл. 2). Как и прежде, на рубеже XVII-XVIII веков Верхотурский уезд продолжал пополняться пришлым населением в основном из уездов Перми Великой. Миграция из дальних поморских уездов была незначительной.

★ ★ ★

Исходя из изложенных документальных свидетельств можно сделать следующие выводы об этносоциальной обстановке на Среднем Урале в период его активного освоения русским населением.

В конце XVI - первой половине XVII века переселенческое движение русских охватило Северное Прикамье. Чердынский и Соликамский уезды приняли наибольшее число выходцев из черносошной и посадской среды центральных и северных поморских уездов. Вместе с русскими в Прикамье переселялись коми-зыряне с Вычегды, Лузы, Сысолы. В ряде мест Чердынского и Соликамского уездов появились поселения с названиями Зыряново, Зырянка. За некоторыми жителями закрепилось прозвище зырян, перешедшее затем в фамилию. Уменьшение миграции коми-зырянского населения происходило с середины XVII века¹²⁸. Во второй половине XVII века освоение Чердынского уезда приобрело замедленный характер, а Соликамский уезд продол-

жал наращивать темпы экономического развития ввиду наличия в нем солеваренного производства и благоприятных климатических условий для ведения сельского хозяйства. В середине XVII - начале XVIII века наибольших успехов колонизационное движение достигло в Верхотурском и Кунгурском уездах. Они явились самыми важными районами уральского земледелия. Образование очагов земледелия было напрямую связано с направлениями миграции русских из Европейской России в Сибирь.

Районы раннего русского освоения - Чердынский и Соликамский уезды - дали значительное число переселенцев на все другие территории Среднего Урала, но более всего в вотчину Строгановых, Кунгурский и Верхотурский уезды. В южном направлении миграция началась вначале из Чердынского уезда.

Важными очагами последовательного освоения среднеуральских земель и формирования старожильского населения явились монастырские вотчины. Их опыт создания пашенного земледелия стал образцом хозяйственной деятельности для соседнего крестьянского населения. В этом деле значительно преуспели Соликамский Вознесенский, Пыскорский Спасо-Преображенский монастыри, имевшие владения в Соликамском и Кунгурском уездах, а также Верхотурский Николаевский и Невьянский Богоявленский монастыри на восточном склоне Урала.

На рубеже XVII-XVIII веков в миграции крестьян происходили существенные изменения. В 1710 году в Соликамском уезде были учтены 1260 человек из Северо-Двинского бассейна¹²⁹. Материалы аналогичной переписи Чердынского уезда показывают, что здесь подобного притока населения уже давно не наблюдалось¹³⁰. С конца 1720-х годов аналогичная ситуация сложилась и в Соликамском уезде.

В Верхотурском уезде русские селились на плодородных землях, расположенных на важнейших путях с Урала в Западную Сибирь. Пашенное земледелие развивалось при поощрении местной администрации и под защитой служилого населения слобод. Русское население, осевшее на постоянное жительство, происходило из тех же поморских уездов, откуда были выходцы, заселявшие прикамскую территорию. Но значительную часть населения Верхотурского уезда составляли потомки русских новоприходцев из Перми Великой. В целом этническая основа вновь образованного русского населения на Среднем Урале имела одинаковое с Прикамьем происхождение. В Верхотурском уезде процесс вольной крестьянской колонизации шел еще

в 1730-е годы, но к середине XVIII века он затухает. Миграция населения продолжалась только на протяжении XVIII века на вновь строящиеся металлургические заводы¹³¹.

Русское крестьянство Среднего Урала на рубеже XVII-XVIII веков уже следует считать старожильческим, так как в новых местах проживания оно быстро приспособилось к местной природно-географической среде, развернуло необходимую хозяйственную деятельность и создало рациональную культуру жизнеобеспечения. Производственные и культурные навыки первого поколения мигрантов успешно использовались их потомками.

Заселение и освоение русскими переселенцами Среднего Урала сопровождалось установлением контактов с коренным и пришлым населением. Несмотря на некоторую ассимиляцию русскими местных народов, их многообразные отношения в итоге превращались в хозяйственный и культурный взаимообмен.

Немалое значение для формирования этнокультурной среды имели социальные условия, в которых оказывались первопоселенцы. Основная часть освоенных земель принадлежала государству. Здесь черносошное крестьянство являлось преобладающей категорией. В отличие от частновладельческих крестьян оно долго сохраняло право на свободное владение землей, передачу тягла и перемещение даже после принятия Соборного Уложения 1649 года. Часть черносошных крестьян, занимавшаяся промыслами и торговлей, в источниках отнесена к категории беспашенных. Среди них были неспособные нести тягло бо-были. Крестьяне, не успевшие завести хозяйство, становились половниками в зажиточных крестьянских хозяйствах. К этой категории крестьян были блиаки подворники, подсоседники, ярыжки, захребетники, работавшие по найму. Часть черносошных крестьян Соликамского и Верхотурского уездов становилась ямщиками. Некоторые из них занимались ремеслом и торговлей, нанимали половников.

Самыми крупными частными землевладельцами на Среднем Урале являлись "именитые люди" Строгановы. Крестьяне-переселенцы из Поморья попадали в полную зависимость от Строгановых и покидать насиженные места могли только бегством. У них отсутствовали свободные земельные сделки. Администрация Строгановых тщательно следила за крестьянами и организовывала сыск беглых. Часть среднеуральских крестьян принадлежала другим вотчинникам - владельцам солеваренных промыслов, посадским жителям, сельским предпринимателям.

Незначительную часть составляли монастырские крестьяне, в XVIII веке примерно 1%. Помимо местных монастырей на Среднем Ура-

ле имелись хозяйства северных и центральных монастырей - Велико-Устюжского Архангельского, Свято-Троицкого Сергиева и др. В монастырях Прикамья крестьяне работали на пашне, платили натуральный оброк, занимались солеварением. На сибирской стороне Урала у монастырских крестьян преобладала натуральная повинность.

В XVII веке в Новоникольской (Осинской) слободе сложилась небольшая по численности категория дворцовых крестьян. Их главной повинностью являлась обработка десятинной пашни.

Из других народов манси и марийцы относились к категории ясачных крестьян. Марийцы дольше, чем манси (до 1719 года), платили ясак куницами. Родо-племенное устройство манси было использовано русской администрацией для управления и наблюдения за их жизнью.

Таким образом, социальные категории среднеуральского крестьянства были различными, но преобладающими оставались чернососные (позднее, - государственные) крестьяне.

В конце XVII - начале XVIII века в основном сложились этнические территории Среднего Урала, которые с небольшими изменениями сохранялись на протяжении последующего времени. К сожалению, полных достоверных показателей, позволяющих воссоздать реальную этнодемографическую обстановку в регионе, не имеется. Однако мы попытались найти существующие источники и у нас появилась возможность подвести итог в решении этого вопроса на первую четверть XVIII века (табл. 2).

Все население Среднего Урала в 1710-е - 1720-е годы составляло 101878 человек, из них русских было 76351 человек, или 74,84% общего показателя населения. Наиболее населенными являлись Верхотурский (29355 человек) и Кунгурский (24430) уезды. Численность русского населения здесь достигала 49053 человека (49,5%). Нерусского населения насчитывалось 25527 человек (25,16%), среди них коми-пермяков было 7789 человек (7,64), башкир - 10082 (9,89), татар - 4870 (4,78), марийцев - 1136 (1,13), удмуртов - 930 (0,90), манси - 820 (0,82).

Сложившиеся демографические соотношения и состояние территории проживания народов явились одними из важных факторов, воздействующих на их этнокультурное развитие.

§ 3. Этнодемографическое развитие и этнокультурные ареалы в середине XVIII - первой половине XIX века

В XVIII веке Средний Урал благодаря имеющимся месторождениям железных и медных руд, водным ресурсам и лесным запасам превратился в крупнейший металлургический регион России. Новые социально-экономические преобразования на Среднем Урале происходили не без участия сформировавшегося на предшествующем этапе крестьянского населения, в первую очередь русского. Его опыт в заселении территорий, приспособлении и освоении природных богатств, в развитии земледелия, скотоводства и промыслов, а также мировоззренческие представления широко использовались при создании и совершенствовании горнозаводских хозяйств. Из крестьян формировалась значительная часть работных людей.

Наибольшее число заводов было построено в Верхотурском, Екатеринбургском, Кунгурском, Пермском уездах. В Соликамском уезде продолжало развиваться солеварение. Экспорт продукции заводов осуществлялся по Чусовой, Каме и Волге. С середины XVIII века часть металла пошла за границу. Рост городов и заводских поселений способствовал зарождению потенциальных связей сельского населения с промышленными и торговыми центрами. Освоение горнорудных богатств стимулировало переориентацию всей хозяйственно-культурной жизни Среднего Урала с Европейского Севера на Среднее Поволжье и центральные районы Европейской России. К концу XVIII века эти связи упрочились.

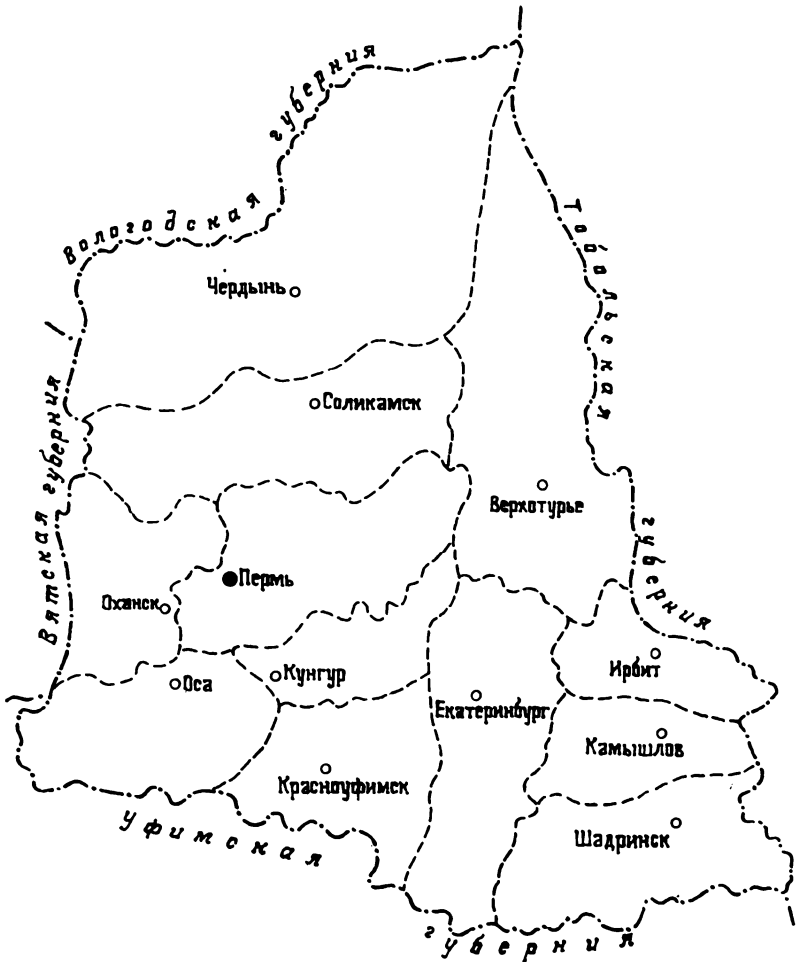
В начале XVIII века на землях государственных крестьян появилась приписная деревня. Система приписки предусматривала сначала участие крестьян в строительстве заводов¹³². Поэтому управляющий горными заводами В.И.Геннин писал, что первые уральские заводы - Невьянский, Уктусский, Каменский, Алапаевский - строили крестьяне слобод¹³³. Впоследствии приписных крестьян привлекали к разным заводским работам, строительству домов, заготовке сена и дров. Социальное положение приписных крестьян было далеко не лучшим в сравнении с другими категориями крестьян. Поэтому источники и литература XVIII века содержат многочисленные сведения о самовольном уходе крестьян с заводов и противодействии администрации¹³⁴.

В XVIII веке происходили изменения в административном управлении Среднего Урала. Основная его часть (без Новоникольской слободы и Осинской дороги) с 1708 по 1727 год входила во вновь об-

равованную Сибирскую губернию, затем западные земли - в Казанскую. В 1781 году последовал указ Екатерины II об образовании Пермского наместничества с новым центром - г.Пермь, а в 1797 году наместничество преобразовали в Пермскую губернию. С этого времени появились новые уезды - Пермский, Оханский, Осинский, Красноуфимский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский. С 12 уездами (еще ранее созданными - Чердынским, Соликамским, Кунгурским, Верхотурским) губерния существовала до 1918 года (рис. 4).

Изменения в экономике и административном устройстве обусловили возникновение новой сети сухопутных дорог. К концу XVIII века утратил былое значение северный транзитный путь из Великого Устюга на Кайгородок, Соликамск и далее на Верхотурье, известный на Урале под названием Бабиновской дороги. Самыми удобными и оживленными являлись Каванский (из Кавани через Оханск на Пермь) и Сибирский (из Перми через Кунгур и Красноуфимск на Екатеринбург и Камышлов) тракты. Важное значение приобрели внутренние тракты: Богословский (от Екатеринбурга до Верхотурья и севернее к Богословским заводам), Ирбитский (соединяющий восточные уездные города Ирбит и Камышлов), Исетский (от Екатеринбурга до Камышлова и далее на юго-восток до Шадринска), Бирский (из Кунгура на юг через Осу, Красноуфимск в Бирск Уфимской губернии), Камско-Воткинский (из Осы через Оханск на Воткинск), Чердынский или Соликамский (из Перми в древние города Соликамск и Чердынь). Кроме трактов прокладывались и дороги, из которых наиболее крупными оставались Осинско-Кунгурская, Верхотурско-Ирбитская, Гороблагодатская (от Кунгура до Кушвы), Чердынско-Косинская и др.

На этнодемографическую ситуацию в середине XVIII - первой половине XIX века продолжали влиять наряду с прежним развитием новые условия. Многие источники показывают, что значительное число недавних переселенцев уже осело на постоянное жительство. Одни промышленные районы пополнялись выходцами из сельских мест Среднего Урала и среднерусских европейских районов, другие, которых было больше, - за счет внутренних миграций. В ходе последних русские крестьяне, в недавнем прошлом поморские переселенцы или их первые потомки, осваивали новые таежные (на севере и в центре), лесостепные и степные (на юге) места. Подавляющую часть составляли миграции черносошного крестьянства явочным порядком и сбежавшего частновладельческого населения из прикамских уездов в районы восточного Урала, но более всего в южное Зауралье - Ирбитский, Камышловский, Шадринский уезды. В XVIII веке местной ад-

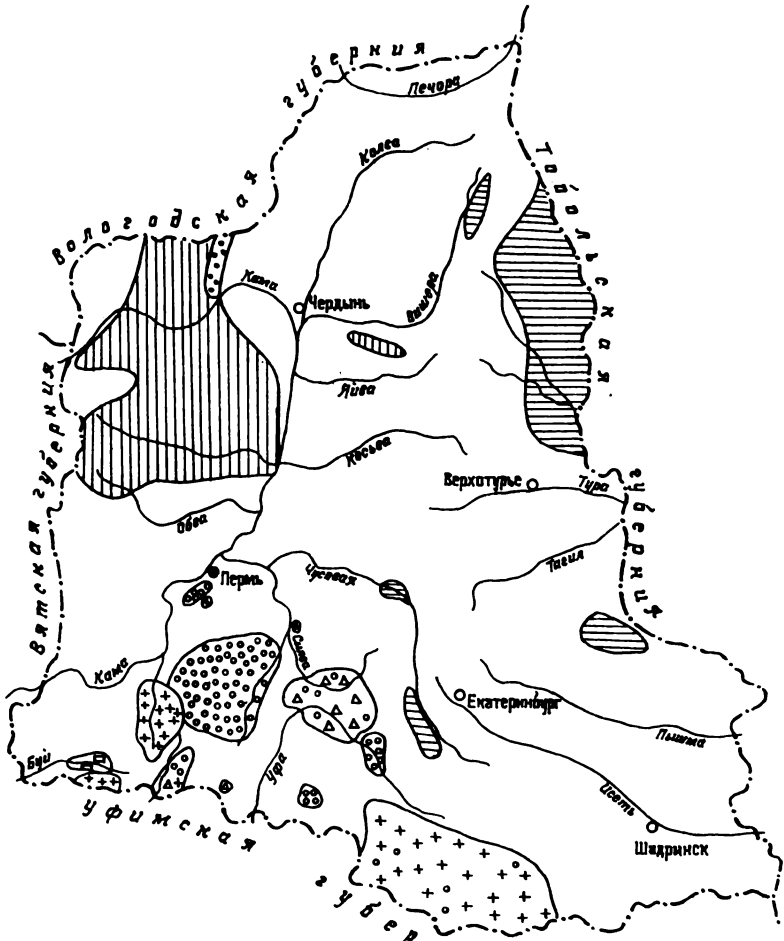
- Условные обозначения:
1	2	3	4
1. границы губерний 2. границы уездов
3. Губернский центр 4. Уездный центр

Рис. 4. Административное устройство Среднего Урала в конце XVIII - начале XX века

Условные обозначения:

	1		2		3		4		5		6		7		8
- 1 - русские; 2 - коми-пермяки; 3 - коми-зыряне; 4 - манси
5 - удмурты; 6 - марийцы; 7 - башкиры; 8 - татары

Рис. 5. Расселение народов Среднего Урала в начале XIX века

министрацией на основе указов царского правительства предпринимались попытки регулирования стихийных форм миграции, чтобы не допустить сокращения тяглоспособной категории населения. Строгановы продолжали организовывать поиск беглых крепостных крестьян.

В предлагаемом этнодемографическом обзоре ставится задача представить наиболее важные изменения численности, размещения и этнического состава населения Среднего Урала, что необходимо для понимания этнокультурной истории народов. С этой целью использованы как обобщенные первичные материалы ревизского учета крестьянского населения, так и специальные ведомости, составленные в том случае, когда некоторые категории крестьянства учитывались отдельно от поуездных ревизий. Кроме того, часть этнодемографического материала отложилась в "Топографическом описании Пермского наместничества" 1786 года. Для сравнительной характеристики наиболее полными являются материалы II ревизии (1745-1747 годы), V (1795 год), а по итогам первой половины XIX века - опубликованный Центральным статистическим комитетом МВД "Список населенных мест по сведениям 1869 года", статистические данные которого близки к результатам X ревизии (1857-1858 годы). Использование переписных источников за другие годы затруднено, поскольку в архивах они сохранились фрагментарно.

При проведении II ревизии, в 1745-1747 годах, на территории будущей Пермской губернии в сельской местности проживало 220155 человек обоего пола (табл. 3). Из них русские составляли 175700 человек (79,84%). Удельный вес русских по сравнению с рубежом 1710-1720-х годов оставался без значительных изменений (в 1710-е - 1720-е годы 74,84%, в 1740-е - 79,84), но численность их оказалась гораздо больше: вместо 76351 человек - 175700 (табл. 2, 3).

Итоги освоения Среднего Урала в целом к концу XVIII века можно подвести по материалам V ревизии 1795 года (табл. 4). Накануне образования Пермской губернии на ее территории проживало 881902 человека обоего пола, из них в сельской местности, т.е. вне городов, заводских и торговых поселений, - 585204 человека, или 66,35% (табл. 4). Доля русских крестьян увеличилась до 509600 человек, что составило 87%. Как показали II и V ревизии, русское сельское население по темпам роста в XVIII веке, как и на предшествующем этапе, занимало первое место среди сельского населения других народов. С 1710-х по 1795 год оно увеличилось на 432269 человек, или в 7,56 раза. Материалы, представленные в табл. 2, 3, 4, свидетельствуют о том, что русское крестьянство росло быст-

Таблица 3

Этнический состав сельского населения (обоего пола)
Среднего Урала в 1745-1747 годах по данным II ревизии, чел.

Русские	Коми- пермяки	Та- тары	Баш- киры	Марий- цы	Ман- си	Уд- мурты	Всего
175700 (79,84)	16300 (7,4)	11600 (5,28)	11200 (5,08)	3200 (1,45)	755 (0,34)	1400 (0,63)	220155 (100)

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГАДА. Ф.248, оп.14, д.803; ф.350, оп.2, д.3307-4053. В скобках приведен показатель численности населения в процентах

рее со середины XVIII века. С 1745-1747 по 1795 год оно увеличилось на 333900 человек, т.е. в 2,9 раза, тогда как с 1710-х по 1745-1747 годы - на 99449 человек, или в 2,25 раза. Это была существенная доля в общем приросте населения Пермской губернии, который в 1710-е - 1760-е годы превышал общеуральский и общероссийский показатель¹³⁵. Быстрое увеличение русского сельского населения объяснялось тем, что наряду с притоком мигрантов из Среднего Поволжья и Вятской земли в Осинский, Оханский, Екатеринбургский уезды происходил интенсивный естественный прирост старожильского населения. Кроме того, осуществлялась постоянная внутренняя миграция населения из менее благоприятных по природно-климатическим условиям северных уездов в южные и юго-восточные. В Ирбитском, Камышловском, Шадринском уездах отмечалась значительно более высокая плотность населения, чем в северных (табл. 4).

В XVIII веке среди пришлого населения уже не было нерусских. Их состав в XVIII - первой половине XIX века оставался стабильным, происходило только увеличение его численности за счет естественного прироста. Не менялись и территории проживания, хотя часть своих земель нерусское население сдавало заводовладельцам и другим народам. Наблюдались случаи оттока населения в другие места. Но он не был значительным, о чем свидетельствуют данные табл.

Таблица 4

Этнический состав сельского населения Пермской губернии (обоего пола) по V ревизии 1795 года, чел.

Уезд	Русские	Коми- пермяки	Та- тары	Башки- ры	Уд- мурты	Марий- цы	Ман- си	Всего
Пермский	49470	-	1421	565	-	-	-	51456
Кунгурский	34780	-	4399	-	-	-	152	39331
Соликамский	44550	21100	-	-	-	-	-	65650
Чердынский	24500	8300	-	-	-	-	120	32920
Оханский	44100	400	-	-	-	-	-	44500
Осинский	36700	-	2147	3476	2100	-	-	44423
Красноуфим.	35600	-	3833	8475	-	4880	-	52788
Верхотур.	42900	-	40	-	-	-	712	43652
Екатеринбург.	49200	-	-	3142	-	-	-	52342
Ирбитский	41100	-	-	-	-	-	-	41100
Камышлов.	54800	-	-	-	-	-	-	54800
Шадринский	51900	-	10342	-	-	-	-	62242
ВСЕГО	509600 (87,0)	29800 (5,10)	11840 (2,03)	26000 (4,46)	2100 (0,38)	4880 (0,85)	984 (0,18)	585204 (100)

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГА. Ф.1350, оп.312, д.120, 213; РГВИА. Ф.ВУА, д.18925. В скобках приведен показатель численности населения в процентах

2-5. В 1795 году нерусское население проживало в 301 поселении¹³⁶.

По численности и удельному весу нерусское население Среднего Урала характеризуется следующим образом. В период проведения II ревизии (1745-1747) его насчитывалось 44455 человек обоого пола, т.е. 20,16% населения исследуемой территории (табл. 3). К V ревизии численность нерусского населения достигла 75604 человек, что составляло 13% всего крестьянства (табл. 4). Прирост населения происходил у всех народов, но в наибольшей мере у коми-пермяков в Чердынском и Соликамском уездах (с 16300 человек до 29800), баш-

кир в Осинском, Красноуфимском, Екатеринбургском уездах (с 11200 до 26000). Количество татар оставалось почти без изменений - 11200 в 1745-1747 годах и 11840 в 1795 (табл. 3, 4).

Этнодемографические процессы в первой половине XIX века восстанавливаются в таком виде. Общее увеличение сельского населения было обусловлено исключительно естественным приростом. Еще во второй половине XVIII века Средний Урал перестал быть колонизируемым регионом России. Заселение новых территорий происходило за счет переселения жителей ранее освоенных мест.

Русское и другое сельское население к 1869 году достигло 1577289 человек, т.е. 76,6% жителей Пермской губернии (из общего числа их - 2058209 человек - мы исключаем 105884 городских жителя, 375036 жителей заводских поселков) (табл. 5, 6). Материалы V ревизии (1795 год) и список населенных мест 1869 года показывают, что наибольший прирост населения в этот период наблюдался в Екатеринбургском (в 3,7 раза), Камышловском (в 3,2), Шадринском (в 3,2), Оханском (в 3,8), Осинском (в 3,3), Верхотурском (в 2,7) уездах (табл. 4, 5, 6).

По-прежнему русские являлись преобладающим этносом. Русских крестьян по списку 1869 года значилось 1416581 человек, это 89,84% общего показателя сельского населения губернии (табл. 5). Сравнительно с 1795 годом увеличение численности этой категории произошло в 2,8 раза. В таких уездах, как Камышловский, Оханский, Ирбитский, Верхотурский, Кунгурский, Пермский, Екатеринбургский, доля русских крестьян была самой высокой - от 95 до 100%.

Численность населения - коми-пермяков, татар, башкир, марийцев, манси, удмуртов, коми-вырян достигла 160708 человек, т.е. составляла 10,16% сельского населения (табл. 5, рис. 5). Как и в XVIII веке, в первую половину XIX века (к 1869 году) более всего увеличилось коми-пермяцкое население в Соликамском (с 21100 человек до 45356), Чердынском (с 8300 до 15458), Оханском (с 400 до 1316) уездах (табл. 4, 5), достигнув в целом 62130 человек, или 3,93% всех живущих в сельской местности Пермской губернии.

Почти в 2 раза возросла численность марийского населения в Красноуфимском и Кунгурском уездах - с 4880 человек (1795 год) до 9815 (1869), что составило 0,62% сельского населения Пермской губернии. Число удмуртов в бассейне р.Буй, находящемся в Осинском уезде, увеличилось до 3346 человек, что составило 0,21% сельского населения губернии (в 1795 году их было 2100).

В Верхотурском и Ирбитском уездах наблюдался рост древнего

Таблица 5

Этнический состав сельского населения
Пермской губернии по сведениям 1869 года, чел.

Уезд	Русские	Коми- пермяки	Та- тары	Баш- киры	Уд- мурты	Марий- цы	Ман- си	Коми- зыряне
Пермский	97926	-	2203	2168	-	-	-	-
Кунгурский	60539	-	1923	-	-	155	162	-
Соликамский	78701	45356	-	-	-	-	-	-
Чердынский	49532	15458	-	-	-	-	42	411
Оханский	168696	1316	-	-	-	-	-	-
Осинский	115471	-	7793	19814	3346	-	-	-
Красноуфим.	87659	-	7111	10900	-	9560	220	-
Верхотурский	118156	-	83	-	-	-	1241	-
Екатеринбург.	185058	-	-	8149	-	-	-	-
Ирбитский	97131	-	-	-	-	-	255	-
Камышловский	180140	-	-	-	-	-	-	-
Шадринский	175572	-	-	22042	-	-	-	-
ВСЕГО	1416581	62130	19113	63973	3346	9815	1920	411
	(89,84)	(3,93)	(1,21)	(4,04)	(0,21)	(0,62)	(0,12)	(0,02)

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям 1869 года. Спб., 1875. С.СCL; СХСII-СХСIII. В скобках приведен показатель численности населения в процентах

населения манси до 1496 человек (табл. 5). Они проживали еще в Кунгурском и Чердынском уездах, но в первом их стало больше на 10 человек, а во втором - меньше на 78 (табл. 4, 5). Всего в Пермской губернии в 1869 году проживало 1920 манси, или 0,12%.

В Чердынском уезде коми-зырянское население составляло 411 человек, т.е. 0,02% (табл. 5). Коми-зыряне в небольшом количестве издавна проживали в Чердынском уезде, но официальные данные о нем впервые показал список населенных мест Пермской губернии 1869 года. В это время коми-зыряне заселяли компактную территорию в Гайнской волости по р. Лупья, через которую проходил волоковый путь

Таблица 6

Население Пермской губернии по сведениям 1869 года, чел.

Уезд	Н а с е л е н и е				
	Всего	Уездное (без жите- лей горо- дов)	Сельское (без жите- лей городов, заводских и торговых поселков)	Русское сельское	
				абс.	в %
Пермский	176389	147297	102297	97926	95,72
Кунгурский	100695	90256	62779	60539	96,43
Соликамский	161865	154757	124057	78701	63,43
Чердынский	70265	66943	65443	49532	75,68
Оханский	187554	186012	170012	168696	99,22
Осинский	168693	166420	146424	115471	78,86
Красноуфимский	163828	160550	115550	87659	75,86
Верхотурский	182651	174297	119480	118156	98,89
Екатеринбург.	303242	278207	193207	185058	95,78
Ирбитский	116669	112449	97386	97131	99,73
Камышловский	194163	192140	180140	180140	100
Шадринский	232195	222814	200514	177572	88,55
ВСЕГО	2058209	1952325	1577289	1416581	89,84

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям 1868 года. Спб., 1875. С.8-374

из Камского бассейна в Вычегодский, древнюю землю коми-зырян.

Башкиры расселялись в 5 уездах: Осинском, Пермском, Екатеринбургском, Красноуфимском, Шадринском. Их численность достигла 63973 человек (в 1795 году было 26000 человек), т.е. 4,04% всего сельского населения Пермской губернии (табл. 5). Среди нерусского населения южных уездов Среднего Урала башкиры оставались

самыми многочисленными. Особенно большое количество их появилось в Шадринском уезде благодаря передаче некоторых башкирских волостей из Уфимской губернии. Кроме того, в Шадринский уезд переселялись кочующие башкиры. Всего в Шадринском уезде в 1869 году проживало 22942 башкира, или 35,86% всех башкир Пермской губернии.

Башкирам в южных уездах Пермской губернии принадлежали огромные земли, унаследованные от предков. В архивах встретилось немало документов 1780-х годов¹³⁷, где передается в разных вариантах рассказ осинских башкир о своем происхождении и условиях, по которым им достались земли: "... начало происхождения предков башкирцов и татар от поколения были Тарханова (одна из ветвей феодализирующейся родоплеменной аристократии. - Г.Ч.), перешли и заселились в сих местах издавна лет, по собственным их преданиям издревле, потом под российскую державу и покорены они по взятии царем Ив. Вас. Казани, а до управления находились в управлении или подданстве у державца своего нагайского хана, а какие правительства управлением при том державце до Казани не могут вспомнить, а только слышали, что хан их от лучших людей их дочерей, девок держал у себя с переменною погодно, а после отдавал обратно, коих имел от 10 до 20, что и считали они за обиду"¹³⁸.

В первой четверти XIX века башкиры продолжали селить по припуску татар, мещеряков, удмуртов, марийцев. Часть земель отдавалась на длительный срок в кортом, предоставлялась предпринимателям под строительство заводов и даже продавалась¹³⁹. В "Топографическом описании Пермского наместничества" 1786 года отмечалось, что "башкиры Екатеринбургского и Красноуфимского уездов с мая по октябрь кочуют со стадами всем семейством. В отличие от них башкиры Пермского и Осинского уездов постоянно живут в домах и больше занимаются земледелием"¹⁴⁰. Названная особенность ховяйственного-культурного быта башкир сохранялась и в XIX веке.

Татарское население в первой половине XIX века увеличивалось медленно. Вместо 11840 человек (1795 год) татар стало 19113 (1869), это составило 1,21% общего числа сельского населения Пермской губернии. Аналогичная демографическая ситуация наблюдалась у татар и на предшествующем этапе. К середине XIX века не изменились районы их прежнего проживания в Осинском, Пермском, Красноуфимском, Кунгурском уездах (табл. 5).

Татары Среднего Урала хотя и были близки к башкирам (по языку, материальной культуре и быту), но не забывали с своим происхождением. В 1780-е годы татары Сылвенско-Иренского поречья расс-

казывали о своем происхождении от казанских татар, а татары Екатеринбургского уезда - от "татар, составляющих Турамское царство, покоренное России Ермаком Тимофеевичем"¹⁴². Татары Осинского и Красноуфимского уездов (Иштерьяковской, Енапаевской, Карьевской волостей) в 1806 году писали, что "предки их происходят от остяковского рода. Назад тому более 500 лет поселились первоначально по Сылве и Ирени и занимаясь тут разными промыслами обзавелись всеми поселянскими принадлежностями"¹⁴². В прошении 1806 года императору татары Юлаевской волости Красноуфимского уезда для решения вопроса о переводе с подушного оклада на прежний ясак напомнили о своем происхождении в такой форме: "... наперед сего предки наши из остяцкого рода Рожина поколения татара, назад тому более 500 лет пришед на пустопорожия земли поселились за долгое еще время до покорения Кавани под скипетр российские ниже Перми Великия в верх по рекам Сылве и Ирени, по обоим сторонам и в падшам во оные речкам и падунам с устьев до вершин, распространяясь юртовыми по тогдашнему обыкновению кочевьями, и на тех реках и падунах вовымели промысел бортный угоды и птичьи, зверинья и рыбная ловли, куньи, лисичьи, бобровые гоны и хмелевое шипанье. Когда же Казань под российское владение покорена и во время владения Иоанна Васильевича те предки наши по их желанию и вошли в подданство и обязались тогда платить ясак и платили по Великому Государя царя и Великому князя Михаила Федоровича. И во 131 и 132 годах (1623 и 1624 годы. - Г.Ч.) в писцовых книгах написано и в верхней расправе 1783 года дана выпись о приеме ясака"¹⁴³.

Таким образом, на рассматриваемой территории в середине XVIII - первой половине XIX века завершился процесс формирования населения и активно протекал процесс этнической и культурной консолидации народов. Под влиянием социальных, природных и исторических факторов одновременно заканчивалось обособление отдельных групп населения и превращение их в этнотерриториальные подразделения. Показателями этнической специфики групп явились особенности языка и культурно-бытового развития, хотя у многих таких групп не было самоназвания (этнонима), употребляемого на бытовом уровне в целях выделения себя из окружающего населения. Дисперсно расселенные части этносов подвергались влиянию более крупного по численности соседнего населения и ассимилировали с ним. Этнокультурным особенностям локальных групп населения посвящены следующие разделы этой работы. Задача данного раздела - показать условия, которые способствовали обособлению тех или иных групп этноса.

Территории Северного Прикамья (Чердынский, Соликамский, Пермский уезды) и Северного Верхотурья в лингвистическом отношении составили зону бытования севернорусского наречия. Носителем его до сих пор является русское сельское население. Языковой материал, собранный диалектологами на этой территории, представлен в словарях и отдельных публикациях¹⁴⁴. В традициях Русского Севера здесь развивались материальная культура, обряды, устное народное творчество. В Северном Прикамье в историко-этнографическом отношении выделяется район верховьев Вишеры и Колвы. Постоянное русское население появилось в этом районе во второй половине XVIII - начале XIX века из центральных старорусских волостей Чердынского уезда. Приток сюда русского населения связан с поиском лучших лесных, охотничьих и рыболовных угодий. Кроме того, Вишера и Колва ввиду своей труднодоступности привлекли внимание старообрядцев поморского согласия, установивших с 1830-х годов прямые связи с поморскими общинами низовой Печоры - Усть-Цилемской и Великопоженской¹⁴⁵. К середине XIX века приток населения извне прекратился и народонаселение увеличивалось исключительно за счет естественного прироста. Часть колвинских крестьян перешла по волоку на север и положила начало русскому населению на верхней Печоре и ее притоке Унье. Все эти обстоятельства способствовали консервации многих традиций старожильческой русской культуры XVII - начала XVIII века, которые в южных и центральных районах Северного Прикамья к концу XIX века оказались забытыми. Этнокультурное своеобразие колво-вишерской локальной группы русских явилось предметом ряда этнографических исследований¹⁴⁶.

В конце XVII-XVIII веке интересная группа русских сложилась в окружении коми-пермяцкого этноса в Юрлинской волости (в XVIII - первой четверти XIX века называлась Юлопвинской, так как охватывала бассейны двух притоков Косы - Юм и Лопва) Чердынского уезда. Первыми здесь поселились русские крестьяне из соседней Вятской земли (Кайгородский уезд, входивший ранее в Пермь Великую), а в первой четверти XVIII века - беглые крестьяне-старообрядцы с притоков р.Обвы - Лысьвы, Сельча, Сабанца¹⁴⁷, которые были выходцами из центрального региона Европейской России. Позднее в составе переселенцев оказались беглые русские крестьяне Строгановых и других владельцев. Увеличивающееся русское население (в 1869 году в 22 деревнях и 1 селе проживало 4573 человека обоюбого пола¹⁴⁸) поддерживало не только хозяйственно-культурные, но и брачные связи с живущими вблизи коми-пермяками. Результатом повдних смешанных

браков явилось формирование под влиянием коми-пермяцкого языка особой разговорной речи: в русскую речь проникли некоторые коми-пермяцкие слова и вместо звука "ф", "х" произносили звуки "п", "к". Недавнее этнографическое изучение юрлинцев показало, что в традиционной культуре наблюдался синтез двух культур - русской и коми-пермяцкой, но преобладающими являлись севернорусские традиции¹⁴⁹.

О происхождении юрлинцев высказывались разные мнения - уж слишком загадочным представлялся "русский остров" посреди исконно коми-пермяцкой земли. Большинство исследователей считали, что юрлинцы - это обрусевшие коми-пермяки. Нам же кажется убедительным недавно высказанное мнение И.В.Власовой о малообоснованности такого вывода. Образование локальной группы юрлинцев она объясняет тем, что район русских первопоселенцев в иноэтническом окружении был небольшим, он находился в стороне от межрегиональных и внутренних путей сообщения, к тому же и в условиях конфессиональной изоляции (окружающие коми-пермяки образовывали общины не старообрядческие, как у большинства русских юрлинцев, а официальной православной церкви). Воздействие окружающих коми-пермяков являлось незначительным, так как поселившихся русских крестьян было намного меньше коми-пермяков, которые ко времени появления русских выглядели достаточно зрелым народом. При этнической, природной и конфессиональной изоляции межэтнические связи могли быть только частичными.

По поводу образования этой группы дьякон местного прихода В.Славнин, изучив старые церковные документы, в 1915 году писал: "Селились сначала русские, а жен брали из Соликамского уезда, но женщины пермячки язык родной забывали. Теперь во всем приходе не существует (коми-пермяцкого языка. - Г.Ч.), хотя акцент и сохранился. Так, почти 2/3 прихода вместо буквы "х" говорят "к" (Михаил - Микаил)"¹⁵⁰.

К сожалению, пока отсутствуют исследования языка современных юрлинцев, но зато собраны антропологические материалы, которые подтверждают мнение как этнографа И.В.Власовой, так и дьякона В.Славнина об особенностях этнической истории русских юрлинцев. По данным антропологов русские юрлинцы являются представителями вятско-камского антропологического типа с примесью коми-пермяцкого компонента. Причем наибольшая близость к коми-пермяцкому компоненту выражена у женской части популяции¹⁵¹.

В Южном Прикамье и Южном Зауралье наравне с севернорусским

крестьянством селились выходцы из среднерусских земель. Так, в 1780-е годы в Осинском уезде селилось немало крестьян из Вятского и Сарапульского уездов Вятского наместничества¹⁵². В конце XVIII - первой половине XIX века по рекам Буй, Быстрый Танып, Большая Уса Осинского уезда поселялись крестьяне из Чердынского, Соликамского, Кунгурского, Оханского уездов¹⁵³. Чердынцы селились преимущественно землячествами. Так, в Аряжской волости они основали 12 деревень¹⁵⁴. Население Острожской волости Оханского уезда еще в конце XIX века помнило о своей "принадлежности к потомкам старинных здешних поселенцев, вышедших из разных мест Поволжья - Симбирской, Казанской, Нижегородской губерний"¹⁵⁵. Поэтому для южнорусского населения Среднего Урала характерен синтез севернорусских и среднерусских традиций¹⁵⁶.

В южных зауральских уездах - Ирбитском, Камышловском, Шадринском и частично Красноуфимском, где русское население значительно увеличилось в конце XVII - первой половине XVIII века за счет черносошных и крепостных крестьян Поморья (в том числе из уездов Прикамья) и центральной части Европейской России (преимущественно из Казанского уезда), - ведущими отраслями хозяйства были земледелие и животноводство. Специфика хозяйственной деятельности, определяемая степными условиями, наличием черноземных почв и больших пастбищных угодий, а также экономическими и культурными контактами с башкирским и частично казахским населением, участием крестьянства в строительстве укрепленных линий и обороне края от феодалов-кочевников, оживленными рыночными связями, обусловила этническое и социальное своеобразие русского населения большой территории в низовьях Ницы, Пышмы, Исети и верховьях Уфы. Поэтому этнографический материал этого региона следует рассматривать через призму обозначенных объективных условий жизни. Однако отличительные признаки традиционной культуры и быта данной группы населения еще никем не исследованы.

Целый ряд исторических, хозяйственных и культурных явлений был свойствен отдельным группам нерусского населения. С началом русской колонизации Северного Прикамья (XV век) теряют территориальную целостность коренные жители этой земли - коми-пермяки. Северная их группа, проживавшая по Каме и Косе (в литературе их еще называют косинско-камскими), входила в Чердынский уезд, а южная, расселявшаяся в бассейне Иньвы (иньвенские), - в Соликамский. Между ними в верховьях р. Косы и возник юрлинский район с русским населением. Большая часть коми-пермяков в XVI-XVII веках смеша-

лась с русскими, оставив на территории прежнего проживания древние поселения и свои топонимические названия. За пределами основной этнической территории проживали еще 3 группы коми-пермяков: язьвинская - по р.Язьва в Чердынском уезде, зюдинская - в верховьях Камы в Глазовском уезде Вятской губернии и оханская (обвинская) - в верховьях р.Обва Оханского уезда (рис. 5). Из 3 изолированных групп только последняя, насчитывавшая по переписи 1926 года 60 человек, прекратила существование в советские годы¹⁵⁷. Остальные, несмотря на отсутствие государственной поддержки развития традиций, до наших дней сохранили на бытовом уровне родной язык, этническое самосознание и некоторую культурно-бытовую специфику¹⁵⁸.

Коми-пермяцкий язык относится к пермской группе финно-угорской семьи, в которую входят еще два языка - коми-зырянский и удмуртский. Косинско-камские и иньвенские коми-пермяки обладали собственными наречиями, которые имели еще несколько диалектов. Главное их различие заключается в употреблении фонем "л" и "в". На севере косинско-камские языки сохранили фонему "л", а на юге иньвенские коми-пермяки ее утратили и вместо нее стали употреблять фонему "в". Зюдинский диалект стал промежуточным между коми-зырянским и коми-пермяцким языками (лингвисты признают его близость к северному, гаинскому, диалекту¹⁵⁹).

Язьвинцы говорят на совершенно особом диалекте коми языка. Финский профессор А.Генетц, исследовавший в 1889 году язык язьвинских пермяков, назвал его восточно-пермским¹⁶⁰. В.И.Лыткин, изучавший язык язьвинцев в 1949-1953 годах, пришел к такому выводу: "Звуковая система коми-язьвинского диалекта значительно отличается от звуковой системы древних коми диалектов - как коми-зырянских, так и коми-пермяцких. Если в морфологическом и лексическом отношении коми-зырянский диалект имеет большую близость к коми-пермяцким говорам, чем к коми-зырянским, то этого нельзя сказать про фонетику коми-язьвинского диалекта. Здесь мы имеем дело со специфической системой фонем, в одинаковой степени отличающихся от фонетической системы коми-зырянского и коми-пермяцкого наречий. Эта специфика звуковой системы коми-язьвинского диалекта определяется, в основном, вокализмом, а именно: а) наличием особых гласных, отсутствующих в других коми-диалектах; б) специфическими особенностями произношения некоторых фонем; в) наличием ряда специфических фонетических закономерностей в области гласных; г) особой, чрезвычайно оригинальной системой ударения. Имен-

но эта специфичность фонетики речевой системы коми-язвинцев заставляет нас этот диалект (или, точнее, диалектную группу) выделить в особое наречие, противопоставляя его коми-вырянскому и коми-пермяцкому наречиям¹⁶¹. Поэтому в литературе язвинские пермяки называются коми-язвинцами и коми-пермяками. Самоназванием же у них до сих пор является этноним пермяк¹⁶².

Сопоставление традиционной культуры всех 4 групп коми-пермяков показало, что каждой из них были присущи особые черты¹⁶³. Этническое своеобразие в большинстве случаев сложилось под воздействием природно-географической среды, исторических условий развития и контактов с севернорусским населением. Об общности культуры коми-пермяков и русских писал уже в 1776 году И.Г.Георги в сводном этнографическом труде¹⁶⁴.

Источники и записки путешественников конца XVIII - середины XIX века сохранили подробное описание этнокультурного развития угорского народа манси. Они объединялись в 5 изолированных друг от друга групп: верхотурские (ловьвинские), чердынские (вишерские), кунгурские (чусовские), красноуфимские (бисертские), ирбитские¹⁶⁵. Самыми многочисленными являлись верхотурские манси, в 1869 году их насчитывалось 1241 человек (табл. 5).

С середины XVIII века приток русского населения на земли манси значительно увеличивается и контакты двух народов развиваются в направлении ассимиляции манси. Во многом этому способствовало использование одних и тех же угодий, общей системы налогообложения (ясачный сбор заменялся подушным окладом), а также отлучение манси от языческой веры и приобщение их к религии русских - православию. Позже всех были крещены северные манси: ловьвинские - в 1721, а вишерские - в 1751 году¹⁶⁷. Наравне с русскими они стали заниматься хлебопашеством, животноводством, заготовкой дров и выжиганием угля для заводов¹⁶⁸. Разные наблюдатели отмечали, что многие манси в конце XVIII - начале XIX века уже не могли говорить на родном языке и "не отличались от русских ни одеждой, ни домостроительством, ни сельским хозяйством"¹⁷⁰. Значительно дольше сохраняли язык и традиционный уклад манси верховьев Ловьвы и Сосьвы, к которым переселилась часть вишерских манси. Некоторые из них в летнее время вели кочевой образ жизни, вдали от дома пасли стада оленей, охотились, ловили рыбу. У этой части манси можно было увидеть архаические постройки, орудия труда, познакомиться с традиционными навыками ведения хозяйства¹⁷⁰.

Верхотурские (ловьвинские) манси долго помнили свою родослов-

ную. Представителям Вольного Экономического Общества при сборе материалов для "Топографического описания Пермского наместничества" в 1786 году они рассказывали, "что под Российскую державу покорены они вместе с Сибирью, а до покорения находились они в управлении или подданстве у своих манчинских державцев или бояр, называемых князевы, которым и присягали по тогдашнему их обряду следующим образом: положат на шею мечь, а другой под горло и подадут сеновья, кусок хлеба с таковыми от привозящего словами: "Прими яд и верно служи, а ежели изменишь, то сими мечами и голова снята будет, что самое и присягнувшей подтверждает"¹⁷¹.

На рубеже XIX-XX веков часть лозьвинских манси ушла еще севернее - в бассейн Северной Сосьвы, где потомки сохранились до наших дней. Во второй половине XIX века все группы манси, за исключением лозьвинских, уменьшались¹⁷². В Верхотурском уезде в начале XX века оставалось еще 24 населенных пункта, в которых манси имели 284 двора и составляли 2 тыс. человек¹⁷³.

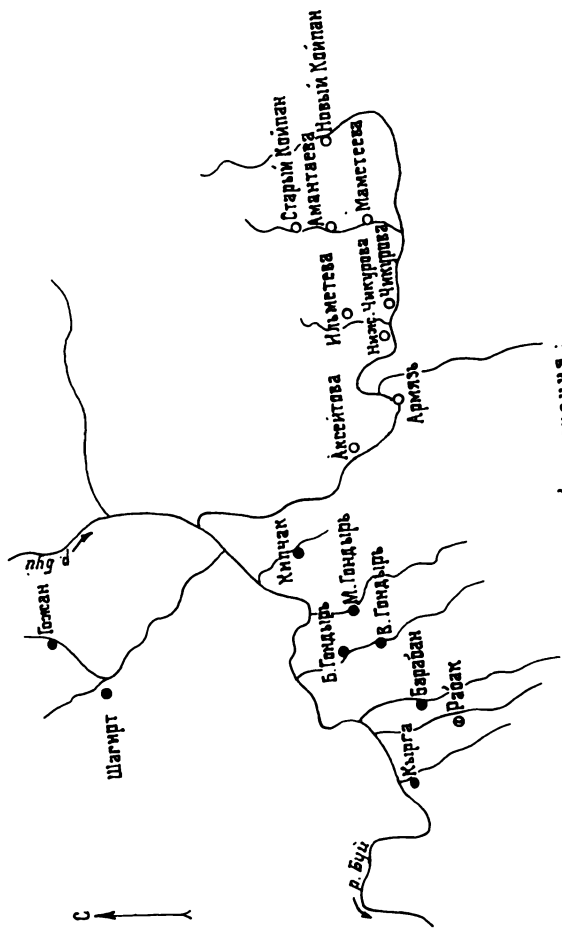
Немало своеобразия проявилось в культуре марийцев Среднего Урала. В XVIII веке завершилось образование двух групп марийцев, проживавших в бассейнах рек Сылвы и Уфы. По месту проживания их называли сылвенскими и уфимскими, а по административной принадлежности первых - кунгурскими (до образования Пермского наместничества и губернии входили в Кунгурский уезд), вторых - красноуфимскими (с тех пор как были включены во вновь образованный в 1781 году Красноуфимский уезд).

С одной стороны, у обеих групп марийцев много общего. Компактное проживание способствовало сохранению родного языка, единого самосознания и одних черт культуры и быта¹⁷⁴. С другой стороны, имеются различия в языке, традициях, обусловленные тем, что разные группы по-разному воспринимали язык и уклад соседнего населения - русских, башкир, татар. Наибольшее влияние на марийцев оказали татары и башкиры, с которыми они контактировали на этапе миграции из Среднего Поволжья на Сылву и Уфу, а затем и в местах постоянного проживания, где тюркские народы составляли преобладающую часть населения. Контактное взаимодействие с русским населением почти не приводило к заимствованию русской культуры. Результатом контактов стало лишь распространение среди марийцев русского языка как необходимого средства межнационального общения. По этому поводу корреспондент Русского Географического общества писал в 1848 году из с.Спасбардинского Кунгурского уезда: "Черемисы говорят своим природным языком, а всегдашнее обращение с русскими

научило говорить их и языком крестьянским, коего не знают и не понимают лишь малолетние дети"¹⁷⁵. Русские традиции приживались у марийцев медленно и позднее. Более глубоким оказалось влияние башкир на марийцев, проживавших в южной части Красноуфимского уезда. Оно коснулось не только хозяйственного быта, материальной культуры, но и духовной жизни¹⁷⁶. Многие нововведения, осуществленные под влиянием башкир, сохраняются у марийцев до наших дней.

Несмотря на влияние соседних народов, в середине XVIII - первой половине XIX века продолжалась этническая и культурная консолидация удмуртов, обитавших по р.Буй в Осинском уезде (рис. 5, 6). В 9 деревнях Большегондырской волости в 1869 году их числилось 3346 (табл. 5), а в 1888 - уже 5645. Кроме них в волости проживало 1685 башкир (в 1888 году)¹⁷⁷. Волость удмуртов и башкир с начала XIX века окружало русское население. Наиболее интенсивно продолжали влиять на удмуртов башкиры. Башкиры стремились лишить удмуртов владельческих прав на свои земельные угодья. Притеснения достигли такой степени, что удмурты в 1812 году обращались к царю, ссылаясь на сохранившуюся в волости грамоту императрицы Анны Иоанновны 1737 года, по которой они навсегда освобождались от уплаты оброка башкирам и признавались собственниками занимаемой земли¹⁷⁸. К русским, поселившимся здесь в начале XIX века, удмурты проявляли большое недоверие.

В юго-западной части Прикамья, на территории Черновской волости Оханского уезда, был еще один район с удмуртским населением. На правобережье Камы, в бассейн р.Сива удмурты пришли из бассейна Чепцы, как и на р.Буй Осинского уезда, в связи с падением Казанского ханства. С конца XVII века на эти земли начинают перемещаться беглые русские крестьяне из вотчины Строгановых. Во второй половине XVIII века русские составили здесь большую часть населения, они ассимилировали, а частично и вытеснили удмуртов. Характер и результаты этнических процессов в этом районе Прикамья местному жителю А.Лепоринскому, судя по ответу в 1849 году на запрос Русского Географического общества, представлялись таким образом: "Первые жители оного были вотского (удмуртского. - Г.Ч.) племени, которые от беспрерывно приходящих на новые и в то время плодородные места русаков были вытеснены и переселились на место вниз по реке Сиве находящееся, называемое ныне деревнею Плоскою, где и поныне находятся остатки оного племени, преобразенного по языку в русских, но обликом лица и некоторыми оттенками языка яс-

Условные обозначения:

Деревни: ● - удмуртае; ○ - башкир; ○ - марийцы

Рис. 6. Размещение поселений в Осинском уезде в 1782 году

но подтверждающих о происхождении своем от вотяков, но из сих мест впоследствии времени Большая часть сих вотяков принуждены были снова переселиться за реку Сиву в леса, находящиеся в Вятской губернии и отстоящие от прежнего места их жительства деревни Плоской верст на 50¹⁷⁹. Приведенное описание свидетельствует как о факте проживания небольшой группы удмуртов по р.Сива, так и о миграции ее с указанной территории на прежние места в Вятскую губернию. Поэтому ревизские переписи первой половины XIX века перестали отмечать удмуртов как жителей Оханского уезда.

По письменным источникам XVIII - первой половины XIX века видно, что в южных уездах Прикамья и Зауралья башкиры и татары в этническом взаимодействии народов имели по-прежнему преимущественное хозяйственно-культурное влияние. Башкиры Осинского (тулвинские) и Пермского уездов держались изолированно от других групп башкир и вступали в контакты и брачные связи только с близко живущими татарами. У тулвинских башкир дольше сохранялись сформировавшиеся на раннем этапе хозяйственно-культурные черты. Башкиры Красноуфимского и Екатеринбургского уездов участвовали в наметившихся ранее процессах ассимиляции марийцев, удмуртов, манси, а также вновь появившихся в середине XIX века малочисленных групп мордвы и чувашей.

Владея многими землями, башкиры по-прежнему разрешали селиться по припуску в своих вотчинах народам, оказывая на них языковое и хозяйственно-культурное влияние. В результате взаимодействия народов Красноуфимского, Осинского, Екатеринбургского уездов образовалась особая группа населения, которую в официальных переписях стали записывать самостоятельным народом тептерей (термин "тептяр" известен в "Сокровенном сказании моголов" XIII века. Им обозначали население, подвластное монгольской знати). X ревизия 1857-1858 года¹⁸⁰ число тептерей определила в 8712. В статистико-этнографическом очерке Пермской губернии за 1880 год не только приводится полный перечень населенных пунктов, в которых жили тептери, но и указываются народы, из которых они образовались, а также их принадлежность к язычеству, православию и мусульманству. В отчете Общества естествоиспытателей при Казанском университете, написанном по итогам обследования этносов Урала в 1870-е годы, о тептерях написано так: "... произошли... из черемис, вотяков, чуваш, мордвы и татар, довольно уже перемешавшихся между собой (исключая как татар)"¹⁸¹. В "Хозяйственном описании Пермской губернии" 1804 года этническая ситуация у тептерей оценивается сле-

дующим образом: "Тептери подражают в образе жизни своей более тем народам, от которых они произошли"¹⁸². В литературе находим еще и такое уточнение: "Черемисы Красноуфимского уезда, поселившиеся на Башкирских землях, стали известны под именем тептерей"¹⁸³.

У нас нет точных данных о времени начала образования смешанной в этническом отношении группы тептерей. Но, очевидно, истоки процесса относятся к тем временам, когда на Средний Урал началась миграция народов из Среднего Поволжья. Первым на это обратил внимание И.Г.Георги, который в конце XVIII века писал: "Тептери - слово татарское и значит такого человека, который не в состоянии платить подушных денег. Оное приудилось для основателей сей сволочи, которая в половине шестагонадесять столетия, по случаю причиненного царем Иоанном Васильевичем Каванскому царству разрушения, собралась из черемис, чуваш, вотяков и татар в Урале, а в особливо составляющей Башкирию и к Уфимской губернии принадлежащей часть и весьма скоро стала многолюдной"¹⁸⁴.

Таким образом, тептери не имели общего языка и единого этнического самосознания. Скорее их следует считать категорией не этнической, а социальной. При включении в переписи самостоятельным народом достаточными признавались не этнические признаки, а условия проживания на башкирских землях. Сложный состав населения и неоднозначные подходы к нему при наделении земель по припуску порождали немало спорных вопросов в жизненно важном поземельном устройстве. Об одном таком случае хочется рассказать, процитировав официальные источники.

В 1817 году в Пермскую палату гражданского суда поступил рапорт крестьян Сызгинской волости Красноуфимского уезда о "заспоренной у башкирцов татарами, черемисами, вотяками земле", по которому было вынесено определение¹⁸⁵. В нем говорилось, что "настоящие владельцы Сызгинской волости башкирцы, а не татары, черемисы и вотяки", так как пожалована она им по грамоте великих государей в 1697 году¹⁸⁶. Но так как за взятую у Сызгинских вотчинников землю "в силу коротколенных обязательств... задавали башкирцам немалое число денег... довольно обзавелись уже домашним хозяйством и пашни привели в хорошее состояние... то не згоня оставив их на прежних местах с платежом по обязательству их башкирцам каждогодно оброка"¹⁸⁷. Местная администрация была обеспокоена тем, чтобы "згонением татар, черемис и вотяков с нынешних мест они не пришли в сущее разорение"¹⁸⁸. Поэтому в своем решении она ссылалась на Высочайший 1765 года межевой манифест, по

которому было проведено Генеральное межевание земель: "Означенная татара, черемиса и вотяки должны оставаться покойно в тех пределах, в коих застал Высочайший 1765 года манифест межевой"¹⁸⁹. Согласно другим официальным источникам решение суда о закреплении земли за припущенниками - татарами, марийцами и удмуртами - не выполнялось и башкиры обращались с новыми требованиями о ее освоении.

Тех припущенников, которые забывали родную речь и переходили на башкирский язык, в переписях с конца XVIII века записывали башкирами. За счет этого продолжалось увеличение башкирского населения (табл. 5). Как самостоятельный народ тептерей в Красноуфимском и Осинском уездах последний раз отразили в переписи 1909 года. Исторически верный подход к тептерям был реализован впервые при проведении переписи 1926 года. Тогда не сочли нужным выделять тептерей в отдельный народ, потому что они, как сказано в пояснительной записке, "сословная ветвь башкир, составленная из разных народностей, сама собою должна распасться на свои составные элементы"¹⁹⁰. В предлагаемом исследовании мы распределили тептерей по этнической принадлежности и не сочли нужным приводить специальные количественные показатели в таблицах.

На Южном Урале ситуация с тептерями выглядела совсем иначе. Тептери, по мнению Р.Г. Кузеева, возникнув как сословное образование, постепенно приобрели признаки этнической общности с заметным преобладанием татарского и башкирского языка и культуры. В середине XIX века не только окружающее население, но и сами тептери воспринимали себя обособившимся этническим сообществом с "тептерским" самосознанием и самоназванием "тептяр"¹⁹¹. Переплетение этнической и сословной принадлежности, как в случае с тептерями, было достаточно широко распространенным в многоэтничной России (например, казачество, татары-мишари и др.).

Кроме тептерей переписи начиная с середины XVIII века выделяли в Красноуфимском, Екатеринбургском, Шадринском уездах еще один народ - мешеряков. Многие источники XVIII-XIX веков сохранили описания мешеряков¹⁹², из которых наиболее полное представлено в "Топографическом описании Пермского наместничества" 1786 года: "Мешеряки, находящиеся между татарами и башкирцами, суть потомки вышедших из Крыма и поселившихся в Шагер Булгар в 1481 году. По взятии Казани царем Ив-ом Вас-чем выбрано было из мешеряков 100 человек в конные казаки, которые служили при дворе его 40 лет, по отпуске получили грамоту на уральские места. Поселившись мешеряки

в сих странах, особливо на реке Белой, построили первую деревню на реке Борлан, назвав оную Мулла. Потом на реке Белой застроили город и навали оной Уфой. После сего многие народы к ним присоединились, как то: черемиса, чуваша, мордва и вотяки. Но в царствовании Петра Алексеевича все они были из сих мест выгнаны нарочно для того присланным туда некоторым графом. В местах, где ныне обитают, поселились оставив жилища их предков, около 150 годов до сего времени. Говорят своим языком, который весьма немногими словами отлично произносимыми разнится от башкирского, пишут такими же буквами, как и башкирцы, и имеют так, как и они, народные училища, в которых в юношество обучают муллы читать, писать и петь. Закон исповедуют так же магометанский, почему во всех духовных обрядах совершенно сходствуют с башкирцами. Живут летом и зимой в постоянных домах и имеют пропитание от хлебопашества, скотоводства и пчеловодства¹⁹³.

Предания, отраженные в источниках, выводят предков мещеряков из Крыма, и можно предположить, что древним этническим компонентом, легшим в их основу, были турки, может быть, кипчаки, татары, но в исследованиях и записках путешественников 1780-х годов мещеряков сближают с башкирами не только по языку, но и по культуре и быту. Каким-либо своеобразием, относящимся к категории этнической, они не обладали, поэтому выделять их в особый народ оснований нет. В середине XIX века (1870 год) в Пермской губернии проживало 1829 мещеряков¹⁹⁴.

В этнокультурном развитии татар Среднего Урала в середине XVIII - первой половине XIX века продолжали сохраняться черты, по которым они разделялись еще с начала XVIII века на две группы - кунгурскую и осинскую¹⁹⁵. Кунгурская группа, проживавшая в бассейне Сылвы и Ирени, обладала большей спецификой, свойственной татарскому этносу. Осинская группа издавна была близка к башкирам, от которых и заимствовала многие бытовые особенности. Часть осинских татар даже стала называть себя башкирскими татарами. В то же время, как сообщалось в исследованиях начала XIX века, у этих групп было много общего в языке и образе жизни, и это общее оставалось близким к традициям осинских (тулвинских) башкир¹⁹⁶. Интересны наблюдения рубежа XIX-XX веков относительно языка: "Говорят своим языком, который сходствует с татарским, что почти невозможно сказать, чтоб оныя были два особливья языка"¹⁹⁷.

Языковая общность двух тюркских народов бассейна Тулвы (Осинский уезд) проявляется и в наши дни. Так, значительная часть

тюркоязычного населения современного Бардымского района Пермской области - башкиры и татары - говорят на одном, татарском, языке. Во время проведения переписи населения 1989 года 30,4 тыс. башкир назвали родным языком татарский (это 58,3% общей численности башкир Пермской области). Такое положение обусловлено несколькими обстоятельствами: постоянными длительными контактами башкир и татар, единой природной средой обитания, пребыванием в одной административной единице (Осинская дорога, Осинская слобода), а также, возможно, общностью какого-то древнего предка - этноса.

Таким образом, в середине XVIII - первой половине XIX века на Среднем Урале как крупные этнические общности - русских, коми-пермяков, татар, башкир, так и небольшие - удмуртов, марийцев - охватывают процессы этнической консолидации. Благоприятные условия для ассимиляционных процессов сохранялись в русско-коми-пермяцкой, русско-мансийской, башкиро-удмуртской, башкиро-марийской, башкиро-татарской контактных этнических зонах. Хотя и происходила ассимиляция некоторых групп населения, численность отдельных народов Среднего Урала не уменьшалась, а возрастала, в том числе численность манси, марийцев и удмуртов (табл. 2-5). Отношения между русскими и финно-угорскими народами оставались преимущественно дружественными, и ассимиляционные процессы приобретали естественный характер. Они распространились только на части этносов, а не на все этносы, проживавшие на Среднем Урале. Насильственные ассимиляционные процессы протекали лишь под воздействием башкирского населения, постоянно расширявшего сферу влияния в южных уездах Среднего Урала. Это и привело к образованию смешанных групп населения - тептерей и мешеряков.

Определяющее значение для этнического развития народов Среднего Урала имела культура преобладающего по численности русского населения. Показателем этого являются многие примеры хозяйственных и социальных отношений, а также масштабы усвоения русского языка иноэтносными (бытовое двуязычие).

§ 4. Типы заселения и расселения в конце XVI - первой половине XIX века

Представить этнокультурное развитие народов невозможно без исторического осмысления такого материального результата сельского расселения, как поселения. На материале Среднего Урала эта те-

ма начинала разрабатываться в историко-географическом аспекте. Этнические аспекты поселений в связи с историей миграции и расселения народов на Среднем Урале стали рассматриваться недавно и прежде всего относительно русского и коми-пермяцкого населения Чердынского, Соликамского и Пермского уездов (см. работы В.А.Оборина, И.В.Власовой, Г.Н.Чагина¹⁹⁸) и русского населения Верхотурского уезда (работы В.И.Шункова и В.А.Липинской¹⁹⁹).

В современной этнографии четко осознано единство изучения сельских поселений по четырем направлениям: особенности размещения на местности в зависимости от природно-географической среды (их принято называть типом заселения), взаимное расположение (группировка) поселений на местности в связи с социальной принадлежностью, хозяйственной деятельностью, общинной, родственной и конфессиональной организацией населения (эту сторону сельского расселения предложено именовать типом расселения), разновидности поселений по составу населения, историческим и хозяйственно-культурным функциям (за социально-экономическими признаками утвердилось понятие типа поселений) и планировочные формы, сложившиеся в конкретных природно-климатических, социальных и семейно-родственных условиях (планировка поселений и ориентация жилых домов включаются в понятие формы поселений)²⁰⁰.

Таким образом, принятая классификация поселений создана с учетом природных, исторических, социально-экономических факторов, проявление которых на разных этапах развития поселений всегда оставалось различным. Особенности застройки поселений, сложившиеся под воздействием тех или иных факторов, сохранялись длительное время и приобретали характер этнокультурных традиций.

Чтобы точнее представить рассматриваемые в настоящей главе особенности сельского расселения на Среднем Урале, проанализируем типы расселения в отдельном параграфе, а типам и формам поселений посвятим самостоятельную главу.

Типы заселения

Исходя из особенностей приспособления человека к среде обитания и влияния физико-географических условий на топографию поселений, принято выделять два типа заселения - речной и водораздельный - и несколько их подтипов: прибрежно-речной, прибрежно-озерный, возле устьев рек при большой реке на одном берегу и при ма-

лой реке на обоих берегах, волоковой (на волоках), придорожный, притрактовый, долинно-овражный, сухоходный и др.

В связи с тем, что освоение Среднего Урала носило земледельческо-промысловый характер, население как на раннем, так и на позднем этапе тяготело к рекам и озерам. Природное богатство речных долин - плодородные почвы под пашни, луга для сенокосов, водоемы для рыбного промысла, леса для охоты - имело решающее значение при выборе места для крестьянского поселения. Кроме того, образование поселений по берегам рек было обусловлено отсутствием сухопутных дорог. Реки в этом случае длительное время оставались единственными и удобными путями сообщений.

Прибрежно-речной тип заселения является древнейшим и типичным для Европейского Севера, что подтверждается археологическими и письменными источниками. Активное развитие его прослеживается на Среднем Урале в местах, где основную роль играл водный транспорт. Материалы официальных переписей и Генерального межевания дают возможность проследить соотношение сложившихся типов заселения на всей исследуемой территории. Статистические показатели типов заселения представлены в табл. 7-10, что позволяет увидеть в динамике размещение поселений на местности. В Перми Великой, где формировалось первое русское старожильческое население Среднего Урала, во второй половине XVI века насчитывалось 203 прибрежно-речных поселения, т.е. 92,8% (табл. 7). В Чердынском и Соликамском уездах интенсивнее заселялись русскими побережья Камы от впадения р.Пильвы (на севере) до устьев Кондаса и Яйвы (на юге), а также на этом участке Камы по низовьям притоков. По плотности заселения выделялись два района - к северо-западу от г.Чердыни (по Колве и ее небольшим притокам Кемзельке, Лызовке, Сыпану, Цидве) и к востоку от г.Соликамска (по притокам Камы Усолке, Боровой, Черной). В вотчине Строгановых основная часть поселений находилась на Каме, от впадения р.Лысьвы (на севере) до устьев Яйвы, Кондаса, а также на этом участке Камы по низовьям притоков. Во всех трех названных районах поселения располагались компактно, а в остальных - узкой лентой по берегам рек и при устьях небольших притоков.

На раннем этапе русских прежде всего привлекали крупные реки, освоенные до них аборигенным населением. Здесь в 1579 году находилось 149 поселений, или 67,7% общего числа поселений. По мелким рекам, т.е. в стороне от магистральных речных долин, мы насчитали 45 поселений, или 20,4% всех поселений. По берегам

Таблица 7

Типы заселения в Перми
Великой по сведениям 1579 года

Администра- тивно-тер- риториаль- ная единица	П о с е л е н и я									
	По берегам рек		По берегам озер		На водора- зделах		Возле родников		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Чердынский уезд	99	72,3	6	4,4	24	17,5	8	5,8	137	100
Соликамский уезд	22	55,0	-	-	13	32,5	5	12,5	40	100
Вотчина Строгановых	28	65,2	3	7,0	8	18,7	4	9,3	43	100
ВСЕГО	149	67,7	9	4,1	45	20,4	17	7,8	220	100

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников:
РГБ. Ф.256, д.306, л.1-46; РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.7

крупных рек (Кама, Чусовая, Яйва, Кондас) строилось большинство первых Строгановских поселений. Стратегически важными являлись слободы и солеваренные центры. В 1579 году их было 28, или 65,2% всех поселений вотчины.

Нам уже известно, что начиная с рубежа XVI-XVII веков по первую четверть XVIII века на Средний Урал был направлен основной поток русского населения, а также некоторых финно-угорских и тюркских народов. Этническое развитие народов этого времени способствовало формированию в сельском расселении черт, ставших традиционными. Типы заселения важнейшего этапа этнокультурной истории Среднего Урала выявлены на основе подсчетов, сделанных нами по материалам переписей и сведенных в табл. 8. Как видно, в XVII -

начале XVIII века число поселений увеличилось в 2,3 раза (с 725 до 1677). Наиболее интенсивно продолжался рост поселений по берегам рек и особенно возле устьев притоков. Вместо 437 (1624 год) в начале XVIII века их стало 1132 (67,5% общего количества). Число остальных типов заселения тоже увеличилось. Так, приозерных поселений в начале XVIII века стало 87 (5,3% общего числа) вместо 45 (6,2), поселений по мелким рекам на водоразделах - 269 (16,0) вместо 116 (16,0), поселений возле родников - 189 (11,2) вместо 127 (18,1). Наибольшее увеличение количества приречных поселений наблюдалось в вотчине Строгановых - почти в 5 раз, что составляло 67% всех поселений. В Верхотурском уезде приречных поселений мы насчитали 346 (83,8% всех поселений), а в Соликамском - 118 (50,8). Высокий показатель приречных поселений отмечен в начале XVIII века в Кунгурском уезде - 65% (сопоставить данные со сведениями начала XVII века не можем, так как Кунгурский уезд образовался в 1640-е годы и ранее его территория не охватывалась переписями).

Озерное заселение на Среднем Урале не получило широкого распространения по причине затопляемости и заболоченности берегов большинства озер. Речные и озерные поселения имели одинаковое местоположение на протяжении всего рассматриваемого периода. Они оставались преобладающими: в 1624 году - 66,4%, а в начале XVIII века - 72,8 (табл. 8), что говорит о достаточных природных богатствах прибрежной среды, необходимой для хозяйственных целей.

Одновременно с заселением рек и озер продолжалось освоение водоразделов. Об этом можно судить по двум показателям, извлеченным из переписного материала: местонахождение поселений по мелким рекам (в том числе в верховьях значительных рек) и возле родников. Величина и функция реки в каждом случае определялись нами по картам и исходя из собственных знаний географии местности, а расположение у родника (ручья, ключа) - только по источнику. Таких поселений в 1624 году было 243 (33,6% общего числа), а в начале XVIII века - 458 (27,2). Статистические данные (табл. 8) показывают, что освоение водоразделов активизировалось, но удельный вес водораздельных поселений в начале XVIII века не стал значительным, как приречных. К водораздельному заселению, например, относятся некоторые поселения по Бабиновской дороге. В направлении от Соликамска до Верхотурья в XVII веке возникли деревни Половодово, Сурмог, Молчан, Ик, Чикман, Косьвинская, Кырья и караулы с таможенными²⁰¹.

Таблица 8

Типы заселения на Среднем Урале
в XVII - начале XVIII века

Административно-территориальная единица	П о с е л е н и я									
	По берегам рек		По берегам озер		На водоразделе при мелк. реках		Возле родников		Всего	
	Г о д ы									
	1624	1707	1624	1707	1624	1707	1624	1707	1624	1707
	1719		1719		1719		1719		1719	
Чердынский уезд	158	147	18	11	55	43	72	53	303	254
	<i>52,0</i>	<i>58,0</i>	<i>66,0</i>	<i>4,2</i>	<i>18,0</i>	<i>17,0</i>	<i>24,0</i>	<i>20,8</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Соликамский уезд	45	118	2	14	17	51	31	49	95	232
	<i>47,4</i>	<i>58,8</i>	<i>2,0</i>	<i>6,0</i>	<i>17,9</i>	<i>2,0</i>	<i>32,7</i>	<i>31,2</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Вотчина	71	353	14	27	37	94	19	52	141	526
Строгановых	<i>50,3</i>	<i>67,0</i>	<i>10,0</i>	<i>5,1</i>	<i>26,2</i>	<i>17,9</i>	<i>13,5</i>	<i>10,0</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Кунгурский уезд	-	140	-	19	-	43	-	13	-	215
	-	<i>65,0</i>	-	<i>9,0</i>	-	<i>20,0</i>	-	<i>6,0</i>	-	<i>100</i>
Новоникол. слобода и Осин. дорога	8	28	-	-	-	4	-	5	8	37
	<i>100</i>	<i>75,7</i>	-	-	-	<i>10,8</i>	-	<i>13,5</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
Верхотурский уезд	156	346	11	16	7	34	5	17	178	413
	<i>87,1</i>	<i>83,8</i>	<i>6,2</i>	<i>3,9</i>	<i>3,9</i>	<i>8,2</i>	<i>2,8</i>	<i>4,1</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
ВСЕГО	437	1132	45	87	116	269	127	189	725	1677
	<i>60,2</i>	<i>67,5</i>	<i>6,2</i>	<i>5,3</i>	<i>16,0</i>	<i>16,0</i>	<i>17,6</i>	<i>11,2</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГБ. Ф.256, д.308, л.47-186; РГАДА. Ф.214, кн.1521, 1538, оп.5, д.744, 2175; ф.350, оп.3, д.1662; ф.1278, оп.1, д.318; ГАПО. Ф.597, оп.1, д.15; ИКМ. Кол.2038. Курсивом приведен показатель численности поселений в процентах

Анализ переписного материала, проведенный с целью утановления типов заселения, позволил выявить ряд существенных деталей в сельском расселении Среднего Урала. В 1624 году среди приречных поселений 75% было погостов и деревень, а 82% водораздельных поселений составляли починки. В начале XVIII века процентный показатель наличия погостов и деревень в приречных местах остался таким же, а показатеь поселений на водоразделах изменился - починки составляли только 68% по отношению к погостам и деревням. Считая починки в момент составления переписей недавно появившимися поселениями и чаще всего основанными пришлым населением, приходится признать водоразделы районами активного вовлечения в хозяйственно-культурный оборот. Но процесс этот в зависимости от исторических и природных условий в каждом регионе Среднего Урала имел особенности. Результаты его тоже прочитываются по материалам переписей XVII - начала XVIII века²⁰². В Чердынском уезде, колонизируемом русскими раньше других территорий Среднего Урала, число починков на водоразделах сократилось со 127 до 86, или с 42% в 1624 году до 37% в 1710. Причем основная масса починков возникла, как и прежде, не на окраинах уезда, а в центральных погостах - Бондюг, Вильгорт, Губдор, Ныроб, Цидва, Янидор. Таким образом, продолжалось заселение новых земель рядом с прежде освоенными. Обширные окраины уезда в начале XVIII века оставались еще свободными.

В соседнем Соликамском уезде и вотчине Строгановых наблюдалась иная картина. Число починков на водоразделах в XVII - начале XVIII века увеличивалось, но удельный вес их среди всех поселений сокращался. Так, в Соликамском уезде в 1624 году было 48 водораздельных починков (50,6%), а в 1710 - 100 (43). В вотчине Строгановых насчитывалось в 1624 году 56 починков (39,7%), а в 1711 - 146 (27,9). Большинство их появилось во второй половине XVII века по берегам притоков крупных рек. В Кунгурском уезде в 1719 году починков на водоразделе было 56, или 26% всех поселений уезда. В Верхотурском уезде, освоение которого началось на рубеже XVI-XVII веков и активно продолжалось на протяжении XVII века, починков по водоразделам к началу XVIII века было очень мало, в 1624 году их насчитывалось 12 (7,8% всех поселений уезда), а в 1710 - 51 (12,3). Эту особенность в заселении следует объяснить тем, что в XVII веке в Верхотурском уезде было еще достаточно свободной территории для организации земледелия в долинах крупных рек. Таким образом, анализ приведенных данных углубляет наше

представление о сельском расселении на Среднем Урале в XVII- начале XVIII века.

Выявленные этапность в распространении типов заселения и степень их развития отражались в топонимии многих районов Среднего Урала. Крупные реки, их значительные притоки, а также освоенные земельные угодья имели названия не только русского, но и финно-угорского, тюркского происхождения, заимствованные русскими на этапах взаимодействия с аборигенным населением - коми-пермяками, маңси, татарами, башкирами. В отличие от речных долин на водоразделах преобладающей в начале XVIII века стала русская топонимия.

Развитие типов заселения в XVIII веке восстанавливается по материалам "Экономических примечаний" 1780-х - 1790-х годов к Генеральному межеванию, в которых указано положение на местности всех населенных пунктов 12 уездов Пермской губернии²⁰³. На основе Генерального межевания в 1800 году был составлен "Атлас Пермской губернии", который сохранился в единственном экземпляре в фонде Межевого департамента Сената Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург)²⁰⁴. "Атлас" состоит из поуездных карт (некоторые размещены на нескольких листах), где обозначены все существовавшие в то время населенные пункты. Кроме того, в губернской типографии г.Перми вышло приложение к "Атласу" - "Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для Атласа 1800 года"²⁰⁵. Мы не посчитали необходимым сделать копию "Атласа" и приложить к исследованию (из-за трудоемкости работы). Любой заинтересовавшийся "Атласом" может ознакомиться с ним в указанном архиве. Цифровой материал Генерального межевания представлен в табл. 9, и его нам достаточно для выяснения типов заселения.

Наметившаяся на предыдущем этапе неравномерность хозяйственного освоения районов Среднего Урала в XVIII веке нашла прямое отражение в типах заселения. К концу XVIII века число приречных и приозерных поселений по сравнению с началом века возросло почти в 4 раза (с 1191 до 4722) и составило 74,6% всех поселений губернии. К сожалению, поуездные цифровые показатели конца XVIII века сопоставить с началом XVIII века невозможно, так как административные территории в связи с образованием Пермской губернии в 1797 году изменились. Высокими темпами увеличения количества поселений отличались прежде всего два вновь образованных уезда - Оханский и Пермский, в которые входили земли Строгановых, заселенные крепостными крестьянами. В Оханском уезде их насчитывалось 1228, или

Таблица 9

Типы заселения
в Пермской губернии в 1790-1800 годах

Уезд	Поселения								Итого
	По берегам рек	По берегам озер	Всего		На водоразделах при мелк. реках	Возле родников	Всего		
			абс.	%			абс.	%	
Пермский	912	27	940	77,5	218	54	272	24,5	1212
Кунгурский	205	15	220	59,5	118	32	150	40,5	370
Соликамский	256	21	277	63,2	92	69	161	36,8	438
Чердынский	188	18	206	61,5	57	72	129	38,5	335
Оханский	1205	23	1228	82,3	180	84	264	17,7	1498
Осинский	105	13	118	50,6	84	31	115	49,4	233
Красноуфим.	177	9	186	74,4	49	15	64	25,6	250
Верхотурский	317	17	334	89,8	20	18	38	10,2	372
Екатеринбург.	229	23	252	72,4	75	21	96	27,6	348
Ирбитский	319	14	333	80,6	68	12	80	19,4	413
Камышловский	305	19	324	77,9	65	27	92	22,1	416
Шадринский	286	18	304	68,3	85	56	141	31,7	445
ВСЕГО	4505	217	4722	-	1111	491	1602	-	6324
	(71,2)	(3,4)	(74,6)	-	(17,6)	(7,8)	(25,4)	-	(100)

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГИА. Ф.1350, оп.312, д.24, 120; РГВИА. Ф.ВУА, д.18928. В скобках приведен показатель численности поселений в процентах

82,3%, а в Пермском - 940, или 77,5% (табл. 9). Как и в начале XVIII века, значительный удельный вес приречных и приозерных поселений оставался в Верхотурском уезде - 89,8%. Такого показателя не было ни в одном уезде губернии. Объяснялось это тем, что в

XVIII веке, как и в XVII веке, в речных долинах восточного Урала по-прежнему имелось немало неосвоенных полезных земель, хотя на них и была сосредоточена основная масса крестьянского населения, сложившегося в XVII веке. С учетом физико-географических условий в размещении приречных поселений Среднего Урала выявляется такая особенность: на реках меридионального направления (Кама, Вишера, Колва, Сива, Тулва, Тавда, Лозьва, Сосьва) поселения возникали по обоим берегам, но чаще на правом; на реках широтного направления (Иньва, Обва, Чусовая, Сылва, Тагил, Ница, Пышма, Исеть) большинство поселений располагалось на левом берегу.

В XVIII веке процесс заселения водоразделов приобрел еще более быстрые темпы, чем в предыдущем. К 1795 году поселений по мелким рекам, у родников и ключей стало 1602, или 25,4% общего числа поселений. По сравнению с началом XVIII века их число увеличилось в 3,6 раза. Среди водораздельных поселений, как и прежде, преобладали починки. Более всего поселений на водоразделах появилось в Осинском (49,4%), Кунгурском (40,5), Чердынском (38,5), Соликамском (36,6) уездах и менее всего, естественно, там, где преобладал приречный тип заселения - в Верхотурском (10,2%), Оханском (17,7), Ирбитском (19,4) уездах (табл. 9).

Заметные перемены в сельском расселении произошли в Пермской губернии к середине XIX века (табл. 10). Общая численность сельских поселений к 1869 году возросла по сравнению с 1795 годом почти в 1,5 раза и составила 9229. Продолжалось интенсивное заселение речных долин, но в отличие от XVIII века не в центральных местах уездов, а по их окраинам. Благодаря этому в хозяйственно-культурный оборот включались новые земли, в уездах центральной и южной зоны Среднего Урала достаточно плодородные. По берегам рек и озер к 1869 году возникло 7711 поселений, что составляло 83,5% общего их числа. Количество этих поселений увеличилось по сравнению с 1795 годом в 1,6 раза. На наиболее крупных реках поселения распределялись таким образом: на Каме - 131 (с населением 33732 человека), Чусовой - 127 (26699), Сылве - 125 (28396), Ирени - 33 (9647), Обве - 78 (7803), Косьве - 31 (3457), Шакве - 37 (8348), Иргине - 22 (12276), Барде - 29 (4826), Очере - 24 (9388), Вишере - 25 (2881), Колве - 14 (3538), Тулве - 52 (5515), Туре - 88 (17910), Сосьве - 31 (2799), Лозьве - 3 (116), Ляле - 9 (1095), Тагиле - 52 (40497), Нейве - 46 (40652), Реже - 32 (23230), Пышме - 65 (35259), Исети - 104 (77357), Нице - 56 (22935), Ирбите - 28 (14664)²⁰⁶.

Типы заселения
в Пермской губернии в 1869 году

Уезд	П о с е л е н и я .									
	По	По	Всего		Вов-	У	По	Всего		Итого
	бере-	бере-	абс.	%	ле	ко-	тра-	абс.	%	
гам	гам			род-	лод-	ктам				
рек	озер			ни-	цев					
				ков						
Пермский	1413	35	1448	80,0	70	82	46	198	20,0	1646
Кунгурский	345	17	362	77,0	7	20	81	108	23,0	470
Соликамский	1858	48	1906	86,6	144	132	20	294	13,4	2200
Чердынский	372	18	390	83,9	40	25	10	75	16,1	465
Оханский	1564	34	1598	84,0	170	108	28	206	16,0	1804
Осинский	433	22	455	76,8	73	56	8	137	23,2	592
Красноуфим.	258	15	273	80,0	24	29	15	68	20,0	341
Верхотурский	334	51	385	91,8	14	8	12	34	8,2	419
Екатернбург.	207	26	233	77,4	27	34	7	68	22,6	301
Ирбитский	189	23	212	76,2	16	35	15	66	23,8	278
Камышловский	214	25	239	73,3	31	44	12	87	26,7	326
Шадринский	182	28	210	54,7	73	95	9	177	45,3	387
ВСЕГО	7369	342	7711	-	689	668	263	1518	-	9229
	(79,8)	(3,7)	(83,5)	-	(7,4)	(7,1)	(2,0)	(16,5)	-	100

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям 1869 года. Спб., 1875. С. CVIII-ССХ; 7-364. В скобках приведен показатель численности поселений в процентах

Интенсивность освоения водоразделов заметно уменьшилась как по численности, так и по удельному весу. В 1795 году поселений на водоразделах было 1602 (25,4%), а в 1869 - 1518 (16,5) (табл. 10). В переписных материалах о таких поселениях сказано, что они

расположены вовле родников, у колодцев, по трактам. Вместе с тем отсутствовало указание на местонахождение поселений по мелким рекам, зафиксированное в предыдущих переписях. Снижение темпов нового заселения водоразделов явилось, очевидно, результатом сокращения внутренних миграций, что совпало с изменением землепользования - наделение земель по тяглу заменено уравнительными переделами и отменены свободный захват земли и распоряжение ею по нормам обычного права²⁰⁷.

Развитие типов заселения сохраняло поуездную специфику, наметившуюся в XVIII веке. Исключением являлся только Шадринский уезд, где водораздельные поселения составляли 45,3% поселений (табл. 10). В этом уезде удобных для земледелия площадей было больше на водоразделах, чем по рекам.

Наиболее значительной численностью приречных поселений выделялись Верхотурский (91,8%), Соликамский (86,6), Оханский (84,0), Чердынский (83,9), Пермский (80,0) уезды (табл. 10). Наименьшее количество водораздельных поселений отмечалось по-прежнему в Верхотурском (8,2%), Соликамском (13,4), Чердынском (16,1), Оханском (16,0) уездах (табл. 10).

К числу водораздельных поселений переписями относились поселения по трактам. Притрактовые поселения на Среднем Урале появились рано, так как здесь проходили пути через Уральский хребет и между бассейнами рек по водоразделам. Впервые они были точно зафиксированы в переписных материалах 1869 года²⁰⁸. Тогда их было 263, или 2,0% имевшихся поселений губернии (табл. 10). По трактам сельские поселения распределялись так: по Сибирскому - 115, Чердынскому (Соликамскому) - 45, Камско-Воткинскому - 31, Ирбитскому - 23, Богословскому - 17, Бирскому - 11, Исетскому - 15, Красноуфимскому - 1.

Типы расселения

На Среднем Урале аборигенное и пришлое население издавна проживало компактно, исходя из стремления обладать рациональным хозяйственно-культурным потенциалом. В Северном Прикамье коми-пермяки в IX-XV веках образовали 7 племенных групп²⁰⁹. Древние угры - манси - заселили таежные берега рек и озер и не покидали их длительное время. Наибольшая компактность проживания наблюдалась в северном регионе по причине суровости природных условий и нема-

лых трудностей в ведении хозяйства. Достаточные площади осваиваемой земли и хорошие угодья для промысловой деятельности надолго удерживали человека на одном месте. В разделах работ, посвященных раннему этапу освоения Среднего Урала, мы называли районы, которые привлекли наибольшее число русских крестьян.

При реконструкции ранних типов расселения на Европейском Севере исследователи пишут о группировке поселений в гнезда и объясняют этот факт общинной жизнью и природными условиями, которые закрепляли традиции²¹⁰. Население гнезд, "очагов" поддерживало хозяйственные и родственные связи. В XV-XVII веках во многих местах Европейского Севера, откуда приходили русские на Средний Урал, гнезда расселения были известны в классической форме и под древними названиями²¹¹.

Состояние привлекаемых нами письменных источников не позволяет во всей полноте писать о гнездовом расселении на Северном Урале. Первоначальные названия гнезд до нас не дошли, установить их трудно, а поздние настолько разнообразны, что кажутся данными в связи с какими-то случайными фактами. Многие поздние названия, которые приведены в литературе и выявлены нами во время полевых исследований, можно отнести к категории народных присловий, под которыми Д.К.Зеленин предлагал понимать прозвища, относящиеся "не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собою географическое или этнографическое целое"²¹².

Примеры, указывающие на типичный для Европейского Севера гнездовой тип расселения на Среднем Урале, слишком фрагментарны. Родственные связи людей, заселивших компактно конкретную территорию Среднего Урала, прослеживаются в исключительных случаях. Подобное наблюдается в ряде погостов и слобод, которые в конце XVI - начале XVIII века признавались не только самостоятельными поселениями, но и территориями, на которых находились деревни, починки, займища. Погостам и слободам отводилась земля, используемая в хозяйственных целях крестьянами. Выселение за пределы погостов и слобод приводило к земельным спорам. Число поселений вокруг погостов и слобод оставалось разным, в XVII веке их насчитывалось от 3 до 40.

Многие погосты занимали достаточно большую территорию, порой разделенную реками, болотами, горами, что создавало трудности в общении населения. Население большинства погостов и слобод имело разное происхождение и не представляло собой коллектив людей, связанный родственными традициями. Основным фактором, сплачиваю-

щим население большинства погостов и слобод, являлось решение каких-либо хозяйственных дел, определяемых местной администрацией.

Анализируя географию размещения поселений на местности, мы заметили, что под влиянием природной среды в поселениях, расположенных на близком расстоянии, возникали более сплоченные коллективы людей. Так, в Чердынском уезде в 1624 году было 70 компактных территорий проживания населения, а в 1678 - 114, в Соликамском уезде в 1624 году - 16, а в 1678 - 138, в вотчине Строгановых в 1624 году - 48, а в 1678 - 102, в Верхотурском уезде в 1624 году - 43, а в 1680 - 145. Из них около 80% располагались по берегам рек и озер, а остальные - на водоразделах²¹³.

У населения компактно заселенных территорий складывались отношения, свойственные соседским общинам. О предшествовании им отношений уровня большесемейной общины, играющим важную роль в освоении поселений путем выселения семейных пар на новые земли округа, имеющиеся источники свидетельствуют не достаточно полно. Но найденные нами фрагментарные сведения указывают на существование этого явления в некоторых местах Среднего Урала.

В частности, судя по документу, где речь идет об отводе земли Чердынскому Иоанно-Богословскому монастырю в погосте Лимеж Чердынского уезда в 1645 году, решение принимается от имени населения трех деревень²¹⁴. В Верхотурском уезде в 1621 году из вновь прибывшей 41 семьи 10 поселились на берегу Нейвы и основали Невьянскую слободу, остальные расселились вверх по Нейве и Режу и образовали 5 деревень с 29 дворами, в которых проживало 126 человек мужского пола²¹⁵. Перепись Верхотурского уезда 1624 года отмечает немало деревень в один двор, где проживала одна семья²¹⁶. В XVII веке многие такие деревни разрастались путем раздела семей. Разделы часто приводили к выселению за пределы деревни и основанию новых поселений. По данным переписи 1680 года в Верхотурском уезде из 145 компактно заселенных территорий в 49 (33,8%) все жители имели только одну фамилию своего предка, основателя первого поселения. В других 72 поселениях (49,7%) наряду с фамилией первопоселенца встречается по 2-3 новых, что явилось результатом подселения местными воеводами в ранее сложившуюся локальную группу поселений "новоприбранных" (недавно пришедших) людей. Благодаря расселению родственников на компактной территории отчетливо проявлялась локализация одинаковых фамилий в пределах нескольких близлежащих поселений. Потомки основателей деревень и починков сохраняли родовые фамилии длительное время, порой до наших дней.

Таким образом, на Среднем Урале на этапе формирования русского населения шло образование компактных территорий заселения. Но они представляли собой не классическое гнездовое расселение родственного коллектива людей, свойственное на Европейском Севере местам выхода русского населения²¹⁷, а объединение людей в первую очередь по месту проживания, которое осваивалось исходя из наличия удобных почв, которыми в условиях свободного захвата и отчуждения земли можно было пользоваться по личному решению. Это явление сохранялось и позже, особенно там, где уравнильные переделы земли долго не вводились. Приведем примеры, раскрывающие обстоятельства, повлекшие за собой образование компактно заселенных территорий.

Священник с.Спасбардинского И.Бердников в 1848 году дал характеристику расселения в Черноярской волости Кунгурского уезда и указал его причину: "Селения по прежней зависимости от воли домохозяев имеют расположение беспорядочное, они большею частью состоят из выселков и однодворок, а сим, сверх общего названия селению принадлежащего, именуются еще особо; сему причина та, что всякий поселянин для удобного уназмлиения своих пашен селится близ своего поля"²¹⁸.

Одну из деревень по р.Вишере - Ничкову - основал крестьянин Ничков из д.Ряткиной Вильгортской волости Чердынского уезда. У него было двое сыновей - Максим и Федор. Первый жил с отцом, а другому построили отдельный дом. Дети Максима поселились на новом месте, на расстоянии одной версты, и основали новую деревню, которая стала называться Малой Ничковой, а позднее - Березником. Дети Федора остались в родной деревне и жили по своим домам. Впоследствии ее стали называть Большой Ничковой. В середине XIX века²¹⁹ в большой деревне насчитывалось 22 двора, а в малой - 12.

Другую вишерскую деревню - Романиху - основали братья Ларион и Лазарь Плотниковы, прибывшие сюда из соседней, Губдорской волости. Десять лет спустя оттуда же приехали еще два брата - Гавриил и Роман Зыряновы, а позднее - Николай Кичигин с р.Язьва (приток Вишеры). Впоследствии Лазарь Плотников основал рядом новую деревню - Овладееву. Его семья состояла из 30 человек и проживала в трех курных избах. Ларион же завещал Роману речку. С тех пор и река, и деревня стали называться Романихой. В середине XIX века в д.Романихе у потомков Лариона Плотникова были уже 4 дома, у Зыряновых - 10, Кичигиных - 3. В Овладеевой же²²⁰ потомки Лазаря Плотникова имели 6 домов, а потомки приехавшего туда Кичигина -

3. Аналогичная картина наблюдалась и в других районах Среднего Урала. В таких районах, как Вишерский, поселения тяготели к охотничьим и рыболовным угодьям, обычно возле богатых промысловых угодий появлялась группа поселений. Если в достатке было земли для земледелия и лесных промыслов, то сложившееся компактное расселение сохранялось долго, несмотря на увеличение плотности населения. В такой обстановке у населения обязательно появлялись родственные связи.

Группировка поселений, о которой мы пишем, наблюдалась и в XVIII-XIX веках на заново осваиваемых территориях за счет внутренних миграций. Примеров этого достаточно много. Так, по р.Колва севернее с.Ныроб Чердынского уезда на рубеже XVIII-XIX веков возникла локальная группа из 4 деревень: Корепино, Березовая, Ракшер, Урцево. Об особенностях ее образования говорят фамилии жителей, записанные в VIII ревизской переписи 1834 года²²¹. В деревнях Корепино и Березовая 11 семей имели фамилию Собянины, предки их пришли из Говорливской волости на р.Вишере (Чердынский уезд). В д.Березовой было еще по одной фамилии - Свиреповы и Оносовы. В д.Ракшер проживало три семьи Вологжениновых (пришли из с.Цидва Чердынского уезда), а в д.Урцево - три семьи Ассановых (пришли из с.Покчи Чердынского уезда) и одна - Пинягиных (предки, очевидно, были выходцами из поселений на р.Пинега). Подобных новых компактных территорий заселения ко времени проведения VIII ревизской переписи 1834 года²²² в Чердынском уезде появилось 27, а в южном - Соликамском - 39. Все они располагались не в старожильческих местах, а по окраинам уездов. В образовании их общинные связи не проявлялись, так как новые поселения основывали выходцы из разных старых сел и деревень.

В южных уездах Среднего Урала, где пригодные земли для заселения и освоения в хозяйственных целях занимают большую площадь, а не встречаются оазисно, как на севере, компактность в заселении проявлялась редко. Сельское расселение здесь приобрело более равномерный характер, чем на севере.

Преобладающее число компактных территорий заселения во второй половине XVIII века превратилось во вновь появившиеся волости-общины. В центральных и южных уездах Среднего Урала, в которых наблюдалась высокая плотность населения, волости-общины объединили по три и более локальных групп поселений, между которыми к середине XVIII века границ практически уже не существовало.

Особая черта в сельском расселении на Среднем Урале связана с

развитием горнозаводской промышленности. Крестьяне селились вокруг заводских поселков и были заняты в промышленности. В первой половине XIX века таких крестьян стали называть заводскими²²³.

Мы уже не раз отмечали, что в сельском расселении сохранялись особенности, обусловленные разными формами землевладения. На черносошных землях (позднее - государственных) крестьяне проживали не только компактно, но и рассеянно, особенно в отдаленных и малопригодных для жизни местах. На частных, вотчинных землях рассеянное заселение обычно не допускалось владельцами крестьян. Например, оно не наблюдалось на землях вотчины Строгановых, особенно на окраинах вотчины по Чусовой, Сылве и Средней Каме. В поселениях вотчинных крестьян быстрее заводился необходимый комплекс сельскохозяйственных угодий²²⁴.

В ряде районов Среднего Урала некоторые особенности расселения определялись конфессиональной принадлежностью жителей. Пришлые русские крестьяне, коми-пермяки, а затем и крещенные манси объединялись в сельские православные приходские общины. Становление первых приходских общин шло во второй половине XV - XVI веке на территории активно колонизируемого Северного Прикамья. Центрами ранних приходских объединений являлись погосты и слободы с храмами. В каждой вновь обустриваемой в XVII веке слободе Верхотурского уезда одновременно возводили острог и храм. В конце XVI - начале XVIII века численность и территория приходов находились в полном соответствии с административным устройством уездов и вотчины Строгановых. С середины XVIII века приходское деление было распространено на волостное устройство. Деятельность приходов регламентировалась как епархиальным управлением, так и местной администрацией.

Компактно расселялись монастырские крестьяне. Так, по III ревизской переписи 1762-1763 годов крестьяне Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря имели 29 деревень и починков, которые образовали две компактные территории расселения - возле самого монастыря (побережье Камы и устье притока Лысьвы) и в верховьях Сиры, Кондаса, Лысьвы²²⁵. Верх-Язьвинская Успенская пустынь по этой же ревизии имела 10 деревень и 4 починка с населением 1215 человек обоего пола по р.Язьва, притоку Обвы в Соликамском уезде²²⁶.

Таким образом, население, проживавшее как в самих погостах, слободах, так и на территориях, принадлежавших им, а позднее в волостях-общинах и тем более в монастырских вотчинах, имело наря-

ду с хозяйственным, административным, культурным еще и общее духовное объединение. В первой половине XIX века в связи с дальнейшим освоением волостей наблюдалось дробление приходских общин. Отдаленные населенные пункты, откуда затруднен был путь в центры волостей и общин, обзаводились собственными приходскими храмами.

К сожалению, конфессиональные объединения населения Среднего Урала XV - первой половины XIX века изучены слишком слабо, за исключением некоторых сторон жизни старообрядческих общин²²⁷, а также приходов официального православия XVIII века в восточной части Урала, рассмотренных в монографии Н.Д.Зольниковой²²⁸.

В связи с расколом русской православной церкви в середине XVII века и преследованием населения, не поддержавшего реформ патриарха Никона, на Среднем Урале в конце XVII века появляются первые скиты старообрядцев-поморцев, часть которых очень быстро послужила основой для образования оппозиционных по отношению к господствующей церкви общин. На раннем этапе районом старообрядческого заселения явился бассейн р.Обва и низовья другого притока Камы - Косьвы. На первых старообрядцев этих мест местная администрация обратила внимание в 1684 году²²⁹. По верхним притокам Обвы - Лысьва, Сабанец, Сепыч - в 1698 году поселяются высланные из Москвы стрельцы-старообрядцы²³⁰. С этих пор в освоении русскими Среднего Урала возникает старообрядческое направление. В XVIII веке оно приобретает большой удельный вес и становится частью внутренних миграций. Старообрядцы заселяют не только места, где строились заводы, но и отдаленные, ранее не освоенные никем земли, иногда по соседству с коми-пермяками, удмуртами, татарами, башкирами²³¹. Помимо перехода местного населения в старообрядческие общины отмечалось переселение на Средний Урал старообрядцев из районов Европейского Севера и Среднего Поволжья (более всего из Керженской волости Балахнинского уезда Нижегородской губернии²³²).

Крупная община старообрядцев поморского согласия сложилась в Верхокамье - вокруг истока Камы и по верхним притокам Обвы (рис. 7). На ее примере хорошо видно влияние старообрядческой идеологии на особенности расселения. С 1698 по 1725 год в Верхокамье "москвитяне жили скитами, аки монастырями многолюдными, человек по сто..."²³³. В 1725 году по доносу скиты были разгромлены военным отрядом и старообрядцы "бежали близ Кайгородка в Плесинском монастыре три стрельца, на Юму два, да в Кунгуре в Спасском монастыре четверо жили по разным местам, кто куда уходили"²³⁴.

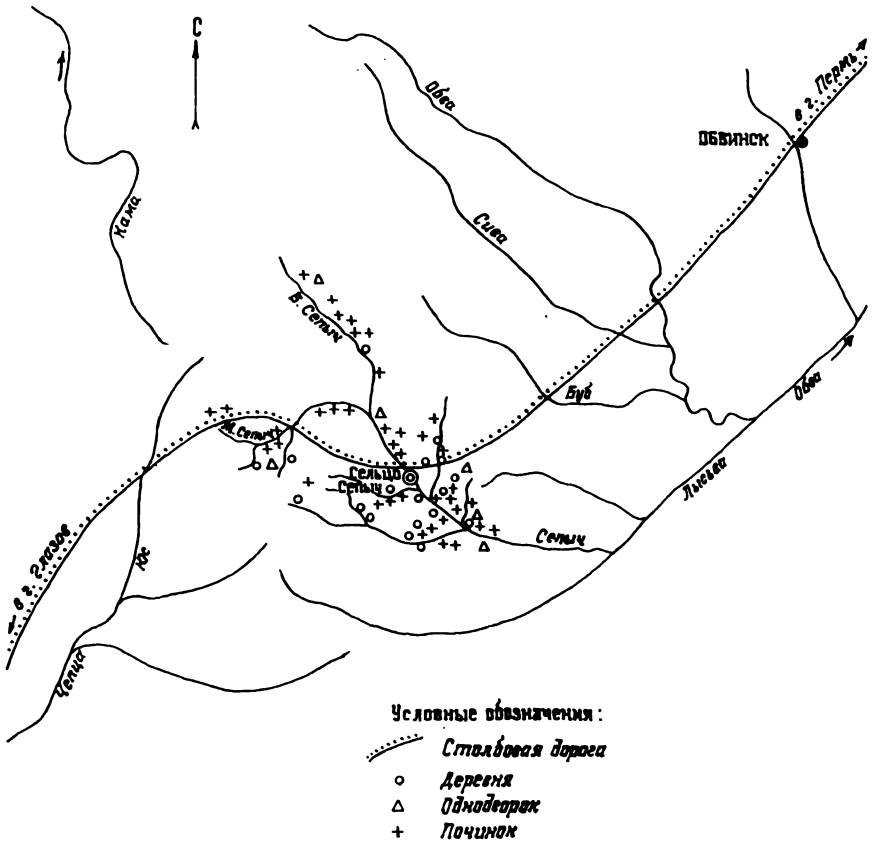

Рис.7. Размещение поселений общины старообрядцев поморцев в Оханском уезде в 1795 году

С разгромом скитов стрельцов-старообрядцев поморская община в Верхокамье не исчезла. На той территории, которая входила в Оханский уезд, в XVII веке было основано 16 деревень, в XVIII - 73 (рис. 7), в XIX - 102 (из них 30 возникли после 1861 года путем расселения существующих)²³⁵. По V ревизии 1795 года только в Сепычевской волости у А.С.Строганова проживало 1289 человек обоего пола, а в 1857 году в Сепычевской приходе состояло 2875 поморцев²³⁶. Старообрядцы Верхокамья держались изолированно и не вступали ни в какие контакты не только с соседним православным русским населением, но и с удмуртами и коми-пермяками (такая ситуация держалась до рубежа 1940-1950-х годов).

При отсутствии смешения разных конфессиональных групп населения в Верхокамье длительное время сохранялись архаические севернорусские черты культуры и быта, хорошо изученные в 1970-1990-е годы комплексными археографо-этнографическими экспедициями Московского, Пермского университетов и Пермского областного краеведческого музея²³⁷.

Несмотря на обширные сельскохозяйственные угодья, население проживало компактно, поселения возникали на близком друг от друга расстоянии. Компактное расселение, ставшее типичным в этом районе как на раннем, так и на позднем этапе заселения, было обусловлено активным функционированием общин-соборов, являвшихся внутренними подразделениями общины-согласия (до середины XIX века единой в рамках всего Верхокамья, а позднее разделенной на два самостоятельных согласия - максимовцев и деминцев). В XVIII - первой половине XIX века территориальные рамки общин-соборов оставались стабильными. Жители нескольких деревень и починков образовывали свой собор во главе с поставленным духовником. Если сельская (деревенская) община занималась земельными отводами, сбором налогов, выполнением разных повинностей, то конфессиональная община-собор ведала духовными делами, а также некоторыми сторонами жизни семьи, брака, поведением людей в быту, трудовой взаимопомощью. Конфессиональная община постоянно поддерживала крестьянские хозяйства, поэтому вокруг сел и деревень, являвшихся центрами общин-соборов, длительное время сохранялась компактность в заселении. В середине XIX века по 5-7 поселений было сосредоточено вокруг сел Сепыча и Кулиги, деревень Демино, Мальковка, Абросьята, Андронята, Нифонята, Жигали, Потереи, Святые и др. Жители близлежащих поселений объединялись в самостоятельный собор.

Традиции сельского расселения, свойственные Верхокамью, наб-

людались и в других старообрядческих согласиях. Стремилась не расселяться друг от друга беглопоповцы, имеющие приходские храмы в селах Таватуй и Шарташ в Екатеринбургском уезде, на окраине Нижне-Тагильского заводского поселка в Верхотурском уезде, а также часовенные старообрядцы (в конце XVIII века, когда происходило отделение их от беглопоповцев, согласие называлось стариковщиной) в Екатеринбургском, Кунгурском, Осинском, Пермском уездах.

На восточном склоне Урала наиболее влиятельной и крупной по численности была община старообрядцев беглопоповцев (в 1831 году община перешла в единоверие) Нижне-Тагильского поселка и его округи. Здесь старообрядцы появились со времени основания завода в 1725 году. В 1745 году на окраине Нижнего Тагила крестьянином А.И.Рябининым, отец которого принадлежал к роду бояр Хованских и был выслан на Урал за участие в противоправительственном бунте, была построена Троицкая часовня. В 1823 году в Троицкой общине проживало 15411 человек, в нее входили жители заводского поселка и крестьяне округи²³⁸. Старообрядчество получило здесь распространение, так как "раскол... во главе заводоуправления имел своих покровителей и поборников. Управляющие или приказчики были или раскольники, или слабые православные"²³⁹. В "Церковно-историческом и статистическом описании единоверия в Нижне-Тагильском заводе и его округе", составленном в 1823-1832 годах, старообрядческим организациям этих мест давалась такая характеристика: "Могущественное общество ниже-тагильского раскола было так крепко сплочено, что представляло сплошной оплот для всего раскола в здешней округе. Тут была особенная сфера религиозной жизни с интересами и обычаями. Здесь была своя администрация, своя особенная иерархия беглых попов, не зависящих ни от какой духовной власти и подчиненных исключительно контролю старшин"²⁴⁰. Известно, что эта община держала под контролем и сельское расселение своих единоверцев.

Жизнь старообрядцев лобой общины была замкнутой, выход из нее поодиночке или целой семьей почти не допускался. Имели место случаи дробления общин, в результате которого на вновь осваиваемые земли переезжала только группа семей. Она обзаводилась полным комплексом хозяйства и образовывала новую конфессиональную общину (собор), аналогичную прежней. В отличие от старообрядцев члены приходских общин официального православия могли поодиночке сниматься с мест и уходить в другие районы, где им в силу своих взглядов и устоев было проще, чем старообрядцам, войти в новые

(даже ранее существовавшие приходы) общины, аналогичные прежним.

Итак, исследование размещения поселений позволило выявить существенные особенности заселения и освоения среднеуральских территорий. На раннем этапе этого процесса основная масса русского и других народов селилась по берегам рек. Прибрежно-речной тип заселения оставался преобладающим и во время поздних миграционных процессов (с середины XVIII века). Признаки водораздельного типа заселения хотя и прослеживаются с первой половины XVII века, но всеобщего развития не получили. Такой характер заселения был типичным для многих районов Европейского Севера и Сибири. Помимо природно-географической среды на размещение поселений влияли экономические факторы. В речных долинах удобно было создавать земледельческо-промысловое хозяйство, так как колонизация Среднего Урала носила крестьянский характер. В Соликамском уезде на раннем этапе на расселение влияло солеваренное производство, с XVIII века во многих других районах Среднего Урала - горнозаводская промышленность, торговые связи городских и заводских центров, строительство трактов и дорог, а также изменения в административном устройстве. Помимо этого, расселение напрямую было связано с нормами землепользования, социальной и конфессиональной принадлежностью населения.

В заселении и расселении всех народов Среднего Урала имелось немало общих черт, поскольку характер обоих процессов определяли прежде всего природная среда и хозяйственная деятельность населения. Но в ходе развития топография поселений приобретала некоторую специфику. Так, манси, не покидавшие горных районов, жили рассеянно по юртам. К охотничьим и рыболовным угодьям приближали свои деревни и починки русские крестьяне севера Чердынского и Верхотурского уездов. Земледельческие народы - русские, татары, башкиры, коми-пермяки, удмурты, марийцы - стремились поселиться не в одиночку, а группами (очагами). Обособленность и компактность проживания сохраняли русские старообрядцы, а также марийцы и удмурты, которые оставались с языческой верой. Небольшие по численности этнографические группы коми-пермяцкого населения - эюэдинцы и язвинцы - не покидали своей древней территории, издавна находившейся в иноэтническом окружении.

На основе проанализированного в главе материала можем сделать следующие общие выводы.

Территория Среднего Урала осваивалась как аборигенным населением, так и вновь пришедшим. Значительные пространства и природные богатства приспособляло для своей жизнедеятельности русское население, принесшее на новые земли северно-среднерусские традиции.

Сложный этнический состав населения, различие природной среды, смежность территорий проживания народов, общность хозяйственно-экономического быта как всего региона, так и отдельных его мест обусловили консолидационные и ассимиляционные этнические процессы. По этим причинам даже значительное по численности русское население Среднего Урала приобрело в некоторых районах специфические черты и оттенки культуры и быта. Несмотря на общность самосознания, языка и культуры, проявились расхождения в традиционной сфере жизни и языке русских, что дает нам повод выделять среди них локальные историко-культурные группы. Этнографическое своеобразие внутренних подразделений русского населения Среднего Урала на примере материальной культуры будет рассмотрено в следующих главах.

Старожильческое русское население Среднего Урала формировалось во второй половине XVI - начале XVIII века. Дальнейшее увеличение численности русского населения и освоение им новых земель происходило за счет естественного прироста и благодаря внутренним миграциям. Именно поэтому, чтобы увидеть этнокультурное своеобразие народов Среднего Урала, необходимо исследовать их культуру начиная с рубежа XVI-XVII веков, когда у русских в ходе приспособления к уральским условиям жизни и использования некоторых хозяйственно-культурных навыков и приемов иноэтноссов закладывались основы нового культурно-бытового облика, черты которого, в свою очередь, становились предметом заимствований других народов.

Выявленные особенности в формировании сельского населения и его расселении позволяют определить направления сравнительного этнорегионального анализа народной культуры и быта, в процессе которого появляется возможность уловить общее и особенное в этнокультурной истории народов.

¹ История Урала с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С.107-139; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

² Оборин В.А. Миграции местного населения и их роль в освоении Урала в XVI-XVII вв. // История СССР. 1974. №4. С.119-120.

³ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.262.

⁴ Там же.

⁵ Бакрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т.3, ч.1. С.105-107.

⁶ Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI - начале XVII века. Иркутск, 1990. С.114.

⁷ Историографический обзор по этой теме см. в кн.: История Урала с древнейших времен... С.36-37; Оборин В.А. Заселение и освоение Урала... С.7-21.

⁸ РГБ. Ф.256, д.308, л.47-153.

⁹ Кривошекова-Гантман А.С. Откуда эти названия. Пермь, 1973. С.21-41.

¹⁰ РГБ. Ф.256, д.308, л.47-153.

¹¹ РГАДА. Ф.1209, кн.352, л.60-70.

¹² СПБДИРИАН. Ф.122, д.939.

¹³ РГАДА. Ф.214, кн.1521.

¹⁴ Там же. Ф.141, оп.4, д.395, л.75-76.

¹⁵ Там же. Ф.214, кн.1521.

¹⁶ Акты исторические. Спб., 1841. Т.2. С.112.

¹⁷ Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1897. Вып.7. С.17.

¹⁸ Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Спб., 1821. С.136-137.

¹⁹ РГБ. Ф.256, д.308; подсчеты со всех листов.

²⁰ Там же. Л.153-186.

²¹ РГАДА. Ф.1209, кн.474.

²² Там же. Кн.442, 443.

²³ Там же. Кн.352.

²⁴ ПОКМ. Кол.11051.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Кол.11101, д.115.

²⁷ Там же. Кол.11051.

²⁸ РГАДА. Ф.1209, кн.443, л.136-137об.

²⁹ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С.147.

- 30 Там же. С.160.
- 31 Там же. С.163.
- 32 Там же. С.165.
- 33 РГАДА. Ф.214, кн.1538, л.145-404.
- 34 Там же. Ф.1278, оп.1, д.318, л.1, 3.
- 35 Там же. Л.7.
- 36 Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность... С.185.
- 37 Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1890. Вып.2. С.179.
- 38 РГАДА. Ф.214, оп.5, д.2175; ИКМ. Кол.2038.
- 39 РГАДА. Ф.214, оп.5, д.2175, л.127-384.
- 40 ИКМ. Кол.2038.
- 41 РГАДА. Ф.1278, оп.2, д. 3315.
- 42 Там же. Ф.214, оп.5, д.2175, л.437-490.
- 43 Там же. Л.5-126.
- 44 Там же. Л. 385-436об.
- 45 ИКМ. Кол.2038.
- 46 Там же. Подсчеты со всех листов.
- 47 Акты исторические. Т.2. С.26.
- 48 Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып.1. С.115.
- 49 Там же. Пермь, 1900. Вып.8. С.126-127.
- 50 Бахрушин С.В. Научные труды. Ч.2. С.93-95, 86-152; Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII - начале XVIII в. М., 1956. С.12-18; Оборин В.А. К истории заселения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С.49; Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX века. Томск, 1981. С.30-33.
- 51 Томилов Н.А. Указ. раб. С. 33.
- 52 Пермские татары. Казань, 1983. С.138-144.
- 53 Там же. С.7-11, 90; Татары Среднего Урала и Приуралья. М., 1967. С.43-44.
- 54 Юсупов Ю.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982. С.69-70.
- 55 РГАДА. Ф.1209, кн.474, л.246-254.
- 56 Там же. Ф.281, оп.17, д.11123, л.1- 2; д.11311, л.1.
- 57 Преображенский А.А. Очерки колонизации... С.27-38.
- 58 Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.8. С.129.
- 59 Преображенский А.А. Очерки колонизации... С.51, 60.
- 60 Там же. С.59-60.

- 61 РГАДА. Ф.1209, кн.226, л.237-238.
- 62 Там же. Л.234-265.
- 63 Там же. Ф.214, кн.1433.
- 64 Преображенский А.А. Очерки колонизации... С.85.
- 65 РГАДА. Ф.214, оп.5, д.903, л.1-2, 4-21.
- 66 Там же. Кн.1433.
- 67 Там же. Ф.350, оп.3, д.1662.
- 68 Там же. Л.109-1410.
- 69 Там же. Ф.1209, кн.226, л.353-353об.
- 70 Там же. Ф.214, оп.5, д.'74.
- 71 Там же. Ф.350, оп.3, д.1662, л.659-697об, 992-1023.
- 72 Зеленин Д.К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907.
- 73 РГАДА. Ф.214, кн.1481, л.219-224.
- 74 ГАПО. Ф.597, оп.1, д.15, л.6.
- 75 Дополнения к Актам историческим. Спб., 1841. Т.2. Док.152.
- 76 Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.8. С.140-145.
- 77 ГАПО. Ф.597, оп.1, д.15, л.5об.
- 78 Там же. Ф.316, оп.1, д.78, л.24.
- 79 Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.346.
- 80 Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае // Новый Восток. 1927. Кн.18. С.212; Он же. Названия дней недели у турецких народов // Яфетический сборник. 1923. Т.2. С.100-119.
- 81 Полевые материалы, собранные автором в 1990 году.
- 82 РГАДА. Разряд XVI, д.993, л.1-3об.
- 83 Там же. Л.2.
- 84 Там же. Л.3об.
- 85 Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.8. С.57.
- 86 Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Спб., 1762. Ч.1. С.99-100.
- 87 РГАДА. Ф.248, кн.54/1131, л.67-68.
- 88 Там же. Л.68.
- 89 Там же.
- 90 Атаманов М.Г. Размещение воршудно-родовых групп // Микро-этнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980. С.100-102; Кельмаков В.К. К истории удмуртов правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С.128-129.
- 91 ГАПО. Ф.597, оп.1, д.15, л.43.
- 92 Там же. Л.8-28.

- 93 Там же. Л.30б, 27-28.
- 94 РГАДА. Ф.214, кн.10.
- 95 Там же.
- 96 Там же. Кн.723, л.14.
- 97 Там же. Л.13-14.
- 98 Там же. Кн.1539.
- 99 Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С.260-270; Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. М., 1984. С.54-74.
- 100 Русакова Л.М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII-XIX в. Новосибирск, 1976. С.63-64.
- 101 Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1897. Вып.7. С.161-170.
- 102 Там же. С.55-57.
- 103 Там же. С.62.
- 104 Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С.42-43.
- 105 РГАДА. Ф.214, кн.66; подсчеты со всех листов.
- 106 Там же. Кн.638; подсчеты со всех листов.
- 107 Там же. Кн.853, л.11.
- 108 Там же. Подсчеты со всех листов.
- 109 Буцинский П.Н. Указ. раб. С.231.
- 110 РГАДА. Ф.214, кн.697; подсчеты со всех листов.
- 111 Там же. Л.881-921об.
- 112 Там же. Л.736-819.
- 113 Там же. Л.820-858.
- 114 Там же. Л.811об-812.
- 115 Там же. Л.628-629.
- 116 Там же. Л.623-626.
- 117 Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М., 1967. С.78-79.
- 118 РГАДА. Ф.214, кн.1539.
- 119 Там же. Л.290-302.
- 120 Там же. Л.466-487.
- 121 Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов.1735. М., 1937. С.611.
- 122 Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1901. Т.2. С.298-299.
- 123 РГАДА. Ф.214, кн.1539, л.69.

- 124 Там же. Л.205-218.
- 125 Там же. Л.187об-518об.
- 126 Там же. Л.244-255, 326-326об.
- 127 Там же. Л.114-122, 237-246, 520-528об.
- 128 Жеребцов И.Л. Переселения жителей коми (зырянского) края на Каму во II половине XVI - начале XVIII вв. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С.26-28.
- 129 РГАДА. Ф.214, кн.1538.
- 130 Там же. Кн.1521.
- 131 Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С.27.
- 132 РГАДА. Ф.1267, оп.1, д.622, 623; Томилов А.Г. К истории формирования приписной деревни Урала в начале XVIII века // Государственные крестьяне в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992. С.31-47.
- 133 Геннин В.И. Указ. раб. С.475, 611.
- 134 Семевский В.И. Указ. раб. С.295-308, 426-427.
- 135 Кабузан В.М. Население Урала в 20-60 гг. XVIII в. (численность, размещение, этнический состав) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С.54, 64.
- 136 РГИА. Ф.1350, оп.312, д.120, 213; РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, 18925.
- 137 РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.19об-20об, 26-26об; ГАПО. Ф.111, оп.3, д.326, л.5-5об; ф.297, оп.2, д.592, л.1-1об; ф.316, оп.1, д.77, л.15; д.78, л.24-42, 68-68об.
- 138 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.68.
- 139 Там же. Ф.297, оп.1, д.579, л.8; д.848, л.41; д.986, л.3.
- 140 РГВИА. Ф.ВУА, д.18925, л.20-20об, 24об.
- 141 Там же. Л.26-26об.
- 142 ГАПО. Ф.297, оп.1, д.848, л.19-19об.
- 143 Там же. Д.848, л.65.
- 144 Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П. Хрестоматия говоров Пермской области. Пермь, 1976; Прокошева К.Н. Об исторических основах фразеологии говоров Северного Прикамья // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С.95-104; Светлова В.Н. Говоры восточных районов Среднего Урала: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1965; Скитова Ф.Л. Верхневисерские говоры Пермской области на современном этапе развития: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1961; Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973; Словарь говора д.Акчим Красновишерского райо-

на Пермской области. Пермь, 1984. Вып.1; 1990. Вып.2.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф.1431, оп.1, д.3161, л.3-62.

¹⁴⁶ На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства. М., 1989; Оборин В.А. Историко-этнографическая экспедиция по р.Колве // На Западном Урале. Пермь, 1964. Вып.4. С.157-162; Климова Г.Н. Узорное вязание русского населения Печоры // Традиционная культура и быт народов коми. Сыктывкар, 1978. С.64-77; Чагин Г.Н. Особенности календарной обрядности русских крестьян верховьев Печоры и Колвы в начале XX века // Духовная культура: Проблемы и тенденции. Сыктывкар, 1994. С.73-75.

¹⁴⁷ Обзорение пермского раскола так называемого старообрядчества. Спб., 1863. С.44, 186; На путях из земли Пермской... С.19-20.

¹⁴⁸ Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям 1869 года. Спб., 1875. С.342-343.

¹⁴⁹ Власова И.В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцев) // Полевые исследования Института этнографии.1980-1981. М., 1984. С.5; На путях из земли Пермской... С.19-20, 228, 259, 265, 297, 304-306.

¹⁵⁰ ГАПО. Ф.973, оп.1, д.288, л.3.

¹⁵¹ Дубова Н.А. Формирование русского населения северо-востока Европейской части СССР (по антропологическим данным) // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.,1986. С.119-120.

¹⁵² ГАПО. Ф.177, оп.1, д.1944, л.129-129об, 172-177.

¹⁵³ Там же. Ф.111, оп.3, д.1980, 2047, 2380, 2394.

¹⁵⁴ Там же. Ф.177, оп.1, д.1944, л.344-376.

¹⁵⁵ Острожская волость. Статистико-экономическое описание волости Оханского уезда Пермской губернии. Сарапул, 1889. С.18.

¹⁵⁶ Богоявленский П. Особенности говора жителей Осинского уезда Пермской губернии // Изв. Оренбургского отделения Русского Географического общества. 1896. Вып.8. С.1-43; Блинов Н. Исторический очерк заселения Осинского уезда // Сборник Пермского земства. Пермь, 1898. №3-4. С.1-20; Шмаков П. По лику земли: Очерки из жизни Прикамья. Оса, 1916; Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960. С.72-171.

¹⁵⁷ Луканин А. Население Оханского уезда по сословиям, воз-

расту, семейному составу по данным X ревизии. Спб., 1878. С.5; Статистический сборник на 1923 г. Издание Пермского губисполкома. Оханск, 1923. С.38-39; Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ. Свердловск, 1928. Т.8. С.10-11.

158 Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь, 1994. С.31-32, 48-49; Цыпанов Е.А. О положении зюэдинских коми в Кировской области // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994. С.376-377; Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки: История и традиции. Пермь, 1993; Он же. Язьвинские пермяки: Историко-культурный остров. Пермь, 1995. С.5-11.

159 Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. С. 113-118, 221-223.

160 Genetz A. Ost-permische Sprachstudien // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsingissa, 1897. XV. S.1-57.

161 Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961. С.24.

162 Полевые материалы, собранные автором в 1966-1994 годах.

163 Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX - начало XX в. М., 1958; Она же. У зюэдинских коми-пермяков // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. С.27-38; Грибова Л.С. Народное искусство коми. Сыктывкар, 1973; Она же. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980; Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки: История и традиции...

164 Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Спб., 1766. Ч.1. С.67.

165 Краткое известие о пермских чердынских вогуличах, собранное Его Высокопреподобием Свяяжского монастыря архимандритом Платоном, фамилии Любарских // Российский магазин. Спб., 1792. Часть первая. С.58-88.

166 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Спб., 1813. Т.3. С.50.

167 Памятная книжка Пермской губернии. 1880. Пермь, 1880. С.36.

168 Попов Н.С. Указ. раб. С.50.

169 Памятная книжка Пермской губернии... С.36.

170 Глушков И. Чердынские вогулы. Спб., 1900. С.17; Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда. Пермь, 1910. С.348.

171 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.52.

- 172 ГАСО. Ф.129, оп.1, д.116, л.10об-11.
- 173 Кривошеков И.Я. Указ. раб. С.346.
- 174 Genetz A. Ost-tscheremissische Sprachstudien // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsingissa, 1889. VII. S.1-181.
- 175 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.2.
- 176 Городский Г. О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русским Географическим обществом. Спб., 1864. Вып.6. С.23-34; Шитова С.Н. Об особенностях костюма красноуфимских маришцев в связи с историей расселения башкирских племен // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т.5. С.133-138.
- 177 Теаяков Н. Вотяки Больше-Гондырской волости // Земский врач. 1891. №40.
- 178 Там же.
- 179 АГО. Р.29, оп.1, д.24, л.10об.
- 180 Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. Спб., 1864. Ч.1. С.295.
- 181 ГАСО. Ф.129, оп.1, д.116, л.10.
- 182 Попов Н.С. Указ. раб. Ч.2. С.203.
- 183 Памятная книжка Пермской губернии... С.42.
- 184 Георги И.Г. Указ. раб. С.58-59.
- 185 ГАПО. Ф.297, оп.2, д.592, л.1-10б.
- 186 Там же.
- 187 ГАПО. Ф.297, оп.2, д.99, л.14-14об.
- 188 Там же.
- 189 Там же. Д.592, л.10б.
- 190 Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С.9.
- 191 Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С.226-269.
- 192 ГАПО. Ф.111, оп.3, д.362, л.5об; ф.316, оп.1, д.78; Никольский Д.П. О пермских мешеряках // ПГВ. 1891. №33.
- 193 РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.25об-26.
- 194 ГАСО. Ф.129, оп.1, д.116, л.11об.
- 195 Пермские татары. С.42-117.
- 196 Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года. Пермь, 1801. S37.
- 197 Попов Н.С. Указ. раб. Ч.3. С.33.
- 198 Оборин В.А. Использование русским населением в XV-XVII

вв. поселений нерусского населения на Урале // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С.119-126; На путях из земли Пермской... С.12-59; Власова И.В. Заселение и хозяйственное освоение русскими Северного Приуралья (XVI-XX вв.). М., 1991; Чагин Г.Н. Сельское расселение в Северном Прикамье (вторая половина XVI - начало XX в.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С.24-34.

¹⁹⁹ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII в. М., 1946. С.89-91; Этнография русского крестьянства Сибири: XVII - середина XIX в. М., 1981. С.57-101.

²⁰⁰ В этнографии принята классификация М.В.Витова, см. его кн.: Историко-географические очерки Заонежья в XVI-XVII вв. М., 1962.

²⁰¹ РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.3314а, л.52.

²⁰² РГБ. Ф.256, д.308, л.47-186; РГАДА. Ф.214, кн.1521, 1536, оп.5, д.744, 2175; ф.350, оп.3, д.1662; ф.1278, оп.1, д.318; ГА-ПО. Ф.597, оп.1, д.15; ИКМ. Кол.2038; подсчеты со всех листов.

²⁰³ РГИА. Ф.1350, оп.312, д.120.

²⁰⁴ Там же. Л.24.

²⁰⁵ Там же. Л.213.

²⁰⁶ Пермская губерния: Список населенных мест... С.СVIII-ССХ.

²⁰⁷ Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования... С.99-101; Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII - начало XX века. М., 1979. С. 21, 24, 33-35; Колесников П.А. Северная деревня в XV - первой половине XIX века. Вологда, 1976. С.162-171; Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Пермь, 1890. С.31-34.

²⁰⁸ Пермская губерния: Список населенных мест... С.ССХ.

²⁰⁹ Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970. Вып.9. С.28-29.

²¹⁰ Витов М.В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // СЭ. 1955. №2; Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII веках. М., 1974. С.150-153; Власова И.В. Русские поселения 18 века // Российский этнограф. М., 1993. С.130-133; Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном водчестве Русского Севера. Л., 1982. С.20-22, 39-90.

²¹¹ Там же.

²¹² Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М., 1994. С.38, 59.

- 213 РГБ. Ф.256, д.308; РГАДА. Ф.214, кн.5, 697; ф.1209, кн.226, 352, 442, 443; ПОКМ. Кол.11101, л.115.
- 214 ЧКМ. Кол.2558, д.1.
- 215 Буцинский П.Н. Указ. раб. С.38.
- 216 РГАДА. Ф.214, кн.5.
- 217 Витов М.В. Гнездовой тип расселения...; Витов М.В., Власова И.В. Указ. раб.; Власова И.В. Русские поселения 18 века...
- 218 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.20б.
- 219 Крылов П.Н. Вишерский край: Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Заметки из путешествий по Пермской губернии в 1870-1878 гг. Свердловск, 1926. С.8.
- 220 Там же.
- 221 ГАПО. Ф.111, оп.1, д.2365, л.490-530.
- 222 Там же. Д.2223-2260.
- 223 АГО. Р.29, оп.1, д.17, л.1-5, д.19, л.1-20б; Шалаев. Описание Лысьвенского завода // Ученые записки, издаваемые Имп. Казанским университетом. Казань, 1858. Кн.4. С.132-134.
- 224 На путях из земли Пермской... С.29, 58, 80-82.
- 225 РГАДА. Ф.280, оп.4, д.2685, л.636-735.
- 226 Там же. Л.752-804.
- 227 На путях из земли Пермской... С.13-59; Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С.40-70, 91-124; Чагин Г.Н. Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхнего Камья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С.162-167; Он же. Нравственно-этическое общение в современных старообрядческих общинах Среднего Урала // Skupiska Staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie. Warszawa, 1994. S.167-173.
- 228 Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.
- 229 РГАДА. Ф.137, оп.1, д.14, л.210б-22, 230б.
- 230 Обзорение пермского раскола... С.185.
- 231 Власова И.В. Размещение старообрядцев в Северном Приуралье и их контакты с окружающим населением // Традиционная духовная и материальная культура... С.196-201.
- 232 РГАДА. Ф.1267, оп.1, д.623.
- 233 Обзорение пермского раскола... С.185.
- 234 Там же.

²³⁵ Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии в 1890-1891 г. Пермь, 1896. С.158.

²³⁶ РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.3604, л.1-95.

²³⁷ Димухаметова С.А., Чагин Г.Н. Изучение культуры и быта старообрядческого населения Верхокамья (на материалах совместной экспедиции Пермского областного краеведческого музея и исторического факультета Пермского государственного университета) // Музеи в атеистической пропаганде. Л., 1986. С.5-18; Димухаметова С.А. Материальная культура и ремесло русского старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура... С.167-173; Русские письменные и устные традиции...; Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века. Пермь, 1993. Он же. Общины старообрядцев беспоповцев Пермского Прикамья в современных условиях жизни // Культура русских липован в национальном и международном контексте: Тез. докл. и сообщ. Тульча, 1993. С.19; Seaghin G.N. Comunitatile Staroobreadtilor Bezpopovti din Regiunea Perm, in Conditiiile Actuale // Rezumatele. Comunicarilor Seminarului International "Cultura Rusilor Lipoveni in context National si international". Tulcea, 1993. S.4.

²³⁸ ГАПО. Ф.297, оп.3, д.371, л.19об.

²³⁹ Там же. Л.2об-3.

²⁴⁰ Там же. Л.17.

Глава II. Типы и формы сельских поселений

В этнографии утвердилось мнение о необходимости видеть в типах и формах поселений социально-экономическую и культурную обусловленность развития народов и региона. Каждое поселение создавалось для конкретной цели, и функции его зависели от разных факторов. В главе будут определены хронологические рамки существования каждой разновидности типов и форм поселений и их связи с особенностями заселения и освоения местности, общественными и семейными традициями населения, что важно для глубокого раскрытия этнокультурной истории исследуемой территории Урала. Основными материалами послужили официальные переписи, крестьянские акты, сохранившиеся в архивах планы и схемы поселений, а также полевые наблюдения автора.

§ 1. Типы поселений

О поселениях древних аборигенных жителей Среднего Урала сообщают археологические открытия. Лучше всего изучены поселения предков коми-пермяков и манси. Самыми ранними их поселениями являлись стоянки, а более поздними - селища и городища, располагавшиеся по берегам водоемов.

Сведения о первых русских поселениях содержат летописные источники. В них чаще всего называются крупные поселения, сыгравшие важную роль в исторических событиях. Несмотря на фрагментарность, летописи остаются единственным источником по раннему периоду появления русских поселений, так как до сих пор не найдена первая перепись Перми Великой - 1530 года. Например, в ряде летописей, воспроизводящих значительное событие в истории Среднего Урала - окончательное вхождение Перми Великой в Русское государство в 1472 году, называется 5 городков - Анфаловский, Чердынь, Покча, Искор, Урос¹. Судьба их была равной. Чердынь, Покча, Искор, Урос возникли на месте древних укрепленных поселений коми-пермяков. В Чердыни, столице Перми Великой, с 1451 года находилась резиденция первого наместника московского князя Михаила Ермолича². Наиболее укрепленным оставался городок Искор, прикрывавший с севера земли Перми Великой, русскому отряду только его пришлось брать с боем в 1472 году. В конце XVI века в связи с исчезновением военной угрозы он пришел в запустение и жители переселились на новое место, а вблизи прежнего возникло русское поселение с таким же названием -

погост Искор. Аналогична судьба и Уроса, только новое поселение стало называться Уролом. После 1472 года столицей Перми Великой была не Чердынь, а Покча. Это продолжалось до постройки в 1535 году на месте древнего городища первого на Урале русского Чердынского кремля. С этих пор в Чердыни вновь сосредоточивалась административная и военная власть. Анфаловский городок являлся чисто русским поселением, к концу XV века он утратил свое значение как военный центр Северного Прикамья и прекратил существование.

Кроме названных городков в XV веке в Перми Великой некоторые новые поселения развивались как промысловые центры, например, Верх-Евровая, Соль Камская, возникшие возле соляных ключей, а не на месте коми-пермяцких укрепленных поселений.

Летописи, на которые ссылаемся, содержат сведения и о других типах поселений. Как только Пермь Великая стала частью Русского государства, сибирское аборигенное население начало совершать набеги на новую русскую территорию. Крупнейшим из них было нападение в 1481 году пельмских манси под предводительством Асыки, о последствиях которого в Вычегодско-Вымской летописи сказано: "... Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал и повосты разорив..."³. Из этого краткого сообщения видно, что помимо упоминавшихся в 1472 году городков, в Перми Великой были и погосты, но какие и где - об этом летописи молчат. О разграблении погостов говорится и при описании других набегов. "Лета 7039 (1531) пришедшу на Великую Пермь пельмский князь с вогулечи, повосты разорив, а Чердыню не взял"⁴; в 1547 году "пришедшу ногайские люди на Чердыню повосты пожгли"⁵; "лета 7081 (1573) пришедшую ратью на Пермь Великую Маметкул сын сибирского царя, города и повосты пограбил и пожегл"⁶.

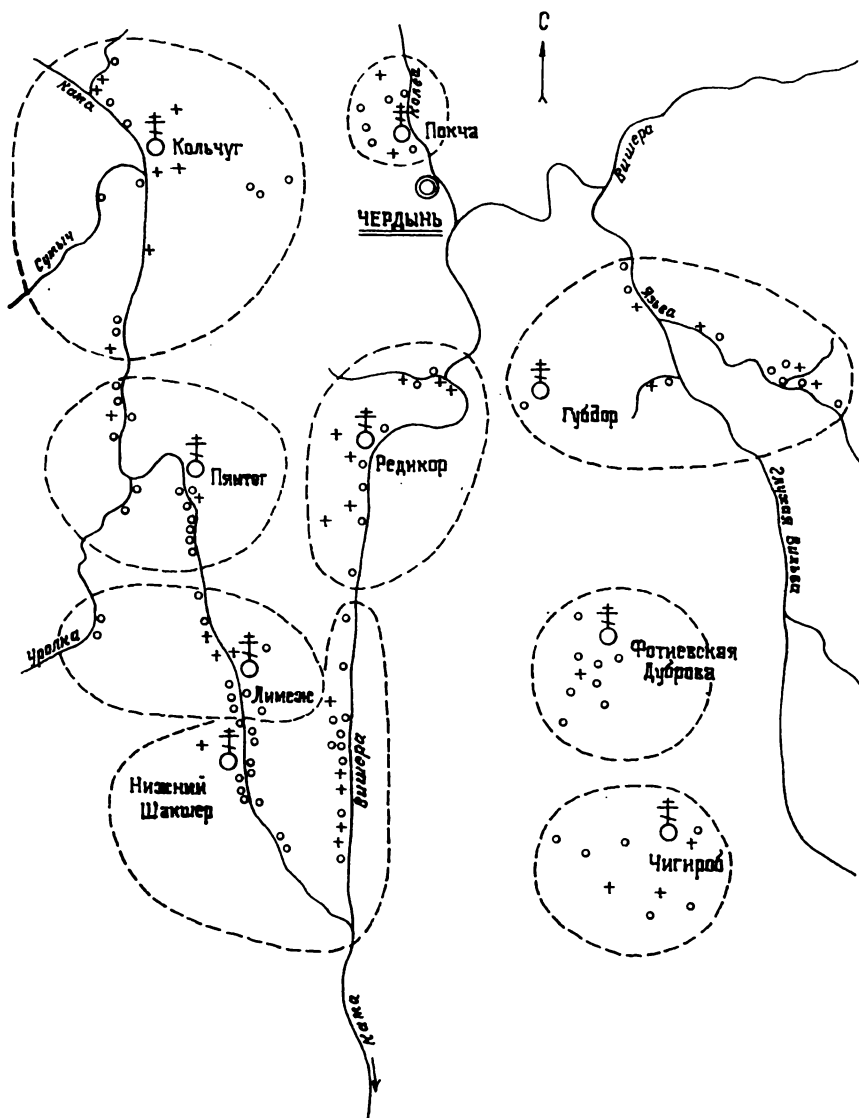
Анализ летописных фактов XV-XVI веков вместе с археологическими⁷ и топонимическими материалами приводит к таким заключениям. С XV века в Перми Великой русское население проживало как в старых коми-пермяцких центрах, так и в созданных самими поселениях. Появление их на раннем этапе освоения среднеуральских земель объяснялось необходимостью иметь свои опорные военные пункты и осваивать природные ресурсы, в данном случае - соляные источники. Упоминавшиеся в летописях множественно раз погосты были не единственными поселениями. Наличие погостной системы на раннем этапе являлось типичной чертой многих районов Европейского Севера⁸. Под летописными погостами Перми Великой следует понимать неделимую совокупность сельских поселений, тяготевших к одному центру.

Полные сведения о типах поселений Перми Великой приводятся в писцовых книгах И.Яхонтова 1579 года. Используя классификацию поселений М.В.Витова⁹, которая является наиболее удачной и общепризнанной для поморского региона, рассмотрим сначала типологию поселений конца XVI века, а затем ее эволюцию в последующее время.

В Чердынском, Соликамском уездах и вотчине Строгановых в 1579 году насчитывалось 220 поселений (табл. 11). Из них массовыми становились деревни и починки - 201, или 93,4% общего числа поселений, что указывает на преобладание крестьянского населения. Как уже отмечалось в первой главе, Чердынский уезд на рубеже XVI-XVII веков имел наибольшее число поселений. Но большинство деревень оставались еще малодворными: в 70% их было от 3 до 10 дворов, в 27% - от 10 до 20 и только в 4 деревнях насчитывалось свыше 20. Соликамские деревни, кроме одной, имели не более 15 дворов. Деревни вотчины Строгановых оставались тоже малодворными, лишь в 2 деревнях имелось по 13 дворов. Поселения, включавшие до 3 дворов, отнесены к типу починков, которые возникли накануне составления переписей. В 1579 году более 50% починков были однодворными. Деревни и починки описаны как самостоятельные экономические единицы, после перечисления домохозяев указаны размеры пахотной земли, покосы, количество заготавливаемого сена, рыболовные и иные угодья.

У деревень и починков наряду с общими были и различные черты. Переписи конца XVI века, как и последующего времени, показывают, что у починка ввиду его недавнего появления и малодворности земельный фонд оставался небольшим и находился еще в стадии основания. В таком случае починок имел льготы: жители на время целиком или частично освобождались от налогов. Как только они заводили достаточное количество земли, починок при очередной переписи переводился на положение деревни. Тщательная регистрация починков в официальных переписях определялась тенденцией к переходу их в деревни. После этого починочные земли включались в общий фонд общины и все жители облагались налогами.

В писцовых книгах 1579 года впервые приведен полный перечень погостов Чердынского уезда. В Соликамском уезде и вотчине Строгановых их еще не было. Погост считался низшей административно-территориальной единицей. Погост как тип поселения выполнял две функции. Он являлся центром округа - в нем находились приходской храм, кладбище, изба для решения мирских дел (в большом погос-

Условные обозначения :

	Территории паштатов-округи		Паштат-центр
	Деревня		Пашинка

Рис.8. Размещение поселений в Чердынском уезде в 1678 году

те). Сюда по праздникам собирались из всей округи. В этом значении его принято называть погост-место. Вместе с тем под погостом следует понимать и совокупность сельских поселений - деревень, починков, тяготевших к погосту-месту. Во втором значении он предстает как погост-округа (рис. 8). В этих двух функциях погосты известны на протяжении XIV-XVIII веков многим регионам Европейского Севера¹⁰.

Чердынские погосты, как и вновь образованные в XVII веке в этом и других уездах (табл. 11), охарактеризованы в переписях достаточно подробно. Население в них перечислено по принадлежности к двум категориям - пашенным и беспашенным крестьянам. Наличие последних указывает на средоточении в таких поселениях не только земледельческого, но и ремесленного населения, удельный вес которого в 1579-1624 годах достигал 15-20% всех жителей. Поэтому в двучленных именах беспашенных крестьян чаще встречались прозвища - Иванко Кузнец, Сенька Плотник, Симка Ведерник, Васька Гончар, Якушко Сапожник и др. К этому времени процесс образования фамилий в Перми Великой еще не завершился и бытовали только двучленные названия людей¹¹. Судя по примерам все погосты для конкретной округи наравне с административными и духовными центрами оставались еще средоточием местных промыслов и ремесел. В 1579 году среди деревень и починков они были самыми крупными поселениями с числом дворов от 20 до 80 и располагались на издавна освоенной территории на расстоянии до 30 верст от уездного центра - Чердыни.

Значительная часть чердынских погостов существовала задолго до переписи 1579 года. О некоторых из них повествуют летописи. Если принять во внимание, что 10 погостов из 11 находились на древней земле коми-пермяков и унаследовали названия на их языке (позднее всех освоенный погост возле Чердыни именовался Анисимово), то можно предположить о существовании в более ранний период на этой территории центров соседских общин, ставших по мере увеличения населения ядром будущих погостов. Указанные обстоятельства, а также мнение лингвистов о том, что термин "погост" восточнославянского происхождения¹², склоняют нас к тому, чтобы признать погост как тип поселения в Перми Великой имеющим русское происхождение. Погосты возникли при достаточно плотной заселенности русскими крестьянами конкретной территории.

Соликамский уезд к 1579 году не имел погостов, и деревни с починками приписывались к уездному центру. В отличие от Чердынского уезда в Соликамском и вотчине Строгановых существовали два новых

типа поселений - займища и слободы (табл. 11). В официальных переписях займища как самостоятельный тип поселений упоминаются только в 1579 году. В действительности они в небольшом количестве возникали постоянно в XVII-XVIII веках, но переписи фиксировали лишь те, которые перерастали в починки или деревни. Поэтому в писцовой книге Соликамского уезда за 1624 год встречаем такие записи: "починок Тетерин на Каме, что было займище посадского человека"; "деревня Леонтьевская Мальгина, что было займище Кондратки Леонтьева"¹³. Формирование починков и деревень на местах займищ указывает на то, что займища были самыми мелкими поселениями из всех известных в Перми Великой. Появление займищ, как и починков, связано с освоением новых земель. Чаще всего один человек занимал пригодный для земледелия участок, но постоянно там не проживал, как на починке, заводил лишь временные постройки. Эти традиции образования займищ сохранялись долго. В условиях подворно наследственного землепользования его владелец мог поступить, например, так, как описано в частном акте 1732 года из Соликамского уезда: "В Запотымском стане заложил я займищик ему Максиму в Усольском (так называли в то время еще Соликамский уезд. - Г.Ч.) уезде за Потымом займище свое починок вновь под пахоту чертежи и росчисти... да в... ином месте заложил ему Максиму займище свой починок валежное место под пахоту земли"¹⁴. Условия образования займищ и перерастания их в тяглые поселения - починки и деревни - оставались такими же, как и на многих поморских территориях, где проживали черносошные (государственные) крестьяне.

Слободы в 1579 году принадлежали только Строгановым. Слобода Орел-городок являлась центром вотчины. К ней тяготели земли по Каме, Яйве, Кондасу с 3 деревнями и 4 починками. Выше по р.Яйва при устье Усолки находилась Яйвинская слобода с 3 починками. Две другие слободы возникли на значительном удалении от первых: Сылвенская - в низовьях р.Сылва с 3 деревнями и 5 починками, Чусовская - в низовьях р.Чусовая с 5 деревнями и 16 починками. Пятая слобода являлась монастырской, она возникла возле основанного Строгановыми в 1560 году Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря. К ней писцы записали 2 починка¹⁵. Все слободы выступали в двух функциях: самостоятельного поселения и центра округа. В них находились храмы, остроги, развивались ремесла и торговля. Слободы сохраняли за собой роль военного опорного центра (за исключением слободы Пыскорского монастыря). Из всего сказанного видно, что по назначению и функциям первые слободы в Перми Великой оста-

Типы поселений Среднего Урала
в конце XVI - первой четверти XVIII века

Тип поселения	Г о д ы			
	1579	1624	1678	1710-1719

Чердынский уезд

Погост	11	19	23	23
Деревня	91	170	192	181
Починок	35	114	87	44
Село	-	-	-	6
Всего	137	303	302	254

Соликамский уезд

Погост	-	3	19	5
Деревня	23	51	279	147
Починок	14	41	317	80
Займище	3	-	-	-
Слобода	-	-	-	7
Всего	40	95	615	239

Вотчина Строгановых

Городок	-	-	3	3
Острожек	-	-	4	4
Слобода	5	9	1	0
Деревня	10	72	176	267
Починок	28	60	153	210
Село	-	-	8	25
Сельцо	-	-	2	4
Погост	-	-	-	16
Всего	43	141	347	526

К у н г у р с к и й у е з д

Село	-	-	7	9
Острожек	-	-	-	5
Деревня	-	-	45	195
Починок	-	-	5	-
Пустынь	-	-	-	1
Всего	-	-	57	215

Новоникольская (Осинская) слобода и ее округа
(сведения о поселениях башкир отсутствуют)

Слобода	1	1	2	2
Село	-	-	1	2
Деревня	-	7	42	31
Починок	-	-	-	2
Всего	1	8	45	37

В е р х о т у р с к и й у е з д

Слобода	-	2	12	14
Погост	-	-	7	11
Село	-	-	1	1
Деревня	-	149	339	262
Слободка				
монастырская	-	-	2	-
Займка	-	3	2	5
Юрта	-	24	-	120
Всего	-	178	363	413

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГБ. Ф.256, д.308; РГАДА. Ф.214, кн. 4, 5, 10, 697, 1433, 1521, 1538, оп.5, д.744, 2175; ф.350, оп.3, д.1662; ф.1209, кн.226, 352, 442, 443; ф.1270, оп.1, д.318, оп.2, д.7; ГАПО. Ф.597, оп.1, д.15; ИКМ. Кол.2038; ПОКМ. Кол.11051

вались равнозначными погостам.

Рассмотрим состояние и эволюцию типов поселений в XVII - начале XVIII века, когда, как уже известно, на Среднем Урале активно формировался основной состав русского старожильческого населения и завершался процесс этнической консолидации других народов. В этот период наряду с прежними типами поселений появились новые - села и сельца.

В Чердынском уезде в 1624 году стало 19 погостов, а в 1678 и 1710 - 23 (табл. 11). Новые погосты (вместо 11 в 1579 году) возникли на основе крупных деревень (Верх-Боровая, Коса, Лимеж, Ныроби и др.) и даже некоторых мелких, занимавших выгодное географическое положение. Этот процесс получил отражение в самих переписях, где, например, можно встретить такие записи: "погост, что была деревня Верхняя Уролка на речке Уролке"; "погост, что была деревня Бондюг на устье речки Бондюг и на Каме"¹⁶. Многие погосты длительное время оставались крупными поселениями, в них на рубеже XVII-XVIII веков насчитывалось 70-90 дворов, а в двух - Вильгорт и Покча - до 150. Из 12 деревень, послуживших в XVII веке основой образования погостов, 10 существовали еще в 1579 году, а 2 - Дуброва и Чигироб - возникли в начале XVII века (рис. 8). О темпах освоения русскими Северного Прикамья говорят такие факты. На протяжении XVII века в Чердынском уезде около 40% починок было преобразовано в деревни, которые сохранялись все последующее время. Около 50% деревень к концу XVII века имели более 25 дворов. Наряду с этим шел процесс исчезновения некоторых поселений, в основном починок, но темпы его оставались низкими. В дозорной книге 1710 года 6 старых погостов Чердынского уезда были впервые отнесены к новому типу поселений - селам (Анисимово, Серегово и др.).

В Соликамском уезде к 1624 году возникли первые три погоста. Два из них находились в местах интенсивного солеваренного производства: Зырянский - при впадении р.Зырянка в Каму, Рождественский (Усть-Боровской) - при впадении р.Боровая в Каму и Городищенский - по р.Усолке, где население занималось земледелием, заготовкой леса и сплавом его к солеварням. К концу XVII века число погостов достигло 19 (табл. 11). Судя по количеству дворов большинство их представлялись крупными. Свыше 100 дворов отмечено в Зырянском, Усть-Боровском, Городищенском и Половодовском погостах. На протяжении XVII века в уезде вновь образовалось около 70% деревень. Особенно многодворными выглядели деревни по Каме и в низовьях ее притоков Усолки, Боровой, Зырянки, Лысьвы, Вильвы,

Мошевицы, до 65% деревень имели свыше 25 дворов. Как и в Чердынском уезде, почти все деревни возникали на основе починков. Этот путь освоения новых территорий являлся характерным для многих регионов Европейского Севера¹⁷.

Более сложную структуру имела типология поселений в вотчине Строгановых. Наряду с числом деревень и починков увеличилось количество слобод, в 1624 году их было 9 (табл. 11). Все они оставались центрами ремесла, солеварения, церковных приходов, к ним тяготело большое число деревень и починков. Три слободы - Орлинская, Чусовская Нижняя и Чусовская Верхняя - стали называться городками. Слово "городок" вошло в официальное наименование и употреблялось даже тогда, когда их стали относить к селам. Четыре слободы - Кишертская, Очерская, Сылвенская, Яйвинская - назывались острожками, так как в них долго сохранялись укрепленные остроги для защиты окраинных земель вотчины Строгановых. Многие документы дают их развернутую характеристику. Приведем лишь два примера: "Слободка Слудка на Каме, а в ней острожек, а в острожке храм... дворы..."; "Яйвинский острожек на реке на Яйве и на речке Усолке, в нем церковь деревянная клетцки... другой храм деревян клетцки теплы... у церквей колокольня на столбах... за острожком же труба росольная... у той трубы четыре варницы... у тех варниц два анбара хлебных, третий соляной, кузница да угольник... да за острожком мельница... да против того острожка двор вотченников скотей, да на усть речки Усолки два анбара соляные, да на посаде крестьянские дворы... (их было 24. - Г.Ч.)"¹⁸. Наиболее важное значение приобрела слобода Новое Усолье, основанная в 1606 году возле богатых соляных источников на правом берегу Камы между Пыскорским монастырем и Орлом-городком. Она быстро превратилась в крупный торгово-промышленный и культурный центр Перми Великой. До 1771 года здесь находилось управление пермским имением Строгановых, перенесенное из Орла-городка.

На рубеже XVII-XVIII веков в Перми Великой появился новый тип поселений - села (табл. 11). В Строгановской вотчине к 1678 году их было 8, в Чердынском уезде по доворной книге 1710 года - 6. К Осинской слободе в 1678 году относилось 1 село, а в 1710 - 2. Село как тип поселения признается на земле славян более древним, чем деревня¹⁹. В Древней Руси возникновение его относят ко времени формирования поместного землевладения. Селом называли место, где находился центр поместий (вотчин)²⁰. На Среднем Урале села преимущественно насаждались взамен погостов и слобод и ничего об-

щего не имели с характером ранних сел тех мест, где получило распространение поместное землевладение (центральная часть Европейской России). Села на Среднем Урале являлись крестьянскими селениями, а не местами проживания вотчинников. Подобная картина наблюдалась на всех черносошных землях Европейского Севера²¹. В 1711 году у Строгановых было уже 25 сел и одновременно сохранялось 16 погостов (табл. 11). Все погосты появились на рубеже XVII-XVIII веков, так как по переписи 1678 года их еще не было. Основная часть погостов находилась по рекам Обве и Иньве. На Строгановских землях в 1711 году насчитывалось 477 деревень и починок (табл. 11). Деревни составляли 50,76% всех поселений вотчины, а починок - 39,92.

Сельца, которые были только у Строгановых, по функциям и занятию жителей оставались близкими к селам. В 1678 году их было 2, в 1711 - 4, в 1747 - 5. Позднее переписи относили к сельцам деревни, которые до этого не являлись центрами волостей, но выполняли некоторую административную функцию в близлежащей округе владельческой территории (Григоровское, Сирынское, Путинское, Сепычевское, Никулинское). Во второй половине XVIII - начале XIX века некоторые из них становились уже селами, приобретая функции волостных и приходских центров²².

Интерес представляет типология поселений двух новых уездов - Кунгурского и Верхотурского, освоение которых русскими активно шло в XVII - начале XVIII века.

В отличие от других территорий Кунгурский уезд не имел погостов. Центрами становились вновь образованные села, которых в 1678 году было 7, а в 1719 - 9. В связи с угрозой нападения башкир на рубеже XVII-XVIII веков возникло 5 острожков: Степановский на р.Ирень, Вознесенский по р.Березовка, Ильинский, Покровский, Торговижский по р.Сылва. Острожки имели оборонительные сооружения: деревянные стены и башни²³. Села и острожки насчитывали от 17 до 91 двора²⁴, в самом большом - Покровском острожке - их было 131.

Вблизи сел и острожков располагались деревни и починок. Перепись 1719 года отражает четко принадлежность низших типов поселений - деревень и починок - к тому или иному селу и острожку. Кроме топонимического названия все села и острожки имели вторые названия - по приходским храмам, находящимся в них. Починков в конце XVII века было всего 5, что свидетельствует о высокой оседлости населения.

Татары, марийцы и в незначительном числе чувашаи и удмурты

Кунгурского уезда проживали только в деревнях, объединенных в четыре четверти (рис. 2). Переписи 1704 и 1719 годов²⁵ почему-то не называют центры четвертей, которые для решения хозяйственных и административных вопросов были необходимы. В числе поселений Кунгурского уезда 1719 года значилась пустынь, где в 14 домах проживали 56 крестьян епископа Вятского.

С 1678 по 1719 год в 4,3 раза возросло число деревень. В отличие от Чердынского, Соликамского уездов и вотчины Строгановых образование деревень в Кунгурском уезде не происходило на основе починков. Здесь было достаточно свободной плодородной земли, и крестьянам удавалось сразу завести хозяйство с полным набором угодий, которое местной администрацией признавалось достаточно полноценным.

Очень важно проследить становление и развитие типов поселений в обширном и значительном для Русского государства XVII - начала XVIII века Верхотурском уезде. Во вновь присоединенных землях на сибирской стороне Урала возникновение поселений обуславливалось необходимостью создания нового земледельческого района и охраны восточных границ государства. В отличие от Прикамья, где определяющим в заселении являлся стихийный элемент, в Верхотурском уезде большинство поселений возникало при активной поддержке освоения новых земель местной администрацией. С самого начала заселения новых территорий администрация добивалась, чтобы крестьяне получали землю по официальному отводу, зарегистрированному в приказной избе. На эти земли им выдавались особые документы - "владенные памяти", "данные". Наряду с правом получения официального надела крестьяне наравне со служилыми людьми пользовались правом свободного захвата "поровжих" земель. О реализации этого права на раннем этапе русской колонизации Верхотурского уезда воевода вынужден был в 1625 году доложить русскому правительству в специальной отписке: "А у иных де служилых и у посадских людей и у пашенных крестьян, и у ямских охотников пашенных земель и сенных покосов занято много, не одни заимки. И те де свои лишние земли продают и закладывают, а иные де дают за вклад по душам в монастырь"²⁶.

Большинство поселений Верхотурского уезда возникло в удобных для сельскохозяйственных и промысловых занятий местах, а также по направлению миграционных путей и в важных стратегических районах. В 1624 году писцы зафиксировали 149 деревень, 2 слободы, 3 заимки и 24 юрты манси, в 1680 году - 339 деревень, 7 погостов, 1 село, 12 слобод, 2 монастырские слободки, 2 заимки, в 1710 году - 262

деревни, 11 погостов, 14 слобод, 1 село, 5 заимков, 120 юрт манси (табл. 11), или 96,6% всех поселений уезда. Приведенные показатели достаточно убедительно свидетельствуют о формировании земледельческо-промыслового населения.

После основания г.Верхотурья развернулось заселение земель по р.Туре и ее притокам Салде и Пие. Вскоре здесь образовалась Подгородная волость. Писец М.Тюкин в 1624 году насчитал в ней 44 деревни с 80 дворами и 102 человеками мужского пола²⁶. Большинство деревень принадлежало посадскому населению г.Верхотурья. В них пахали доброй земли 750 четей, наеажей пашни 145 четей, перелогу держали 1076 четей, сено заготовливали 13425 копен²⁷.

В 1600 году в Подгородной волости верхотурские ямщики ("ямские охотники") основали свою слободу - Ямскую. Находилась она на той окраине г.Верхотурья, куда подходила Бабиновская дорога из Соликамска (слобода и название ее сохранились до наших дней). За службу ямщики (в 1600 году их насчитывалось 50) получали денежное жалованье и земельный надел сначала возле самой слободы, а с 1612 года по притокам Туры - Тагилу с Мугаем, Салде, Режу и другим мелким рекам. На отведенных землях ямщики завели к 1624 году 16 деревень с 34 дворами, в которых проживало 65 человек мужского пола. Они обрабатывали для себя 478 четей пашни, держали 410 четей перелогу, заготовливали 6300 копен сена²⁸.

Деревни Подгородной волости с Ямской слободой являлись малодворными поселениями. Большинство их имело до трех дворов, что дает основание видеть в них починки, а порой и заимки, которые длительное время известны были в Перми Великой. В переписи 1624 года 92% деревень зафиксированы по именам их основателей или владельцев, например, "деревня стрельца Васьки Чеснокова", "деревня над озером вдовы Онтониды Борисовские жены Елтышева"²⁹. Некоторые деревни впоследствии развились в крупные поселения, но многие исчезли.

Кроме Подгородной волости, вотчин Верхотурского Николаевского, Тагильского Спасо-Преображенского, Невьянского Богоявленского, Велико-Устюжского Архангельского монастырей в южной части Верхотурского уезда к 1624 году находились две слободы - Тагильская и Невьянская.

С 1612 года по р.Тагилу и притоку Мугаю поселения начали возникать таким же образом, как и в Подгородной волости. Здесь к 1624 году существовало 36 деревень с 65 дворами и населением 103 человека мужского пола. За крестьянами значилось доброй пашни 625

четей, перелогу 800 четей, сена 8780 копен³⁰. На правом берегу Тагила при впадении р.Булихи разместился монастырь с храмом Преображения Господня, где в 1625 году по просьбе крестьян построили острог-крепость для защиты от калмыков. С основанием острога число крестьян увеличилось и образовалась Тагильская слобода. В 1621 году по указанию Верхотурского воеводы несколько крестьянских семей поселяется по р.Нейва и основывается Невьянская слобода. В 1624 году вокруг нее появилось 5 деревень с 39 дворами и 41 человеком мужского пола, имевших доброй земли 512 четей, перелогу 1720 четей, сена 5900 копен³¹. Для защиты от "калмыцких людей" вскоре возводится острог. Невдалеке от слободы было выбрано место для Богоявленского монастыря (рис. 3).

Дальнейшее развитие типов поселений в Верхотурском уезде показано в переписи Л.Поскочина 1680 года и дозорной книге 1710 года (табл. 11, рис. 3). О крестьянском освоении Верхотурского уезда свидетельствует прежде всего большое число деревень. В 1680 году их было 339, или 93,6% всех поселений. В 1710 году деревень, погостов, сел, заимок, юрт манси насчитывалось 399, или 96,8%.

Вместо двух слобод, существовавших в 1624 году, к 1680 году появилось 12, а к 1710 - 14. Слободы выполняли административные и культурные функции, к ним тяготели окружающие поселения. В слободах обязательно находились остроги с храмами, государственные хлебные амбары(мангазеи), двор приказчика, торговые заведения, ремесленные пункты, а в некоторых и таможни. Слободы основывались двумя путями: по инициативе воеводской администрации или отдельных предпринимателей-слободчиков. Администрация подыскивала место с учетом двух обстоятельств - чтобы иметь новый земледельческий район и стратегически важный военный пункт. Слободчиками становились инициативные и обеспеченные крестьяне, действовавшие поодиночке или сообща с родственниками и товарищами. Часть слободчиков уездная администрация назначала приказчиками. Так, Андрей Баганинов в 1639 году основал на р.Нейве Мураинскую слободу, а в 1645 - Краснопольскую слободу, настоящим строителем последней стал стрелец десятник Нефед Серебренников³². Слободчики много сделали как организаторы переселений крестьян, строительства острогов и дорог. К сожалению, имена многих слободчиков остались неизвестными. Образование слобод частными лицами является давней традицией на Русском Севере. Так, в 1552-1555 годах слободку Усть-Цильму основал Ивашка Ластка, получивший впоследствии царскую грамоту на пожизненное владение землями по рекам Печоре и Цильме³³.

Слободские остроги представляли собой небольшие крепости. Местный гарнизон сначала состоял из "охочих людей", а потом набиралось постоянное войско - беломестные казаки, "за хлебное жалование служившие с пашен". Так, в Невьянской слободе в 1635 году насчитывалось 17 беломестных казаков³⁴.

Помимо двух старых слобод - Тагильской и Невьянской - в 1680 году существовало еще 10 новых: Арамашевская по р.Реж (1639 год), Ницинская-Ощепкова по р.Ница (1624), Ирбитская при устье р.Ирбит (1632), Белослудская по р.Ирбит (1644), Камышловская по р.Пышма (1667), Красноярская по р.Пышма (1670), Пышминская по р.Пышма (1674), Аятская при озере Аять (1669), Краснопольская по р.Нейва (1645), Чусовская Уткинская по р.Чусовая (1656)³⁵ (рис. 3).

С 1680 по 1710 год появилось еще две слободы - Ново-Пышминская и Сулемская, выделенная из Чусовской Уткинской. Вопрос о строительстве слободы при впадении р.Сулема в Чусовую ставился еще в 1681 году, но по челобитью манси Чусовской волости решение его откладывалось по причине стеснения ясачных угодий³⁵. В XVIII веке слободы как административные и культурные центры продолжали возникать во всех зауральских южных уездах, особенно в Ирбитском, Камышловском, Шадринском (табл. 12).

Помимо служилых людей, судных дьячков и церковных причетников в каждой слободе проживали пашенные и оброчные крестьяне. Возле слобод находились государственные десятинные пашни. На первых порах местных уроженцев было немного. Так, в Краснопольской слободе, основанной в 1645 году и восстановленной во второй половине 1660-х годов после разорения башкирами и "кучумовичами", в 1680 году насчитывалось (вместе с округой) 50 дворов оброчных крестьян, причем только из 99 8 являлись местными уроженцами. Остальные происходили из других слобод Верхотурского уезда и разных мест Поморья и Прикамья³⁷.

Округа многих слобод к концу XVII века была достаточно заселенной, и население в самих слободах приобретало сложный социальный состав. Например, Камышловская слобода по р.Исеть в 1702 году имела посад и "при том посаде 14 деревень..."³⁸. В Ирбитской слободе, основанной в 1632 году, в 1710 году значилось 6 дворов церковных причетников, 6 дворов и 28 человек обоого пола верхотурских детей боярских, 27 человек дворовых людей, 2 двора нищих дьячков и 11 дворов беломестных казаков с населением 63 человека обоого пола, 159 дворов оброчных крестьян, в которых проживало 1424 человека обоого пола, 20 дворов промышленных людей, где оби-

тало 103 человека, 18 дворов бобылей и захребетников и в них 65 человек обоого пола, 10 дворов ямских охотников и в них 85 человек обоого пола. Всего в Ирбитской слободе и 13 деревнях отмечено 232 двора, где проживало 1821 человек обоого пола³⁹. На рубеже XVII-XVIII веков Ирбитская слобода стала крупным центром внутренней торговли России. В 1775 году она была преобразована в город⁴⁰. В Арамашевской слободе по р.Реж, возникшей в 1639 году, в 1710 году насчитывалось 9 дворов церковных причетников, 1 двор приказчика, 3 двора верхотурских боярских детей, 1 двор писчего дьячка, 17 дворов беломестных казаков с 156 обитателями, 209 дворов пашенных и оброчных крестьян, в которых проживало 1817 человек обоого пола, и 17 дворов бобылей и захребетников с 56 жителями. Всего в Арамашевской слободе (без деревень) было 257 дворов и 2104 жителей обоого пола⁴¹.

По назначению и функциям верхотурские слободы можно сравнить со строгановскими острожками, слободами и Новоникольской (Осинской) слободой. В тех и других имелись укрепленные остроги-крепости, храмы, военные гарнизоны, торгово-ремесленные пункты и обитало земледельческое население. Поэтому вряд ли можно согласиться с оценками функций уральских слобод XVII - начала XVIII века, данными рядом исследователей. М.М.Богословский и М.Н.Тихомиров считали их неземледельческими поселениями⁴², а В.И.Семевский видел в них только оборонительные пункты⁴³.

Различие слобод двух регионов Среднего Урала проявилось лишь в том, что верхотурские слободы имели более сложный социальный состав населения и более сложный аппарат управления со служилым населением, так как в отличие от Прикамья здесь сохранялась более сильная военная угроза. Верхотурские слободы были рассчитаны на охрану более обширной территории, поэтому центром любой слободы оставался острог. По сохранившимся описаниям видно, что остроги являлись настоящими крепостями. Так, в 1704 году в Ницинской слободе, по словам очевидца, "около церкви и государственных житниц острог поставлен стоячий, в вышину три сажени печатных, да ворота проезжие, а вместо двух башен поставлены в острожной стене два анбара з бойницы, круг острогу и проезжих ворот и анбаров 137 сажен"⁴⁴. В другой слободе - Арамашевской, детально описанной в 1656 году, оборонительные сооружения выглядели таким образом: "Около церкви и государевых житниц поставлен острог рубленой в вышину две сажени, четыре башни рубленые четверугольные с проезжими вороты, пятая башня глухая по три сажени, в них по два мос-

та. Около острогу и башен 185 сажени печатных, а крепостей надолбы двойные, наряду для оберегания от калмыцких воинских людей"⁴⁵.

Помимо слобод, в Верхотурском уезде имелись погосты. Перепись 1624 года отметила 2 погоста, но к категории самостоятельных поселений, как в Перми Великой, их не отнесла. Один погост находился в Подгородной волости возле деревни Балакиных по р.Салде с храмом Прокопия Устюжского и 3 дворами причта, второй - в Тагильской слободе, расположенный при впадении р.Булиха в Тагил. Он имел храм Преображения Господня с приделом в честь Михаила Архангела и 3 дома причта⁴⁶. В 1680 году писец зафиксировал 7 самостоятельных погостов, а в 1710 году - 11 (табл. 11, рис. 3).

Во второй половине XVII века функции погостов Верхотурского уезда были такими же, что и у погостов Перми Великой. Нам известно, что территория вокруг г.Верхотурья (по рекам Туре, Салде, Пие, частично - по Тагилу и Мугаю) не входила в состав слободы и образовала самостоятельную Подгородную волость, в которой помимо деревень с постоянно живущими крестьянами находились поселения служилых людей и ямщиков г.Верхотурья. В 1680 году волость делилась на 5 погостов: по р.Тура - Красногорский, объединявший 21 деревню с 76 дворами, и Меркушинский с 21 деревней и 64 дворами, по притоку Туры Салде - Салдинский, включающий 13 деревень с 27 дворами. На землях по р.Тагил и его притоку Мугаю "ямские охотники" имели 2 погоста: Введенский с 15 деревнями и 66 дворами и Мугайский с 10 деревнями и 93 дворами⁴⁷ (рис. 3). В каждом погосте были приходские храмы, дворы церковных причетников. Жители считали их центральными поселениями округа и в то же время самой округой.

Кроме названных погостов по одному погосту находилось в Тагильской и Невьянской слободах (рис. 3). Один из семи погостов, зафиксированных в 1680 году, - Голубчиковский - возник в плотно заселенном районе по р.Ница в 15 верстах от центра Невьянской слободы, где сосредоточено было 30 деревень с 232 дворами. В погосте находилась церковь Вознесения Господня, двор причта, 19 крестьянских дворов⁴⁸. Потребность в погостах на остальной территории Верхотурского уезда не возникала, так как закрепление Русского государства на освоенных землях, постоянно подвергавшихся военной опасности со стороны южнее проживавших кочевых народов, предполагало создание не только административных, культурных и духовных центров, но и военных. Все эти функции успешно выполняли слободы. Известны случаи, когда на первых этапах освоения терри-

тории заводи́ли погосты. Но долго они не существовали, их поглощали слободы. Так, по р. Тагил недалеко от Спасо-Преображенского монастыря был погост и к нему тяготело 36 деревень. В 1625 году на погосте по просьбе крестьян "для защиты от калмыков" возвели острог и с основанием его население вошло в состав Тагильской слободы⁴⁹.

В XVII - начале XVIII века на весь Верхотурский уезд оставалось одно село Покровское. Оно принадлежало заложенному в 1622 году Невьянскому Богоявленскому монастырю. Это монастырское поселение с самого возникновения относилось к типу села и называлось по церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Для него было выбрано место по р. Бобровка, притоку Ирбита. Село являлось частью вотчины монастыря. В 1710 году к нему относились 4 деревни с 59 дворами, в которых проживало 476 человек обоего пола⁵⁰.

Займок или займищ в Верхотурском уезде переписи отмечали немного, хотя, как и в Перми Великой, к этой форме освоения новых земель прибегали часто. Социальная сущность их оставалась такой же, как и в Перми Великой. В связи с этим приведем лишь один пример. Верхотурский стрелец Микишка Пахолуев в 1652 году обратился к царю с челобитной, "чтоб государь его пожаловал, велел дать вниз по Туре-реке пониже Салдинского устья... бывшего пашенного крестьянина Белозеровскую займку Никона из государева де выделного хлеба под пашню... а те де места лежат впусе лет с дватцать и не владеет ими никто..."⁵¹.

Юрты манси и татар не имели компактного размещения на местности, одна юрта уже считалась поселением. Переписи фиксировали такие поселения по именам владельцев.

Специально следует остановиться на социальной сущности деревень Перми Великой и Верхотурского уезда. Известно, что на протяжении нескольких веков они оставались самыми распространенными крестьянскими поселениями. Размеры деревень, которые наиболее полно восстанавливаются по письменным источникам, позволяют раскрыть определенные стадии в развитии их социального строя.

В однодворных деревнях, да еще названных собственными именами их основателей или владельцев, проживал коллектив людей, образующих семейную общину. Мы уже писали, что в Перми Великой в конце XVI - начале XVIII века поселения, имеющие до трех дворов, считались починками. В Верхотурском уезде деревни в один двор, записанные под именами основателей или владельцев, оказывались равнозначными починкам Перми Великой. Таким образом, однодворные

верхотурские деревни и однодворные починки Перми Великой оставались однотипными по численности и социальному составу населения. На рубеже 1670-х - 1680-х годов они составляли на Среднем Урале до 35% поселений.

Чаще всего в однодворных поселениях одна семья объединяла людей нескольких поколений, так как построить полный усадебный и хозяйственный комплекс, завести орудия труда, распашать необходимую землю, обеспечить себя продуктами было под силу лишь большому сообществу людей. Помимо официального переписного материала о существовании подобного уровня социального строя однодворной деревни или починка (а иногда и займища, займки) свидетельствуют некоторые купчие и закладные крестьянские акты. Например, в 1659 году в погосте Городище Соликамского уезда "жена своего мужа Ивана Орехова ... продала остатки деревню Третьяковскую Меркурьевскую, пашенные земли и сенные покосы и двор с местом дворовым по старым межам, как в сей купчей написано"⁵².

Если детально описывается и продается деревня от одного лица, как это видно в цитируемом отрывке из купчей, то, естественно, она и принадлежала одному хозяину "большой" семьи. В конце XVI - начале XVIII века этот социальный строй имели среднеуральские деревни. Поэтому, как писали в закладной 1632 года, "се аз Флор Яковлев сын Вилеженин да с сыном своим Афонасьем", могли за занятые у Соликамского Вознесенского монастыря "тридцать рублей денег московских ходячих" заложить "игумену Максиму с братею деревню свою починок и з двором, и со всеми хороми, и з чертежами, и с причистыми куды топор и соха, и коса ходили"⁵³.

В фонде Верхотурской воеводской избы сохранилось немало частных актов XVII века, отражающих имущественные и поземельные отношения всех слоев населения г.Верхотурья и уезда. По ним восстанавливаются разные стадии развития социального строя в верхотурских деревнях. Приведем примеры того, что на начальной стадии в однодворной деревне проживала одна семейная община, имевшая полное право на деревню. Бывало немало случаев, когда проданная или заложенная однодворная деревня сохранялась как один большесемейный коллектив у нескольких поколений людей.

В 1632 году "се аз Григорей Гаврилов сын Смокотин, верхотурской пашенной крестьянин, поменял я свою деревню, отца своего Галлактиона по благословию, верхотурскому пашенному крестьянину Терентью Григорьеву сыну Желобову, деревню на деревню, ему Терентью владеть моею Григорьевою деревнею половиною - пашенною

землю и санными покосы, а другая половина в пашенной земле и в санных покосах брату моему Григорьеву Петру, а двором моим Григорьевым всем владеть ему Терентью, и что в том моем Григорьеве дворе хором ни есть, кроме бани, безвыводно..."⁵⁴. Крестьянин Мирон Леонтьев сын Будаков в 1636 году "променил есми пашенным крестьянам... да ямскому охотнику... закладную свою Тагильскую деревню, что была старца Филарета"⁵⁵. В 1651 году "се аз верхотурский стрелец Василий Яковлев сын Лаптев променял брату своему подгородному оброчному крестьянину Степану Яковлеву сыну Лаптеву... деревню свою вниз по Туре в Таскине, которую выменял я Василей у пашенного крестьянина у Кирилла Алина... А у него Степана выменял на ту свою деревню его Степанову новую заимку вниз по Туре-реке на правой стороне с устья речки Выдры до родника, и луговое место под поскотину..."⁵⁶. В 1672 году "се аз верхотурский стрелец Евдоким Васильев отдал на Верхотурье в Николаевский монастырь половину деревни своей за вклад за 20 рублей, а другую половину деревни Евдоким в Николаевский же монастырь продал со всеми хоромы и около поль огорода, и со всеми деревенскими угоды... А та деревня моя вниз по Туре ниже Дерябиных..."⁵⁷.

Одноворные деревни имели не только русские крестьяне, служилое население Верхотурья, но и некоторые ясачные манси. Так, в 1656 году "вогульский толмач Яков Данилов сын Шавков... за взятые 25 рублей денег" закладывал верхотурскому стрельцу Якову Якимову "деревню свою на Сосьве..."⁵⁸. В 1677 году "се аз ясачный вогулятин... подписал и заложил... деда своего Данка Ебряева закладную деревню, что заложил тое деревню деду моему верхотурской стрелец Яков Ивонов Борзунов, а та деревня вверх по Туре-реке..."⁵⁹.

Известны случаи, когда большая семья не делилась, сохраняла одну фамилию и проживала в двух-трех домах. Таких деревень в XVII веке более всего было в Верхотурском уезде, где поднять заново "собинные" земли (обрабатываемые крестьянами для себя) и "десятинные" (государевы) пашни в короткий срок небольшой семье было не под силу. Например, в Подгородной волости по р.Салда в первой четверти XVII века 5 братьев Путимцевых проживали в двух дворах, а два брата Балакиных имели один двор. Их деревни в переписи 1624 года названы так: "Деревня братьев Балакиных", "деревня братьев Путимцевых"⁶⁰. В 1710 году наименования деревень имели уже патронимические формы - Путимцы, Балакинцы⁶¹. В середине XIX века, когда в деревнях стали проживать вновь пришедшие люди и родственный состав населения слишком изменился, названия деревень приоб-

рели новые формы - Путимцева и Балакинцева⁶².

На стадии социального строя деревни, соответствовавшего патронимическому уровню, названия многих поселений образовывали от личных имен с помощью формантов -онки, -енки, -ата, -ята, -ичи, -цы (Микишонки, Киренки, Ортята, Денисята, Егоровичи, Семеновцы и др.). Осознание первопоселенцев как основателей деревень и починок, возглавлявших большесемейные общины и образовавших впоследствии самостоятельные хозяйства, до сих пор находит отражение в лексике некоторых старожильческих районов Среднего Урала. Так, в Сивинском районе Пермской области (бывший Оханский уезд) жители, побывавшие в д.Пронята, говорят: "Ходили к Пронятам" или "Гостили у Пронят"⁶³.

На Среднем Урале в период его активного заселения русскими нередки были случаи, когда из экономических интересов хозяин приглашал в семью чужих людей путем сдачи тягла половникам, издольщикам, подворникам, захребетникам и др. Исследование И.В.Власовой показало, что коллективный труд был особенно необходим при залежно-паровом земледелии и сохранялся в ряде мест Поморья и Западной Сибири очень долго⁶⁴. В этих случаях нередко субъект владения двором из единоличного превращался в коллективный с родственными и чужеродными элементами. Владелец хозяйства отдавал на время часть имущества и землю в другие руки, но при этом не производил раздела. В таких поселениях, даже состоящих из двух-трех дворов, хозяйство делилось на доли, принадлежавшие не одному лицу. Это явление, впервые исследованное на Европейском севере А.Я.Ефименко, получило в исторической литературе название "долевое владение" или "долевая деревня"⁶⁵. Указанный уровень социального развития деревни также нашел отражение в крестьянских актах XVII века. Например, в 1627 году крестьянин на Чашкинском озере в Соликамском уезде за взятые деньги "подписал избу свою ветхую на змостье со всякими дворовыми строениями и свои доли пашенные земли первой полосы во дворিশном поле... подлесную гарь и сенные покосы"⁶⁶.

Был еще и третий путь формирования социального строя деревни, когда в суровых природных условиях несколько семей сообща осваивали землю, возводили усадьбы, занимались промыслами, и в этом случае субъектом владения деревни и всей принадлежавшей земли становился коллектив родственных и неродственных людей. В крестьянских актах и отдельных переписных материалах XVII века члены такого коллектива назывались складниками, совладельцами, а порой

и соседями. Складничество, которое можно назвать еще товариществом, являлось неременной чертой процесса освоения черносошных земель не только на Среднем Урале, но и на всем Европейском Севере⁶⁷. Впоследствии поколение наследников такой деревни могло индивидуализироваться путем раздела хозяйства, и союз (товарищество) складников начинал существовать по условиям соседской территориальной общины. Некоторые складники оставались жить в прежних домах, другие уезжали на отведенные земли, заводили там избы, дворы и тем самым основывали новые поселения. Распространенность таких социальных отношений в XVII веке в Верхотурском уезде показана И. В. Власовой⁶⁸.

Кроме описанных вариантов возникновения крестьянских поселений существовал и такой. На месте будущей деревни или починка селились наряду с родственниками чужие люди. В этом случае деревня не могла быть с самого начала однородной. Так, в Верхотурском уезде д. Топоркова по р. Мугай, основанная к 1680 году, имела 8 дворов, из которых 7 принадлежали родственникам, носящим фамилию основателя рода - Топорков. Восьмая семья - Лучниковых - поселилась одновременно с Топорковыми и проживала в своей усадьбе⁶⁹. Образованный таким путем деревенский коллектив людей представлял собой уже не семейную, а соседскую общину. В связи с ростом числа дворов в поселениях, обусловленным значительным притоком пришлого народа, а также проникновением в сельскую среду товарно-денежных отношений, родственный состав жителей быстро нарушался и уступал место соседским отношениям. Вспомнив ранее приведенные показатели многодворности поселений уездов и вотчины Строгановых в Перми Великой, можно заключить, что большинство деревень в XVII веке по социальному строю соответствовало соседской территориальной общине. А это предполагало совершенно иной уровень землепользования.

Наряду с захватным правом все большее распространение получали разделы и переделы сначала удворных, а затем и отхожих полей. Особенно остро эти вопросы решались там, где ввод новых земель не успевал за ростом населения, в первую очередь в местах плотной заселенности (они нами выделены в главе I, § 2). Такой уровень развития деревни и ее землепользования сохранялся на протяжении XVII-XVIII веков, а кое-где до введения уравнильно-передельной системы. В Верхотурском уезде, где по переписям 1624, 1680 годов видно, что однодворных деревень оказалось намного больше, чем в Перми Великой, процесс развития деревень на уровне большесемейной общины в XVII веке был представлен шире и протекал намного дол-

ше даже и в XVIII веке, чем в уездах Пермь Великой.

Таким образом, социальная сущность поселений Среднего Урала, за исключением слобод, во второй половине XVI - начале XVIII века оставалась той же, что и на Европейском Севере⁷⁰. Не строгановские, а верхотурские слободы по застройке, социальному составу населения и функциям были близки сибирским⁷¹.

На Среднем Урале в XVIII веке не только увеличилось число поселений, но и в связи с закреплением хозяйственно-культурных традиций стабилизировалась их типология. Итоги развития типологии поселений Пермской губернии в XVIII веке наиболее полно представляет V ревизия 1795 года (табл. 12). Изменения в типах поселений происходили в соответствии с дальнейшим освоением природной среды, ростом населения, увеличением плотности заселения ряда районов и усложнением социального состава населения, а также начавшимся введением новых норм землепользования - уравнительных переделов, при которых люди стремились при отделении от родительских семей поселиться на новых местах.

В XVIII веке продолжалось увеличение числа сел и сокращение количества погостов. В конце XVIII века 11 погостов оставалось только в одном Верхотурском уезде (табл. 12). В 1795 году сел насчитывалось 235 (3,72% всех поселений губернии) вместо 43 в начале XVIII века (табл. 11). В каждом уезде проявлялись особенности в образовании сел. Они возникали двумя путями: как и на рубеже XVII-XVIII веков, погосты, острожки и слободы официально относили к категории сел и записывали под старыми названиями. Так же поступали с крупными деревнями в местах плотной заселенности. Все села унаследовали функции, свойственные погостам, слободам, острожкам. Они оставались центрами волостей-округов и церковных приходов. Здесь находились волостные правления и торговые заведения. В селах, образованных из слобод, острожков, городков, население по-прежнему участвовало в торгово-ремесленной деятельности. Часть сел оставалась центром вотчинных округов (Ильинское, Новое Усолье, Верхне-Муллинское, Очерский острожек и др.). История таких поселений запечатлена в их новых названиях: село Верхне-Чусовские городки, село Орел-городок, село Яйвинский острожек, село Очерский острожек и др.⁷² В Верхотурском уезде часть сел возникла из караулов, основанных в XVII веке на Бабиновской дороге: Караульное, Павдинское, Растес, а также село Кошайское - из караула, построенного сначала для защиты местной солеварни от манси, а затем перестроенного в связи с организацией таможни на

Типы поселений Пермской
губернии по V ревизии 1795 года

Уезд	Село	Сло- бода	По- гост	Де- ревня	Почи- нок	Одно- двор- ка	Ост- рожек	Всего
Пермский	45	-	-	977	135	55	-	1212
Кунгурский	18	3	-	346	1	-	2	370
Соликамский	27	5	-	330	76	-	-	438
Чердынский	27	-	-	260	48	-	-	335
Оханский	17	1	-	1185	274	15	-	1492
Осинский	8	-	-	205	19	-	1	233
Красноуфим.	8	-	-	242	-	-	-	250
Верхотурский	9	3	11	349	-	-	-	372
Екатеринбург.	19	3	-	326	-	-	-	348
Ирбитский	27	12	-	374	-	-	-	413
Камышловский	11	13	-	392	-	-	-	416
Шадринский	19	9	-	414	-	-	3	445
ИТОГО	235	49	11	5400	553	70	6	6324
	(3,72)	(0,77)	(0,17)	(85,39)	(8,75)	(1,11)	(0,09)	(100)

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: РГИА. Ф.1350, оп.312, д.120, 213; РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, 18925. В скобках приведен показатель численности типов поселений в процентах

дороге из Верхотурья в Пелым.

Погосты как самостоятельный тип поселений на Среднем Урале последний раз отмечались в материалах III ревизии 1762-1763 годов⁷³. По данным V ревизии 1795 года они оставались лишь в Верхотурском уезде (табл. 11, 12). Но это были уже совершенно новые погосты. Старые погосты, как и в других уездах, стали селами. Из новых погостов только один - Фоминской - являлся центром Фоминской волости, а остальные находились на положении деревень, но с приходским храмом и общим для округа кладбищем⁷⁴. Хотя в офици-

альных переписях с конца XVIII века погосты перестали упоминаться, в сознании людей долго сохранялось представление о них как о поселении с храмом и кладбищем.

В XVIII веке в зауральских уездах - Ирбитском, Камышловском, Шадринском - продолжали возникать новые слободы, особенно по рекам Пышма, Исеть. В них интенсивно развивалась промыслово-торговая деятельность. В 1795 году слобод и слободок было 49, или 0,77% всех поселений (табл. 12). Во многих новых слободах отсутствовали остроги, и поэтому они не являлись оборонительными центрами. Объяснялось это тем, что к концу XVIII века военные укрепления заменяют специально созданные на юго-востоке зауральской территории пограничные линии с казачьими войсками. Все крупные слободы оставались в XVIII веке центрами волостей-общин. Было немало случаев, когда крупная слобода являлась центром волости, куда наравне с деревнями входили село и небольшая слобода. Например, Ницинская слобода Верхотурского уезда с населением 200 человек обоюбого пола была центром волости, к которой относилось 26 деревень, село Голубовское с населением 155 человек обоюбого пола и еще Соколовская слобода с 5 деревнями. Всего в волости проживало 1993 человека обоюбого пола⁷⁵. Внутри каждой волости села и небольшие слободы являлись административными и культурными центрами определенной округи, но общим административным, культурным и торгово-ремесленным центром всегда оставалась старинная слобода.

В уездах Пермского Прикамья - Соликамском, Кунгурском, Оханском - слободы чаще назывались слободками. Никаких оборонительных укреплений они не имели и выполняли роль важных промысловых и ремесленных центров возле поселений (а иногда и внутри них), где развивалось солеварение (Пихтовская, Рубежская слободка при селе Новое Усолье Соликамского уезда), при монастырях (Заоградная слободка Шерьинского монастыря Оханского уезда) и городах (Подгородная слободка Кунгура)⁷⁶.

В ревизия 1795 года показала в Пермской губернии 5400 деревень, или 85,39% всех поселений (табл. 12). В 6 уездах Прикамья заселение новых земель и образование деревень происходило традиционным путем - через починки. В 1795 году их насчитывалось 553, или 8,75% всех поселений. Кроме того, в Пермском и Оханском уездах появился новый тип поселений, близкий к починкам, - однодворки. Всего их было 70, или 1,11%. Возникновение починков свидетельствует о том, что основатели их не могли в короткий срок завести полный комплекс угодий и поэтому им предоставлялись на ка-

кое-то время льготные условия. Это объяснялось, с одной стороны, суровыми природными условиями местности, с другой - замедленным введением уравнительных переделов земли по сравнению с зауральскими территориями.

В Верхотурском уезде починки не возникали как в XVIII, так и в XVII веке (табл. 11). Но их, как мы писали выше, заменяли одnodворные деревни. Если в XVII веке их было много (до 35%), то к концу XVIII века они почти исчезли. Причину этого следует видеть в том, что более мягкие природные условия здесь давали возможность быстрее обзавестись полным комплексом построек и сельскохозяйственных угодий, а при переписи наличие достаточно развитых хозяйств служило основанием для отнесения вновь образованных поселений к деревням. Южные деревни в отличие от северных оставались многодворными. Первые имели в среднем 80-120 дворов, а вторые - 20-40.

Образование типов поселений на Среднем Урале покажем на примере Сепычевской волости Оханского уезда, крестьяне которой принадлежали А.С.Строганову. В 62 поселениях (рис. 7), насчитывавших 204 двора, проживало 1289 человек обоего пола. В период проведения V ревизии 1795 года центром волости являлось селцо Сепыч, которое по переписи 1782 года значилось деревней⁷⁷. Ревизская перепись составлена так, что отражает не только процесс формирования типов поселений, но и внутреннюю миграцию небольшого региона, способствующую образованию новых поселений или пополнению уже существующих. Типы 62 поселений были следующие. Кроме селца Сепыч сохранялось еще 12 старых деревень. 6 деревень образовалось путем "поселения" (т.е. выезда) крестьян из починков ("жили в деревне Анашиной из починка Раковского"⁷⁸), 27 починков - путем выезда из деревень ("починок Чертеж из деревни Соловьевой"⁷⁹), 9 починков - путем выхода из прежде основанных починков ("в починке Ожигинском из починка Мошевского"⁸⁰), 3 однодворкам начало положили жители деревень ("в однодворке Плоховском из деревни Габовой"⁸¹) и еще 3 однодворкам - выходцы из починков ("в однодворке Зайцевском из починка Раковского"⁸²), один однодворок сохранялся с давних лет. На Среднем Урале такой процесс формирования типов поселений оставался характерным для рубежа XVIII-XIX веков.

В XVIII веке в связи с уходом большого числа крестьян в старообрядческие общины (соборы) на Среднем Урале расширилась сеть таких поселений, как скиты. Официальные переписи упоминают их редко, так как они с трудом поддавались выявлению. В появлении

скитов большую роль играли наставники беспоповских общин (особенно поморских), проповедовавшие уход в глухие места (пустыни) как наилучший путь спасения от антихриста и жизни ближе к Богу⁸³. В скитах Екатеринбургского, Кунгурского, Оханского, Соликамского уездов проживало в среднем до 30 человек. Они жили по скитскому уставу, занимались земледелием, ремеслом, организовывали обучение детей церковно-славянской грамоте, ухаживали за больными и одинокими людьми. Вокруг больших скитов, расположенных возле сел Сепыч, Таватуй, Урмы, Шарташ, деревень Пудьва, Роша, появлялись небольшие скиты с жителями в 3-7 человек, а также жилища одиночных пустынников. Некоторые крупные скиты на рубеже XVIII-XIX веков превращались в настоящие общежительные монастыри (с.Урмы Кунгурского уезда, с.Шарташ Екатеринбургского уезда, д.Чурсово Оханского уезда⁸⁴). Особенно быстро развивались те скиты, которым покровительствовали представители торгово-промышленных кругов (Пудьва, Таватуй, Шарташ).

Активное освоение земель Среднего Урала в первой половине XIX века привело к укрупнению старых и росту числа новых поселений. Сложившиеся к середине XIX века типы поселений представлены в табл. 13. По сравнению с 1795 годом число сельских поселений в 1869 году увеличилось в 1,48 раза и составило 9229. Наибольшее количество поселений находилось в Соликамском (23,6%), Оханском (20,41), Пермском (17,82) уездах, а наименьшее - в Екатеринбургском (2,94%), Ирбитском (2,98), Красноуфимском (3,52), Камышловском (3,88), Шадринском (4,14), Верхотурском (4,42), Чердынском (4,98), Кунгурском (5,03), Осинском (6,28). В губернии преобладали малодворные поселения - 58,3% поселений имели менее 100 жителей⁸⁵. Поселения, насчитывающие от 100 до 500 человек, преобладали в южных уездах. Доля поселений с жителями свыше 500 человек составляла 8,9%. В первой половине XIX века самыми многодворными стали южные поселения, что было стимулировано, как и прежде, активным развитием земледелия и торговли.

В Соликамском уезде на одно поселение в среднем приходилось 11,4 двора, Пермском - 14,7, Оханском - 16,8, Чердынском - 21,2, Кунгурском - 31,8, Осинском - 48,0. Поселений в южных уездах было намного меньше, чем в северных (табл. 13), но они оставались самыми многодворными. В Екатеринбургском уезде в среднем на одно поселение приходилось 148 дворов, Камышловском - 93,6, Шадринском - 92,8, Красноуфимском - 77,4, Ирбитском - 64,2. Таким образом, северные сельские поселения оставались многочисленными и малодвор-

Таблица 13

Типы поселений
Пермской губернии в 1869 году

Уезд	Село	Де- ревня	Сло- бода	Почи- нок	Высе- лок	Одно- двор- ка	Се- льцо	За- им- ка	Юр- та	Всего
Пермский	29	1386	-	204	-	27	-	-	-	1646
Кунгурский	22	380	-	1	67	-	-	-	-	470
Соликамский	40	1604	4	438	25	88	1	-	-	2200
Чердынский	34	409	-	2	20	-	-	-	-	465
Оханский	35	1346	-	402	18	1	2	-	-	1804
Осинский	39	479	2	61	11	-	-	-	-	592
Краноуфим.	30	301	-	-	10	-	-	-	-	341
Верхотурский	32	375	1	-	3	-	-	-	8	419
Екатеринбург.	53	230	3	-	15	-	-	-	-	301
Ирбитский	35	240	-	-	3	-	-	-	-	278
Камышловский	68	258	-	-	-	-	-	-	-	326
Шадринский	76	307	-	-	2	-	1	1	-	387
ИТОГО	493	7315	10	1108	186	116	4	1	8	9229
	5,34	79,26	0,10	12,0	2,01	1,25	0,04	0,01	0,09	100

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям 1869 года. Спб., 1875. С.7-375. Курсивом приведен показатель численности типов поселений в процентах

ными, а малочисленные южные обладали многодворностью.

Рассмотрим сложившиеся к середине XIX века типы поселений. Характер хозяйственного освоения Среднего Урала и социальный состав сельского населения по-прежнему отражались в развитии сельских типов поселений.

В первой половине XIX века возросла экономическая и культурная роль многих деревень. Те, которые становились центрами вновь образованных волостей-общин, возводились в ранг сел. Селами объ-

являлись и слободы, служившие центрами волостей-общин. Поэтому к 235 селам, существовавшим в 1795 году, за первую половину XIX века добавилось еще 258, и их общее число в 1869 году достигло 493, или 5,34% всех поселений губернии (табл. 13). Около 75% сел по-прежнему сохраняли функции торгово-промышленных поселений, 12% сел не являлись волостными центрами, а развивались как центры определенных владельческих территорий (Веретия, Григорьевское, Григоровское, Кын в Прикамье). Особенно крупными стали села, в которые превратились погосты и слободы.

В 1869 году насчитывалось деревень 7315, что составляло 79,26% всех поселений губернии. По сравнению с 1795 годом их число увеличилось на 1915 (табл. 12, 13). В каждом уезде были деревни, которые по количеству дворов превосходили отдельные села (Нюзим, Вигичи в Чердынском уезде, Верх-Усолка, Низовая в Соликамском, Демина, Притыка в Оханском и др.). Почти все они выполняли торговую, культурную, церковную функции в определенной округе. Известно, что во второй половине XIX века многие из таких деревень преобразовывались в села.

Как и в конце XVIII века, починки и однодворки имелись только в уездах Пермского Прикамья. Наличие их остается показателем миграции населения и продолжения освоения новых территорий, на которых еще не вводились нормы уравнительного землепользования. Значительное число починков возникло в трех уездах: Соликамском - 438, Оханском - 402, Пермском - 204 (табл. 13). Здесь большинство их основали старообрядцы беспоповцы, не желавшие принимать новую форму старообрядчества - единоверие. Многие починки старообрядцев превратились в многодворные поселения. Так, в Оханском уезде в 1869 году починок Мошевской имел 34 двора и 209 жителей, починок Сергеевский - 12 дворов и 84 жителя⁸⁶. В зауральских уездах починки по-прежнему не возникали по причине, которую мы уже называли, - наличие более плодородных земель и повсеместное введение подушного наделения землей вместо прежнего подворного по тяглу.

В первой половине XIX века во всех уездах появился новый тип поселений - выселки. В 1869 году их было 186, или 2,01% всех поселений губернии. Они возникли в связи с новым режимом землепользования. В местах, где вводились земельные переделы и ограничивалось захватное право пользования землей, основать поселение можно было исключительно путем аренды или покупки земли у казны. На земле, отведенной уже не миром (общиной), а уездной администрацией, селились чаще всего состоятельные крестьяне из старых поседе-

ний. Образованные на иной основе, чем починки, такие поселения стали называться выселками. В отличие от починков их возникновение строго регламентировалось, поэтому они не исчезали бесследно, а если даже становились многодворными, то из ранга выселков не исключались. Наибольшее число дворов имели выселки в южных зауральских уездах. Например, в Екатеринбургском уезде выселок Обжорина (Дедюкина) по р.Нейва насчитывал 52 двора и 410 жителей⁸⁷.

Слобод в 1869 году сохранялось всего 10 (0,10%). Центром волостей являлись только 3 слободы: Арамашевская в Верхотурском уезде, Аятская и Маминская в Екатеринбургском⁸⁸. Возникшие слободы, как и большинство их в конце XVIII века, находились при солеваренных промыслах (Усть-Зырянская в Соликамском уезде), лесопильных заводах (Леменская и Огурдинская в Соликамском уезде), на окраине сел (Ледянка возле с.Ковьмодемьянского Соликамского уезда), а также невдалеке от городов (Большеникольская и Малоникольская возле г.Осы)⁸⁹.

В первой половине XIX века за счет естественного прироста населения возросло число дворов в поселениях. В 1869 году в сельских поселениях насчитывалось 317664 дворов. В среднем на одно поселение приходилось 34,4 двора. Но территориальное распространение дворов оставалось далеко не равномерным. Самые многодворные поселения находились в Екатеринбургском (148 дворов на одно поселение), Камышловском (93,6), Шадринском (92,8), Красноуфимском (77,4), Верхотурском (67,5) уездах. Затем по численности дворов на одно поселение шли Ирбитский (64,2), Осинский (48), Кунгурский (31,8), Чердынский (21,2), Оханский (16,8), Пермский (14,7).

Таким образом, социально-экономические равновидности поселений позволили раскрыть ряд существенных сторон формирования и расселения сельского населения на Среднем Урале. Они, как отмечалось несколько раз, имели схожие черты с многими типами поселений в районах Европейского Севера, особенно в раннем периоде их существования. Села хотя и явились новым типом поселений для Среднего Урала, но унаследовали функции прежних погостов и слобод. Развитие типов поселений напрямую зависело от характера землепользования и систем земледелия, применяемых в каждой местности, специфики природной среды, хозяйственной деятельности, духовных запросов населения. Часть поселений существовала в целях обороны среднеуральских территорий, поскольку они длительное время оставались форпостами Русского государства на пути освоения сибирских просторов.

Этническая специфика в типах поселений проявлялась слабо. У татар, башкир, марийцев, удмуртов до начала XIX века основным типом поселений были деревни, лишь в первой половине XIX века крупные деревни, выполнявшие административные функции, стали относиться к категории сел. Поселения манси долгое время называли юртами, так как в них обычно было по одной жилой постройке - юрте. Только в первой половине XIX века поселения обрусевших манси, имевшие свыше трех жилых построек, записывались в переписях деревнями.

§ 2. Формы поселений

Изучение планировки и застройки поселений, особенно в ранний период, затруднено из-за отсутствия полных источников. Описания, наблюдения очевидцев и сами планы поселений в деталях фиксируют планировку поселений и ориентировку жилых домов начиная с конца XVIII века. Раннюю планировку приходится восстанавливать по фрагментарным сведениям из писцовых книг, в ряде случаев прибегая к ретроспективному методу, пользуясь результатами полевых наблюдений. Разнообразие природной среды, специфика хозяйственного уклада, путей сообщения, господствующие нормы землепользования, родственные связи людей сказались как на планировочных формах, так и на художественном облике поселений.

Этнографы сделали немало попыток разобраться в планировочных формах поселений и предложить их классификацию. Было выдвинуто несколько вариантов форм поселений, но, как справедливо заметили историки русской архитектуры И.В.Маковецкий и Ю.С.Ушаков⁹⁰, для конкретного региона они всегда требуют уточнения. Планировочные формы поселений Среднего Урала будем рассматривать в ходе исторической эволюции, их же можно использовать для раскрытия архитектурно-художественных традиций композиционной организации жилой среды.

Принимая во внимание анализ типов расселения и заселения, а также историко-этнографический аспект настоящего исследования, обратимся как к наиболее подходящему для данного случая варианту классификации, позволяющему выделить такие формы застройки поселений, как беспорядочную (свободную, т.е. менее регулируемую), рядовую, уличную, улично-квартальную и смешанную.

В ранних поселениях, как малодворных, так и многодворных,

просматриваются две формы застройки - беспорядочная и рядовая. В литературе, посвященной поселениям Русского Севера, обе они признаются древними⁹¹. В пермских писцовых книгах, например, описание деревни Поповской на родниках за речкой Неростовицей, относящееся к 1624 году, заканчивается словами: "... а в ней дворы стоят врозни"⁹². Аналогичная застройка отмечается у деревни Губина "на враге" из 9 дворов⁹³. Восстановить истинную картину первоначальной застройки русских поселений позволяют выражения "дворы стоят врозни", "дворы в розни" из писцовой книги 1624 года по Чердынскому уезду, использованные при характеристике "деревни на реке на Сумьче" из 20 дворов⁹⁴, "деревни Разеповой на Каме" из 4 дворов⁹⁵, "деревни Мошево на реке Мошевице" из 17 дворов⁹⁶, "деревни Верхнее Мошево на реке Мошевице" из 28 дворов⁹⁷ и др. Приведенные фразы из писцовых книг дают возможность говорить о беспорядочной застройке в поселениях, расположенных как по берегам Камы, ее притоков, так и на водорааделах воале родников.

Подобная застройка наблюдалась в других уездах - Соликамском, Кунгурском, Верхотурском - и вотчине Строгановых, причем не только у русского населения, но и у татар, башкир, коми-пермяков, маришцев, удмуртов.

Беспорядочные формы застройки сохранялись в сельской местности длительное время, и уровень их развития постоянно запечатляли различные письменные и изобразительные источники. Возникновению таких форм способствовали захватное право землепользования и свободное распоряжение землей, господствовавшие до введения уравнительных переделов земли. Наиболее тщательно расположение строений на местности описано в "Экономических примечаниях" к Генеральному межеванию, которые начали составляться с 1780-х годов.

Приведем примеры из "Экономических примечаний", касающихся Пермской губернии. В 1822-1843 годах в Оханском уезде возле села Сепыч 58 деревень и починок, принадлежавших А.С.Строганову, не имели компактной застройки⁹⁸. В самом Сепыче усадьбы находились в двух местах: "... в первом на левой стороне оврага безымянного, во втором по обе стороны этого же ручья, на левой речке Большого Сепыча и на левой большой столбовой дороге, лежащей из города Глазова в город Обвинск"⁹⁹ (рис. 7). Деревня Сергиевская в 8 дворов расположилась на четырех участках: "... в первом на левой стороне вершины речки Большой Сепыч, во втором на суходоле, в третьем на суходоле, в неведальном расстоянии левой стороны вершины речки Малого Сепыча, в последнем (четвертом. - Г.Ч.) на левой

стороне той же речки Малого Сепыча"¹⁰⁰. Починок Мошевой из 24 дворов тоже занимал четыре участка: "... в первом на суходоле, во втором на левой стороне речки Шистоевки, в третьем по обе стороны ручья безымянного и на левой стороне речки Шистоевки, в последнем (четвертом. - Г.Ч.) на суходоле и горе"¹⁰¹.

В 1820-е годы в Соликамском уезде даже деревня Сим, состоящая из 3 дворов, размещалась на двух участках: "... первая на правую сторону речки Мекшера, а последняя на суходоле"¹⁰², а деревня Полом из 8 домов делилась на две деревни: "... деревня Полом первого места... положение имеет в 4-х местах, три из них на суходоле, а последняя на левой стороне речки"; "... деревня Полом второго места положение имеет по обе стороны вершины речки Сома"¹⁰³. Подобные описания свидетельствуют о том, что места для размещения жилых и хозяйственных построек крестьянам "подсказывала" природная среда. Она воспринималась как важнейшее начало формирования жизненной среды. Подыскивались участки, где была высокодоходная земля. Одна часть построек размещалась у реки (в приведенных описаниях - по небольшим речкам), другая - по оврагу, а третья могла быть на водоразделе, "на суходоле". Подобное расположение поселений - не что иное, как их беспорядочная форма. Аналогичная картина наблюдалась в других северных уездах - Верхотурском, Чердынском, Соликамском и даже Пермском, в которых были сходные физико-географические условия. Описанную форму поселений нам пришлось увидеть в 1980-е годы в старообрядческой деревне Мальковка Верещагинского района (бывший Оханский уезд). Каждая из четырех частей деревни сохранила издавна сложившееся обособленное расположение усадеб и свое название - Мальковка, Даричи, Мотовидиха, Синоуки.

В южных уездах Пермской губернии такой рассеянности в застройке сельских поселений почти не допускалось (рис. 9, 10), ибо, как уже не раз отмечали, пригодные для земледелия почвы представляли собой сплошной массив. К тому же в южных уездах после обмежевания земель в конце XVIII века крестьяне были лишены права свободного захвата, наследования и продажи земли и местная администрация приступила к наделению земель по новой уравнительной системе.

Беспорядочную форму застройки имели не только деревни и починок, но и некоторые крупные погосты. Так, в Соликамском уезде до конца XVIII века отсутствовала компактность в застройке пригородного погоста Городище, так как в 1624 году он был образован

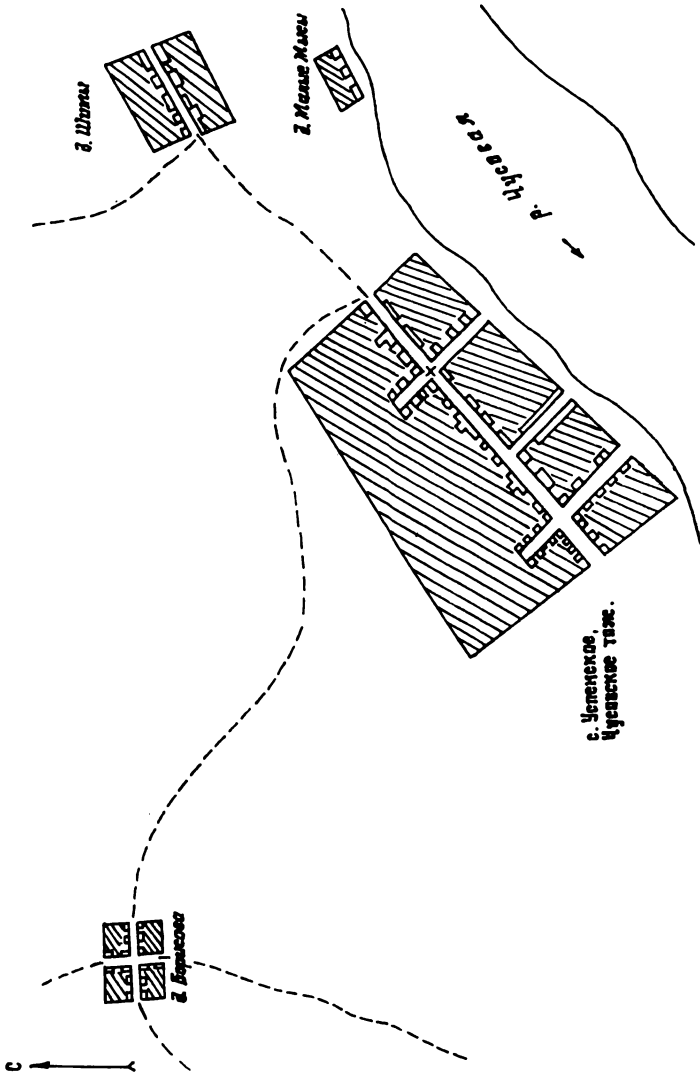

Рис. 9. Размещение поселений в Пермском уезде по р. Чусовой в 1824 году

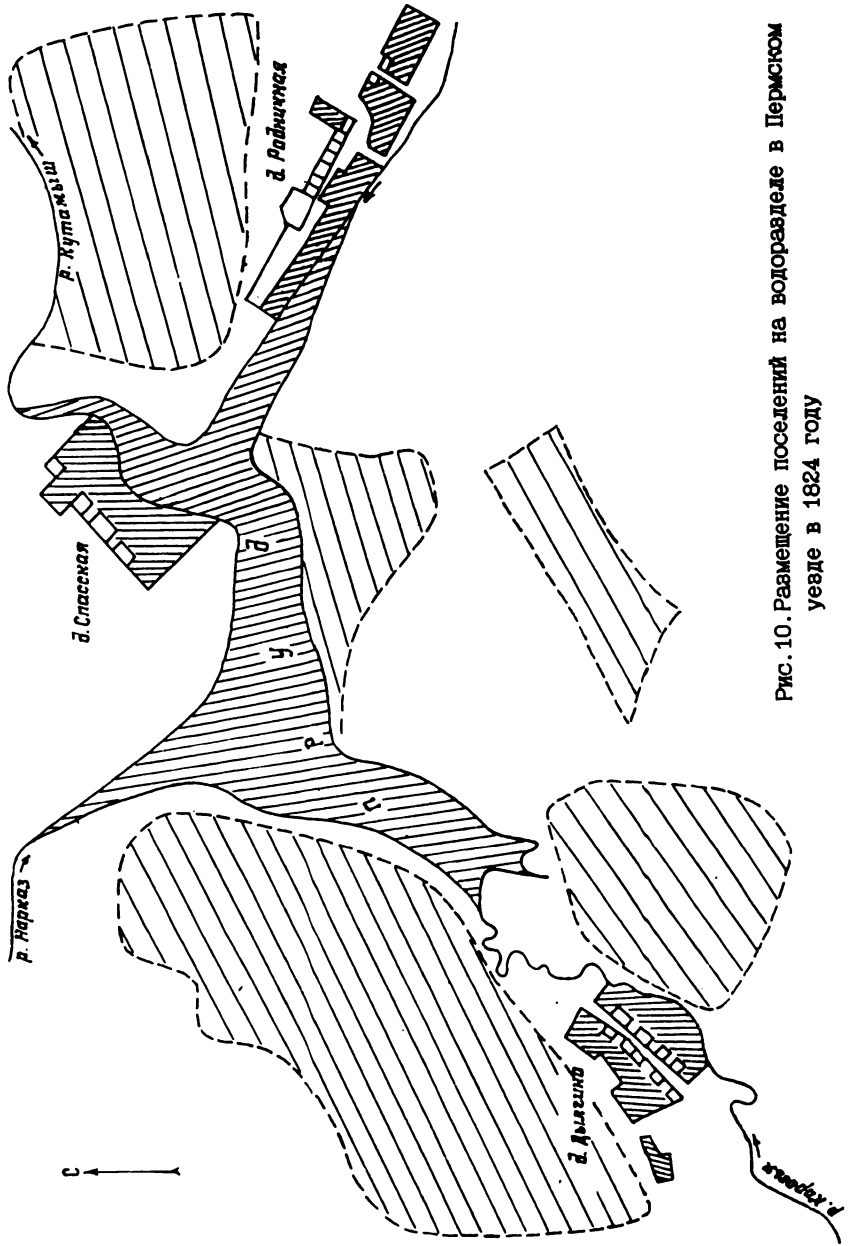

Рис. 10. Размещение поселений на водоразделе в Пермском уезде в 1824 году

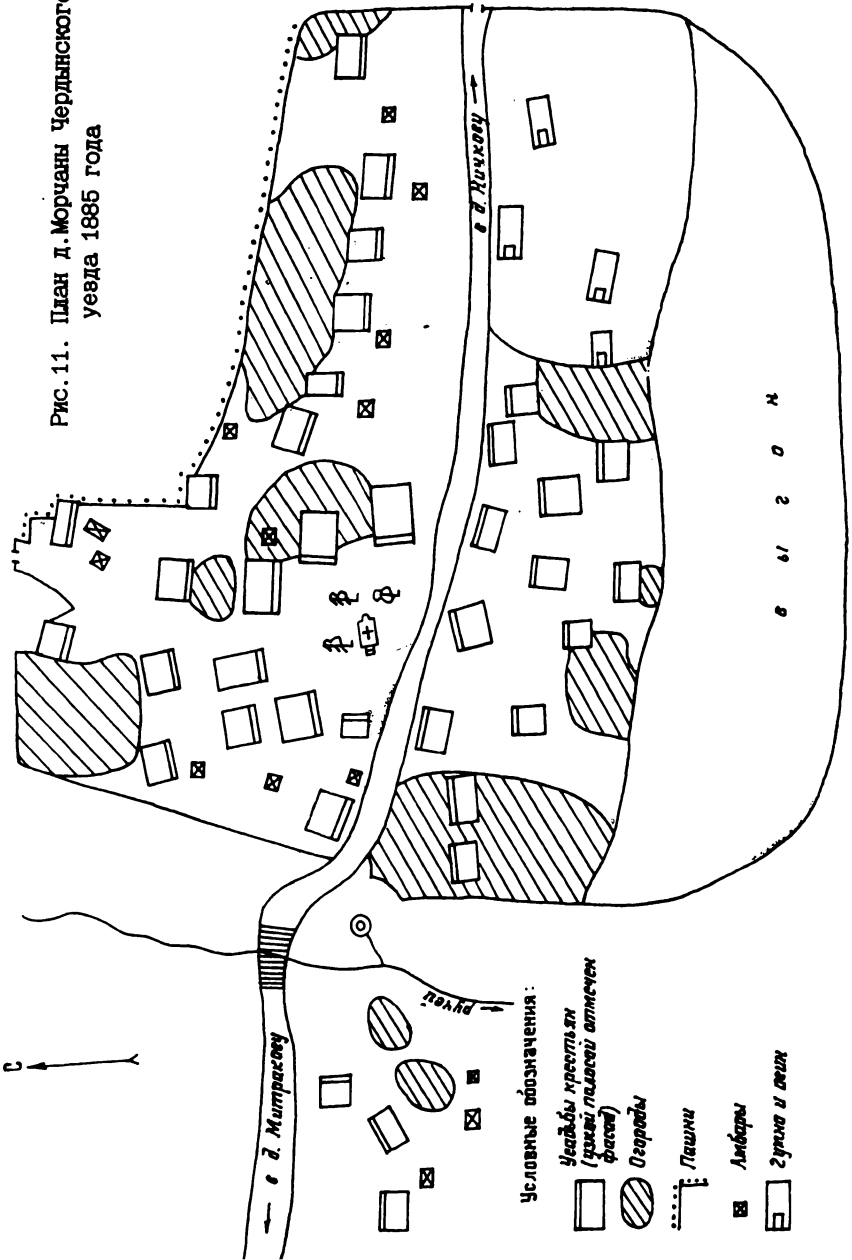
слиянием трех деревень - Бердниковской, Зубковской и Кулаковской, насчитывающих 57 дворов¹⁰⁴.

Характерная черта погостов и слобод - наличие общественного центра. Эту роль выполняли храмы, незастроенные площади, используемые для проведения мирских сходов, праздников, базаров. В слободах составной частью общественного центра являлись остроги-крепости, государевы двory, усадьбы приказчиков. От местонахождения общественного центра зависела вся застройка поселения. В качестве примеров подобной застройки рассмотрим погосты в северных и слободы в южных уездах.

Один из древних погостов Чердынского уезда - Янидор - размещался на южной окраине большого поля. В XVII веке в нем стояло две деревянные церкви и вокруг них на значительном удалении располагались в беспорядке крестьянские усадьбы. Черты этой планировки сохранялись длительный период, так как очевидец в начале 1890-х годов писал: "Вокруг церквей свободного места много, крестьяне живут по домам, которые удалены и не имеют линейного расположения"¹⁰⁵. Площади вокруг храмов и хаотичная расстановка усадеб допускались в других древних погостах Чердынского уезда - Вильгорт, Искор, Покча¹⁰⁶. Группировка усадеб вокруг храмов является древней славянской традицией. У нас есть возможность познакомиться с их поздним вариантом не по описанию, а по плану д.Морчаны Чердынского уезда, относящемуся к 1885 году (рис. 11).

Деревню Морчаны основали охотники и рыболовы на незаселенной территории по р.Вишера. Усадьбы разместились на ровном участке левобережья. Близость Вишеры не сыграла никакой роли в застройке д.Морчаны. И даже проложенная позднее через деревню дорога, соединившая две соседние деревни - Митракову и Ничкову, не изменила издавна сложившуюся форму. Центром д.Морчаны являлась деревянная часовня с незастроенной со всех сторон площадью, на которую выходили фасады 10 усадеб, расположенные по кругу от центра. За ними другие 12 усадеб также были обращены фасадами на часовню. Эта старая часть деревни приобрела круговую форму благодаря наличию общественного центра с часовней, впоследствии замененной церковью. Нам известно немало деревень с часовнями, в которых не сформировался общественный центр. В Морчанах же ввиду того, что не было поблизости погостов с храмами, общественный центр возник в ходе застройки деревни. В конце XIX века Морчаны были избраны центром вновь образованной волости. Аналогичную круговую застрой-

Рис. 11. План Д. Морцаны Чердынского уезда 1885 года

ку сохраняло в 1782 году село Серегово Чердынского уезда (рис. 12) и в 1815 году село Меркуши Оханского уезда.

В XVII-XVIII веках беспорядочную форму застройки имели почти все погосты Верхотурского уезда. Так, в погосте Красногорский по р.Тура в 1680 году находились деревянный храм, двор священника, двор дьячка и "разрозненно" 12 крестьянских усадеб¹⁰⁷.

Беспорядочную планировку ни в коей мере нельзя понимать как хаотическое нагромождение построек. Имеющийся материал позволяет показать некоторую ее природную и историческую обусловленность. Несмотря на то, что большинство поселений с беспорядочной формой застройки возникло в условиях свободного права занимать, осваивать, продавать и завещать земли, большинство их имели компактную форму. Так, д.Андреева Чердынского уезда, основанная во второй половине XVIII века, существовала без общественного центра и транзитных путей. В ней не было даже часовни. Отведенный среди полей участок земли был полностью занят усадьбами, отдельно стоящими амбарами, банями. Сельскохозяйственные постройки выносились на поля. Соседняя деревня Верхний Илаб тоже приобрела замкнутую форму. В ней нельзя встретить двух-трех изб, расположенных по одной линии. Но, в связи с тем, что через деревню прошла дорога из соседних деревень, в центре Верхнего Илаба образовался свободный участок.

В крестьянских поселениях почти у каждой усадьбы находился огород для выращивания овощей и конопли. Кроме того, были удворные (т.е. расположенные в поселениях) земли, которые в начале XIX века в первую очередь распределялись между жителями по уравнительному переделу. Имелись пашни и за пределами поселений, их в отличие от удворных называли окольными. Особенностью сельских поселений являлись выгоны для скота. Под них обычно отводились непригодные для земледелия или заболоченные места. Как непременная принадлежность сельскохозяйственных поселений выгоны упоминаются еще в документах XVII века¹⁰⁸.

На Среднем Урале проявилась связь сложившихся типов расселения с характером расстановки усадеб. Для усадеб выбирались солнечные склоны полей и берегов рек (рис. 9, 10). По планам сел и деревень Чердынского уезда 1782 года видно, что крестьянское жилище фасадом всегда было обращено на солнечную сторону (рис. 12-15). Для севернорусского региона эта традиция являлась давней. В любом поселении для каждой постройки выбиралось место с учетом подъездных путей, водных источников, полей и направлений ветров.

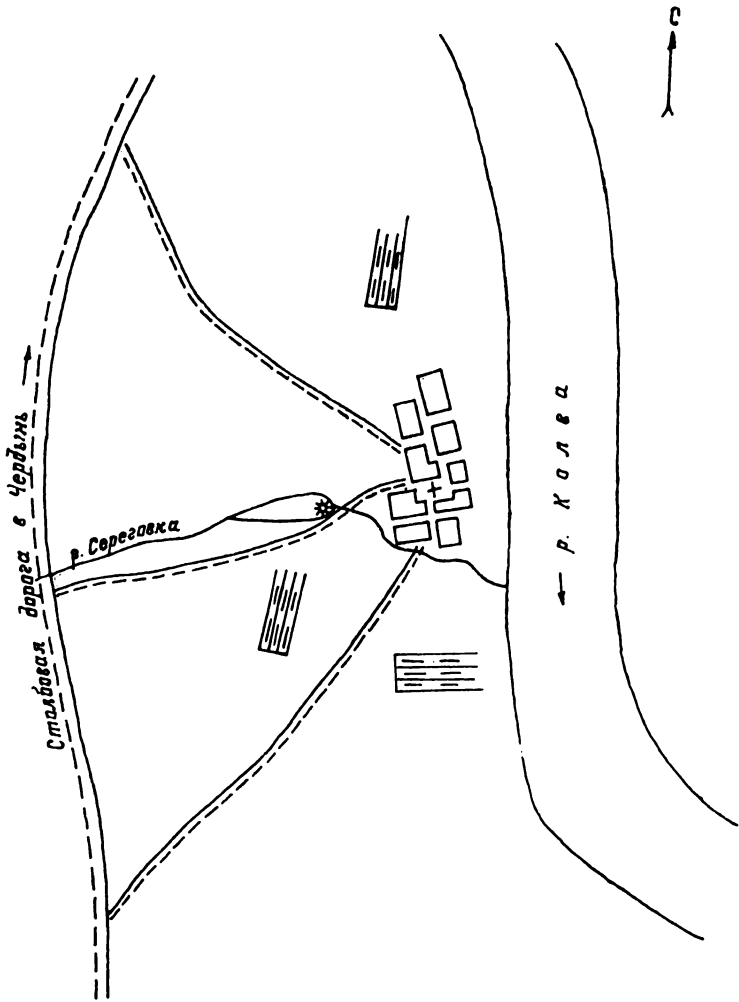

Рис.12. План с.Серегово Чердынского уезда 1782 года

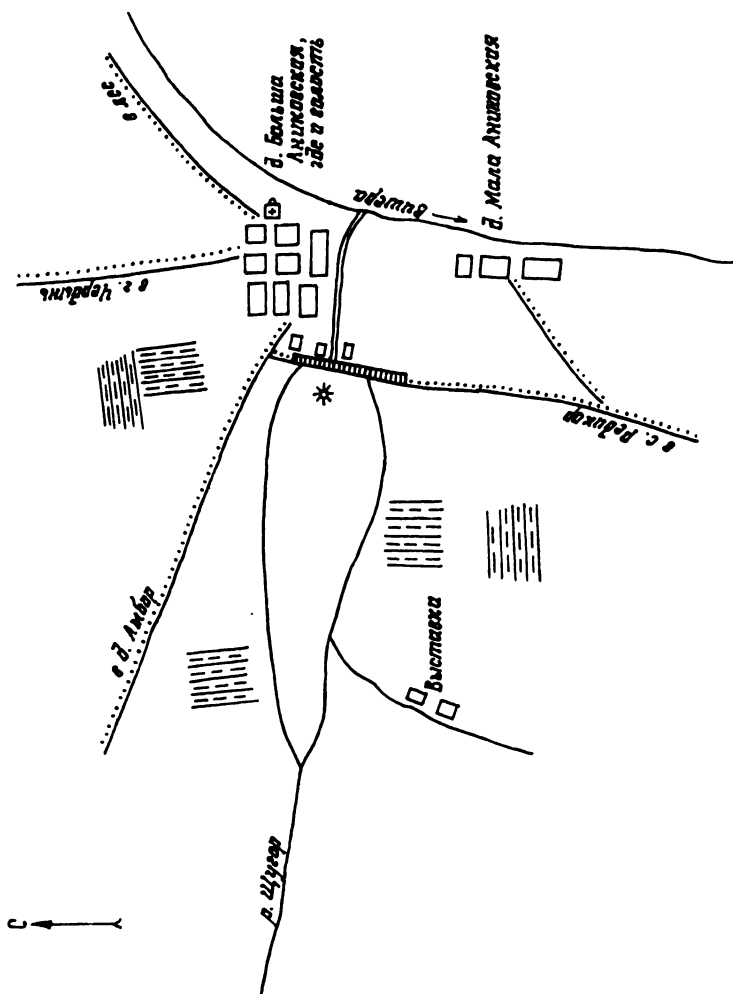

Рис. 13. План д. Большая Аниковская Чердынского уезда 1782 года

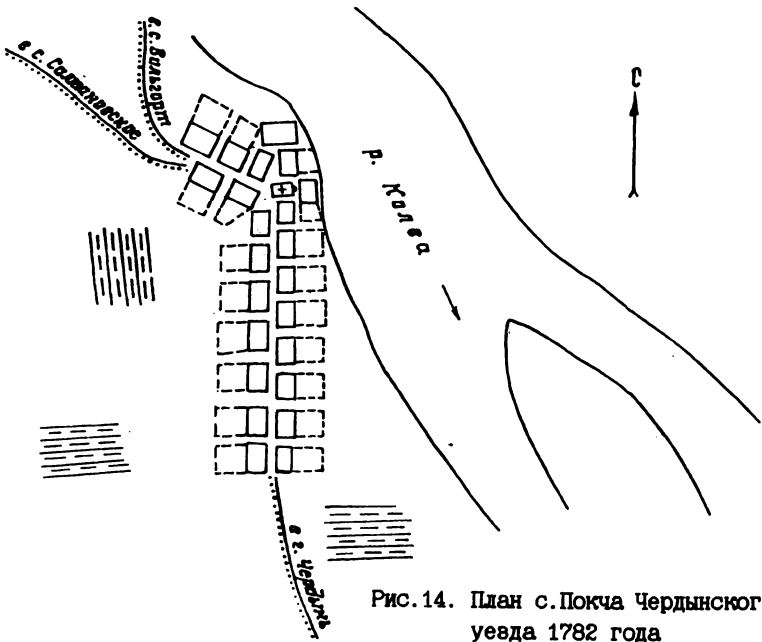

Рис. 14. План с.Покча Чердынского уезда 1782 года

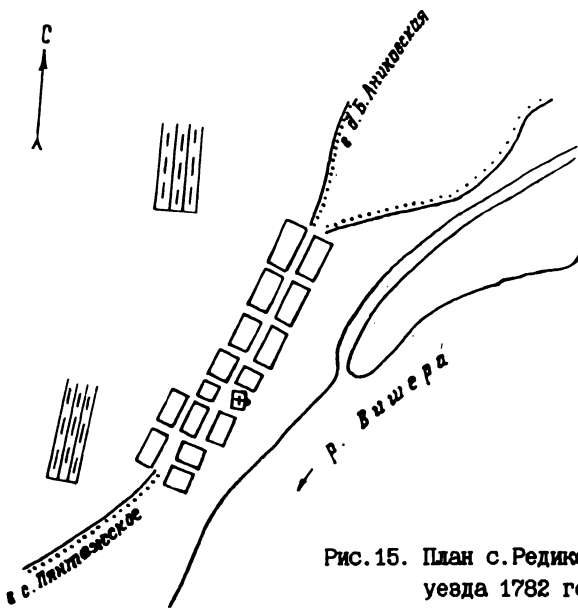

Рис. 15. План с.Редикор Чердынского уезда 1782 года

Названные типичные черты восстанавливаются как по планам поселений (рис. 9-15), так и по их описаниям. Корреспондент Русского Географического общества И. Павлов начал этнографическое описание с. Романовского Верхотурского уезда в 1849 году с такой характеристики: "Расположение домов без соблюдения прямой линии, дома по две, а у бедных по одной избе, на южную сторону лицом, с севера приставляется скотный двор с хлевами"¹⁰⁹.

Во многих поселениях с беспорядочной застройкой отразились черты общественно-семейных традиций. Компактно расположенные усадьбы могли принадлежать большесемейному коллективу. При разделе семьи рядом с домом первопоселенца ставились дома отделившимся сыновьям, и таким путем мог возникнуть не только комплекс, но и целое родовое поселение. О создании комплексов усадеб, в которых жители были связаны родственными узами, нам приходилось слышать от старожилков разных мест Среднего Урала (села Красная Гора и Дерябино Верхотурского района, деревни Демино, Кривчаны Верещагинского района, село Романово Усольского района и др.). В связи с этим приведем документальные свидетельства и примеры из полевых наблюдений.

Корреспондент Русского Географического общества А. Третьяков в сочинении 1849 года "Домашний быт крестьян Шадринского уезда" писал: "Отсутствует план в расположении деревни: на улице нередко смотрят задворье (глухой двор для кур, овец, пристроенный к задней части дома) или баня и т.п. Большесемейный зажиточный крестьянин ставит на своей ограде отдельные избы своим сыновьям, когда у них начинают подрастать дети; те после этого делают к своим избам пристройки, особый двор, отдельный проезд на улицу, а через все это увеличивается беспорядочность селений"¹¹⁰.

В материалах VIII ревизии 1834 года записаны как самостоятельные поселения Бондюжской волости Чердынского уезда две деревни Москали и две деревни Пальники¹¹¹ (рис. 16). В одной деревне Москали проживали две семьи Останиных из 17 человек, а в другой - четыре семьи Добрыниных из 39 человек. Во время экспедиции 1975 года удалось установить, что в д. Москали до сих пор сохранились только две прежние фамилии и выдерживается локализация однофамильных семей: Останины проживали и проживают в нижнем конце деревни, а Добрынины расселены в верхней ее части. Аналогичная картина наблюдается и в деревне Пальники: в 1834 году в одной части деревни жила одна семья Останиных из 20 человек, а в другой семья Полежаевых из 22 человек. Старожилы помнили и рассказывали,

Рис. 16. Размещение поселений в Бонджожской волости Чердынского уезда в 1834 году. Домоковяева и число жителей: 1, 2 - Останины (17 чел.); 3-6 - Добрынины (39 чел.); 7 - Останины (20 чел.); 8 - Полежаевы (22 чел.); 9, 10 - Кучковы (23 чел.); 11 - Ябуров (11 чел.); 12-15 - Тюнягины (36 чел.); 16-20 - Поляковы (49 чел.); 21 - Якушев (8 чел.); 22 - Макаров (6 чел.); 23 - Нассонов (7 чел.)

что изначально большими семьями Останины и Добрынины проживали в деревне Москали, а Останины и Полежаевы - в деревне Пальники. При отделении сыновей дома им ставили вблизи домов родственников. В деревне Москали от рода Е.С.Останина пошли две семьи сыновей Ивана и Кирилла (у которых было 8 сыновей), а от них еще четыре семьи. Сын Кирилла Нефед жил в курной избе, построенной дедом, до самой смерти (1884-1972 годы)¹¹². Первоначально большесемейные коллективы сообща пользовались пахотной и сенокосной землей, некоторыми хозяйственными постройками, вместе выполняли трудоемкие работы. Места проживания родственных коллективов - однофамильцев - были застроены беспорядочно. В 1975 году в деревне Москали еще стояла курная изба XVIII века, принадлежавшая семейству Е.С.Останина. Существование двух гнезд расселения родственных коллективов явилось основанием для включения каждой деревни по два раза в ревизскую перепись 1834 года.

Ситуация, когда поселение основывается одним большесемейным коллективом, выявлена нами еще в трех деревнях Бондюжской волости Чердынского уезда, которые первоначально носили одно название - Ворцева (рис. 16). В 1834 году в одной деревне стояли два дома Кучковых, в которых проживало 23 человека (впоследствии деревня стала именоваться Нижней Ворцовой), во второй - один дом Яборова, семья которого состояла из 11 человек (впоследствии деревню называли Средней Ворцовой), в третьей, самой старой деревне, ставшей к 1834 году многолюдным центром прихода, - 12 домов со 106 жителями¹¹³ (позднее Верхней Ворцовой). Семейный строй жителей последней приобрел в 1830-е годы смешанные черты. Четыре дома принадлежали Тюягиным, обитавшие в них 36 человек оставались родственниками, они пошли от первопоселенца Т.С.Тюягина; пять домов населяли Поляковы, имевшие общего предка С.И.Полякова, всего их было 49 человек. Таким образом, Тюягины и Поляковы - это большесемейные общины, какие возникали довольно часто во вновь осваиваемых местах. Об их общих хозяйственных угодьях и кучевом размещении домов нам немало рассказывали в 1975 году потомки родов. Позднее в деревню Верхние Ворцева поселились три семьи - Якушева, Макарова, Насонова. Свои дома они поставили на окраине деревни, не нарушая прежде сложившиеся два гнезда родственных коллективов людей - Тюягиных и Поляковых.

Был и другой путь образования и сохранения в течение какого-то времени поселения с беспорядочной кучевой планировкой или комплекса (гнезда) усадеб в рамках одного поселения. Варианты его

могли появиться под влиянием складнических отношений крестьян. Экспедиционные материалы 1983 года и письменные сведения 1834 года позволили получить такой пример. В д. Усть-Игум, что воле Строгановского села Булатово, жители вспоминали, что их предки имели только две фамилии - Овчинниковы и Коротких. Первопоселенцы были крепостными крестьянами, выехавшими в 1792 году из села Булатово на новые земли, чтобы сообща основать поселение воле соляных источников, которые собирались разрабатывать Строгановы. Перепись 1834 года отметила в этой деревне четыре семьи Овчинниковых и четыре Коротких в составе 51 человека¹¹⁴. Единое направление хозяйства и трудности его ведения способствовали длительному сохранению складнических отношений, как отмечали жители, вплоть до начала XX века.

Во многих семейных преданиях, услышанных и записанных нами во время экспедиций в Верхотурском, Кунгурском, Соликамском, Чердынском районах, немало говорится о том, что первопоселенцы некоторых деревень жили поблизости друг от друга и никому из этого коллектива людей не разрешалось переселяться на новые земли, пока не был освоен полный комплекс сельскохозяйственных угодий. Поэтому коллективы людей, объединенные не только родственными, но и экономическими узами, расселялись вблизи, образуя групповое заселение всего поселения, а иногда - его части.

Другой древней формой поселений, как отмечено в начале главы, являлась рядовая застройка. Источники XVII века не позволяют показать конкретное ее распространение на раннем этапе. Но, очевидно, это явление было известно достаточно широко, так как нами было установлено, что прибрежно-речной тип заселения оставался на Среднем Урале преобладающим в период массовой русской колонизации (табл. 7-10). С рекой люди связывали всю свою жизнедеятельность и усадьбы ставили по берегам, обращая фасады на реку. В северных уездах - Верхотурском, Чердынском, Соликамском, Пермском - поселения возникали исключительно на одном берегу реки, а в южных, особенно в Осинском, Екатеринбургском, Ирбитском, Шадринском, - на двух. Такая зональная специфика сложилась, очевидно, потому, что северные реки порожицы, трудны для переезда с берега на берег в длительную осеннюю и весеннюю распутицу. На севере обычно один берег реки ровный, а другой обязательно гористый или заболоченный. Южные реки имеют спокойное течение, широкую пойму, удобный для проживания на противоположных берегах прибрежный ландшафт. Так, в 1793 году деревня Шульгиха Осинского уезда имела

двурядную застройку не по столбовой дороге, соединяющей города Сарапул и Осу, а по р. Шульгиха, на которой в черте деревни находилось четыре мельницы¹¹⁵ (рис. 17).

Имеющиеся в нашем распоряжении планы сел и деревень, составленные в 1782, 1793, 1824 годах, показывают, что рядовая застройка преобладала как в крупных селах Осинского и Чердынского уездов (рис. 14, 15), так и в небольших деревнях Пермского уезда¹¹⁶ (рис. 9, 10).

Рядовая планировка реализовалась в нескольких вариантах. Очень часто в рядовой расстановке усадеб повторялись направление реки и особенности берегового ландшафта (рис. 13-17). По описанию села Бондюг Чердынского уезда, составленному после пожара 1832 года, видно, что 22 усадьбы располагались вдоль Камы достаточно компактно: "... означенные... дома со службами... построены были и существовали в длину по набережной линии на 132, а в поперек в нижнем конце на 40, а в верхнем конце на 23 саженей"¹¹⁷. Деревни по равнинным берегам часто отличались однорядной планировкой. Например, она сложилась в д. Низовая Соликамского уезда, в которой 12 домов "положение имели по правую сторону речки Теплого родника, а дача (т.е. обрабатываемые земельные угодья. - Г.Ч.) простиралась по обе стороны родника"¹¹⁸.

Коми - пермяцкое с. Архангельское Соликамского уезда, описанное корреспондентом Русского Географического общества в 1850 году, начиналось с починков двух братьев - Власа и Карпа. Крестьяне, которые поселялись здесь позднее, ставили свои усадьбы на берегу Иньвы между починками. К середине XIX века селение имело рядовую застройку из 49 дворов. Первоначально починки назывались по именам братьев, затем - верхней и нижней деревнями, а с постройкой в 1842 году церкви Михаила Архангела - по ее названию¹¹⁹. Но у жителей села, как показали полевые наблюдения 1995 года, наравне с официальным названием бытует и одно старое народное - Власов посад.

Пример более сложной рядовой застройки дает нам описание с. Касиб Соликамского уезда. В 1820-е годы его 27 усадеб располагались "по левую сторону речки Лысьвы и по обе стороны речки Сардавки, а в нем церковь деревянная во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которая освящена в 1699 году"¹²⁰. Побережье Лысьвы было заселено еще в XVII - первой половине XVIII века, а приток Сардавка - позднее. Во время этнографического обследования Касиба в 1981 году пришлось убедиться, что ранняя планировочная структура

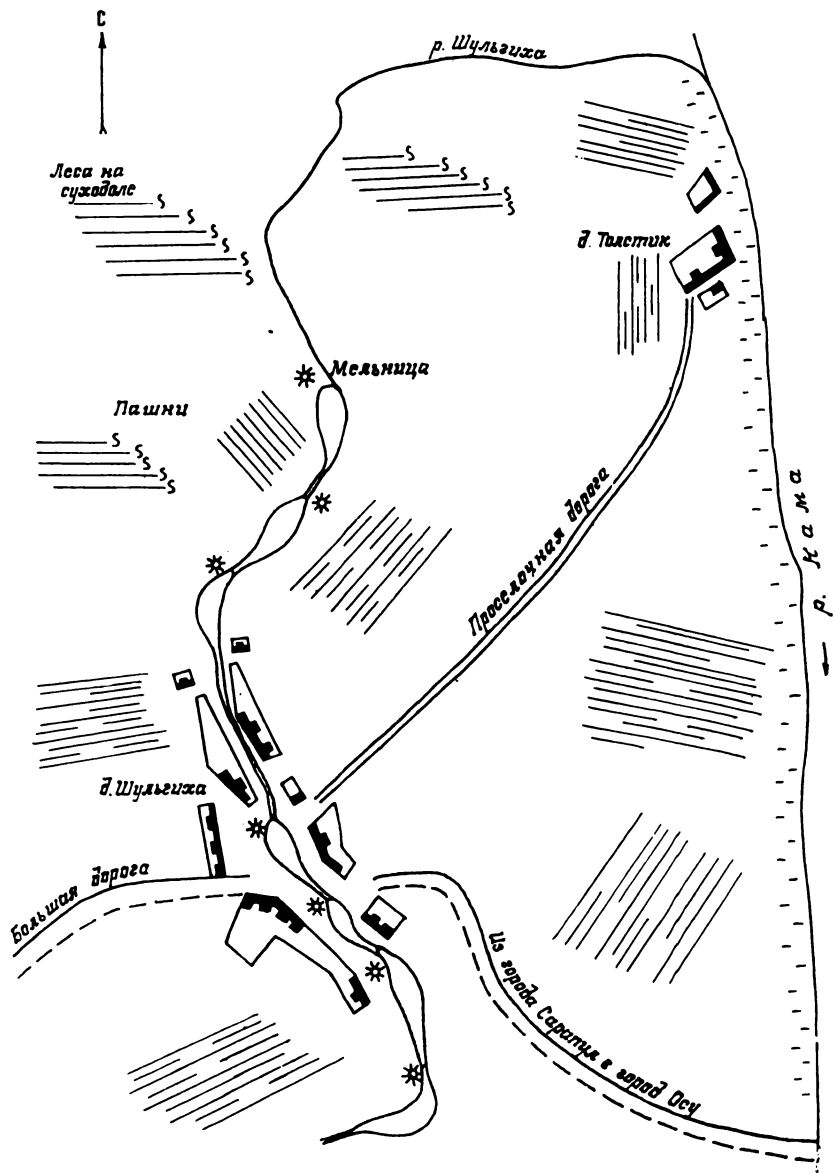

Рис. 17. Размещение поселений в Осинском уезде в 1793 году

села, для которой характерно расположение усадеб в один ряд по левому берегу Лысьвы и в два ряда по каждому берегу Сардавки, сохранилась до наших дней¹²¹.

По северным и горнотаежным рекам ровное побережье встречалось редко, и поэтому выбранный небольшой участок, окруженный снизу и сверху горами или болотами, застраивался не в один, а в два, а то и в три, ряда. Домов в первом ряду от реки всегда стояло больше, чем в остальных. Подобные селения сохранились до наших дней в Верхотурском, Красновишерском, Чердынском, Чусовском районах. Изучение их в экспедициях 1970-х - 1990-х годов, опрос местных жителей дали возможность проследить историческое развитие таких поселений. Приведем примеры.

Деревня Тиминская (Тимина) Чердынского уезда еще в 1870-е годы являлась самой верхней по р.Колва¹²². Первые дома были поставлены по краю высокого берега. По словам жителей, их раньше было 13, а в момент обследования деревни в 1973 году - только 8. Все дома обращены фасадом на реку и одновременно на юг. За домами первого порядка идут огороды, а потом - проезжая дорога-улица. За ней второй ряд из 6 домов с огородами и через другую дорогу-улицу третий ряд из 4 домов. Фасады всех сохранившихся 18 домов выходят на реку и хорошо защищаются от северных ветров лесистыми увалами. Подобная застройка деревни убеждает в высоком искусстве людей приспособлять свою жизнь к природным условиям.

При обследовании д.Рассохи по р.Кондас в Усольском районе в 1983 году было обнаружено, что двухрядная планировка сложилась с учетом родственных отношений жителей. Сыновья выбирали место для дома во втором ряду, позади отцовской усадьбы¹²³.

В горнотаежных районах (верховья Вишеры, Туры, Чусовой, Яйвы), где по берегам рек невозможно было возделывать большие поля, деревни находились между холмами-горами, в узких долинах и поэтому, как писали наблюдатели, дома в них "взбирались на верх склонов"¹²⁴. Все описанные приемы планировки сельских поселений были распространены в Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Ярославской губерниях¹²⁵.

В XVII-XVIII веках на Среднем Урале развивалась и влиятельная форма поселений. К сожалению, для ее реконструкции источников слишком мало. В первую очередь черты этой планировки приобретали поселения на водоразделах, через которые проходили дороги и тракты (рис. 10, 14, 15). Уличных поселений становилось больше там, где сухопутный транспорт получил достаточное развитие, а также в

местах преобладания трехпольного земледелия. В развитых пашенных районах поселения чаще становились многодворными, поэтому здесь быстрее возникала потребность в упорядочении наделов земли и размещении усадеб. На позднем этапе - с конца XVIII века - принцип двусторонней застройки по улицам и кварталам вводился официальным путем в связи с переходом к уравнительному распределению удворных земель (рис. 18).

Уличную форму (целиком или частично) имели почти все поселения по Бабиновской дороге¹²⁶. В "Экономических примечаниях" 1820-х годов о некоторых из них сказано так: "Село Растес на левой стороне р.Кырьи и по обе стороны преждебывшей столбовой дороги, идущей из Соликамска на Верхотурье. В нем церковь деревянная, одноэтажная, во имя Живоначальной Троицы..."¹²⁷.

Есть немало примеров, когда в одном поселении сочетались разные формы планировки. Например, в 1781 году в Красноуфимском уезде с.Кленовское располагалось "на левом берегу Бисерти и по обеим сторонам речки-пруда большой столбовой дороги из Екатеринбурга в Кунгур"¹²⁸. Если приречное поселение становилось центром прихода, то ряд домов по берегам "разрывался" и строился храм. Так произошло в д.Тохтарево Красноуфимского уезда, ставшей в середине XVII века центром прихода. Богородицкую церковь построили в 1694 году, после того как сгорели два храма на самом высоком месте по левому берегу Сылвы. Она была видна издалека при подъезде к погосту-селу по реке. В XVIII веке с.Тохтарево кроме прибрежного ряда домов имело две плотно застроенные улицы, а вокруг храма - небольшую площадь.

Разнообразие ландшафта, наличие небольших участков, удобных для земледелия, прокладка транспортных путей послужили причиной сочетания разных форм застройки в с.Верх-Яйва Соликамского уезда, возникшем в начале XVII века. Его планировка первый раз была зафиксирована при Генеральном межевании в 1820-е годы: "Село Верх-Яйвинское на правой стороне речки Яйвы и по обе стороны старого ее течения, в нем церковь деревянная во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы, она построена в 1737 году иждивением прихожан"¹²⁹. Судя по описанию можно предположить, что дома стояли в ряд по р.Яйве и еще с двух сторон старицы реки. Изучение села в 1978 году показало, что в связи с быстрым ростом населения его планировка получила такое развитие: более широким стало однопо-

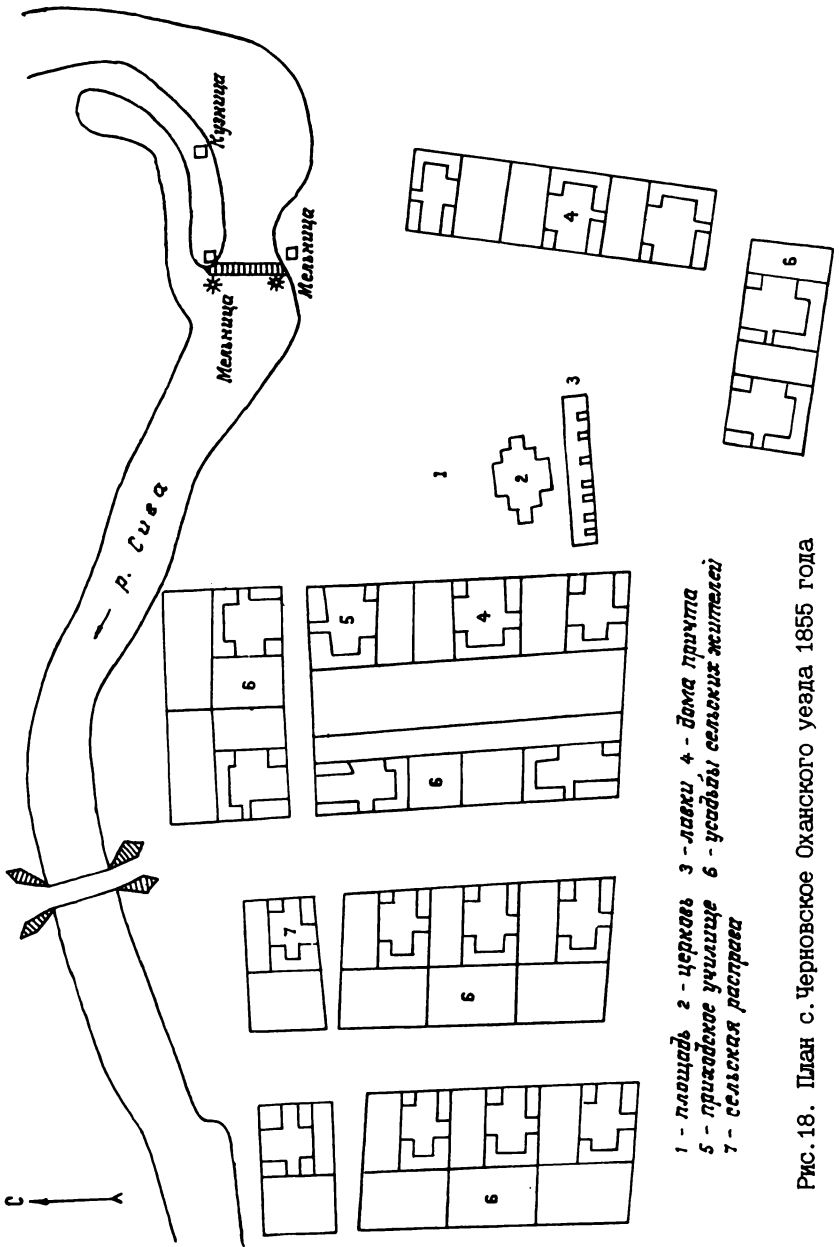

Рис. 18. План с. Черновское Оханского уезда 1855 года

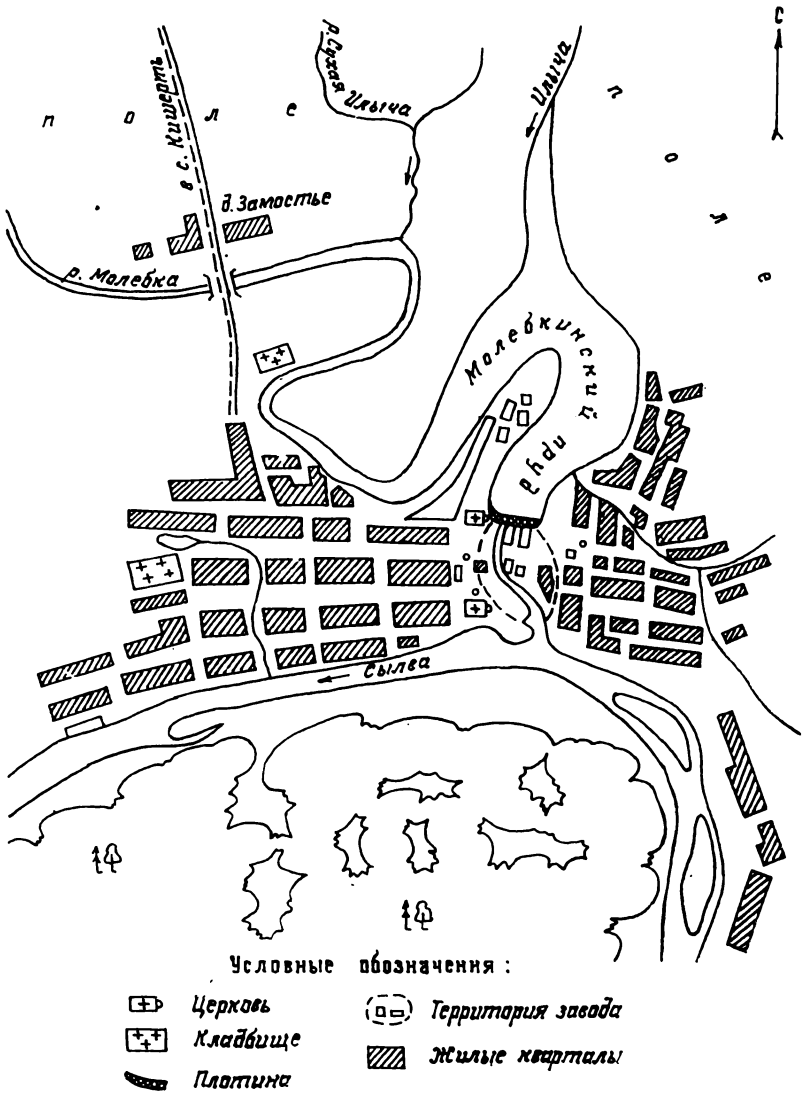

Рис.19. План с.Молебка Красноуфимского уезда 1848 года

рядковое размещение домов в трех местах, в нижнем конце села образовалась улица с двусторонней застройкой, некоторые одиночно стоящие усадьбы напоминали о былой беспорядочной (свободной) застройке.

В несколько приемов застраивалось село Уролка в Чердынском уезде. В XVII веке, когда река являлась основным транспортным путем, дома расставлялись только по правому берегу р.Уролка фасадом на нее. Об этом напоминают некоторые усадьбы, показанные на плане села 1889 года¹³⁰. Как только через Уролку прошла дорога из Кайгородка в Соликамск, значительная часть домов стала разводиться по обеим ее сторонам, а она, как тоже видно на плане 1889 года, не была прямой. Хотя дорога явилась организующим фактором новой застройки села, у жителей сохранялось стремление поставить жилые дома фасадом не на дорогу, а на солнечную сторону. Поэтому село приобрело черты рядовой, беспорядочной и уличной (в некоторых местах по дорогам) застройки. В XVIII веке село имело плотную застройку, поэтому на рубеже XVIII-XIX веков общественный центр села пришлось выбирать на новом месте, на восточной окраине, где впоследствии появились каменный храм и здания училища, волостного правления, мангазеи, лесной охраны, дома церковных служителей¹³¹.

Интересна планировка и застройка села Молебка Красноуфимского уезда, возникшая в связи с пуском А.Г.Демидовым в 1787 году металлургического завода (рис. 19). Центром села явились пруд с плотиной, заводские производственные и служебные здания, два храма - православный и старообрядческий. Наибольшее распространение получила уличная система плана, но в отдельных случаях - по берегам р.Сылва и пруда - рядовая. Несмотря на прямолинейность улиц и прибрежную расстановку усадеб, большую роль в застройке села сыграл рельеф местности. Сочетание системности построения и вариантов, обусловленных ландшафтом и рекой, способствовало созданию компактного и цельно воспринимаемого сельского поселения, казавшегося естественным явлением самой природы.

Эволюцию форм поселений описали некоторые путешественники и корреспонденты Русского Географического общества. Село Спасбардинское Кунгурского уезда хотя и сохраняло давно сложившуюся беспорядочную группировку усадеб, но в 1848 году, как отметил местный священник И.Бердников, "сей порядок ныне уже выводится, дома располагаются по улицам, места отводятся местным начальством"¹³². В Пермском уезде с.Копально, основанное в 1737 году, было "расположено на высоком берегу Чусовой близ впадения речки Степковки.

Вдоль по угору улица с одним рядом упирается в церковную площадь. За этой улицей вторая улица, параллельно первой, тоже с одним рядом домов. От реки Чусовой по угору берега р.Степковки идет улица с двумя рядами домов, которая упирается в глубокий овраг с ручьем. Улицы пересекаются проулками, выходящими в поля"¹³³. В селе Верхне-Чусовские городки после пожара 1830 года все дома согласно плану размещались "по четыре дома в квартал, главным фасадом на улицу", как писал в 1848 году благочинный П.Первушин"¹³⁴.

Путешественники, наблюдавшие застройку поселений в Северном Прикамье в середине XIX века, отзывались о ней так: "Села и деревни застроены без всякого плана и порядка, всяк строится, где ему кажется удобнее"¹³⁵, "избы разбросаны как попало, правильных улиц нет и нужды в этом не ощущается"¹³⁶.

Таким образом, поселениям Среднего Урала были свойственны все известные формы застройки.

Новый этап в эволюции форм поселений начался с 1880-х годов, когда созданные в уездах землеустроительные комиссии приступили к исполнению правительственного указания завершить введение уравнительного наделения крестьян землей. В этой обстановке официальным путем беспорядочная, рядовая и стихийно складывающаяся уличная планировка заменялись улично-квартальной (рис. 18, 19). Процесс растянулся на длительное время и не везде завершился. Поэтому еще в наши дни можно наблюдать архаические приемы застройки прежде всего малодворных деревень. Изменение форм поселений происходило в этот период во многих других регионах России"¹³⁷.

В связи с разделом вотчины Строгановых в результате заключения брака дочерей А.Г.Строганова с князьями Б.Г.Шаховским (Шуваловым) и М.М.Голицыным и продажей части земель А.В.Всеволожскому и И.Л.Лазареву во второй половине XVIII века крестьяне одного населенного пункта оказались у разных владельцев. Чересполосная принадлежность была присуща многим владельческим поселениям"¹³⁸. Вновь возводимые усадьбы группировались в тех частях поселений, которые принадлежали тому или иному владельцу. Так, в с.Перемском Пермского уезда, которым владели Строгановы, Голицыны, Лазаревы, усадьбы принадлежащих им крестьян размещались по разным улицам и разным берегам р.Косьвы. В с.Яйвинском Соликамского уезда в 1820-е годы крестьяне Голицыных проживали по обе стороны р.Усолки (приток Яйвы), а крестьяне Шаховских - на левом берегу р.Меленки (приток Яйвы)¹³⁹. В с.Орел-городок в 1815 году существовала четкая группировка усадеб по владельческой принадлежности: в при-

режной части стояли 62 двора крестьян и ремесленников Строгановых, а в противоположной стороне села (от Камы) - 36 дворов крестьян Лазаревых¹⁴⁰. В целом описанная ситуация не привела к сложению какой-либо особой формы поселений, им были присущи черты, сходные с планировкой и невладелческих поселений.

Рассмотрение форм поселений позволяет сделать следующие выводы. В северных уездах Среднего Урала, где социально-экономические отношения прежде всего в землевладении и земледелии развивались замедленными темпами, дольше сохранялись архаические приемы организации поселений. Поэтому не только письменные, но и полевые материалы использованы нами для раскрытия генезиса как типов, так и форм поселений в этом регионе. На планировочные структуры поселений значительно повлияла природная среда. Стремление к свободной и регулярной планировке одновременно было свойственно всем народам Среднего Урала, и поэтому стоит согласиться с теми исследователями, которые предлагают не считать форму поселения этническим фактором¹⁴¹, но только если эти поселения развиваются в одинаковых природных условиях.

При выявлении форм поселений возникает вопрос о положении усадеб в поселениях со смешанным этническим составом населения. К сожалению, раннюю картину размещения усадеб в таких поселениях не удастся восстановить из-за отсутствия источников. Но поздние сведения таковы, что по ним можно судить о традициях, сложившихся в ранних периодах развития поселений. Чаще всего люди определенной этнической принадлежности проживали в поселении компактно, образуя свои концы, околотки или кварталы. Так, из русского и мансийского (вогульского) концов состояла в верховьях Вишеры д. Усть-Улс, между которыми длительное время сохранялась "полуверстная полоска покосу"¹⁴². В с. Романовском Верхотурского уезда группировались дома "русских государственных крестьян и по соседству ясачных вогул"¹⁴³. В двух мансийских деревнях Бабенки и Копчик по р. Чусовая, принадлежавших сначала только Строгановым, русские крестьяне образовали свои околотки. В начале XIX века в д. Бабенки в 5 из 9 дворов жили "ясашные вогуляки", а в д. Копчик из 20 дворов "ясашные вогуляки" сохраняли 10 домов¹⁴⁴.

Регулируемые приемы застройки поселений быстрее вводились в южных уездах Среднего Урала, так как здесь после Генерального межевания земель раньше приступили к пересмотру наделов земли. Начало XIX века явилось рубежом в развитии форм поселений, поскольку земельное перераспределение неизбежно требовало более удобной

улично-квартальной застройки. Консерватизм в застройке поселений дольше всего сохранялся там, где преобладало натуральное хозяйство, слабо ссваивались водоразделы, медленно внедрялся сухопутный транспорт, не вводились земельные переделы, дольше удерживались большесемейные коллективы и население принадлежало к разным конфессиональным объединениям (особенно к старообрядческим).

¹ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.262; Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т.12. С.148; Устюжский летописный свод. М., 1950. С.102.

² Вычегодско-Вымская... С.262.

³ Там же.

⁴ Там же. С.265.

⁵ Там же. С.266.

⁶ Там же.

⁷ Оборин В.А. Использование русским населением в XV-XVII вв. поселений нерусского населения на Урале // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С.119-126.

⁸ Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII веках. М., 1974. С.143-184.

⁹ Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII в. М., 1962. Гл.V.

¹⁰ Чайкина Ю.И. История административной терминологии Белозерья // Лексика севернорусских говоров. Вологда, 1976. С. 10-17; Витов М.В. Историко-географические очерки... Гл.V.

¹¹ Кривошекова-Гантман А.С. Чердынские фамилии // Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974. С.40.

¹² Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.;Л., 1962. С.288.

¹³ РГБ. Ф.256, д.308, л.174об, 179.

¹⁴ РГАДА. Ф.444, оп.1, д.44, л.147об-148.

¹⁵ Там же. Ф.1278, оп.1, д.318, л.3; оп.2, д.7, л.1.

¹⁶ Там же. Ф.1209, кн.352, л.300, 619.

¹⁷ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т.1. С.161; Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII - первой четверти XX в. М., 1976. С.77-78.

¹⁸ РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.3304, л.51-56об, 61.

¹⁹ Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.;Л., 1939. Вып.139. С.12; Рабинович М.Г. Поселения // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч.1. С.159.

²⁰ Там же.

²¹ Витов М.В. Историко-географические очерки... С.111; Пименов В.В. К истории сложения типов поселений в Карелии // СЭ. 1964. №2. С.3-18.

²² РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.1116, л.135об; ГАПО. Ф.297, оп.1, д.705, л.8.

²³ АГО. Р.29, оп.1. д.89, л.22.

²⁴ РГАДА. Ф.350, оп.3, д.1662, л.109-1410.

²⁵ Там же. Д.914, 1662.

²⁶ Акты исторические. Спб., 1842. Т.3. С.225-226.

²⁷ Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1897. Вып.7. С.161-168.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С.166.

³⁰ Там же. С.169.

³¹ Там же.

³² Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С.52-53.

³³ Дневник В.Н.Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и в 1843 годах. Спб., 1853. Ч.2. С.139-143.

³⁴ Буцинский П.Н. Указ. раб. С.40.

³⁵ СПБФИРИАН. Ф.28, карт.27, д.9, л.14.

³⁶ РГАДА. Ф.214, кн.697, л.259-350, 570-579, 736-752; 736-752.

³⁷ Там же. Л.859-878.

³⁸ ГАСО. Ф.24, оп.1, д.222, л.449об.

³⁹ РГАДА. Ф.214, кн.1539, л.328-353.

⁴⁰ РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.118.

⁴¹ РГАДА. Ф.214, кн.1539, л.257-288.

⁴² Богословский М.М. Указ. раб. С.161; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С.255.

⁴³ Семевский В.И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устой. Спб., 1882. №1. С.107-109.

⁴⁴ РГАДА. Ф.214, кн.1188, л.22-23.

⁴⁵ Там же. Л.20об-26.

⁴⁶ Буцинский П.Н. Указ. раб. С.32, 36.

- 47 РГАДА. Ф.214, кн.697, л.33-150, 200-224.
- 48 Там же. Л.351-357.
- 49 Буцинский П.Н. Указ. раб. С.36.
- 50 РГАДА. Ф.214, кн.1539, л.520-528.
- 51 Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией. Спб., 1857. Т.1. С.470-471.
- 52 ККМ. Кол. соликамских грамот. Д.41, л.10б.
- 53 РГАДА. Ф.281, оп.17, д.11262, л.1.
- 54 СПБФИРИАН. Ф.28, карт.257, л.17.
- 55 Там же. Карт.1586, д.18, л.4-5.
- 56 Там же. Карт.29, д.34, л. 27-28.
- 57 Там же. Карт.19, д.4, л.7.
- 58 Там же. Карт.44, д.10, л.27-28.
- 59 Там же. Карт.46, д.2, л.33.
- 60 РГАДА. Ф.214, кн.5, л.235.
- 61 Там же. Кн.1539, л.110-111.
- 62 Полевые материалы, собранные автором в Верхотурском районе в 1990-1991 годах.
- 63 Полевые материалы, собранные автором в Сивинском районе в 1984-1990 годах.
- 64 Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. М., 1984. С.107.
- 65 Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М., 1884. Вып.1. С.218-220; Богословский М.М. Указ. раб. С.154-158; Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С.102-111.
- 66 РГАДА. Ф.281, оп.17, д.11233, л.1.
- 67 Ефименко А.Я. Указ. раб. С.200-250; Богословский М.М. Указ. раб. С.156-157; Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования... С.107-109.
- 68 Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования... С.107-109.
- 69 РГАДА. Ф.214, кн.697, л.169-170.
- 70 Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI-XVIII веках. Спб., 1913. С.21-72; Богословский М.М. Указ. раб. С.154-189; Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае... С.75-80.
- 71 Крестьяне Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.46-50.
- 72 РГВИА. Ф.ВУА, д.18925, л.71.
- 73 РГАДА. Ф.350, оп.2, д.3314-4255.

- 74 РГВИА. Ф.ВУА, д.18925, л.141об-142.
75 Там же. Л.133-133об.
76 РГВИА. Ф.ВУА, д.18925, л.32об, 47-50, 90, 95-99.
77 РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.3604.
78 Там же. Л.80об.
79 Там же. Л.92об.
80 Там же. Л.85об.
81 Там же. Л.82об.
82 Там же. Л.81об.
83 Там же. Д.1539, л.34-102.
84 ГАПО. Ф.10, оп.1, д.214, л.1-4; ф.12, оп.1, д.342, л.6-69;
ф.14, оп.1, д.445, л.7-12об.
85 Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям
1869 года. Спб., 1875. С.СХСVIII.
86 Там же. С.50-55, 194-197, 312-325.
87 Там же. С.88.
88 Там же.С.78, 86, 92.
89 Там же. С.175, 253, 255, 314.
90 Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Се-
вер и Верхнее Поволжье. М., 1962. С.50; Ушаков Ю.С. Ансамбль в
народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С.20-24.
91 Там же.
92 РГБ. Ф.259, д.308, л.182.
93 Там же. Л.181.
94 Там же. Л.113.
95 Там же. Л.118.
96 Там же. Л.121.
97 Там же. Л.121об.
98 РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.116, л.135-165.
99 Там же. Л.140.
100 Там же. Л.141.
101 Там же. Л.160.
102 Там же. Д.1122, л.113.
103 Там же. Л.112об-115.
104 РГБ. Ф.259, д.308, л.177об.
105 Широшкин И. С.Янидор Чердынского уезда Вильгортской во-
лости // Сборник Пермского земства. Пермь, 1891. №3-4. С.141.
106 ЧКМ. Кол.2689/3; Попов В. Древнейшие города Перми Великой
Искор и Покча // Сборник материалов для ознакомления с Пермской
губернией. Пермь, 1891. Вып.3. С.79-80, 88-89.

- 107 РГАДА. Ф.214, кн.697, л.39-43.
- 108 Там же. Ф.281, оп.17, д.11200, л.2; ККМ. Кол. соликамских грамот. Д.31, л.1.
- 109 АГО. Р.29, оп.1, д.21, л.1об.
- 110 Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского Географического общества. Пг., 1916. Вып.3. С.1039.
- 111 ГАПО. Ф.111, оп.1, д.2372, л.37-82.
- 112 Полевые материалы, собранные автором в Чердынском районе в 1975 году.
- 113 ГАПО. Ф.111, оп.1, д.2372, л.43об-47, 56об-57, 82об-84.
- 114 Там же. Д.2223, л.35-40.
- 115 Там же. Ф.279, оп.1, д.796.
- 116 Там же; Оп.3, д.452.
- 117 Там же. Ф.15, оп.1, д.313, л.11-11об.
- 118 РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.1122, л.128-129.
- 119 АГО. Р.29, оп.1, д.20, л.3-4.
- 120 РГАДА. Ф.1355. оп.1. д.1122, л.87.
- 121 Полевые материалы, собранные автором в Соликамском районе в 1981 году.
- 122 РГИА. Ф.1290, оп.4, д.30, л.30об.
- 123 Полевые материалы, собранные автором в Усольском районе в 1983 году.
- 124 Крылов П.Н. Вишерский край: Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Заметки из путешествий по Пермской губернии в 1870-1878 гг. Свердловск, 1926. С.6-11; Ончуков Н.Е. По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // ЖС Спб., 1901. Вып.1. С.54.
- 125 Маковецкий И.В. Указ. раб. С.59.
- 126 РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.1122, л.79-80.
- 127 ГАПО. Ф.280, оп.1, д.404, л.79.
- 128 Там же. Ф.297, оп.3, д.323, л.87.
- 129 РГАДА.Ф.1355, оп.1, д.1122, л.80.
- 130 СКМ. Кол.3241/85.
- 131 Полевые материалы, собранные автором в Соликамском районе в 1976 году.
- 132 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.2об.
- 133 Там же. Д.79, л.3-4.
- 134 Там же. Д.96, л.4.
- 135 Чашницкий М.М. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883.С.17.

¹³⁶ Велдыцкий Н.П. Река Вишера и вишерцы // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып.2. С.147.

¹³⁷ Введенская А.Г. Из истории планировки русской деревни XVIII - первой половины XIX в. // Труды Государственного Исторического музея. М., 1941. Вып.15. С.112-120.

¹³⁸ Власова И.В. Русские поселения 18 в. // Российский этнограф. М., 1993. Вып.1. С.131; Чагин Г.Н. Традиции сельского расселения на Среднем Урале в середине XIX в. // Мавродинские чтения: Межвузовская научная программа "Исторический опыт русского народа и современность". Спб., 1994. С.169-170.

¹³⁹ РГИА. Ф.1092, оп.1, д.691, л.37об-38; РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.1122, л.163.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.1122, л.228об.

¹⁴¹ Орфинский В.П. Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (на примере поселений Русского Севера) // СЭ. 1989. №2. С.55-61.

¹⁴² Ончуков Н.Е. На горной Вишере // Новое дело. 1902. №12. С.231.

¹⁴³ АГО. Р.29, оп.1, д.21, л.1.

¹⁴⁴ ГИМ. Ф.14, оп.1, д.533, л.13об-14об.

Глава III. Усадьбы, жилища и хозяйственные постройки русских крестьян в конце XVI - первой половине XIX века

Исследование типов усадеб и особенностей построек позволяет выявить существенные этнокультурные традиции русского населения Среднего Урала, так как развитие их происходило под воздействием естественно-географической среды и равнообразных исторических условий жизни.

Историко-этнографическое изучение крестьянского жилища Среднего Урала ведется давно, но им охвачен преимущественно повдний вариант жилища. В наших предыдущих работах было рассмотрено историческое развитие жилища и определен генезис жилых и хозяйственных построек. Эти работы посвящены лишь одному, но самому важному из всех старожильческих районов Среднего Урала - Северному Прикамью¹. В настоящей главе, используя опыт и результаты предыдущего исследования, обратимся к рассмотрению не только ранее известных, но и впервые обнаруженных жилых и хозяйственных построек других районов, где сформировались ареалы первичного и вторичного русского заселения, а затем проследим соотношение в строительной культуре традиций и инноваций, сложившихся под влиянием меняющихся социальных, хозяйственных и этнических условий жизни и факторов нового расселения.

§ 1. Строительная культура русских крестьян первого и второго поколений

Анализ сельского расселения, сделанный в первой главе, показал, что с конца XVI по начало XVIII века русские интенсивно заселяли в Прикамье Чердынский, Соликамский, Кунгурский уезды, вотчину Строгановых, а в Зауралье - Верхотурский уезд. Они и составили территории раннего старожильского заселения, где развивались преимущественно занесенные традиции севернорусской культуры.

Помимо общего движения населения из Поморья на Урал и в Сибирь, в ходе которого наибольшая часть переселенцев задерживалась в самых благоприятных сельскохозяйственных районах и местах лесных промыслов, происходили еще внутренние миграции, что заставляет считаться с наличием в одних и тех же районах территорий рав-

него и повднего заселения. Поэтому характеристику крестьянских домов и хозяйственных построек будем давать с учетом этих этапов в формировании сельского населения Среднего Урала.

Строительный материал и техника. Обеспеченность строительным материалом определялась природными условиями. В крестьянском строительстве широко использовалось дерево, свойства которого были известны всем. Строили преимущественно из ели. Сосна использовалась намного реже и в основном в южных уездах. Так, в купчих и закладных актах Кунгурского уезда 1703 года описывается 25 усадеб XVII века и подчеркивается, что 14 изб было "еловых" и 11 "сосновых"². В лесостепных районах Зауралья из-за ограниченного распространения хвойных лесов приходилось довольствоваться беревой и осиной. Значение лиственных пород возрастает к XIX веку, когда произошло истощение сосновых боров. В с.Песчанском Шадринского уезда по сведениям 1848 года "дома крестьян были построены из соснового или березового лесу" и "заплоты редко делались из крепкого лесу, большей частью из тесаных дощечек"³. Поэтому коми-пермяки, выехавшие из Чердынского уезда и поселившиеся в 1856 году в Шадринском уезде на берегу Песчанского озера, вынуждены были возвести 148 дворов с избами "почти сплошь из кривых березовых и осиновых бревен, нарубленных в местных лесах"⁴. Крестьяне северных деревень Верхотурского, Соликамского, Чердынского уездов на "избной оклад" (нижние два-три венца), на стойки под углы и на столбы употребляли более прочный материал - лиственницу, реже - кедр.

Для воведения усадеб "со всяким дворовым, хоромным, банным, гуменным и житничьим строением" требовалось немалое количество леса. Так, крестьяне д.Амбор Пянтежского стана Чердынского уезда в 1730 году подготовили для строительства избы и клетки "бревеннику полутораэта бревен да нутряного лесу в избную поделку сколько понадобится, и на лавки четыре плахи и тесу двадцать дерев и шестидесяти бревен"⁵. В д.Керчево этого же уезда вместо сгоревших восьми старинных домов почти все крестьяне просили в 1809 году выделить одинаковое количество материала: "Потребно на избу, клетки, заплоты и прочие надобности бревен еловых трехсаженных в отрубе пять с половиной вершков 115, на крышу тесу пятисаженного 120 тесниц"⁶.

Срубы изб и клеток возводились в два приема. Их рубили и оставляли для просушки на два-три года. Только после этого сруб

считался готовым к постановке на фундамент. Пазы прокладывали мхом.

Повсеместно на Среднем Урале строения состояли из цельных бревен. Уложенные в сруб бревна назывались венцами. В углах их соединяли самым распространенным в древнерусском строительстве способом - в обло (чашу, гнездо), при котором концы бревен выступали за пределы наружной плоскости стен и не допускали промерзания. Обследование старых построек позволило выявить всего три случая архаичного приема расположения паза по длине бревна. В жилой постройке XVII века, нижние венцы которой обнаружены археологами в г.Соликамске, клетки конца XVIII века и избе первой половины XIX века в д.Верхние Ворцева Чердынского района паз был вырезан не снизу, как принято повсеместно, а сверху⁷.

В первые годы освоения среднеуральских территорий крестьяне активно использовали наряду с рубкой в обло приемы еще более архаичной заплотно-столбовой конструкции. Об этом дают возможность говорить многочисленные описания сеней, клеток, дворов, ограждений XVII - начала XVIII века, в которых чаще всего встречаются такие выражения: "Имба..., при ней сени забранные в столбы заплотом" (д.Нижняя Мамонка Соликамского уезда, 1690 год)⁸; "перед черной рабочей избой ограда забрана заплотом" (д.Давыдова Чердынского уезда, 1710 год)⁹; "двор для рогатого скота из заплоти" (д.Останина Соликамского уезда, 1735 год)¹⁰. Иногда рубка в заплот сочеталась с рубкой в обло: "Двор для скота на концах рублен в углы, а в середине забран в столбы заплотом" (д.Большая Попова Соликамского уезда, 1685 год)¹¹. Знали крестьяне способы соединения бревен в ладью и в замок, но судя по многочисленным документам XVII - начала XVIII века они применялись ограниченно и лишь при возведении амбаров и погребов.

Фраза из письменных документов: "Анбар покрыт тесом со скалами в желобья" (д.Юшкова Соликамского уезда, 1712 год)¹² - указывает на наличие самой древней по конструкции, самцовой (безгвоздевой), крыши. Кровельным материалом долгое время служил "топорный тес" (тесаный), "драницы" (расколотые бревна), "скалы" (снятая, сколотая большими пластами береста).

Местные кузнецы изготавливали нужное количество гвоздей, скоб, дверных петель. В южных зауральских уездах из-за недостатка лесных материалов крыши хозяйственных построек покрывались соломой (дворы, пригоны для скота, омшаники)¹³.

В документах называются и такие типичные севернорусские стро-

ительные приемы: "срубить лавку и сделать два пола взакрой" (Подгородная волость Верхотурского уезда, 1702 год)¹⁴, т.е. плахи уложить не впритык, а в паз, чтоб в помещении было теплее; "чолан забран в косяк" (с.Веретия Соликамского уезда, 1697 год)¹⁵, т.е. доски укреплены в пазы бревен-косяков, "покрыто... выходное верхнее и нижнее крыльцо тесом в зубец" (с.Никитниковское, Веретия тож Соликамского уезда, 1697 год)¹⁶, когда в нижнем ряду тесины укладывались желобом вверх, а в верхнем - вниз и на стык двух нижних тесин.

Усадьбные постройки приходилось часто перестраивать, ремонтировать и даже заменять. Обнаруженные нами источники 1793 года содержат данные об усадьбах крестьян М.М.Голицына, находящихся в Кишертском, Яйвинском селах и их ближайших деревнях (Кунгурский, Соликамский уезды), и характеризуют этот процесс. Так, в с.Кишертском и 15 деревнях находилось 229 усадеб¹⁷, из них подлежали перестройке 44, требовали поправки 22, годных к проживанию насчитывалось 100 и вновь построенных было 63. Согласно нашим подсчетам, произведенным на основе описаний усадеб в кишертских и яйвинских деревнях, по давности срока использования на первом месте были избы, на втором - клетки, а "дворы по ветхости" подлежали перестройке чаще. Если же "по ветхости" требовалось перестраивать избу, то "двор к житью" был еще прочен¹⁸.

Основным строительным инструментом крестьян являлись топоры. Бытовало несколько их разновидностей, которые предназначались для разного вида работ. Источники называют плотницкие топоры "узкими", "широкими"¹⁹, топоры для заготовки дров - "дроворубными"²⁰. Применялись тесла, стружи, пазники, коловороты²¹. Стремление крестьян быстро обустроиться на новых местах заставляло взять в дорогу из Поморья на Урал и в Сибирь вместе с одеждой, посудой, книгами, украшениями плотницкие инструменты. Так, проезжавший в 1698 году "из русских поморских городов для хлебной скудости" в Арамашевскую слободу Верхотурского уезда Трофим Любимов имел "три топора, тесник"²².

Источники сохранили имена "важан", "устюжан", "двинян", которые, прийдя на Средний Урал, занимались только "плотнишным" делом. "Работные люди деревни Княжне Петрушка Немытых Вологодского уезда да важенин (с р.Вага Важского уезда. - Г.Ч.) Микишка Мальцов" выполняли "плотнишную анбарную работу" в Соликамском уезде в 1690-е годы²³. В Чердынском уезде в 1670-е годы избы строил Ивашка Сысолец (с р.Сысола)²⁴. В вотчине Невьянского Богоявленского монас-

тыря, что в Верхотурском уезде, в 1653-1657 годах изъявили желание поселиться, распахать земли и возвести полный комплекс усадебных строений "важана" Григорий Федоров и Иван Афанасьев, "движняна" Стефан Носков, Ерофей и Федор Суховерховы, "лувянин" Трофим Викулов, "сысолец" Филип Кириллов, "пинежане" Панфил Емельянов, Леонтий и Петр Артемьевы, "вычегжане" Иван Яковлев, Ярофей Афанасьев, Сава Брагин, "устожанин" Леонтей Горбунов, "сысолец" Леонтей Лукьянов, а также из Северного Прикамья "чердынец" Тарас Петров, "соликамец" Афанасий Титов, из погоста Зырянки Соликамского уезда Кирилл Ковлов и Семен Кропачев²⁵. Очевидно, любой из наванных крестьян владел строительными навыками и брался построить себе на монастырских землях "строения, чтоб жить двором своим". Поэтому севернорусские строительные навыки широко распространялись на Среднем Урале.

Типы жилых и хозяйственных построек. Усадьбы первых русских переселенцев представляли собой совокупность построек, структура которых обусловлена природной средой, земледельческо-промысловой деятельностью и строительными навыками, принесенными из родных мест. В документах конца XVI - начала XVIII века встретилось свыше 40 названий отдельных помещений, их частей или элементов: изба, горница, клеть, подивбица, сени, предсенье, мост, предмостье (передмостье), ввостье, предивбье, подклет, пристен, голбец, вежа, повалуша, чулан, крыльцо, рундук, двор, клев, сарай, стая, сенник (сенница, сenniчишка), конюшня, вввов, погреб, напогребная клеть (напогребница), амбар, житница, сусеки, верей, мякинница, мельница, кузница, угольник, денник, поварня, баня, мыльня, колодец. Приведенной терминологией владело севернорусское население, варьирование ее по отдельным местностям Среднего Урала не отмечалось до середины XVIII века.

Для определения этнокультурной среды этнографам важно знать не только состав построек, но и традиции их взаиморасположения в усадьбах. При классификации усадеб большое значение придается способу соединения жилой избы с хозяйственными постройками, и в первую очередь с крытым двором. По способу соединения принято различать три типа усадеб - с однорядной, двухрядной и покосеобразной связью. С учетом дополнительных признаков предложена более детальная классификация каждого типа²⁶. По ряду показателей - числу и соотношению срубов, размерам подклета, обустройству интерьера, форме крыши - классифицируются и сами жилища.

Документов, характеризующих усадьбы русских крестьян Среднего Урала в конце XVI - начале XVIII века, обнаружено достаточно много. Значительное их число позволяет определить форму усадьбы и отдельных ее строений, а также реконструировать особенности строительных приемов. Мы не ставим задачи процитировать как можно больше описательного материала, так как это заняло бы достаточно много места. Ограничимся лишь теми примерами, которые наиболее точно отражают состояние русских усадебных построек.

Из описанных 384 усадеб (сюда включаем варианты, которые не дают точной реконструкции) конца XVI - начала XVIII века восстановлению подлежат 295. Они представляют все старожильческие места Среднего Урала, но наиболее полно Соликамский, Кунгурский и Верхотурский уезды.

Однорядную застройку источники описывают так: "изба на взмостье, против избы сенник с подклетом, да хлев мноной без верху, да клеть ветшаная на задворие у гумна" (д. Шипицина Чердынского уезда, 1645 год)²⁷, "да у той мельницы построена изба на взмостье, а против избы сенцы да скотской хлев" (по р. Зырянка Соликамского уезда, 1697 год)²⁸. В однорядных усадьбах хозяйственные постройки как бы продолжали жилую часть. Такие усадьбы относились к раннему периоду заселения и были широко распространены на Европейском Севере. На Среднем Урале они отмечены источниками только XVII века, что дает повод говорить об их распространении на начальном этапе русской колонизации.

Судя по источникам, характеризующим двухрядные усадьбы, хозяйственный комплекс находится не по одной линии с избой, а параллельно ей. Из обнаруженных нами описаний двухрядных усадеб приведем несколько вариантов: "... а на дворе хором изба ветхая на взмостье, а против избы клетка с навесом, а повади избы конская стая и коровий хлев" (на Ляде-реке на карауле Верхотурского уезда, 1672 год)²⁹; "изба новая на взмостье, а против избы клеть с подклетом, да подле избу пристен и с сараи из заплоты..., да против избы под горою житница" (погост Городище Соликамского уезда, 1661 год)³⁰. В этих вариантах усадеб, можно считать, один ряд состоял из жилища, а другой - из хозяйственного двора. Если внимательно изучить состав построек в обоих вариантах усадеб, то можно обнаружить, что в однорядной связи сохранялось двухкамерное жилище (изба, сени), а в двухрядной - трехкамерное (изба, сени, клеть). Подобная закономерность прослеживается еще в 57 других описанных усадьбах XVI- начала XVIII века, что позволяет прив-

нать, что усадьбы с двухрядной связью и наличие в них трехкамерного жилища являются на Среднем Урале результатом органичного развития ранних однорядных усадеб. Детали этого процесса помогут нам увидеть описания двух усадеб Соликамского уезда.

В д. Андреевой в 1612 году продавалась "изба наземная, а против избы сенник на подклете, а возле избу клетка наземная, да хлев"³¹. В погосте же Усть-Боровая в 1645 году закладывался "двор свой со всеми хоромы, и с местом дворовым, и с огородом капустником, а во дворе хоромов изба на амосье новая трех сажен печатных, да против избы сенник с подклетом, в подклете погреб, да подле избу новая синиша, а под синишею хлев теплой"³². Нетрудно заметить, что обе усадьбы первоначально имели однорядную застройку, от которой сохранилось двухкамерное жилище (в данном случае не названы сени, так как писцы считали их непременною частью избы) с избой, соединенной через сени с двухъярусным хозяйственным двором ("сенник на подклете", "сенник с подклетом"). Вторым порядком - за избой, сенями и двором - выстраивались новые хозяйственные дворы (в Усть-Боровой двор являлся двухъярусным). В дальнейшем, как увидим, крытый двор ("сенник на подклете") заменялся клетью и жилая часть становилась трехкамерной. Существенно для восстановления исторической типологии усадеб, что сложившаяся двухрядная связь с трехкамерным жилищем в документах конца XVIII - первой половины XIX века отмечалась как "самая старинная"³³. потому что усадеб ранней однорядной связи было слишком мало, да и в XVII веке, судя по источникам, они имели ограниченное бытование.

В поселении усадьбы размещались в зависимости от многих факторов: природной среды, хозяйственных занятий, семейно-родственных отношений; оказывали влияние и традиции формирования поселений, установившиеся в период раннего заселения. Рассмотрим в связи с этим некоторые приемы композиции поселений, зафиксированные в крестьянских порядных и челобитных актах первой половины XVIII века, где речь идет о сложившейся застройке деревень в конце XVII века. В д. Верхний Шакшер Чердынского уезда проданное дворовое место находилось "в межах со востоку по улице, с поддни с Иониними, с западу с Антипиними, а с сиверу с Никитию Кучевым, да огородец со востоку по Каме-реке, с поддни с Титом Старцовым по заднему клетному углу, того угла прямо на Каму, а западу по улице, с сиверу с Прохором Антипиним"³⁴, а другое дворовое место, отданное в залог за ввятые деньги, размещалось "в межах с востоку с Васи-

лием Першиным, с подгни с Ермилом Антипиным, в западу по улице, с северу с Иваном Ермилом, да огородец свой конопляник в межах, а восток по Каме-реке, с подгни с Никоном Антипиным, в западу по улице, с северу по речке"³⁵. В д.Шубино Соликамского уезда продавалась усадьба крестьянки, в которую входили "... двор с построем и дворовое и огородное места с востоку и с подгни, и с западу по проезжим улицам, с северу с Ивановым и Николиным дворами Суятинных..."³⁶. По этим описаниям нетрудно определить, что перед нами усадьбы, которые в деревнях с беспорядочной (свободной) застройкой фасадами обращались на солнечную сторону, к реке или проезжей улице. Впечатление о близком расположении жилых и хозяйственных построек родственников создается от прочтения описания усадьбы в д.Верх-Лога Соликамского уезда, составленного в 1736 году по случаю ее продажи: "... на той моей половине с западную сторону дворовом месте хоромного строения изба черная с передмостьем, да хлев на отставке и в дворовым заплотом, и с ворота, а другая половина того двора... с восточной стороны сына моего Егора Воробьева, а хоромного ево строения изба белая на погребе с сенцы и с крыльцом, и хлев, и с дворовым заплотом, да житница на отставке"³⁷.

Наличие на усадьбах крытого двухъярусного двора, вплотную поставленного к жилищу как при однорядной, так и двухрядной связи, свидетельствует о том, что такое жилище могли построить крестьяне, освоившиеся в природной среде и развившие в достаточной мере животноводство и паровое земледелие. Такой хозяйственный двор создавал удобство для хранения сена, инвентаря, выполнения хозяйственных дел, облегчал уход за животными и накопление навоза в необходимом количестве и качестве. В крестьянской агротехнике предпочтение отдавалось непромерзшему навозу, а его можно было получить весной только из теплых помещений нижнего яруса двора.

Русские крестьяне, осваивавшие территорию Среднего Урала, строили усадьбы с однорядной связью по тому же принципу, что и в поморских уездах³⁸. На проезжую часть поселения выходила жилая изба, а хозяйственный двор ставился в глубине ограды. Крыльцо находилось по боковой стороне избы. Усадьбы со слитной двухрядной застройкой располагались по двум вариантам. Чаще всего в поселениях с беспорядочной (свободной), рядовой, а позднее и регулярной застройкой, усадьбы ставились не под прямым углом к улице, а вдоль нее. В этом случае трехкамерное жилище с крыльцом посередине выходило на улицу длинной стороной. Во двор, размещенный сзади, можно было пройти из сеней и через ворота, устроенные по его

боковой стене. Исключение допускалось в южных районах Прикамья и Зауралья, когда двухрядные связевые усадьбы ставились в глубине земельного участка и на улице выходили боковой стороной. Специфика эта, наметившаяся в местах раннего русского заселения, получила широкое распространение в последующий период.

Судя по имеющимся источникам, первые русские поселенцы на Средний Урал стремились как можно быстрее завести наряду с жилым помещением и развитый хозяйственный комплекс. Так, 16 крестьянских семей, прибывших в 1653-1657 годах из поморских уездов в Верхотурский уезд и пожелавших вести на землях Невьянского Богоявленского монастыря пашенное хозяйство, за короткий срок ставили избу, клеть и обязательно двор, сарай, овин и мельницу³⁹.

О наличии разных по назначению построек, принадлежавших одному крестьянину, выехавшему с Двины (в документе он назван "двиняниным") и поселившемуся в погосте Городище Соликамского уезда, свидетельствует купчая 1634 года: "... подписал... половину мельницы... и во дворе, и в хоромах и что под двором земли половина, а во дворе хоромов изба наземная, да две клетки, да две клетки с подклетью и с погребом, и с банею, и с заплотом, и с вороты, и с сараи, и с огородом с капустником, и с конопляником, и с пашенною землею с тремя переменами, и с огородом, что около тех поль огорожены жердями, и с овином, и с гуменником, со всеми покосы тое деревни по обе стороны Усолки-реки"⁴⁰.

Крестьянские усадьбы обязательно огораживались заплотом, жердями, тыном (тонкими кольями). Участок перед избой назывался улицей, въездом, а за двором - задворием⁴¹.

Вне усадьбы ставили бани, амбары-житницы, овины с гумнами. Комплекс сельскохозяйственных построек обычно находился на полях вблизи дворового места: "... и у того двора две житницы и два огородца капустника, да овин в гуменнике"⁴²; "во дворовом поле на тех полосах гумно свое и в гуменнике и с овином" (д.Родники Соликамского уезда, 1692 год)⁴³. Огороженные места вокруг овина и гумна назывались гуменниками. Здесь хранили необмолоченные снопы и солому. Тут же могли стоять амбары для зерна и мякинницы для отходов (мякины).

Сохранилось немало документов, характеризующих мукомольные мельницы первых русских поселенцев. Согласно переписи 1579 года в Соликамском, Чердынском уездах и вотчинах Строгановых насчитывалось 50 водяных мельниц-мутовок⁴⁴. По мере освоения территории Среднего Урала потребность в них быстро возрастала. Так, в 1624 году в

Чердынском уезде крестьяне имели 75 мутовок и 33 колотовки (мельницы для дробления зерна на крупу, иногда их еще навывали толчечьями), по 12 мельниц отмечено в Соликамском уезде и вотчине Строгановых⁴⁵. Мутовчатые мельницы строили на первых порах русские крестьяне, поселившиеся в Верхотурском уезде⁴⁶. В местах быстрого развития пашенного земледелия крестьяне возводили более производительные водяные колесчатые мельницы, требующие сооружения пруда. Этот процесс шел не только в Верхотурском, но и в Кунгурском уезде, где в 1701 году действовало 102 мельницы, из которых 60 было колесчатых, 30 мутовок и 12 колотовок⁴⁷. Производительность мельниц-мутовок оставалась невысокой. Но они находили широкое применение ввиду ряда преимуществ: малых габаритов, простого устройства, дешевизны затраченного материала, возможности работы без присмотра. Подробные описания мельниц по рекам Зырянке и Усолке в Соликамском уезде, составленные в 1635 и 1697 годах, не только раскрывают их устройство и рабочий процесс, но и позволяют увидеть полное сходство с мельницами, используемыми русским населением Европейского Севера и Сибири⁴⁹.

Конструктивные особенности жилища. Жилым помещением усадьбы являлась изба, которая, судя по многочисленным письменным свидетельствам конца XVI - XVII века, оставалась в плане квадратной. Выражение "изба трех сажен печатных" употреблялось при описании как давно используемой избы, так и возводимой. Например, в Подгородной волости Верхотурского уезда в 1702 году подряжались "пашенный крестьянин с сыном поставить... из своего лесу избу новую длиною трех сажен печатных и в той избе, поставя, все вделать"⁵⁰.

В старожильческих районах Среднего Урала избы строили трех видов: "на подклете", "на вмостье" ("на змостье") и без подклета, называемые в источниках "наземными", так как пол в них располагался почти на земле. Наземных изб было мало, так как под влиянием суровых природных условий закрепились традиции приподнимать жилое помещение над землей. В избах на вмостье и на подклетах пол приподнимался и между ним и землей образовывалось высокое помещение, которое служило хозяйственным целям. Первоначально оно навывалось по-севернорусски - подклетом, а позднее - еще и голбцем. Наличие нижнего яруса в жилище было настолько необходимым, что возведение его специально оговаривалось в "порядных" - договорных актах⁵¹.

Как и на Европейском Севере⁵², в трехкамерных жилищах 1: избам

через сени пристраивали клетки. В документах XVII - начала XVIII века связующая часть построек называлась не только сенями, но и сенцами, мостом, предмостьем, предизьбем, передизьбем. Устройство ее так же предусматривалось условиями договора: "Се аз Ярофей Афонасьев сын вычегжанин порядился поставить... против избы клеть дву сажень печатных и пред избыю мост намостить и залот по обе стороны забрать" (пустынь Невьянского Богоявленского монастыря, 1657 год)⁵³; "се аз Панфил Емельянов сын родом понежанин порядился... поставить... против избы клеть, передмостье намостить плашатое и залот по обе стороны забрать" (пустынь Невьянского Богоявленского монастыря)⁵⁴; "се аз Леонтей Петров сын Горбунов родом устюжанин... монастырской бобыль подрядился... поставить... избы трех сажень да клеть, а меж избыю да клетью сени" (пустынь Невьянского Богоявленского монастыря, 1656 год)⁵⁵.

Применение такой терминологии объяснялось конструктивными особенностями соединительного звена жилища. Мостом, предмостьем, передизьбем называли постройки с архаическими чертами - на столбах, с двумя залотными бревенчатыми стенками, без потолка. Сени и сенцы выглядели более обустроено: пол на балках, закрепленных в стенах избы и клетки, стены образованы выпусками бревен сруба избы, потолок из бревен или полубревен. Проследить раннее и позднее использование этих терминов в лексике крестьян позволяет такой письменный факт. В д.Верх-Лога Соликамского уезда в 1736 году сохранилась одна "изба черная с передмостьем", а другая - "изба белая на погребе с сенцы и с крыльцом"⁵⁶. В Кунгурском уезде из описанных в 1703 году 25 усадеб 13 имели "сенцы"⁵⁷.

Размеры клеток были разными. В 1667 году крестьяне Кирилл Коалов и Семен Кропачев из погоста Зырянки Соликамского уезда строили для себя в Невьянском Богоявленском монастыре "избу трех сажень печатных да против избы клеть на три сажени печатные", а пинежский крестьянин Петр Артемьев в 1654 году подрядился в этом же монастыре "поставить... избы трех сажень печатных, да против избы клеть дву сажень с аршином печатным"⁵⁸.

В отличие от избы клетки обладали более сложной конструкцией. Их помещения в большинстве случаев делились на два этажа и две половины. На нижнем этаже устраивали погреб и выделяли место для хранения хозяйственного инвентаря. Сюда заходили с улицы. В помещениях верхнего этажа, куда можно было попасть только из сеней, хранили одежду, посуду, предметы прядения и ткачества, продукты, а в летнее время спали. В документах клетки описывались так:

"клеть на подклете" (с.Ильинское Кунгурского уезда, 1703 год)⁵⁹; "две клетки с подклетием и с погребом" (погост Городище Соликамского уезда, 1635 год)⁶⁰; "две клетки с погребом, а жить ему в большой клетки с погребом" (Соликамский уезд, 1675 год)⁶¹; "на мосту клеть напосребница" (Арамашевская слобода Верхотурского уезда, 1696 года)⁶²; "перед избю клеть о дву жирах (этажах. - Г.Ч.)" (с.Ильинское Кунгурского уезда, 1703 год)⁶³. Клеть в один этаж ставилась в том случае, если изба не имела высокого подклета. Такое жилище в документах описывалось так: "Изба поземная да против избы клеть поземная" (д.Мальгина Дуброва Соликамского уезда, 1657 год)⁶⁴.

Клеть являлась обявительной принадлежностью жилища тех мест Европейского Севера, откуда шел на Средний Урал основной поток русских переселенцев. Но там устройство клетки было иным, чем у русских крестьян Среднего Урала. Посередине клетки делали сени, из которых проходили в боковые помещения и хозяйственный двор, являющийся продолжением жилища (однорядная связь)⁶⁵. На Среднем Урале не возникла потребность иметь сени в клетях из-за конструктивных особенностей жилища: двор, как нам известно, ставился вторым порядком, параллельно жилищу, и в него ходили через дверь, встроенную в стене сеней между избой и клетью. В районах Западной Сибири, заселенных русскими в XVII веке, двухъярусные клетки, тем более с пергородками, являлись большой редкостью⁶⁶. Значительно меньше, чем в Прикамье, их было в Верхотурском уезде. Поэтому среднеуральский тип клетки можно считать промежуточным вариантом адаптации севернорусского жилища к новым условиям.

В планировочном решении трехкамерного жилища Среднего Урала наблюдалась закономерность, восходящая к древним севернорусским традициям: жилая изба строилась по правую сторону от крыльца и сеней, а клеть по левую. Подобное расположение имели все 24 усадьбы конца XVIII - первой половины XIX века, которые нам удавалось выявить и обследовать в Сивинском, Чайковском, Чердынском, Верхотурском районах в 1967-1990-е годы. В письменных источниках этот прием зафиксирован только применительно к Северному Прикамью. Выражение "против избы по левую сторону клеть" (Завьяловская пустынь Соликамского уезда, 1678 год)⁶⁷ как раз и указывает на данную особенность.

Развитый тип трехкамерного жилища получил распространение на Среднем Урале не только у крестьян. В конце XVI - начале XVIII века такое жилище имело население городов и слобод. Из вскрытых

археологом С.Г.Пархимовичем остатков пяти жилых изб в одном из первых русских поселений на пути через Урал в Сибирь - Ловьвинском городке - одна была трехкамерная. Помещения в ней располагались вплотную в одну линию, и каждое отапливалось печью⁶⁸. По трехкамерной схеме возводились воеводские, приказные и таможенные избы, горницы самих Строгановых и их служащих⁶⁹. Трехкамерную структуру стали приобретать первые каменные здания Среднего Урала (города Верхотурье, Соликамск, Нижне-Чусовские городки)⁷⁰. Таким образом, трехкамерное жилище преобладало в среде крестьян и было распространено в городах и слободах.

В состав крестьянских усадеб входили крытые дворы. "Сенник на хлеве", "хлев с сенником", "стая с сenniцею" - вот самые распространенные формулировки в документах XVII - начале XVIII века, содержащих описание дворов крестьянских усадеб. Название "сенник" пошло от слова "сено", им обозначали помещение, предназначенное для хранения сена. Сенник как отдельно стоящая постройка в изученных нами документах пигде не назван. В однорядных усадьбах "сенники на хлеве" стояли в одну линию с избой, сенями, в двухрядных - образовывали самостоятельный порядок, параллельный жилищу. На Среднем Урале сенником назывался верхний этаж крытого двора: "... против избы сенник над сараем и хлевом" (д.Таскина Верхотурского уезда, 1651 год)⁷¹; "сенник на подклети" (вблизи г.Соликамска, 1611 год)⁷²; "на том дворе конюшня, на конюшне сенник" (с.Веретия Соликамского уезда, 1697 год)⁷³; "конюшня с перерубом наверху сенник" (с.Веретия Соликамского уезда, 1697 год)⁷⁴. Нижний ярус приспособлялся под животноводческие помещения - хлевы, конюшни, стаи, сараи. Большое разнообразие в застройке крытых дворов наблюдалось у зажиточных крестьян, занимавшихся торгово-ремесленной деятельностью (д.Роголи Соликамского уезда, с.Спасское Кунгурского уезда, с.Меркушино Верхотурского уезда, Нижне-Чусовские городки вотчины Строгановых).

Избы, клетки и хозяйственные постройки закрывались двускатными крышами самцово-слеговой конструкции, которые были широко распространены на Европейском Севере и в Сибири. В литературе их стали называть безгвоздевыми. Несущей конструкцией являлись треугольные завершения торцовых стен - самцы, собранные из бревен. По склонам бревенчатых фронтонов параллельно стенам срубá врубались следи. Фронтоны и следи образовывали каркас, на который настилали кровлю. Кровля скатов крепилась внизу в желобах - "водопусках", лежащих на выступающих за пределы срубá бревнах-крыках (так назы-

ваемых курицах). Вверху кровля прижималась ко князьковой слеге охлупным бревном, у которого снизу выбирался желоб для закрытия стыка скатов.

У хояйственных построек встречалось и более простое крепление крыши. По обоим склонам ниже князькового бревна и охлупня клали по жерди, концы которых по фронтонам вставлялись в горизонтально установленную доску - "огниво" - или же привязывались к выступающим продольным слагам.

Кровельный материал применялся разный. "Драницу", "дрань" получали из расколотых бревен. Драница с вытесанным во всю длину желобом называлась "топорным тесом". Ее настилали в два слоя так, что верхние тесины закрывали щели между нижними. Поскольку один слой тесин лежал желобом вверх, а другой (верхний) - вниз, то такой способ в ряде мест Среднего Урала получил название "в зубец" (с. Никитниковское, Веретия тож Соликамского уезда, 1697 год; Невьянская слобода Верхотурского уезда, 1702 год)⁷⁵. О кровельном материале достаточно точно говорится в одном документе: "... вытесать десять дерев тесу и выдрать двести драниц" (д. Кекур вотчины Строгановых, 1710 год)⁷⁶. Наравне с драницами, тесом широко использовалось скалье (скала) - сколотая большими пластами береста. Иногда ее сшивали, и она считалась "шитой скалой". Одновременно покрывали крыши и "драницами со скальем" (д. Ширманова Соликамского уезда, 1734 год)⁷⁷.

Самцово-слеговые крыши имели массивные фронтоны и длинные свесы. На их вовведение требовалось материала не меньше, чем на стены. Поэтому в одном документе сообщается, что на кровлю жилища уходило "тесу пятисаженного 120 тесниц" (д. Керчево Чердынского уезда, 1809 год)⁷⁸. Указанные размеры материала для кровли позволяют предположить о наличии крыш с крутыми склонами, которые были типичны для севернорусского домостроения.

Документы упоминают о повалах, образуемых за счет выступавших за пределы сруба верхних продольных бревен. Этими конструктивными приемами создавалась более прочная основа кровли.

В документах XVII-XVIII веков нет сведений о наличии балконов у жилых изб. Нам известна по сохранившейся фотографии лишь одна изба с балконом, построенная на рубеже XVIII-XIX веков в д. Воцково Чердынского уезда⁷⁹. Более поздний пример такой избы обнаружен в описании с. Серегово Чердынского уезда за 1865-1880 годы, где в одной усадьбе был "по избе балкон"⁸⁰. Отсутствуют подобные сведения и в полевых материалах. Поэтому устройство балконов на фрон-

тонах крестьянских изб следует считать явлением, не характерным для Среднего Урала.

В описаниях жилых изб сведения о крыльцах носят фрагментарный характер. Но и по ним становится ясно, что крыльца возводились на ряжах - срубных основаниях - и на столбах: "... а у сеней с дву сторон лестницы на ряжах крытые" (с.Веретия Соликамского уезда, 1697 год)⁸¹; "... а у передних дверей крыльцо на столбах из досок и с лестницею" (д.Средняя Попова Соликамского уезда, 1824 год)⁸². Сообщение о том, что в с.Веретия Соликамского уезда в 1697 году имелось "выходное верхнее и нижнее крыльцо"⁸³, заставляет обратить внимание на важную севернорусскую традицию крестьянского жилища. Крыльцами названы площадки-рундуки у входной двери в сени (вверху) и на земле (внизу), между которыми находилась лестница. В этом случае крыша крыльца состояла из трех скатов. Один скат закрывал часть верхнего рундука, второй - другую сторону рундука и лестницу, а третий - нижний рундук. Такие приемы усиливали выразительность всей усадьбы.

По документам прослеживаются старые приемы устройства дверей, ворот, окон. Двери как жилых изб, так и хозяйственных построек удерживались при помощи выступов, которые вставлялись в выемки порога и верхнего косяка, а при их отсутствии - в бревно сруба. Для лучшего вращения под нижний выступ подкладывали позвонок животного. Для устройства больших дверей, ворот в сенях, клетях использовали ствол дерева с корневищем, отходящим под прямым углом. Двери, сделанные таким образом, в документах называются "дверями на дерезянной пяте" (с.Никулинское Соликамского уезда, 1765 год)⁸⁴. Состоятельные крестьяне использовали железные петли, крюки, скобы. Бъездные ворота состояли из двух полотнищ, а их удерживали массивные столбы-верей. В описаниях приводится такая характеристика их: "Ворота большие створные с верей, на пятах" (Невьянская слобода Верхотурского уезда, 1702 год)⁸⁵.

В русских крестьянских избах различались волоковые, колодные и косячатые окна. Волоковые окна являлись неременной принадлежностью изб по-черному. Их вырезали по толщине одного венца сруба или между двумя венцами и внутри закрывали сдвижными глухими ставнями-обоконами, рамами с брюшиной или холстом. На смену волоковым окнам пришли окна с внутренней обвязкой из толстых брусьев, поэтому источники называют их колодными. Переход от волоковых окон к колодным раньше всех начался у крестьян, проживавших возле городов и слобод. Известны примеры, когда вновь устроенные колод-

ные окна не имели "окончины" (рамы) и их закрывали глухими ставнями⁸⁶. Окна с нетолстыми обвязками-косяками назывались косячатыми и даже красными. Состоятельные крестьяне вставляли в косячатые окна "слодяные окончины" (с. Вильва Чердынского уезда, 1825 год)⁸⁷. Аналогичные этапы развития окон в избах наблюдались у русского населения Европейского Севера и Сибири. В подклетах жилых изб и некоторых ховяйственных помещениях вырезались щелевые окна, которые служили одновременно для освещения и вентиляции.

Документы очень скупо характеризуют внутреннее устройство раннего русского жилища. Отмечаются тесовые полы, бревенчатые потолки, печи, полаты (Обвинское поречье Соликамского уезда, 1697 год), тесовые лавки (д. Амбор Чердынского уезда, 1730 год)⁸⁸. В описании крестьянской избы в погосте Цидва Чердынского уезда за 1678 год сообщается о внутреннем ходе из избы в подклет: "... в избе ходит Андреева дочь и ливет в голбец"⁸⁹. Избы со стенами и потолками из круглых бревен называли "облыми" (села Введенское, Предтеченское, Троицкое, деревни Брехово, Кадешникова Кунгурского уезда, 1703 год)⁹⁰, а из тесаных - "плоскими" (с. Верхние Муллы вотчины Строгановых, 1686 год)⁹¹ и "пластинными" (села Никольское, Ильинское Кунгурского уезда, 1703 год)⁹². Избы с тесовыми стенами и потолками служили горницами. Фрагментарные сведения позволяют предположить, что интерьер жилой избы Среднего Урала в конце XVI - начале XVIII века сохранял севернорусский вариант.

В целом весь фактический материал, зафиксированный в документах XVII - начала XVIII века показывает, что русские переселенцы принесли на Средний Урал немало традиций северной строительной культуры. Крестьяне-новоприходцы, владевшие севернорусскими строительными приемами, успешно применяли их не только в обустройстве усадеб, но и в слободском и заводском строительстве, куда они привлекались.

В 1700. году начиналось строительство одного из первых на Среднем Урале казенного Невьянского завода, переданного в 1702 году указом Петра I Н. Демидову. Известно, что промышленные и гражданские здания строили крестьяне почти всех слобод Верхотурского уезда⁹³. Судя по имеющемуся в нашем распоряжении описанию Невьянского завода 1702 года, жилые дома и ховяйственные постройки, хотя и имели более сложный план, но типологически оставались близкими крестьянскому жилищу. Например, трехкамерная связь прослеживается в жилом строении прикавчика: "... две избы повемные, мерсю по три сажени обои, стены меж ими бревенчатые четырех сажөн

без аршина... покрыты дранищами в водопуски, а чердак в два теса в зубец" - и постройке производственного назначения: "... для мехового дела светлица... против той светлицы черная изба для сушения лесу и меховому делу... меж им сени, в них чуланы... крыты избы и сени со скалами в водопуски"⁹⁴. Кроме того, обнаружено достаточно много других севернорусских строительных особенностей: самцово-слеговые крыши, крыльца на столбах, заплотная техника, слитная постановка жилища и двора, двери на деревянных "пятах", колодные и волоковые окна⁹⁵.

§ 2. Типы усадеб и конструктивные особенности построек в середине XVIII -первой половине XIX века

Рассмотреть развитие крестьянских усадеб в середине XVIII - первой половине XIX века позволяют как многочисленные фрагментарные сведения, так и развернутые описания, подготовленные в 1840-1850-е годы корреспондентами Русского Географического общества. Этот период характеризуется, как известно, освоением новых территорий благодаря внутренним миграциям.

Типы усадеб и построек. По-прежнему сохранялись однорядные и двухрядные усадьбы, которые, как уже знаем, возникли в период освоения русскими среднеуральских территорий. Однорядных усадеб вводилось немного, на рубеже XVIII-XIX веков они встречались на всей изучаемой территории и принадлежали в основном малообеспеченным крестьянским семьям. В русских старожильческих местах Северного Прикамья (по Каме, Вишере, Колве, Яйве) во второй половине XVIII века сложился особый вариант усадеб, когда двор находился свяди трехкамерного дома. Дом и двор закрывались отдельными двускатными крышами (повднее на доме могла быть трех- и четырехскатная крыша), располагавшимися перпендикулярно друг другу. В самых северных местах такие усадьбы приобрели Т-образную форму, поскольку дворы вводились намного короче домов. Небольшие размеры дворов были обусловлены потребностью в меньшем количестве скота, так как здесь крестьянские хозяйства хорошо обеспечивались продуктами охоты и рыболовства. Подобные усадьбы встречаются до наших дней в Соликамском, Усольском, Красновишерском, Чердынском районах, что свидетельствует о целесообразности сохранения этого варианта усадьбы на севере.

Особую популярность приобрели двухрядные уадьбы. В Чердынском, Соликамском, Пермском и на севере Верхотурского уездов их ставили исключительно вдоль улицы, а в центральных и южных уездах Среднего Урала - перпендикулярно ей. В этом случае принято было называть избу, обращенную на улицу, передней, а обращенную на огород - задней. В передней жили летом, а в задней - зимой⁹⁶.

Корреспонденты Русского Географического общества в своих описаниях 1840-х годов вывели особенности типологии крестьянских усадеб таким образом. В с.Ляминском Верхотурского уезда "дома небольшие, некоторые имеют одну избу и сени, а другие - две избы и посередине оных сени с проходом на заднее крыльцо, за которым следует двор для скота, а далее хлевы"⁹⁷. В с.Мурвинском этого же уезда "жилище состоит из двух жилых комнат (в данном случае автор комнатами назвал обычные избы. - Г.Ч.) с сенями в середине... снаружи дом обносится погребом, амбаром и завонем. С задней стороны пристраивается изба скотская и хлев с некоторым промежутком, что навывается двором"⁹⁸; в с.Черновском Оханского уезда " дом обыкновенно строят связью, клеть с избою, а между ними большие глухие сени с крыльцом во двор, с задней стороны пристраивается во всю длину... от избной стены скотный двор"⁹⁹; в Бродокалмацкой стороне Шадринского уезда "связка из избы и клетки или горницы, с холодными сенями между ними... к той задней стене дома, что без окон, пристраивается теплый двор для мелкого скота"¹⁰⁰.

Из приведенных описаний видно, что один ряд усадеб отводился жилищу, а другой - хозяйственным постройкам, каждый из них закрывался двускатной крышей - "конем". Судя по сообщениям ряда корреспондентов Русского Географического общества, в первой половине XIX века двухрядные усадьбы в центральных и южных уездах Среднего Урала приобрели более сложную застройку. Они преобразовались в трехрядные, а позднее - в четырехрядные усадьбы.

Возникновение трехрядных усадеб шло двумя путями. Хозяйственные постройки ставились параллельно жилищу (в плане усадьбы они могли быть сзади или сбоку дома) на значительном удалении от него, и образовавшееся пространство служило дополнительным двором. Этот вариант усадьбы в с.Покровском Ирбитского уезда в 1849 году описан так: "Дома их большей частью по две избы, между собой соединяются сенями... позади избы задний двор с черною и малою избою... для хранения в зимнее время мелкого скота и птицы... каждый дом обносится оградой, внутри которой 1-2-3 амбара, погреб и между ними тоже крыли или завоня, а за оградю баня, которая

всегда черная, и пригон, куда загоняют скот, весь покрытый соломой или драницами, с 1-2-3 конюшнями¹⁰¹. В Красноуфимском, Кунгурском, Осинском уездах каждая часть усадьбы закрывалась двускатными крышами, которые располагались параллельно друг другу. По количеству крыш такие усадьбы называли "на три коня"¹⁰².

Другой вариант трехрядных усадеб отличался постановкой дворов по обе стороны жилища. Они тоже приобретали вид "на три коня". Корреспонденты Русского Географического общества описали их в 1840-е годы во всех южных уездах Среднего Урала. В с. Спасбардинском Кунгурского уезда "дома состоят из избы и клетки, соединены глухими сенями и покрываются одною на два ската тесовою крышею... с задней стороны дома - глухой двор, его длина равна связи дома, а ширина около трех сажен, который всегда забирается из бревен, примыкает к самому дому и покрывается тесом или соломой, большей частью на один скат. В нем теплой хлев для медкого скота и сеник, а у некоторых и конюшня. С передней стороны - передний двор, который забирается почти вообще из бревен же с плотными тесовыми всретами и таковою же калиткою. В нем помещается хлебный анбар, погреб, навес для дворовых принадлежностей от дождя и снега и баня"¹⁰³; в с. Большие Ключи Красноуфимского уезда "крестьянский дом состоит из связки. Связка состоит из стопы теплой на мху, которая называется избыю, и другой стопы холодной, которую навывают клетью. Клеть ставится повади избы. Стопы эти связываются между собой сенями... Редко можно найти, чтобы дворы не приделывались вплотную к связке... по другую сторону связки против красного крыльца находятся амбары, крыши которых с большими свесами. Под эти свесы складываются дрова, др. припасы. У некоторых ховяев крыши оканчиваются или скотнею заднею избышкою или банею. Ограды обносятся забором в столбы. Крыши из драниц по большей частью или из колотых плах сосновых (непиленных). Крыши кроются со скальем - берестю. У многих тес заменяется соломой, исключая связки"¹⁰⁴. В описанных усадьбах иногда выделялся промежуточный легкий двор. Если его закрывали двускатной крышей, как и три ряда построек, то вся усадьба выглядела "на четыре коня".

Трехрядные и четырехрядные усадьбы строили важиточные крестьяне, проживавшие вблизи городов, заводских поселений и на торговых путях. Наличие открытого двора сближало трехрядные усадьбы с новым, еще более поздним, типом - покосеобразным, когда все постройки расставлялись по периметру закрытого или открытого двора. На Среднем Урале он получил широкое распространение с конца XIX

века¹⁰⁵. Но некоторые его черты просматриваются в первой половине XIX века. Например, в с.Верхне-Чусовские городки Пермского уезда после пожара 1830 года, уничтожившего его старую застройку, жители согласно описанию села, оставленному в 1848 году корреспондентом Русского Географического общества П.Первушиным, "дома имеют деревянные, состоят по большей части из двух помещений - избы и горницы, пространными между ними сенями, крытые тесом, преимущественно на два ската... у всякого дома пристроенная ограда, обнесенная с улицы приличным забором... с красивыми воротами и калитками. У всякого дома службы: анбар, завонья, хлев, расположенные повади домов в надлежащем расстоянии от них, всегда в одном корпусе, крытом таким же тесом на два ската... Зажиточные крестьяне имеют еще особые флигели, также в виде длинных корпусов, начинающиеся от службы и одним концом выходящие на улицу, в коих помещаются их чеботари, кроельни и тому подобные заведения. Погреба всегда у самых домов свади... Ограды по большей части не крытые, но во всякой непременно есть сарай, примкнутый к службам во всю длину их, шириною от двух до трех сажен, имеющий покатошь на ограду, под коими слагаются земледельческие и другие орудия"¹⁰⁶. Появление подобных усадеб было обусловлено состоятельностью владельцев. Они становились необходимыми тем, кто занимался торговлей, извозом, сдачей построек под постоянные дворы.

Документальные источники фиксировали на исследуемой территории начавшееся в начале XIX века преимущественно в южных уездах раздельное расположение жилища и крытого двора. Так, в с.Ляминском Екатеринбургского уезда в 1849 году наблюдалось "прекращение компактного расположения построек, службы для припасов и скота ставятся уже не вместе с домами, но на принадлежащих им местах"¹⁰⁷.

Усадьбы трехрядной застройки и с открытым двором, по периметру которого ставились все постройки, генетически восходят не к севернорусскому, а к среднерусскому комплексу, известному в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье¹⁰⁸. Появление их в южных уездах Среднего Урала - следствие заселения этой территории некоторыми выходцами из Волго-Вятского края и расширения хозяйственно-культурных связей двух соседних регионов.

Из приведенных документальных свидетельств 1840-х годов, касающихся разных уездов Среднего Урала, видно, что во всех типах усадеб трехкамерное связевое жилище оставалось основным. По сообщениям некоторых исследователей и нашим полевым материалам этот

тип жилища сохранялся во многих районах Среднего Урала и в XX века, хотя в нем на протяжении длительного периода бытования происходили существенные изменения.

Трехкамерная связь казалась целесообразной и местной администрации. В 1766 году Мехонская воеводская канцелярия Исетской провинции издала указ, по которому предлагалось в селах и деревнях строить усадьбы вместо сгоревших по прилагаемому чертежу, составленному еще в 1722 году (рис. 20), и по предписанию, чтоб "только между двух дворов меньше 30 сажен не было, а над двором, где поставлен сарай и похочет кто на тех местах вместо сараев и другое какое строение строить, и то позволяетца"¹⁰⁹. Принятие указа о введении типичного севернорусского жилища было вызвано стремлением администрации переселить крестьян из отдаленных и малонаселенных мест ближе к храму "для крепости православной веры"¹¹⁰. Судя по сохранившемуся чертежу жилище крестьян должно было иметь однообразный вид: иабу, сени, клеть, поставленные в одну линию параллельно реке. Двору отводилось место за жилищем, овинам - дальняя часть огородов.

В документах первой половины XIX века неоднократно отмечается, что в крестьянских усадьбах трехкамерная связь с клетью оставалась "самого старого строения"¹¹¹. В южных уездах она сохранялась в усадьбах с открытым двором. По отношению к улице она могла иметь перпендикулярную ориентацию (старый вид), но чаще всего ее ставили вдоль улицы. В обоих случаях крыльцо и вход в сени размещались в ограде-дворе. Усадьбы подобного варианта в большом количестве сохранились в наши дни на территории бывшего Оханского уезда (Большесосновский, Очерский, Чагинский районы)¹¹².

Усадьбы крестьян северных уездов почти до самого конца XIX века оставались без изменений, их тип был таковым, каким он известен по документам XVII - начала XVIII века. Крытый двор не отделялся от жилища, и трехкамерная связь ставилась исключительно вдоль улицы, крыльцо находилось по фасаду. Новый, покосеобразный, вид усадьбы начали приобретать по аналогии с южным вариантом лишь с 1880-х годов. Но в отличие от южных уездов Среднего Урала здесь еще и в XX веке было немало случаев, когда покосеобразные усадьбы включали не пятистенное жилище, характерное для этого типа усадеб, а прежнее, трехкамерное¹¹³.

В трехкамерном жилище с клетью, удовлетворявшем нужды крестьян на начальном этапе освоения новых территорий, с середины XVIII века клеть заменялась второй жилой избой и даже горницей. Перво-

начально вторые избы появлялись в больших или занимавшихся торгово-ремесленной деятельностью семьях. А.Н.Радищев, следовавший в сибирскую ссылку в 1790 году, счел необходимым дать такую характеристику усадьбам в с.Дубровка Оханского уезда: "... строение: две избы и между их сени. Избы есть по крестьянскому состоянию очень хорошие"¹¹⁴. В прошении в суд крестьянин с.Покча Чердынского уезда в 1798 году указал "строение из избы с горницей и с дворовым пристроем"¹¹⁵.

Некоторые результаты появления второго жилого помещения в крестьянском жилище, отразившиеся в документах конца XVIII - начала XIX века, представлены в табл. 14, 15. По терминологии документов новое жилое помещение, отапливаемое печью с дымоудалением по трубе, навывается "домом" и "домом с пристроем", а старое - "избой". К сожалению, описания усадеб выполнены в большинстве случаев так, что мы не можем установить точное число тех и других вариантов.

Крепостные крестьяне М.М.Голицина, проживавшие в 93 селах и деревнях Кунгурского, Пермского, Соликамского, Чердынского уездов, имели 1145 усадеб (табл. 14). В них 416 жилых строений, или 36,4% общего их числа, объединялись по самой старой схеме - изба, сени, клеть. 424 усадьбы (37%) имели "дом с пристроем", т.е. две белые избы, поставленные в трехкамерную связь или по другую сторону стены старой избы по типу пятистенка. Помимо двух названных типов жилища сохранялись переходные формы. 34 усадьбы (3%) имели "дом", т.е. новую белую избы, сени и старую клеть, а 23 (2%) - две белые избы, сени между ними и клеть рядом с "пристроем" (второй избой). Документы, относящиеся к усадьбам крестьян М.М.Голицина, называют еще два типа жилища - "дом" и "избу", планировочные формы которых установить невозможно из-за отсутствия каких-либо пояснений. Их доля в общем числе описанных усадеб составляет 21,6% (табл. 14). Интересна и география бытования выявленных типов жилища. Трехкамерная связь раннего вида - изба, сени, клеть - отмечена в Кунгурском уезде в с.Кишертском и деревнях вокруг него по р.Сылва, в Пермском уезде в с.Нижне-Муллинском и деревнях вокруг него по р.Кама, в Соликамском уезде в с.Яйвинском и в деревнях по р.Кама (табл. 14). Жилые белые избы преобладали в Пермском уезде по р.Чусовая, Соликамском уезде по р.Яйва, Кунгурском уезде по р.Сылва (табл. 14).

Документ, содержащий комплексную информацию о жилище Северного Прикамья, обнаружен нами в фонде Чердынского уездного суда¹¹⁶.

Таблица 14

Жилище крестьян пермских
владений М.М.Голицына в 1792-1793 годах

Территория	Т и п ж и л и щ а						Всего
	Дом с пристроенным	Дом с пристроенной и клетью	Дом, сени, клеть	Дом	Имба	Имба, сени, клеть	
Чусовские городки с деревнями	108	-	-	45	22	18	193
Усть-Чусовские городки	-	-	-	12	8	47	67
Ловинские деревни	77	-	3	29	1	8	118
Юго-Камские деревни	49	-	-	51	-	-	100
с. Яйвинское с деревнями	70	23	10	3	12	57	175
с. Кишертское с деревнями	59	-	18	14	21	108	220
с. Камасинское с деревнями	42	-	2	-	2	38	84
с. Крыловское	-	-	-	-	4	28	32
с. Нижне-Муллинское с деревнями	3	-	-	1	20	103	127
Лекмортовские деревни	16	-	1	1	2	9	29
ИТОГО	424	23	34	156	92	416	1145
	<i>37,0</i>	<i>2,0</i>	<i>3,0</i>	<i>13,6</i>	<i>8,0</i>	<i>36,4</i>	<i>100</i>

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: ГИМ. Ф.14, оп.1, д.600, 601, 602, 607. Курсивом приведен показатель численности поселений в процентах

В 1825-1827 годах были описаны усадьбы крестьян всех 17 волостей Чердынского уезда, занимавших должности волостных старост, писарей, подушных сборщиков, рекрутских отдатчиков¹¹⁷. Из описанных 115 усадеб в 12 русских волостях (остальные волости населяли коми-пермяки) тип жилища восстанавливается в 76 (табл. 15). Самой распространенной являлась трехкамерная связь с домом-избой, сенями и клетью. На ее долю приходилось 57,9% описанных построек (в 44 усадьбах). Жилое помещение отапливалось печью с дымоудалением по трубе. Усадьбы с подобным жилищем находились в тех волостях Чердынского уезда, которые располагались на важных сухопутных путях и по берегам Камы. Аналогичное связевое жилище, но в старом варианте - изба по-черному, сени, клеть, сохранялось в отдаленных от уездного центра Вильвенской и Юрлинской волостях. Частично оно было представлено и в центральных волостях - Вильгортской и Цидвинской (табл. 15). Таких жилищ мы насчитали 14, или 18,4% общего числа описанных.

Трехкамерная связь нового варианта - с домом (белой избой), сенями, горницей - строилась уже во всех центральных волостях. В 1825-1827 годах их было 11, или 14,5%. В однорядных усадьбах жилище оставалось двухкамерным - изба и сени. В описании их названо 4, это 5,3% описанных. Между двумя типами жилища - новым, включающим дом (избу белую), сени и клеть, и старым, состоящим из избы по-черному, сеней и клетки, - появился промежуточный вариант - изба белая (первоначально сохранялась старая черная изба, в которой над печью устраивалась глинобитная труба), сени и горница (заново построенная белая изба). В документе 1825-1827 годов таких построек упомянуто 3 (3,9% общего числа).

Позднее, как показано в описании с.Серегово Чердынского уезда 1865-1880 годов, такое жилище стало уже преобладающим. Из 77 описанных жилищ в с.Серегово к самому устойчивому типу: "изба белая, сени, клеть чистая с печью - горница" - было отнесено 38 жилищных комплексов, или 49,4% общего числа¹¹⁷. В этом же с.Серегово самое старинное жилище сохранялось в варианте "изба курная (черная), сени, клеть нежидлая"¹¹⁸.

С улучшением материального положения крестьян замена черных изб на белые стала всеобщим явлением с 1880-х годов. Например, по подворной переписи Чердынского уезда 1884-1885 годов курные избы составляли 15% всего жилого фонда¹¹⁹. В начале XX века в д.Нижние Ворцева Чердынского уезда на 32 дома приходилось 5 курных изб¹²⁰. В книжных уездах Среднего Урала, по сообщениям корреспондентов

Жилища русских крестьян
Чердынского уезда в 1825-1827 годах

Волость	Т и п ж и л и щ а						Всего
	Дом, сени, клеть	Дом, сени, горница	Изаба, сени, клеть	Изаба, сени	Изаба, сени, горница	Не уста- новлен	
Анисимовская	5	2	-	-	-	1	6
Вондожская	5	1	-	-	-	1	7
Вильгортская	5	1	2	-	1	2	11
Вильвенская	-	-	6	2	-	-	8
Зелвинская	-	-	-	-	-	9	9
Искорская	7	1	-	-	1	1	2
Мошевская	11	1	-	1	-	1	14
Ныробская	6	-	-	-	-	1	7
Покчинская	2	2	-	1	1	-	6
Пянтежская	-	2	-	-	-	21	23
Цидвинская	3	1	1	-	-	2	7
Юринская	-	-	5	-	-	-	5
ИТОГО	44	11	14	4	3	30	115
	<i>57,9</i>	<i>14,5</i>	<i>18,4</i>	<i>5,3</i>	<i>3,9</i>	-	-

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников: ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.369-378об, 411-430, 487-488, 507-572. Курсивом приведен показатель численности типов жилища в процентах (от числа установленных типов)

Русского Географического общества, они являлись единичными уже в середине XIX века¹²¹, а в Шадринском уезде к этому же времени отмечалось их полное отсутствие¹²².

Аналогичный процесс шел и в городах и слободах Среднего Урала, только начался он значительно раньше и осуществлялся быстрее¹²³. Так, в 1845 году в Пихтовой слободе Соликамского уезда

(воле с.Новое Усолье) из 128 усадеб 43 имели "ивбу с сениями", а 85 - "две ивбы с сениями"¹²⁴.

Архитектурно-конструктивные приемы. Источники середины XVIII - первой половины XIX века дают больше сведений по этой теме, чем предыдущие. Кроме того, документальные показатели мы можем дополнять материалами натурального изучения, полученными в экспедициях.

Как и прежде, крестьяне совершенствовали приемы севернорусской срубной и столбовой конструкции. Наряду с обычными способами соединения бревен в обло (чапу, гнездо) и в пазы столбов все чаще стали применяться сложные способы рубки - в замок, в ладью. Так, в 1824 году в д.Большая Попова Соликамского уезда стояли "против горницы за дорогой два амбара, один рубленой в обыкновенные углы (обло. - Г.Ч.), с перерубом, последний рубленой с ладью в замки с перерубом"¹²⁵.

На севере жилие ивбы продолжали ставить на стойки-столбы, а на юге - на камни. Судя по наблюдениям в полевых условиях и по письменным сведениям 1765 года о домовом строении в селах Романово, Никулинское, Новое Усолье Соликамского уезда¹²⁶ в срубы жилых ивб крестьяне предпочитали класть нечетное число бревен - 13, 15, 17, 19, что, видимо, определялось восприятием нечетного числа как счастливого¹²⁷. Для жилых ивб подбирали самые толстые бревна. В с.Покча Чердынского района ивба конца XVIII века имела венцы диаметром 25-30 сантиметров¹²⁸. Для клетки бревна шли тоньше, так как в зимний период в ней не жили. В д.Москали Чердынского района венцы клетки в трехкамерной связи конца XVIII века имели диаметр 21-25 сантиметров¹²⁹.

Верхние продольные бревна сруба часто выпускали за пределы стен, благодаря чему образовывались повалы-кронштейны. Делались они в практических целях, так как придавали прочность той части крыши, которая формировала глубокий фронтон. На строениях конца XVIII-XIX века, обследованных нами в разных районах Среднего Урала, повалы сохранились в большом многообразии. Некоторым придавали красивую форму путем скругления торцов и нанесения резьбы (деревни Дуброво, Тюлино Соликамского района, деревни Оралово, Сыпучи Красновшерского района). Одновременно повалы-кронштейны служили приемом, создающим плавный переход от бревенчатого сруба к тесовой крыше.

Согласно источникам связевое жилище продолжали закрывать "одною на два ската тесовою крышею" (с.Спасбардинское Кунгурского уезда, 1848 год)¹³⁰ как в северных уездах, так и в южных. Однос-

катные крыши на дворах и навесах, прикрывающие места хранения хозяйственного инвентаря, сохранялись в середине XIX века лишь в южных уездах. О них в документах написано так: "... с задней стороны пристраиваются во всю длину дома с крышею на скат от извонной стены скотный двор" (с.Черновское Оханского уезда, 1849 год)¹³¹, "к дому пристроены: задний двор с теплым омшаником, крытый соломою на один скат" (с.Песчанское Шадринского уезда, 1848 год)¹³².

По-прежнему самыми распространенными были самцово-слеговые (безгвоздевые) крыши на "два коня" - на жилище и хозяйственном дворе. По сообщениям корреспондентов Русского Географического общества и других наблюдателей, такие крыши можно было увидеть не только на старых, но и на новых избах, поставленных вместо курных изб и клетей. Этот прием возведения крыши оставался одинаковым как в северных уездах, так и в южных, осваиваемых русскими переселенцами первого и второго поколений. Автор "Этнографического описания жителей с.Покровского Ирбитского уезда 1849 года" отмечал: "... две избы между собой соединяются сениями, покрываются тесом или драницами, которые снизу поддерживаются желобами, а сверху придавливаются охлупнями"¹³³. Стропильные крыши, пришедшие на смену самцово-слеговым, в источниках первой половины XIX века еще не отмечаются.

В жилище русских крестьян, включая белые новые избы, сохранялись зональные различия высоты подклета, о которых писали по более раннему периоду. В Соликамском и Чердынском уездах пол настилали чаще всего на 5-7-м венце от земли, в Верхотурском - на 4-6-м, а в Осинском - на 3-4-м¹³⁴.

В Северном Прикамье даже в повднем жилище, обследованном в недавних экспедициях, прорубалась стена для входа с улицы в подклет жилища. Входное отверстие закрывалось дверью (д.Ерзовка Александровского района, д.Сим Соликамского района). В этом случае приходилось делать двойной пол. Устройство его нам приходилось наблюдать в 1983 году в д.Гунино Усольского района в жилой избе 1840-х годов, а письменное свидетельство о нем встретилось в договоре 1823 года о постройке дома в с.Черновском Оханского уезда, где устройство пола оговаривалось таким образом: "... полы должны наслатца первоначально... накатные из круглых бревен, а верхние из приготовленного пильного лесу, наслать во всем доме впритес самой хорошей отделки"¹³⁵. Вход в подклет с улицы являлся типичным для севернорусского домостроения. Прием этот на раннем этапе, очевидно, был более распространен, так как высокие избы - "на

вместе", "на подклете" - в Северном Прикамье имели преобладающее раввие.

Пол и потолок в жилище всегда укладывали в одном направлении. "Пол тесовый, потолок бревенчатый", "стены неотесанные" - вот стандартные выражения, употреблявшиеся для характеристики жилища первой половины XIX века. Тесовые потолки и стены первыми начали делать зажиточные крестьяне в белых избах, называемых горницами. Чаще всего пол настилали из тесаных полубревен, позднее - из плах, закрепленных концами в пазах сруба. Для прочности посередине пола подводили поперечное бревно, укрепленное тоже в пазах сруба (рис. 25).

На бревенчатый потолок шли гладкие сосновые и еловые бревна. Между собой они соединялись в паз - "взакрой", торцы крепились на предпоследних - "череповых" - венцах сруба. Бревенчатый потолок посередине поддерживался круглой матицей (рис. 25). Кроме соединения поперечных бревен и плах "взакрой", т.е. при помощи продольного паза на месте их стыковки, существовал еще способ соединения "в шпунт". Шпунтом называли вставленный внутрь того и другого бревна или плахи клин, который не позволял раздвигаться потолку. Этот прием также оговаривался в упоминавшемся договоре 1823 года о постройке дома в с.Черновском Оханского уезда: "... настлать потолки... по названию в шпунт"¹³⁶.

Клетки в середине XVIII - первой половине XIX века имели такой же вид, как и в ранний период. Приведем характеристику самого типичного устройства клеток связевого жилища, которое нами было обследовано в деревнях Нижние Ворцева и Москали Чердынского района в 1975 году.

В д.Москали клетка строилась в конце XVIII века. Она была двухэтажной с поперечным перерубом. В верхнем помещении, близком к сеним, хранили продукты, летом спали, а дальше отводилось для одежды и посуды. Оба помещения освещались волоковыми окнами, прорубленными в середине паза двух соседних венцов, их закрывали задвижными глухими обоконками-ставнями. В дальнем нижнем помещении находился погреб, вход в который был с улицы. Погребная яма закреплялась срубом, на лето она наполнялась льдом. Ближнее к избе нижнее помещение называли мякинницей, так как хранили в нем мякны - корм для скота - и хозяйственный инвентарь. Сюда заходили не с улицы, а со двора, поставленного свади клетки и избы. Стены мякинницы по фасаду набирались отдельно от остального сруба. Уложенные в пазы столбов бревна по мере изгнивания можно было

легко заменять новыми. Межэтажное перекрытие устанавливалось на 6-м венце от земли. По высоте клеть равнялась жилой избе, хотя в ее срубе было уложено 19 венцов, а в избе - 17 (диаметр венцов клетки был меньше, чем у избы).

Аналогичное устройство имела клеть начала XIX века в д. Нижние Ворцева. Только ее нижнее помещение, близкое к сеним, оставалось свободным (на этом месте в клетке д. Москали находилась мякинница). Через него заходили и заезжали с улицы внутрь двора, поставленного вплотную свади. По фасаду это помещение закрывалось широкими воротами. В стене его встраивалась дверь в погреб, находящийся в соседнем нижнем помещении. Межэтажное перекрытие устанавливалось на 10-м венце от земли. Двухэтажные клетки были на 7-8 метров длиннее и на 1,5 метра уже избы. Таким образом, письменные и натурные материалы позволяют говорить о сходстве ранних и поздних типов клеток, удовлетворявших хозяйственные нужды крестьян.

Жилище с высоким подклетом требовало и высоких крыльцов. Наиболее старым типом были столбовые крыльца. Хотя документы фиксировали их неоднократно, устройство крыльцов выявили по тем образцам, что сохранились в усадьбах конца XVIII - первой половины XIX века. В деревнях Нижние Ворцева и Москали самыми выразительными в 1975 году оказались одностолбные крыльца. По фасаду против сеней вкапывался массивный столб. В сквозной паз, выбранный в верхней части столба, вставлялось параллельно срубам избы от 3 до 5 бревен, из которых нижнее, самое короткое, и верхнее, чуть более длинное, с торцов срезались под углом. Они навывались окладницей. Остальные бревна подбирались равными длине крыльца. Вся эта конструкция подчеркивала несущее назначение столба. Площадка на столбе-рундуке с двух сторон ограждалась полубревнами, собранными рубкой в углы, что защищало вход в избу от ветра, дождя, снега. Над крыльцами двускатные крыши образовывали фронтон. Один скат удлинялся и закрывал часть рундука-площадки и лестницу, идущую вдоль жилой избы. Строительство таких крылец под силу было только опытному плотнику, умеющему произвести точные расчеты. Крыльца составляли яркую особенность севернорусского зодчества¹³⁷. Кроме описанных одностолбных крылец были еще крыльца на двух, трех и четырех столбах. В их конструкции раннего периода наблюдалась такая деталь: два угловых (внешних) столба не заканчивались на уровне площадки-рундука, а поднимались почти на высоту стены сеней и служили опорой для крыши-свеса крыльца (деревни Пенково, Полом, Сим Соликамского района).

К архаическим относятся крыльца прирубом, которые получили преимущественное развитие в северных уездах из-за суровых климатических условий. В южных районах Среднего Урала они встретились нам в усадьбах середины XIX века, и только на территории бывшего Оханского уезда (д. Березники Оханского района, д. Лисья Частинского района)¹³⁸. Две стенки крыльца, прикрывавшие вход в сени, ставились на землю. Собирали стенки из тонких бревен или полубревен рубкой в угол - в обло (чапу, гнездо) с остатком (зауголком) или в лапу (пав). Стену, идущую параллельно дому, делали намного длиннее поперечной. Лестница находилась внутри прируба. Сверху крыльцо закрывалось крышей. Типичные образцы таких крылец мы наблюдали в д. Нижние Ворцева Чердынского района и в д. Коченгино Александровского района¹³⁹. О распространении подобных крылец в русских поселениях по рекам Сухоне, Вычегде, Двине, Ангаре писал И. В. Маковецкий¹⁴⁰.

Повсеместное развитие получили крыльца на ряжах. Основание их складывалось из круглых и тесаных бревен от земли и почти до уровня пола сеней. По мере рубки закладывались тесаные полубревна или толстые плахи, и получалась лестница. Площадка таких крылец у крестьян, не имевших достаточного строительного леса, могла быть открытой. Для ее обустройства на внешние углы ставились столбы-балаясины, на которых держалась крыша. Расстояние от столбов до стены сеней забиралось досками, и вдоль стенок крыльца ставились лавочки. В этом случае, как писал в 1848 году в ответе на вопрос анкеты Русского Географического общества П. Первушин из с. Верхне-Чусовские городки, у некоторых жителей "оно представляет вид балкона, где хозяин проводит минуты отдыха"¹⁴¹.

В ряде мест бытовали всякие крыльца, у которых площадка-рундук держалась на выступающих за пределы стены жилища двух балках, поддерживавших пол в сенях (рис. 26). Лестница к ним приставлялась вдоль жилища. За исключением крылец на ряжах, лестницы крылец собирались из ступеней и тетивов-брусьев. Несмотря на многообразие типов крылец, в середине XVIII - первой половине XIX века они имели такую севернорусскую черту, выявленную нами в раннем жилище Среднего Урала, как расположение вдоль стены лестницы от сеней к жилой избе, а не к клети. Поэтому в этнографическом описании с. Верхне-Чусовские городки 1848 года отмечалось: "крыльцо и лестница всегда делаются крутые... подле избной стены, всегда в тетивах, довольно широки"¹⁴².

В отличие от избы и клети устройство сеней в трехкамерной

связи дольше сохраняло архаические строительные приемы. В них рубка стен в обло (чашу, гнездо) сочеталась с вкладкой бревен в пазы столбов. Этот конструктивный прием продолжал упоминаться в документах: "сени забраные в столбы залотом длиной 9, шириною 5 $1/2$ аршина" (д. Нижняя Мемонка Соликамского уезда, 1824 год)¹⁴³; "стопы эти (изба и клеть. - Г.Ч.) связываются между собой бревенчатым или плашинным забором, прикрепленным или в самые углы стоп или в столбы, кои приделываются к их углам. Это пространство составляют сени" (с. Большие Ключи Красноуфимского уезда, 1849 год)¹⁴⁴. Полевые материалы свидетельствуют, что на исследуемой территории широко допускался такой прием: продольные бревна избы или клетки выпускались за пределы сруба на всю ширину сеней и с противоположной стороны их закрепляли в пазы столбов, приставленные к углам. Подобная конструкция стен сеней сохранилась во многих отдаленных местах Среднего Урала до наших дней. Чтобы оба сруба в трехкамерной связи при неравной осадке не отходили друг от друга в равные стороны, их соединяли бревном - "братчиной". Концы бревен по верхним наружным сторонам сеней врезались в углы срубов и закреплялись клиньями.

В крестьянском жилище сени чаще всего сохранялись без потолка. Потолки возводили только состоятельные хозяева. Ширина потолков достигала 3,5-4 метров. Если в трехкамерной связи убирали клеть и ее заменяли второй жилой избой, то в углу сеней обязательно встраивали кладовую - "чулан" для хранения домашних вещей и продуктов. В д. Буланово Сивинского района (бывший Оханский уезд) в жилище 1810-х годов обнаружен такой чулан (рис. 21), конструкции которого служат иллюстрацией тех многих описаний, которые нам приходилось встречать в архивных материалах XVIII века¹⁴⁵. Чулан имеет на полу оклад из толстых брусьев, стенки из досок, закрепленных по углам в пазах косяков, крышу, плотно встроенные двери. Ширина чулана составляет 1,6 метра, длина - 2,05 метра. Чуланы такой конструкции называются "косячатыми"¹⁴⁶.

В документальных материалах середины XVIII - первой половины XIX века часто описывается устройство окон, дверей, ворот. Их конструкции по сравнению с предшествующим периодом не претерпели изменений. Сохранилась и прежняя терминология. Но количественные показатели и соотношение применяемых в одной и той же постройке конкретных типов окон и дверей могут служить показателем культурных запросов крестьян. Особенно ярко это прослеживается на примере окон избы и клетки. Если в раннем русском жилище были однотип-

ные окна - волоковые или колодные, и только у зажиточных крестьян - косячатые, то во второй половине XVIII - начале XIX века в одном жилом помещении могли сочетаться равные виды их.

В д. Большая Попова Соликамского уезда в белой избе XVIII века, в которой "пол, лавки и потолок тесовые", были "два окна косячатые и одно волоковое с окончинами стеклянными"¹⁴⁷. Белая изба XVIII века, принадлежавшая крестьянину д. Средняя Попова Соликамского уезда, имела два окна косячатых, в которых были вставлены "одна окончина стеклянная, а другая слуденая ветхая"¹⁴⁸. Курная изба в этой же деревне имела "одно окно колодное, пять волоковых, без окончин"¹⁴⁹. Косячатые окна, как более совершенные, а в нашем примере еще со стеклом и слудой, являлись принадлежностью белых изб. В курных (черных) избах сохранялись самые архаические волоковые окна. В первой четверти XIX века колодные окна со "стеклянными окончинами" знали уже в отдаленных местах Среднего Урала, например, в Зелвинской, Искорской, Ныробской, Пянтежской волостях Чердынского уезда¹⁵⁰. Но в этом же уезде, еще в более отдаленной Юринской волости, из 7 курных чбс только в одной было 2 волоковых окна и 1 колодное, а в остальных - от 3 до 5 волоковых окон "с брюшинными окончинами"¹⁵¹.

Из описаний 115 усадеб Чердынского уезда, относящихся к 1825-1827 годам, мы извлекли сведения о 179 окнах (табл. 16). В уезде преобладающими оставались волоковые окна - 156, или 87,15% их общего числа. 104 (66,6%) волоковых окна имели "стеклянные окончины", 30 - "брюшинные окончины". А из 23 колодных "со стеклянными окончинами" было 16 (69,6%). В целом "стеклянные окончины" отмечены в 120 окнах, что составляло 67% их общего числа.

Натурное изучение сохранившихся построек и описательные материалы позволяют рассмотреть расположение окон в жилых избах первой половины XIX века. В традиционной жилой избе окна располагались только на двух стенах - тех, что соединялись в переднем углу. Их могло быть по 2 или 3. 3 окна устраивали преимущественно в стене, находящейся против входа в жилище. "Избы на три окна в улицу" преобладали, например, в 1850 году в с. Чьстинском Оханского уезда¹⁵².

Переоборудованные из черных белые избы, которые нам приходилось обследовать в д. Москали Чердынского района, д. Буланово Сивинского района, первоначально имели по 2 волоковых окна на каждой стене переднего угла (в д. Буланово на каждой стене сохранилось только по одному такому окну, см. рис. 21, 23, 24). Об этом

Конструкции окон в 115 усадьбах
русских крестьян Чердынского уезда в 1825-1827 годах

Тип окна	Количество окон				
	В избе	В горнице	В келти	Всего	
				абс.	%
ВОЛОКОВОЕ					
стеклянные					
окончины	96	-	8	104	66,6
брюшинные	30	-	-	30	19,3
слюдяные	2	-	-	2	1,3
деревянные					
обоюнья					
(тип оконницы					
не определен)					
Всего	11	-	9	20	12,8
	139	-	17	156	100
КОЛОДНОЕ					
стеклянные					
окончины	14	-	2	16	69,6
брюшинные	3	-	-	3	13,0
слюдяные	1	1	-	2	8,7
без укаваний					
оконниц	-	-	2	2	8,7
Всего	18	1	4	23	100
ИТОГО	157	1	21	179	100

Примечание: Таблица составлена по данным следующих источников:
ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.369-378об, 411-430, 467-488, 507-572

же писал В.Ф.Бурдин из с.Большие Ключи Красноуфимского уезда в ответе на вопрос анкеты Русского Географического общества в 1848 году: "... окон в избах бывает от двух до четырех... больше бывает колодных - малые с задвигающимися внутри ставнями"¹⁵³. В белых избах конструкции окон и их расположение приобретают иные черты. Чаще встречаются колодные и косячатые окна. Если на стене находилось 3 волоковых окна, то среднее делали более широким. В него вставляли четыре косяка и раму со стеклом. Именно такие окна представлены в некоторых описаниях старых изб, на фотографиях, запечатлевших избы XIX века, а также обнаружены при натурном изучении бывших курных изб начала XIX века¹⁵⁴ в д.Сайгатка Чайковского района (бывший Осинский уезд), д.Буланово Сивинского района (бывший Оханский уезд) (рис. 23, 24).

Допускался и такой прием: в середине стены между двумя небольшими окнами прорубалось большое третье. В нем находилась рама со стеклом, а в волоковых - "задвигающиеся внутри ставни" (с.Покровское Ирбитского уезда, 1849 год)¹⁵⁵. В новых (белых) избах устраивали с двух сторон от переднего угла по 2 больших косячатых окна, а состоятельные ховяева - и по 3.

Для дымоудаления в черной (курной) избе прорубалось окно ниже потолка в стене, обращенной в сени. В сенях от этого окна "сквозь крышу дома проводилась дымова труба, над которой возвышалась надстройка под вид скворечника" (Юрлинская волость Чердынского уезда, начало XX века)¹⁵⁶. Остатки такого дымоволока нам приходилось видеть в некоторых бывших курных избах Прикамья. В д.Буланово Сивинского района (бывший Оханский уезд) дымное окно избы 1810-х годов имело длину 90 сантиметров, а высоту - 28, вытяжка дыма осуществлялась по трубе, вырезанной из ствола дерева¹⁵⁷. Другая система дымоудаления - через отверстие в потолке, свойственная черным избам у финно-угорского населения Европейского Севера¹⁵⁸, у русских крестьян Среднего Урала не встречалась.

Интерьер жилища. Внутренняя планировка русского крестьянского жилища отражает существенные этнические прививки, поскольку хранит многие формы и элементы культуры со времени формирования этнических и этнотерриториальных групп народа. Из четырех типов общерусского внутреннего плана жилища, выделенных по положению печи

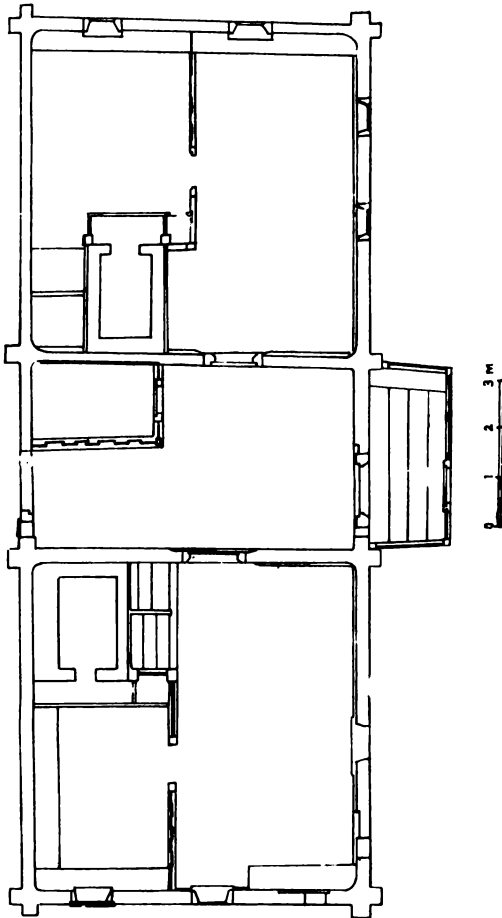

Рис. 2.1. План изб, построенных в 1810-е (слева) и 1870-е (справа) годы в д. Буланово Оханского уезда (в настоящее время Синский район Пермской области). Между izbами сени с чуланом. Архитектурно-этнографический обмер 1990 года

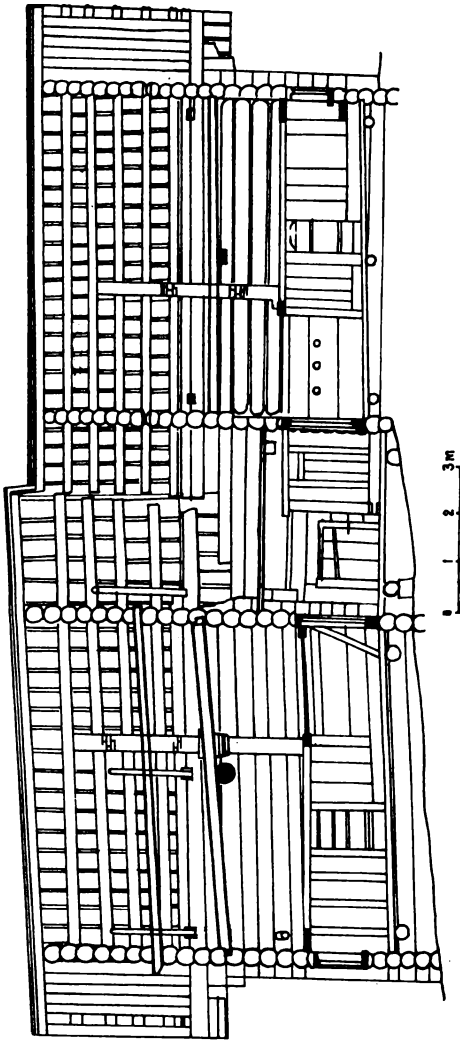

Рис. 22. Конструкции изб (разрез по вертикали) в д. Буланово Оханского уезда. 1810-е, 1870-е годы. Архитектурно-этнографический обзор 1990 года

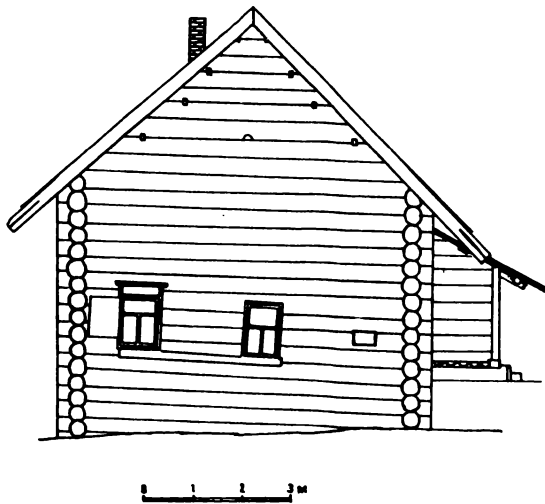

Рис.23. Южный фасад курной избы 1810-х годов в д.Буланово Оханского уезда. Справа сохранилось волоковое окно. К боковой стене пристроено крыльцо. Кровля крыши неоднократно перестраивалась. Утрачены курицы, охлупное бревно с коньком, дымник ("дымарь"), желоба, причелины. Курная изба в недавнем прошлом была окружена такими же старыми избами и вместе с ними составляла величественный ансамбль. Архитекгурно-этнографический обмер 1990 года

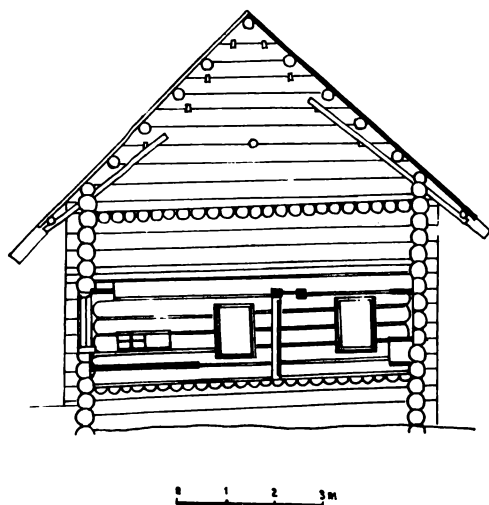

Рис.24. Интерьер курной избы 1810-х годов в д.Буланово Оханского уезда. Вид на южную стену. Справа помещение для кухни ("куть", "середи"), слева передний угол с волоковым окном, закрываемым сдвижным деревянным "обоконьем". Второе волоковое окно находится в этом же углу на восточной стене. В конструкции крыши сохранились элементы безвозвальной конструкции (бревенчатый фронтон, продольные сгни, курицы). Архитектурно-этнографический обмер 1990 года

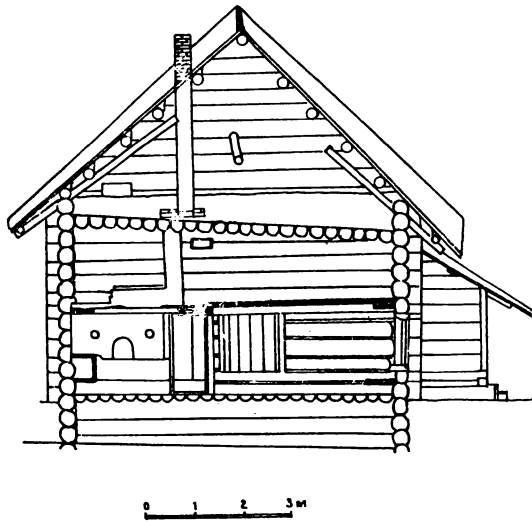

Рис.25. Интерьер курной избы 1810-х годов в д.Буланово Оханского уезда, топившейся "по-черному". Вид на северную стену. Слева русская печь, справа подполатный угол. В стене ниже потолка сохранилось окно для удаления дыма. Изба была переделана на "белую" в 1899 году. Выше входной двери устроены полаты. Архитектурно-этнографический обмер 1990 года

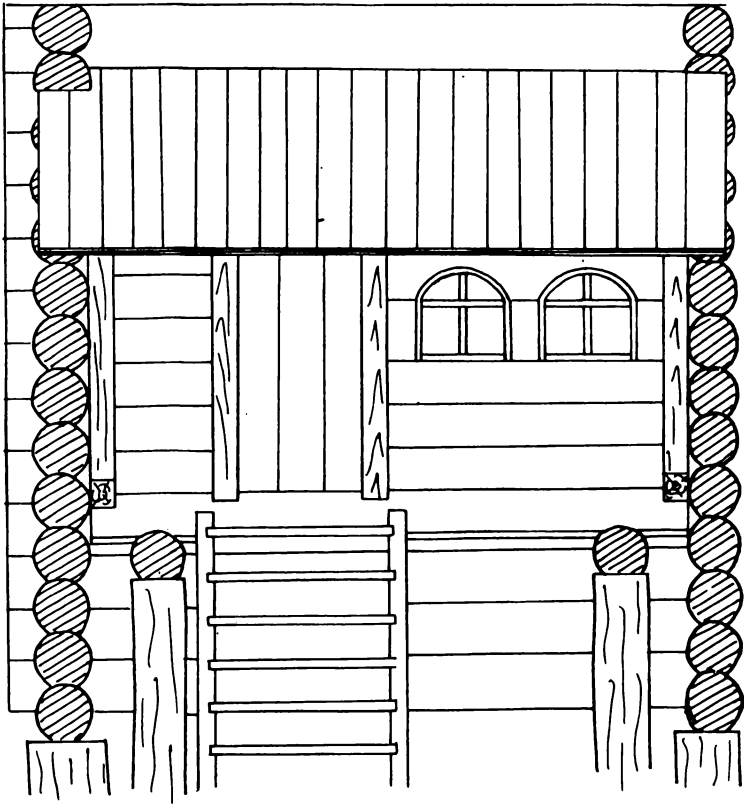

Рис. 26. Крыльцо у домов 1810-х, 1870-х годов в д. Буланово Оханского уезда. Вид с восточной стороны

и переднего (парадного) угла, на Среднем Урале получил развитие и стал господствующим северно-среднерусский. Он известен по всему Европейскому Северу, в районах Верхнего и Среднего Поволжья. Границы его распространения совпадают с ареалами бытования других культурных традиций и диалектов¹⁵⁹. С самого начала заселения исследуемой территории в русском крестьянском жилище расположение элементов интерьера приобретает устойчивые черты. Они принципиально не менялись и в белой избе, заменившей курную (черную). Устойчивой оказалась и терминология жилища.

Среднеуральская крестьянская изба обустроивалась так, что в ней выделялись четыре сектора с определенным назначением: подпорожье (подполотный, дверной или задний угол), передний (красный, чистый) угол, кузь (середа) и печной угол. Печь и передний угол находились по диагонали. На эту ось была ориентирована вся обстановка жилища. Глинобитную печь (по терминологии XVIII-XIX веков "битая", "хрящевая" печь¹⁶⁰) ставили слева или справа от входной двери и устьем-шестком обращали к противоположной от входа в избу стене. Печь занимала почти четверть жилого пространства. В д. Буланово Оханского уезда в курной избе 1810-х годов, имеющей длину 7,2 и ширину 7,1 метра, размеры печи составляли 2,7 (длина) и 2,1 (ширина) метра (рис. 21, 22). Габариты печи увеличивались за счет сбоку пристроенных западни и лавки-гольца шириной 0,85 метра¹⁶¹. Высота печи достигала 1,6 метра при высоте всей избы 3,3 метра (рис. 22). Корреспондент Русского Географического общества В. Прибылев в 1850 году писал, что крестьяне Камышловского чведа имели в жилой избе "большую стряпущую печь, на которой может лежать удобно пять человек"¹⁶².

От внешнего угла печи в двух направлениях устанавливались брусья. Их противоположные концы вставлялись в пазы, вырубленные в стенах. На брус перед входной дверью настилались полаты, а два бруса, уложенные параллельно друг другу на расстоянии до 50-60 сантиметров образовывали так называемую грядку для хранения кухонной утвари. Было закономерно устанавливать полаты, полицы, грядки-полки на одном уровне от пола. В курных избах этот уровень мог приходиться на середину высоты жилого пространства. Так, в обнаруженной нами в д. Буланово (бывший Оханский уезд) избе 1810-х годов расстояние от пола до полатей, полиц и грядки равнялось 1,6 метра, а выше их стены продолжались еще на 1,6 метра (рис. 22).

Угол перед печью использовался в кухонных целях. На Среднем Урале его называли кутным, кузь или середа. У стен стояли "кутные

лавки". На одной из них, у печи, находился завадок, который, по словам наблюдателя, "делается на лавке подле печи длиною в аршин или полтора, вышиною в три четверти, с затворкою во всю его длину, навешиваемую одним концом к стояку онаго" (с.Верхне-Чусовские городки Пермского уезда, 1848 год)¹⁶³. Он использовался для хранения кринок с молоком, посуды и "для стряпни на нем". В некоторых кутных углах оборудовались залавки под лавками для охлаждения молока. Хозяйкой кутного угла являлась женщина. На Среднем Урале такие залавки называли по-старому "судна", "судница" (от посуды).

Передний угол, всегда сориентированный на солнечную сторону, навывали еще чистым, красным, почетным и святым. Непременная его принадлежность - иконы, установленные на обычной полочке или в шкафу-божнице, и обеденный стол. "Эта часть избы, - сообщалось в ответе на вопрос анкеты Русского Географического общества, - для богомолья и трапезования, всегда держиться в чистоте, всегда моется из чистой посуды. Посадить гостя в передний угол - значит сделать ему особенное почтение" (с.Верхне-Чусовские городки Пермского уезда, 1848 год)¹⁶⁴.

Подполатный угол служил хозяйственным целям. Здесь мужчины занимались ремеслом, хранили инструменты, заготовки для домашней утвари. Тут же постоянно находился рукомойник с лоханкой и кадка с мякинами или запаренным сеном для скота.

Над окнами по уровню полатей и грядок приделывали полицы, а ниже окон вдоль стен устанавливали две широкие лавки. Боковая лавка считалась мужской, а передняя, проходящая и в кухню, - женской. Полицы и лавки соединялись в переднем углу, и поэтому его называли еще "сутками", "суточным". Мужчины и женщины выполняли хозяйственные дела на своих лавках. Кроме того, лавки закреплялись за мужчинами и женщинами в различных ритуальных обстоятельствах¹⁶⁵.

Стены между лавками и полницами вытесывались, углы скруглялись. В этом варианте середина стены, т.е. средний ярус интерьера по вертикали, являлась самой освоенной (рис. 22, 24, 25). Позднее именно эта часть стен получала многоцветную раскраску¹⁶⁶.

Следует считать более ранним вариантом интерьера тот, в котором печь располагалась не справа, а слева от входа. В такой избе можно участвовать в молении, соблюдая правило, заведенное с давних пор: по отношению к иконам мужчины должны находиться по правую сторону, а женщины - по левую. В этом варианте избы мужчины окажутся у своей боковой лавки, а женщины - у женской. Известно,

что использование старообрядцами обычных изб как моленных, требовало разделения помещения на две части. Очевидец, в 1867 году побывавший в старообрядческой моленной избе в д.Роща Урминской волости Кунгурского уезда, писал: "Здание, в котором было моление, расположено в следующем порядке: дом из двух связок, одна половина старая трех саженей в квадрате, другая новая, нежилая, их разделяют сени, в первой помещается моленная, в ней одна стена уставлена иконами, посередине комната разделена холстом, на правую сторону были мужчины, а по левую женщины, перед иконами горело свеч желтого воску штук до 20-ти, против икон устроено было в виде налоя, закрыто пеленой, где лежали книги"¹⁶⁷.

Некоторые полевые материалы дают повод говорить о наличии в жилище русских крестьян Среднего Урала отдельного помещения, называвшегося шомнушей (иногда запечьем). Ряд исследователей народного жилища русских крестьян Европейского Севера считают шомнушу принадлежностью курных (черных) изб¹⁶⁸. В избах середины XIX века в д.Демино Чердынского района (бывший Чердынский уезд), д.Гунино Усольского района (бывший Соликамский уезд) за печкой и кутным углом выделялось небольшое по ширине, но равное длине избы помещение, которое использовалось для хранения продуктов и посуды¹⁶⁹. В избе д.Демино эта часть отделялась от печи и кухни бревенчатой стеной, а в д.Гунино - дощатой перегородкой. Вход в обоих случаях был из кути. Шомнуша считалась дополнительной комнатой хозяйки. В д.Гунино шомнуша имела более архаические черты. Она была узкой - всего 1 метр в ширину. В ней отсутствовала печь, потолок и верхние венцы стен набирались из круглых бревен. Вдоль стен находились полки. В д.Гунино это помещение хозяйка называла не только клетушкой, но и старинным севернорусским словом "шомнуша". О степени распространения шомнуши в крестьянском жилище Среднего Урала судить невозможно, так как подобные сведения в письменных источниках не обнаружены, а полевые наблюдения слишком фрагментарны. В старинных поселениях бывших Пермского и Оханского уездов, где проводились неоднократно экспедиционные работы, приходилось видеть изолированное от кухни помещение, именуемое "кавенкой". Оно обогревалось стенкой русской печи или имело камин с плитой. Здесь хранили одежду, постель и совершали некоторые ритуальные действия. Например, И.Назукин, оставивший нам подробное описание свадебного обряда обвинских крестьян Пермского уезда в 1875 году, счел нужным отметить: "... невеста в это время тайком от гостей в кавенке той же избы... переодевается"¹⁷⁰. Местонахождение кавенки

и шомнуши в избе совпадает. Возможно, более чистое помещение в избе (кавенка) появилось взамен шомнуши, когда хояевам хотелось предоставить некоторым членам семьи (чаще всего молодым или старым) изолированную комнату.

Изменения в традиционном интерьере происходят в связи с приспособлением курных (черных) изб под белые и возведением "чистых" изб, в которых дым не выпускался в жилое помещение. Фактический материал показывает, что смена традиционных элементов в интерьере раньше всего началась в экономически развитых крестьянских хозяйствах, в районах, где население обладало расширенными производственными связями. Этот процесс стал длительным, вплоть до 1920-х годов. Поэтому во время полевого изучения русского народного жилища в 1970-е - 1990-е годы приходилось видеть много его переходных форм.

Приспособление старой избы под белую начиналось с установки печной трубы, по которой дым выводился наружу через чердак. Известны случаи уже по первой четверти XIX века, когда не только в центральных, но и в отдаленных районах Среднего Урала выводные трубы делали не только глинобитные, но и из кирпичей. В избах поселений, связанных с заводской жизнью, над шестком (устьем) печи устанавливался "железный кожух на железной полосе" (Соликамский уезд, 1827 год)¹⁷¹.

Спуск в подклет-голбец через пристроенный шкаф со стороны входной двери заменялся сдвижной западней - "обоконом", встроенным на этом же месте в деревянный короб высотой от пола 30-40 сантиметров. Над западней на уровне высоты печи встраивалась широкая лавка, которую называли верхним голбцем. На западне и голбце спали. От печи к полатам настилали возле брус широкую доску в наклонном положении, по которой залезали дети с печи на полати. Она называлась ленивкой. Позднее, когда печь выдвинулась из угла, вход в подклет-голбец перенесли в запечь.

Грядка из брусьев заменялась полкой, собранной из трех досок: по одной снизу и сверху, третья сбоку, обращенная к переднему углу избы. Куть (середка) прикрывалась со стороны переднего угла занавесом, а впоследствии дощатой перегородкой, в которую состоятельные хояева встраивали шкаф и дверь (рис. 21, 22).

Судя по приведенным материалам, этапы развития жилища непосредственно связаны с его обустройством.

Горницы как чистые и парадные помещения отапливались обычной глинобитной, а ближе к городам и горнозаводским центрам - уже

кирпичной печью. Местонахождение печи и ориентация ее устья (шестка) оставались такими же, как и в старой избе. У крестьян отдаленных мест горницы сохраняли многие элементы основной избы - полаты, лавки, полицы (например, в Юрлинской волости Чердынского уезда¹⁷², Красногорской волости Верхотурского уезда¹⁷³), а в экономически развитых районах они приобрели иной вид. Так, в описании Тагильской слободы 1848 года сказано: "В горнице нет полатей, у печи нет голбца"¹⁷⁴. В с.Копально Пермского уезда "горницы отличались от избы тем, что бывают оштукатурены или обиты обоями, на стенах зеркала, картины, а сиденьями служат стулья и конопели - крашеная скамья с решетчатой спинкой"¹⁷⁵. В с.Верхне-Чусовские городки по сведениям 1848 года горницы в сравнении с избами не имели полатей, голбца и полиц, стены и потолок обшивались досками или оклеивались обоями. Печь ставилась не в углу, "а несколько поодаль от него"¹⁷⁶. По местонахождению печи помещение разделялось перегородкой на две половины - "собственно так навываемую горницу и кавенку"¹⁷⁷. В данном случае горницей названа та часть помещения, которая обращалась к улице. В ней окна были больше, чем у обычной избы, по обе стороны от икон размещались картины религиозного и исторического содержания, в простенках висели уворчатые полотенца. Стол, лавки и окна окрашивались красной охрой. В заборку встраивался шкаф с застекленной верхней частью для посуды, предназначенной для праздников. Возле печи стояли скамья с решетчатой спинкой и несколько стульев¹⁷⁸. Горницы использовались редко, особенно в зимнее время, их отапливали к праздникам и по особым случаям.

Закономерно, что пятистенок, заменивший связевое жилище, на первых порах сохранял интерьер прежнего, традиционного вида, описанного нами ранее. В этом случае, когда одну избу в пятистенке отводили под горницу, вместо русской печи могла появиться печь-голландка, неподвижная пристенная обстановка заменялась подвижной мебелью и полаты убирались¹⁷⁹.

С появлением белых изб и горниц в интерьер вводилась не только однотонная покраска мебели, заборки, припечных досок, стен, потолков, но и их многоцветная кистевая роспись, получившая наибольшее развитие в конце XIX - первой четверти XX века¹⁸⁰.

Крытые дворы сохранялись в усадьбах середины XVIII - первой половины XIX века в прежнем виде. Они вплотную пристраивались к связке жилища. Различия у них проявлялись в размерах. В важиточ-

ных ховяйствах крытые двory строили высокими, по длине равными жилищу. В дальней нижней части их находились теплые хлевы, стаи, а наверху - сеник или поветь (повить) для сена, ховяйственного инвентаря и ларей, в которых хранили муку. По бревенчатому наклонному ввозу на двory завезжали на лошадях с сеном и прочим грузом. Пространство от хлевов до жилища оставалось холодным. Сюда в теплое время выводили скот, здесь хранили инвентарь и выполняли разнообразные ховяйственные работы. Некоторые крестьяне северных уездов устраивали в этой части двора ручные мельницы. Работу одной такой мельницы нам приходилось наблюдать на усадьбе первой половины XIX века, обнаруженной в д. Нижние Ворцева Чердынского района (бывший Чердынский уезд) в 1975 году. На дне дощаного короба, установленного на столбах, лежал в неподвижном состоянии массивный каменный жернов. Верхний жернов, положенный на нижний и закрепленный в середине на выступающем железном штыре, вращался при помощи палки, один конец которой вставлялся в отверстие на краю жернова, а другой - в доску, установленную над мельницей.

Хлевы и углы повети рубились в обло (чашу, гнездо) с зауголками-выступами, но некоторые стены двора могли собираться в заплот. Широкие стены двора удерживались в неподвижном состоянии столбами с боковыми пазами, подведенными под князьковые бревна или слегы крыши. Под князьковое бревно подводились столбы и внутри двора. В деревнях Медведица, Русиново Чердынского района приходилось видеть архаические детали таких столбов: в верхней части они имели крюки, вырезанные из ствола и сучьев, на которые укладывалось князьковое бревно. Двускатные крыши дворов собирались с элементами самцово-слеговой конструкции.

Производственно-ховяйственные постройки. Для нормальной жизнедеятельности крестьян помимо крытого двора необходимы были еще некоторые ховяйственные постройки. Сельскохозяйственный комплекс включал овины, гумна, мельницы, амбары.

Овины и гумна размещались чаще всего на полях на окраине поселения, но в ряде мест (Осиинский, Оханский, Красноуфимский уезды) - на усадебном участке. В северных уездах преобладали двухэтажные срубные верховые овины. Каменка ставилась на землю посередине нижнего сруба, над которым находился второй сруб значительно большей высоты. Нижний сруб называли "теплицей", а верхний - овином. Между этажами из круглых бревен настилался пол - подовин. С одной или одновременно с двух сторон нижний сруб делался шире

верхнего, для того чтобы в образовавшемся отверстии устроить паухи - проходы для горячего воздуха в верхнее помещение. По этому признаку различали одно - и двухпаушные овины.

В верхнем срубе над полом на высоте до одного метра настилали в один или два ряда жерди - колосники, на которые клали снопы вниз колосьями, если зерно предназначалось для муки, и вверх колосьями, если зерно использовалось для посева. В верхней части овина, чуть выше пола, прорубалось небольшое окно, через которое закладывали ("садили") и выбрасывали снопы. Сверху овин закрывался только одной крышей. Второй тип овина, известный в южных уездах Среднего Урала, назывался земляным или ямным. Он отличался от описанного только тем, что у него нижний сруб с каменкой опускался в землю. В Чердынском уезде были известны овины более старой конструкции, в них отсутствовал паук и горячий воздух проходил напрямую через снопы¹⁸¹. Верховые и ямные овины встречались с давних пор у русских крестьян Среднего Урала, оставались они самыми распространенными и на Европейском Севере¹⁸². Приемы их возведения, как и домостроения, внедрялись русскими переселенцами на раннем этапе миграции. Так, в 1668 году ямные овины в д. Полетаево Кунгурского уезда сооружались крестьянами, только что пришедшими из-под Великого Устюга: "... под стену овинную яму выкопал", "овин на той своей яме ставил"¹⁸³.

Гумно для обмолота снопов находилось рядом с овином. Оно могло быть срубным, заплотно-столбовым, с крышей, покрытой драницами, жердями и соломой. Землю, на которой молотили, засыпали глиной, утрамбовывали и поливали водой. Место, на котором молотили цепями вручную в зимнее время, называли долонью. В южных уездах Среднего Урала для обмолота снопов настилали деревянный пол.

В середине XVIII - первой половине XIX века у русских крестьян Среднего Урала продолжали преобладать водяные мельницы двух типов - мутовки и колесные. Колесные подразделялись на наливные и почвенные ("пошвенные").

С мутовками дольше всего не расставались крестьяне северных уездов - Верхотурского, Соликамского, Чердынского. В Чердынском уезде на рубеже XVIII-XIX веков насчитывалась 231 мельница, из которых 205 были мутовками¹⁸⁴. В этом же уезде земская подворная перепись 1880-х годов отметила из 692 мельниц только 66 колесных¹⁸⁵. В Кунгурском уезде в 1804 году из 66 мельниц 59 были колесными наливными, имеющими по две-три пары жерновов¹⁸⁶. В Чердынском уезде зерно мололи для себя, а не на продажу, поэтому и

сохранялось много менее производительных мельниц-мутовок. В южных уездах, где сложились крупные центры товарного мукомольного производства, например в Кунгурском уезде, возникла необходимость в более мощных колесных мельницах.

Несколько мельниц-мутовок, возведенных в первой четверти XX века, нам удалось обследовать в Александровском, Соликамском, Усольском, Чердынском районах (бывшие Соликамский и Чердынский уезды), так как ими пользовались еще в 1950-е годы. Устройство их выглядело таким, как его описывали еще в XVII-XVIII веках. В зависимости от предполагаемой мощности потока воды мутовка имела от одного до трех поставов (мельничных агрегатов). Сруб из цельных бревен или полубревен рубился в обло (чашу, гнездо) с остатком и закрывался односкатной крышей. Половину внутреннего помещения занимали поставы. Основа их - бревно стояк ("веретено"), устанавливалось оно в вертикальном положении так, что нижний конец его с лопастями-перьями находился под полом в воде. Поток воды, направляемый по желобу, ударял по лопастям, и бревно приходило в движение. Именно такой конструктивный прием и дал название мельнице. Она ассоциировалась с мутовкой, изготовленной из ствола дерева с короткими сучьями, ею крестьяне сбивали масло и размешивали пищу. На верхней части бревна, выступающей из-под пола, на специальной широкой лавке устанавливались два каменных жернова. Нижний оставался в неподвижном состоянии, а верхний вращался на бревне-веретене. Из подвешенного короба-житника зерно сначала сыпалось в деревянное корыто, а оттуда - в отверстие верхнего жернова. Чтобы зерно поступало равномерно, рядом с корытом укреплялась в свободном наклонном положении палка, ее нижний конец лежал на верхнем жернове. От вращения жернова палка приходила в движение и встряхивала корыто. Мука сыпалась в ларь, установленный ниже жерновов. Останавливали мельницу деревянной заслонкой, которой перекрывали поток воды.

В колесной мельнице жернова приводились в движение бревном-валом, вставленным в колесо с лопастями-перьями. В колесной наливной мельнице, которая являлась самой производительной, колесо приводилось в движение водным потоком, направляемым из пруда на верхние лопасти-перья. В колесной почвенной мельнице поток воды шел снизу, по земле-почве. На колесных наливных мельницах крестьяне намолачивали в год более 10 тыс. пудов муки.

Для хранения зерна и муки строили амбары-житники (житницы). Повсеместно они были срубными, в северных уездах - на стол-

бах. Для спасения продуктов от грызунов столбы в средней части затесывали в прямой угол. Выступающий со стороны двери помост ("пятра") и нависающий сверху фронтон обеспечивали удобства при пользовании такими амбарами. Выражения "амбар на погребе", "напогребная клеть", "напогребница", часто встречаемые в документах XVIII - первой половины XIX века, указывают на то, что в этом случае совмещались две постройки: погреб находился внизу (на земле и в земле), а клеть, амбар - сверху. В полевых материалах есть примеры (Соликамский уезд), когда сруб погреба переходил в сруб амбара, причем верхний сруб с одной стороны выпускался за пределы нижнего, благодаря чему обеспечивалась постоянная просушка помещения амбара-клетки. В первой половине XIX века состоятельные крестьяне имели амбары с перерубами, т.е. двойные. Стеной с двумя и длинным свесом крыши они обращались к жилой избе.

Среднеуральские крестьяне не могли обходиться без рассадников. Сруб в три-четыре венца устанавливался на четырех столбах или на ряжах. Внутри насыпалась земля для выращивания рассады овощей. Такими рассадниками широко пользуются в наши дни.

В северных таежных местах важным занятием крестьян издавна была охота и рыболовство. Уходили в тайгу на 50-100 километров от жилья. В центре охотничьих угодий выбиралось место для становой - сезонных поселений. Здесь ставилась избушка в 5-7 венцов размером не более 4 x 4 метра, на мху, с бревенчатым потолком, односкатной или двускатной крышей. Внутри делали печь и нары для спанья. По охотничьему маршруту - путику - там, где приходилось заночевать, строили более примитивные избушки, чем на становях. Они были в 4-5 венцов, с низкими дверями, через которые приходилось вползать. Обогревались глинобитным очагом, дым выходил в дверь.

На становье, кроме избушки, сооружалась еще чамья. Сруб в 3-4 венца размером не более 2 x 3 метра ставился на один или четыре столба высотой до 3 метров. Сверху чамья закрывалась драицами со скальем (берестой) на один скат. Через отверстие в полу заносили продукты, шкуры и мясо убитых животных. К отверстию в полу приставлялась лестница. Когда ее убирали, все содержимое чамьи пребывало в полной безопасности от хищных зверей и птиц. Если чамью не удавалось построить, то охотники сооружали лабаз. На высокий пенек насаживали крестовину из плах, на ней оборудовали площадку, на которую складывали шкуры, мясо. Сверху закрывали берестой.

Рыбачьи избушки почти не отличались от охотничьих, но если им угрожал разлив реки, то их ставили на столбы.

Таким образом, приведенный материал о жилых и хозяйственных постройках позволяет выявить существенные особенности формирования русских крестьян Среднего Урала и их культурно-бытовые традиции. Преобладание севернорусской строительной культуры было вызвано интенсивным заселением среднеуральской территории выходцами из районов Европейского Севера, где к моменту ухода крестьян и посадских людей завершилось образование комплекса, названного этнографами севернорусским. Русское население, пришедшее на Средний Урал, гибко приспособляло принесенную строительную культуру к местной природной специфике, хотя она и мало (особенно в северном регионе) отличалась от той, где выросло первое поколение новоприходцев. Это проявилось в единстве постановки жилища и крытого двора; обращении фасадов жилища на реку и улицу; размещении клеток в связке с жилой избой, а не на верхнем ярусе двора; распространении трехкамерной связи сначала в сельском, а потом и в слободском, городском и заводском жилище; устройстве подклетов и высоких крылец в северном регионе и низких в южном.

На Среднем Урале длительное время прослеживались ранние севернорусские традиции: типы усадеб и жилища, рубка стен, высота подклетов и крылец, двухъярусность двора, самцово-слеговые крыши с зооморфной символикой, крыльца на столбах, ряжах, прирубом и с лестницей вдоль стен, типы и конструкции построек, связанные с сельскохозяйственным, охотничьим и ремесленным занятием. Приобрела устойчивость и севернорусская строительная терминология. Домостроительные традиции Русского Севера не исчезли в момент, казался бы, подходящий для их замены, когда курные (черные) избы сменили белые, появились горницы, а еще позднее - пятистенные избы, когда распространились в некоторых районах условия жизни, близкие к городским и заводским. Многие из традиций продолжали бытовать и в XX веке, поэтому так много для их понимания дали полевые исследования последних десятилетий.

Важную роль в познании этнокультурной истории играет изучение интерьера крестьянского жилища. Исследования, проведенные с привлечением этнографических, диалектологических, антропологических, фольклорных источников, показали, что заселение русскими Европейского Севера произошло в результате двух миграций: русские из Новгородской земли осваивали север-западное Поморье, а из Росто-

во-Суздальской - центральное и восточное¹⁸⁷. Территории, охваченные этими потоками миграций, приобрели своеобразные историко-культурные черты, в том числе и связанные с интерьером жилища. Для русских в районах Заонежья (а также карел), Северного Поморья типичными стали ориентация печи устьем к боковой стене избы, отсутствие податей и расположение переднего (красного) угла у фронтонной стены¹⁸⁸. К востоку от Заонежья строили избы с другой планировкой: устье печи обращалось к противоположной от входа стене; передний угол находился напротив печи по диагонали; полаты стали обязательной принадлежностью; кухне (кути, середе) отводилось место перед печью. Зная особенности интерьера русского крестьянского жилища Среднего Урала, которые были свойственны ранним курным (черным) избам и сохранились в белых избах, следует признать, что в миграционном потоке на среднеуральские земли участвовало русское крестьянство и посадское население, ведущее ростово-суздальское происхождение.

По отношению к ростово-суздальской земле среднеуральский регион выступал ареалом более позднего заселения, чем территории к востоку от Онежского озера и р.Онеги, по Сухоне и верховьям Северной Двины. Особенности интерьера среднеуральского жилища свидетельствуют о важном обстоятельстве освоения русскими многих среднеуральских территорий - о преобладании не новгородского, а ростово-суздальского, называемого еще в литературе низовским, миграционного потока переселенцев. Но этот миграционный поток, как нам известно, шел не напрямую из ростово-суздальских земель. Сначала ростово-суздальцами ("низовцами") заселялись и обживались северодвинские земли, а потом часть населения мигрировала на Средний Урал. Кстати, по этой причине на Среднем Урале, даже в его раннем русском старожильческом районе - Северном Прикамье, чрезвычайно ограниченное распространение имела былинная поэзия, которую, как показали исследования фольклористов, в отличие от новгородцев и вышедших из них на Русский Север мало знало (а по мнению некоторых авторов, и не знало) население тех мест Северо-Двинского бассейна, которые заселялись ростово-суздальцами¹⁸⁹.

Миграции населения из Волго-Вятского региона не закрепили в южных уездах Среднего Урала среднерусские строительные традиции. И в южных лесостепных территориях до середины XIX века преобладающими оставались севернорусские приемы. Процесс нивелировки особенностей северной и среднерусской строительной культуры хотя и начался в середине XIX века, но активно пошел с конца XIX века.

Нововведения, осуществляемые в традиционных формах, свидетельствовали о стремлении усовершенствовать усадебные комплексы тем крестьянством, которое обладало экономически развитым хозяйством и поддерживало связи с торгово-ремесленными и горнозаводскими центрами.

---

¹ Чагин Г.Н. Усадьбы русских крестьян Северного Прикамья (XVII - начало XX века) // СЭ. 1978. №6. С.86-98; Он же. Деревянное зодчество Строгановских земель Прикамья XVII века // Строгановы и Пермский край. Пермь, 1992. С.99-106; На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989. С.94-143.

² РГАДА. Ф.615, оп.1, д.5087, л.2об-10.

³ АГО. Р.29, оп.1, д.12, л.2об.

⁴ ГАСО. Ф.2266, оп.1, д.593, л.2.

⁵ РГАДА. Ф.615, оп.1, д.10425, л.44об.

⁶ ГАПО. Ф.15, оп.1, д.405, л.2об-4.

⁷ Полевые материалы, собранные автором в Чердынском районе в 1975 году.

⁸ ГАПО. Ф.297, оп.1, д.885, л.32.

⁹ Там же. Л.33об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л.28об, 33об.

¹² Там же. Л.30.

¹³ АГО. Р.29, оп.1, д.12, л.12; д.18, л.2.

¹⁴ РГАДА. Ф.615, оп.1, д.1905, л.50об.

¹⁵ ГАПО. Ф.597, оп.1, д.19, л.44.

¹⁶ Там же. Л.43.

¹⁷ ГИМ. Ф.14, оп.1, д.600, л.54об.

¹⁸ Там же. Л.5-35; д.607, л.119-134.

¹⁹ ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.361об, 383об.

²⁰ РГАДА. Ф.214, кн.1522, л.30об.

²¹ ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.382об, 383 об.

²² РГАДА. Ф.1111, оп.1, ч.3, д.105, л.17.

²³ Там же. Ф.137, оп.1, д.15, л.52.

²⁴ Там же. Д.3, л.61.

²⁵ Там же. Ф.1111, оп.1, д.14, л.11-41.

²⁶ Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967, 1970.

²⁷ Удинцев Б.А. История войма. Киев, 1908. С.241.

²⁸ ГАПО. Ф.597, оп.1, д.19, л.177.

- 29 СПВФИРИРАН. Ф.28, карт.27, л.1617.
30 РГАДА. Ф.1455, оп.3, д.79, л.1.
31 Там же. Ф.281, оп.17, д.11179, л.1.
32 Там же. Д.11323, л.1.
33 ГАПО. Ф.21, оп.2, д.47, л.144-145.
34 РГАДА. Ф.615, оп.1, д.10436, л.5-6
35 Там же. Л.6об.
36 Там же. Ф.444, оп.1, д.44, л.21.
37 Там же. Ф.615, оп.1, д.10429, л.12.
38 ГАВО. Ф.883, оп.1, д.35, л.22-26; д.92, л.2-6; ф.1260, оп.6, д.6, л.1; ВГМЗ. Ф.ВОЙСК, д.98, л.43,46; Сборник актов Северного края XVII-XVIII вв. Вологда, 1925. С.5-8; Севан О.Г. Народное деревянное жилище Русского Севера: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1981. С.12-13.
39 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.14, л.11-41.
40 Там же. Ф.281, оп.17, д.11275, л.1-2.
41 Там же. Д.11279, л.1; ф.137, оп.1, д.3, л.63.
42 ККМ. Кол. соликамских грамот, д.31, л.1.
43 Там же. Д.1, л.1.
44 РГБ. Ф.256, д.308, подсчеты со всех листов.
45 Там же; ГИМ. Ф.350, оп.1, д.105, подсчеты со всех листов;
РГАДА. Ф.1278, оп.1, д.318, л.1.
46 Там же. Ф.1111, оп.1, д.14, л.37.
47 Там же. Ф.214, кн.1481, л.219-224.
48 Там же. Ф.281, оп.17, д.11275, л.1; ГАПО. Ф.597, оп.1, д.19, л.50-51об.
49 Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С.122.
50 РГАДА. Ф.615, оп.1, д.1905, л.31об.
51 Там же. Ф.1111, оп.1, д.14, л.11-41.
52 Сборник актов Северного края... С.169, 278; Шестой выпуск описания собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище (1533-1651 г.). Вологда, 1903. С.3, 7, 9, 17.
53 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.14, л.39.
54 Там же. Л.41.
55 Там же. Л.30.
56 Там же. Ф.615, оп.1, д.10429, л.12.
57 Там же. Д.5087, л.2об-9.
58 Там же. Ф.1111, оп.1, д.14, л.28.
59 Там же. Ф.615, оп.1, д.5087, л.8об.
60 Там же. Ф.281, оп.17, д.11275, л.1.

- 61 Там же. Д.11409, л.1.
- 62 Там же. Ф.1111, оп.1, д.36, л.206.
- 63 Там же. Ф.615, оп.1, д.5087, л.8об.
- 64 СПЕЦИРИРАН. Кол.2, д.16, л.23об.
- 65 ГАВО. Ф.883, оп.1, д.92, л.3; Едемский М.Б. О крестьянских постройках на севере России. Спб., 1913. С.50-59.
- 66 Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992. С.46.
- 67 РГАДА. Ф.281, оп.17, д.11418, л.1.
- 68 Пархимович С.Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации восточного Урала и Западной Сибири (XVI-XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С.139-140.
- 69 РГАДА. Ф.214, кн.1511, л.38, 50-50об; кн.1468, л.9; ф.615, оп.1, д.1905, л.214, 263об; РГБ. Ф.218, д.664, л.102-109; ГАПО. Ф.597, оп.1, д.19, л.14об-44.
- 70 РГАДА. Ф.214, кн.853, л.44-47; кн.1511, л.14.
- 71 СПЕЦИРИРАН. Ф.28, карт.29, д.34, л.27-28.
- 72 РГАДА. Ф.1455, оп.3, д.121, л.1; д.142, л.1.
- 73 ГАПО. Ф.297, оп.1, д.16, л.43об.
- 74 Там же. Л.44.
- 75 Там же. Ф.597, оп.1, д.19, л.43; ГАСО. Ф.24, оп.1, д.222, л.483-485.
- 76 РГАДА. Ф.214, кн.1522, л.190.
- 77 ГАПО. Ф.297, оп.1, д.885, л.28об.
- 78 Там же. Ф.15, оп.1, д.405, л.2об-4.
- 79 ЧКМ. Кол.1644, д.32.
- 80 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180, л.4.
- 81 Там же. Ф.597, оп.1, д.19, л.43об.
- 82 Там же. Ф.297, оп.1, д.885, л.39.
- 83 Там же. Ф.597, оп.1, д.19, л.43об.
- 84 РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.9223, л.52.
- 85 ГАСО. Ф.24, оп.1, д.222, л.484об.
- 86 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.369-378об, 467-488.
- 87 Там же. Л.511об.
- 88 РГАДА. Ф.137, оп.1, д.15, л.107об-108; ф.615, оп.1, д.10425, л.44об.
- 89 ЧКМ. Кол.2561, д.2, л.1.
- 90 РГАДА. Ф.615, оп.1, д.5087, л.2об, 5-10.

- 91 Там же. Ф.1278, оп.2, д.3305, л.5.
- 92 Там же. Ф.615, оп.1, д.5087, л.7об, 8об.
- 93 ГАСО. Ф.151, оп.1, д.50, л.158-175об; Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов.1735. М., 1937. С.611; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Спб., 1901. Т.2. С.295.
- 94 ГАСО. Ф.24, оп.1, д.222, л.483-485об.
- 95 Там же.
- 96 Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива имп. Русского Географического общества. Пг., 1916. Вып.3. С.1004.
- 97 АГО. Р.29, оп.1, д.22, л.1.
- 98 Там же. Д.13, л.1об.
- 99 Там же. Д.24, л.3об.
- 100 Зеленин Д.К. Указ. раб. С.1043.
- 101 АГО. Р.29, оп.1, д.18, л.2.
- 102 Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960. С.100-101.
- 103 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.2об-3.
- 104 Там же. Д.89, л.5-7.
- 105 Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Указ. раб. С.96-99; Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века (этнические традиции материальной жизни). Пермь, 1991. С.56-57.
- 106 АГО. Р.29, оп.1, д.96, л.4-4об.
- 107 Там же. Д.22, л.1об.
- 108 Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С.160-170.
- 109 ГАСО. Ф.101, оп.1, д.376, л.1об-2, 9об-10.
- 110 Там же. Л.10.
- 111 ГАПО. Ф.13, оп.1, д.710, л.10.
- 112 Полевые материалы, собранные автором в 1989-1993 годах.
- 113 На путях из земли Пермской... С.110.
- 114 Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т.3. С.256.
- 115 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.15, л.59.
- 116 Там же. Д.220.
- 117 Описанию подверглось все хозяйство в связи с заведением в 1824 году судебного дела о незаконном сборе денег с крестьян всех

волостей Чердынского уезда. Архивное дело может служить источником изучения других культурно-бытовых традиций крестьян.

118 ГАЮ. Ф.680, оп.1, д.180, л.6об.

119 Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Пермь, 1890. С.1184.

120 Бланкфельд И. Опыт санитарно-эпидемиологического обследования д.Нижняя Ворцева Вондюжской волости Чердынского уезда. Пермь, 1907. С.11.

121 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.2об; д.89, л.7; д.18, л.2.

122 Зеленин Д.К. Указ. раб. С.1039.

123 На путях из земли Пермской... С.102-104; Чагин Г.Н. Деревянное водчество Строгановских земель... С.102-103.

124 РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.8731, л.1-29.

125 ГАЮ. Ф.297, оп.1, д.885, л.28об.

126 РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.9223, л.16об-52.

127 Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века. Пермь, 1993. С. 9-10.

128 Полевые материалы, собранные автором в 1975 году.

129 Полевые материалы, собранные автором в Чердынском районе в 1975 году.

130 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.2об.

131 Там же. Д.24, л.3об.

132 Там же. Д.12, л.2.

133 Там же. Д.18, л.1об.

134 Полевые материалы, собранные автором в Верхотурском, Осинском, Соликамском, Чердынском районах в 1980-1992 годах.

135 ГАЮ. Ф.12, оп.1, д.355, л.23об.

136 Там же. Л.23.

137 РГАЛИ. Ф.1366, оп.1, д.138, л.1; Ополовников А.В. Русское деревянное водчество: Гражданское водчество. М., 1983. С.253-257.

138 Полевые материалы, собранные автором в Большесосновском, Оханском, Частинском районах в 1990-1994 годах.

139 Полевые материалы, собранные автором в Александровском и Чердынском районах в 1975-1978 годах.

140 Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. С.184.

141 АГО. Р.29, оп.1, д.96, л.4об.

142 Там же.

143 ГАЮ. Ф.297, оп.1, д.885, л.32.

- 144 АГО. Р.29, оп.1, д.89, л.5.
- 145 Полевые материалы, собранные автором в Сивинском районе в 1989 году.
- 146 ГАПО. Ф.297, оп.1, д.885, л.24-31.
- 147 Там же. Л.28.
- 148 Там же. Л.39.
- 149 Там же.
- 150 Там же. Ф.15, оп.1, д.220, л.528-572об.
- 151 Там же. Л.369-378об.
- 152 АГО. Р.29, оп.1, д.31, л.1об.
- 153 Там же. Д.89, л.7.
- 154 Полевые материалы, собранные автором в Сивинском и Чердынском районах в 1989 году.
- 155 АГО. Р.29, оп.1, д.18, л.2.
- 156 ЧКМ. Кол.3009, л.17.
- 157 Полевые материалы, собранные автором в 1989 году.
- 158 Орфинский В.П. Деревянное водчество Карелии. Л., 1972. С.28-29; Етоева З.И. Поселения и жилища вепсов конца XIX - начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С.130-131; Велицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX - начало XX в. М., 1958. С.186; Шкляев Г.К. К изучению крестьянского жилища и поселений удмуртов (конец XIX - начало XX в.) // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С.41.
- 159 Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С.238-239.
- 160 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.369-375; ф.297, оп.1, д.885, л.28-28об.
- 161 Полевые материалы, собранные автором в д.Буланово Сивинского района в 1989 году.
- 162 АГО. Р.29, оп.1, д.56, л.9.
- 163 Там же. Д.96, л.5.
- 164 Там же. Л.4об.
- 165 Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность... С.26.
- 166 Бардулин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья: Крестьянский расписной дом. Л., 1988.
- 167 ГАПО. Ф.10, оп.1, д.214, л.1об-2.
- 168 Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С.108; Костиков Л. Иаба семи государей // Материалы по этнографии России. Спб., 1914. Т.2. С.9; Ополовников А.В. Указ. раб. С.46-47, 57.

169 Полевые материалы, собранные автором в Чердынском и Усольском районах в 1981-1983 годах.

170 Навукин И. Свадебные обряды у обвинских крестьян // ПГВ. 1875. №74.

171 ГАПО. Ф.297, оп.1, д.885, л.28об, 39.

172 Там же. Ф.15, оп.1, д.220, л.378.

173 Полевые материалы, собранные автором в Верхотурском районе в 1990-1995 годах.

174 АГО. Р.29, оп.1, д.93, л.4.

175 Там же. Д.79, л.6.

176 Там же.

177 Там же.

178 Там же. Л.4.

179 Полевые материалы, собранные автором в Кишертском, Осинском, Сивинском, Чусовском районах в 1987-1993 годах.

180 Барадулин В.А. Указ. раб. С.68-134.

181 Широшкин И. Село Янидор Чердынского уезда Вильгортской волости // Сборник Пермского земства. Пермь, 1891. С.156.

182 Этнография восточных славян... С.199.

183 Кунгурские акты XVII в.(1668-1699 гг.). Спб., 1888. С.15.

184 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т.2. С.110.

185 Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду... С.1184.

186 Попов Н.С. Указ. раб. С.110.

187 Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1952. С.99, 115, 189-195; Бернштам Т.В. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX-XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С.5-29; Власова И.В. Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоков по переписям XVIII - первой четверти XX в. // Там же; Чистов К.В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С.3-9.

188 Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С.153.

189 Дмитриева С.И. География распространения русских былин. М., 1975. С.38-41; Иванова Ю.Т. Северодвинская былинная поэзия // ЭО. 1994. №4. С.75-80.

Глава IV. Специфика одежды русских крестьян в конце XVI - первой половине XIX века

Одежда, как и жилище, составляет важнейший компонент народной культуры. Наряду с утилитарной функцией она несет в себе разнообразную информацию, позволяющую говорить о возрастной, социальной, конфессиональной принадлежности людей. В нашем исследовании будет обращено внимание на этнические аспекты одежды, поскольку они дают возможность глубже увидеть особенности этнокультурного развития русских крестьян Среднего Урала. Достоверные выводы могут быть сделаны на основе выявления типов, ареалов и времени бытования одежды.

Изучить одежду при отсутствии подлинных ее образцов и их изображения достаточно сложно. Для нас основным источником по раннему периоду явились документы, в подавляющем большинстве официальные, составленные по случаю уничтожения одежды от краж, пожаров, при оформлении завещаний и договоров о купле и продаже, а также при сборе приданого. Однако в этих материалах чаще всего приводятся лишь названия тканей и предметов костюма и отсутствуют их описание, указание социальной принадлежности владельцев, также допускается разноречивость в терминологии, особенно в имеющей локальный характер, и порой невозможно определить, к какой одежде относится то или иное название.

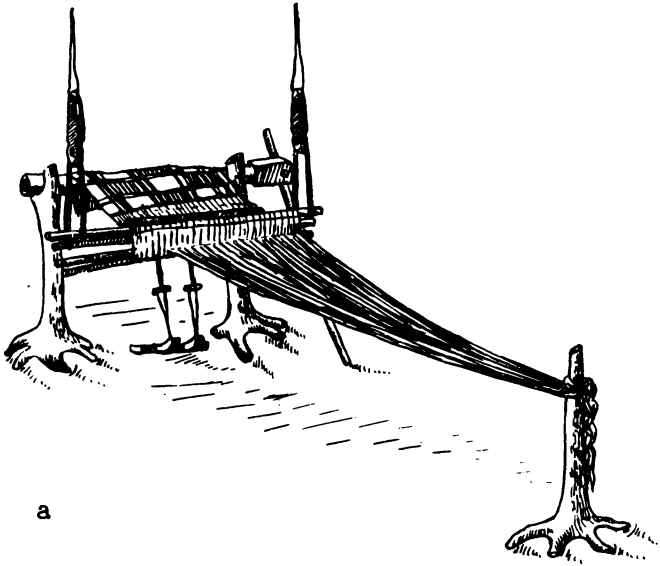
Наиболее полные сведения об одежде русских крестьян Среднего Урала сообщили корреспонденты Русского Географического общества в 1840-1850-е годы. Эти материалы, касающиеся первой половины XIX века, значительно дополняют другие наблюдатели, обобщения которых частично попали в публикации. В ряде случаев мы будем обращаться к комплексам одежды последующего периода (вещественным образцам и аннотированному материалу), так как, несмотря на изменения в ней, все же оставались некоторые следы прошлого. К сожалению, многолетний поиск не позволил получить в достаточной мере представительный материал о некоторых исторических периодах и территориях Среднего Урала, что в первую очередь затруднило установление ареалов и времени бытования типов одежды.

Материал одежды и обуви. Письменные источники XVII века уделяют достаточно много внимания одежде русских крестьян. Данные их разнообразны и во многом уникальны, но не дают возможности судить

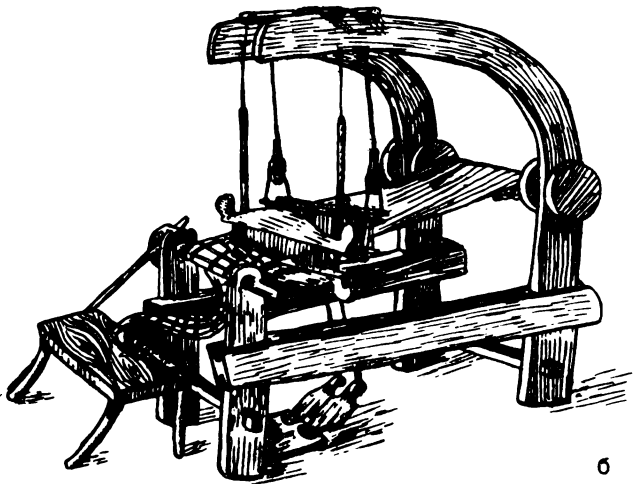
о таком важном показателе типологизации одежды, как ее покрой. Крестьяне широко использовали ткани из растительных волокон - льна, конопли - и шерсти, изготовленные в домашних условиях. Как свидетельствуют дела о краже имущества, у крестьян принято было измерять ткани "концами": "... а в тех коробьях 20 концов холстов конопляных и льняных" (Невьянская слобода Верхотурского уезда, 1696 год)¹.

Обработка льна, конопли, шерсти выполнялась приемами, известными населению Европейского Севера и Сибири. При этом сохранялась идентичность орудий труда и их терминологии². Прядение производилось с помощью веретена и прялки (корневой и составной), которую на Среднем Урале называли по-севернорусски пресницей, прясницей или прешницей³. Для изготовления ткани употребляли ткацкий станок - кросна, основу которого составляла брусчатая рама на ножках с пришвицей спереди (вал, на который по мере выработки наматывался холст) и двумя задними стояками с навоей (вал, на который наматывались нитки для основы ткани) и два понебника, к которым подвешивались ниченицы и набелки с бердом. У ранних станков-кросен (рис. 27, б) стояки и понебники вырезались из ствола дерева и корневища, а у поздних - делались составными. На севере Чердынского уезда бытовал более архаичный ткацкий станок - из двух колов, прибитых к полу, или коротких клошек-вагибов, вырезанных из копани и прибитых к лавке (рис. 27, а). Колы или клошки удерживали пришвицу-вал. Противоположный конец основы, собранный в косу, надевался на третий кол, прибитый всегда к полу. Набелки с бердом в свободном положении удерживались в основе, а ниченицы на блоках-вёкошках подвешивались к потолку. Исследователи склонны считать такой станок самым древнейшим во времена Киевской Руси⁴. Его использование ни в ранний, ни в поздний период в других районах Среднего Урала нами не установлено. Прядением и ткачеством русские крестьяне занимались в основном для обеспечения потребностей своей семьи. Поэтому при характеристике занятий крестьян в "Экономических примечаниях" к Генеральному межеванию 1820-х годов встречается постоянно одна и та же фраза: "Главный промысел крестьян состоит в хлебопашестве и скотоводстве, а женщины сверх полевых работ занимаются домашним рукоделием, прядут лен, псоконь, шерсть, ткнут холсты и сукна для себя и частично на продажу, зажиток их посредственный" (д.Сим Соликамского уезда)⁵.

В описаниях источников XVII века определено качество пряжи и тканей. Материалом для одежды служили холст, сукно и полусукно.

а

б

Рис. 27. Типы ткацких станков XIX века: а) трехподставной, д. Нижние Ворцева Чердынского уезда; б) кросна, д. Абросята Оханского уезда

Лучшие сорта льна и конопли назывались волоконными, средние - пачесными ("пачесь"), грубые - изгребными. Для обозначения качества материала пользовались и такими выражениями: "холст средней руки" (с.Лялинское Верхотурского уезда, 1777 год)⁶, "тонкий холст, холст толстый рядной" (Верх-Язьвинская волость Соликамского уезда, 1811 год)⁷. Вытовали еще понятия "хряц" и "портно". Первое обозначало грубый холст, а второе - холст средних и лучших сортов. В крестьянском хозяйстве, как указывают документы, обязательно был полный набор возможных сортов холста: "Льняной, пачесный, изгребный, отрепный, крашенный" (Юрлинская волость Чердынско-го уезда, 1826 год)⁸.

Самое широкое распространение имели однотонные белые и серые холсты, уворные в клетку и полоску пестряди. Вытканый серый холст подвергался обработке. Его вымачивали, мяти деревянными пестами и, чтобы он стал белым, парили в растворе золы в русской печи. Крестьяне старожильческих районов Прикамья и верховьев Туры на протяжении длительного периода предпочитали пестряди красной, желтой, зеленой, оранжевой, синей расцветки. По сведениям Н.С.Попова, среднеуральские крестьяне в начале XIX века повсеместно пользовались природными красителями⁹. Корреспондент Русского Географического общества из с.Песчанского Шадринского уезда И.Смирнов писал в 1848 году: "Женщины... красят шерсть и пряжу большей частью сами - мареной, сандалом, березовой корой, зеленикой и др."¹⁰. От отвара коры ольхи, березы, ивы пряжа получала красный, зеленый, оранжевый, коричневый цвета, от настоя травы зеленицы - зеленый, от отвара ольхи и настоя железного предмета - черный¹¹. Пряжу длительное время держали в настое и обязательно парили в русской печи. Холст, вытканый из крашеной однотонной пряжи, назывался "крашениной", а холст в клетку - "пестрядью", в полоску - "кежью" (или "кежей").

Холст с узорами, нанесенными резными деревянными досками, именовался набивным (набойкой) или выбоичатым (выбойкой). Среди профессий местных ремесленников в XVII веке были красильщики, работавшие по заказам населения своей округи. В первой половине XIX века в крупных селах и слободах Среднего Урала действовали синильные заведения, где ткани окрашивали "кубовой", "сандальной" краской. Состоятельные крестьяне отдавали в них холст и сукно для окраски и набойки. Из набивных тканей шилась праздничная одежда. Бывали случаи, когда один и тот же предмет одежды был приготовлен из пряжи, окрашенной фабричными и домашними растительными краси-

телями. Например, корреспондент Русского Географического общества А.Н.Зырянов видел в 1850-е годы в праздничном наряде девочек Петропавловской волости Шадринского уезда "покромки" (пояса. - Г.Ч.) из домашнего сукна, окрашенного в пряже "жичках" в разные цвета сандальные и травные¹².

Ручное узорное ткачество, набойка и выбойка на Среднем Урале относятся к кругу характерного украшения тканей на Русском Севере¹³. В тканях обоих регионов присутствовали яркое равномерное заполнение фона, строгая симметричность рисунка, сочетание красного, белого, зеленого, синего цвета¹⁴. Одежда, сшитая из таких тканей, вносила в жизнь крестьянина значительную эмоциональность.

Как и на Европейском Севере, так и на Среднем Урале крестьяне занимались браным ткачеством. Рисунок получался рельефным, поскольку уток из цветных нитей пропускался в той части основы, где должен быть узор. Об этом очевидец из с.Песчанского Шадринского уезда в 1848 году писал: "Женщины ткут браные полотна для скатертей, салфеток и себе на рукава (название верхней части женской рубахи. - Г.Ч.)"¹⁵.

Русские крестьяне широко использовали и шерстяные ткани. Некрашеное полотно на конопляной основе называлось сермягой. Из него шили зипуны - дорожную верхнюю одежду, в описаниях XVII века они назывались сермяжными. Впоследствии это название в ряде мест Среднего Урала закрепилось за всей верхней дорожной одеждой, сшитой даже из фабричных тканей. Сукно могло быть изготовлено целиком из шерстяной пряжи или на льняной основе. В документах XVII века оно именовалось пониточным и пониченным, а одежда, сшитая из него, - понитком. Эти названия сохранялись и в XX веке. Технология производства сукна и полусукна на Среднем Урале была такой же, как и в районах Русского Севера. Сотканые шерстяные и полшерстяные ткани подвергались дополнительной обработке. Их замачивали в кипятке и парили в русской печи, затем мяди до тех пор, пока они не становились мягкими и ровными. По окончании работ шерсть равномерно затягивала холщовую основу. По словам учителя А.И.Устинова, собиравшего материалы для Урало-Сибирской научно-промышленной выставки в с.Юрла Чердынского уезда в 1886 году, "сукно это приобретает настоящий вид после валяния, по местному выражению - топтания, которое производится особыми мастерами с помощью ног в корыте. Употребляется оно на зипуны, онучи, скуты, на опушни к лаптям для зимнего времени"¹⁶.

Зимние шубы и полшубки, тулупы, шапки-ушанки шили из овчин

домашней выработки. В севернорусских говорах овчиной называли как овечью шкуру, так и одежду из нее. Из шкур домашних животных - коров, быков, телят, козлов, лошадей - и диких животных - лосей, оленей - изготавливали сыромятные и дубленые кожи для обуви, рукавиц, ремней. На Среднем Урале долго применялся архаический способ обработки шкур с помощью хлебной (овсяной) закваски и дубителя из ивы. Для защиты от холода использовали мех белки, куницы, соболя, лисицы, бобра.

Кроме материалов домашнего изготовления некоторым крестьянам были известны привозные и даже импортные ткани и украшения. В документах XVII - первой половины XIX века встречается много фактов их распространения. По таможенным книгам XVII - начала XVIII века видно, что на рынки Среднего Урала поступали перевозимые через Великий Устюг, Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Кунгур, Ирбит ткани шелковые - атлас, тафта, камка, шерстяные - амбургское (гамбургское) сукно, мухояр, летчины, хлопчатобумажные - кумач, веньдень, киндяк, а также кожи и украшения¹⁷. Торговцы Вятской земли поставляли в Соликамск местную пестрядь, пониточное и сермяжное сукно¹⁸. Большим спросом у состоятельных крестьян пользовались ситец, сатин, сукно, китайка, кумач, гарус, гревет, миткаль, батист, которые поступали с крупнейших российских ярмарок - Ирбитской и Макарьевской¹⁹. К сожалению, отсутствуют источники о продвижении этих товаров с местных рынков, и об использовании их можно судить лишь по фрагментарным сведениям.

Актовые материалы XVII - начала XVIII века показывают, что привозные ткани и одежду из них имели в основном крестьяне, проживавшие возле городов, слобод и острожков. Так, крестьянин И. Проскураков Кунгурского уезда в 1688 году продавал ткани не только местного изготовления, но и кумач, шелк равного цвета, китайку, гарус²⁰. У крестьянина С. Белашейкина Белослудской слободы Верхотурского уезда в 1695 году были украдены "вишун темной зеленой анбургской, два сарафана кумашные, два же сарафана крашенинные с пуговицы, да холста мерюю 16 аршин"²¹.

Документы конца XVIII - первой половины XIX века все чаще свидетельствуют о приобретении крестьянами фабричной пряжи, из которой они изготавливали ткани для праздничной одежды и поясов. У крестьян наибольшее распространение получили ткани "уточенные бумагою", т.е. с холщовой основой и купленным хлопчатобумажным утком²². В Юрлинской волости Чердынского уезда в середине XIX века все чаще можно было увидеть одежду из "пестряди волоконной с

синими нитками между белыми в основе и с красною бумагой и синими нитками в утке" или из "пестряди волоконной с красною бумагой между белыми нитками в основе и утке"²³,

Помимо одежды, изготовленной в домашних условиях, состоятельные крестьяне носили одежду, сшитую мастерами, проживавшими в городах, слободах, а позднее - и в горнозаводских центрах. В XVIII веке, по словам очевидцев, особой популярностью пользовались мастера, которые "лучше умели шить платье, вышивать шелком и золотом, готовить кокошники на Невьянском и Нижне-Тагильском заводах, а также в Екатеринбурге, так как эти селения служили образцами моды"²⁴. Прибегали и к услугам "бродячих мастеров". Так, в Верхотурском уезде, по материалам прикавной избы, "Васка Субботин... в нынешнем 1695 году в осени был в Арамашевской слободе и ходил по деревням для шитья всякого крестьянского платья"²⁵.

Некоторые источники дают повод считать, что русские крестьяне наряду с собственными и покупными материалами пользовались изделиями других народов. Возможно, заимствований было немного, так как видно, что к письменному объяснению русского происхождения некоторых предметов прибегали не так уж часто. В документах по этому поводу нам встретились такие заключения: "Тулуп нагольный из русских овчин" (в деревне Шаквинского завода Пермского уезда, 1851 год)²⁶; "вареги русской белой шерсти" (скит возле Нижне-Тагильского завода, 1862 год)²⁷; "сапоги русские козловые" (Кунгурский уезд, 1707 год)²⁸.

Состав одежды. Крестьяне в соответствии со своим достатком имели равный ассортимент нательной и верхней одежды, головных уборов и обуви. Улучшение материального положения сказывалось на приобретении тканей и галантерейных предметов на рынке.

Документальные материалы очень редко содержат полный перечень предметов одежды, принадлежавших конкретной семье. В большинстве случаев упоминается только та одежда, которая связана с обстоятельствами, вызывавшими составление документов. Прежде чем начать рассматривать особенности конкретных видов одежды, обратим внимание на те редкие примеры, которые дают возможность определить материал и состав одежды у крестьян, имеющих равный материальный достаток.

В 1698 году в Верхотурской прикавной избе завели дело по челобитной пашенного крестьянина Любимко Трофимова, в которой он писал: "В прошлых годах... волокся я сирота... из русских по-

морских городов для хлебной скудости Верхотурского уезду в выше-писанную Арамашевскую слободу с семьею своею... И будучи я сирота... в Чусовской слободе... прикащик... меня сироту... насильством своим ограбил, а грабежом он... взял у меня... женской суконной сарафан да кумашник (сарафан из кумача. - Г.Ч.), серьги серебряные позолоченные... десять аршин сукна сермяжного... пятнадцать рубашек мужских и женских тонких, четверы портки суконные сукна сермяжного, пятеры портки холщовы, двести аршин холсту тонково, сумка нерпичья, zipун белой сермяжной, шесть платков шитых воклоняных... двои чулки сермяжные, пояс шелковой, кафтан шубной новой, четыре кокошника женских, два золотых, кумашные, трех женской песцовой, верх зеленой киндяшной"²⁹. Как видим, у крестьянина, пришедшего в Верхотурский уезд из районов Русского Севера, был достаточно полный комплект мужской и женской одежды, который мог обеспечить жизнь семье в первые годы обустройства на новом месте.

Крестьянин д.Средняя Мечка Кунгурского уезда, не выделявшийся среди остальных по имущественному положению, в 1686 году хранил в клету "две шубы бараньих, два zipуна сермяжных, один белой новой, а другой ветхой, крашеной, зеленой... да подзатыльник (головной убор. - Г.Ч.) шит золотом, да рубашек тонких и толстых с пятнадцать, да четыре конца холста... да коты"³⁰.

Крепостной крестьянин И.С.Шардин из с.Верхне-Чусовские городки Пермского уезда в духовном завещании, составленном в 1789 году, перечислил следующий набор своих тканей, одежды, галантерейных предметов, обуви: "Сукон локтевых разных цветов, кежу ярославского, выбойки городской ивановской, цветная, выбойки полосатой, набойки широкой полосатой, полуситца, тафты разного цвета, тафты белой, платков тафтяных, каламейки немецкой, камлоту широкова сизова, кумачей целых, пестряди красной александринской, китайки крученой, плису черного, крашенины синей, пестряди синей, чулков бумажных белых, перчаток оленных теплых, перчаток лайковых, чулков валенных бумажных, ситцевых больших платков, платков бумажных больших, средней руки платков бумажных, платков полупелюковых, платков набойчатых, платков средних, платков малых набойчатых, фат коноватых, три платка коноватых, платков шерстяных шелковых, полутальянских платков, платок штофной алой, платки атласные, кружев шелковых, сетки серебряной, сетки золотой, сетки мишурной... кушаков ящичких, ленточек филаретовых, лент мишурных, лент золотых и прозументских... лент шелковых желтых, бархатин-

ки, мишурного позумента, ленточек тафтяных, ленточек тeneвых, ленточек французских, шнурку шелкового плосково, шнурку шелкового тонково, шелку цевошного (для наматывания цевок в челноки. - Г.Ч.), шелку китайского... две шляпы пуховые, нижегородские шляпы, шапок плисовых черных, суконные саратовки круглые, картузов плисовых, дрели полосатой по 20 аршин, шапка разрезная, синяя, плисовая, околыш бобровый, рукавиц сибирских коровьих... рукавиц бариковых с красными и желтыми обложками, рукавиц черных сермяжных без обложек... башмаков женских павловских, башмаков черных, башмаков суконных, башмаков плисовых, одне башмаки женские вышиты золотом... Холста изгребного, покрочки... лисьей выпушки, выпушки выхухлевой, гарусу цевошного, гойтанов медных, цепочек медных, пуговиц оловянных сарафанных, запанок оловянных со ставками, рулеян московских в бумашках, серрюг оловянных сто пар, гарусных немецких пуговиц, запанок серебряных золоченых, два кушака верблужи белые, четыре куниты, три недокулека, 16-ть зайцев, 10 горностаев, белок 130, лапок куничьих 100 пар... овчин неделанных, скотья деланная кожа, телятинка деланная³¹. Таким обширным набором предметов мог обладать богатый крестьянин, занимающийся торговлей, а возможно, пошивом одежды и обуви на заказ. У среднеуральских крестьян было в традиции не приобретать одежду готовой, а покупать для ее изготовления ткани, пуговицы, тесьму, кружева.

Крестьянин Д.Гладких из с.Кизьвенского Оханского уезда в рапорте от 17 декабря 1811 года указал о воровстве из его дома "шапок плисовых, платков шапошных белых, опоясок синих рядных с портяною пронитью, льну высочесу 24 окладня, нечесаного 20 фунтов, холста льняного волоста, рубах мусских скроенных незашитых две, рубаха же синей пестряди одна, мусских изгребных ворота не прорезаны две... рубах мусских волоконных, изгребных одиннадцать, портков тонкого холста четыре пары, рубах женских новых и старых 15, шуб мусских нагольных новых овечьей шерсти, одна шуба старая небольшая, шуба женская покрыта низовой крашениной одна, зипунов сермяжного сукна, из коих один поношеной, овчин деланных небольших белых две, сарафанов кумашных с кружевами два, сарафан китайной с кружевами изрыбатными поношеной, пониток, сапоги крестьянские, сарафан кубовой краски с изрыбатными кружевами поношеной, верхниц кубоватой краски, одна волоконного, вторая пачеснаго холста, сарафан кумашной с бумажными кружевами, покрочок красных тканей... шляп поярховых поношенных две"³². Приведенная опись свидетельствует о преобладании в крестьянском костюме предметов

собственного изготовления из небольшого набора покупных тканей и украшений. Ценность этого документального источника в том, что названия предметов одежды дополняются указаниями на качество использованного материала и технику его изготовления.

Картину обеспеченности крестьянских семей материалами и комплексами одежды дополнит отрывок из документа 1818 года, в котором речь идет об обрядовой функции одежды. В Невьянской волости Верхотурского уезда по завещанию богатой крестьянки М.И. Тулянкиной раздавались "сродникам и сродницам" следующие вещи: "Деевне старухе одна рубаха белая, запон и нарукавники, сроднице Катерине скатерть рядинки и холста, две рубахи бахтовая и белая; Акулине Семеновне три рубахи - бахтовая, выбойчатая и белая, полушубок крытой китайкой, двое рукавицы; Фроловне сарафан дабовой, поношенной, одна рубаха белая и кокошник, рубаха выбойчата поношенная; Ефиму Даниловых десять аршин холста, 6 аршин тонкого холста, одна рубаха выбойчатая... три аршина рядинчатого холста; Быньговской сроднице шляпу, холста из изгребей; Верх-Нейвинской сроднице четыре аршина холста; Матрене три аршина рядинки, семь аршинов холста и запон; Быньговскому Петру Ларионову шуба китайчатой крытая, один кокошник перевитной с позументами, поес...; дядохке Никифору 7 аршин холста; старику Лолице семь аршинов холста; старухам 9 аршин рядинки на платки... десять кокошников китаешных, один кокошник штофной прямой, скатерть и салфетка; в годовой канон подано один кокошник парчевой и пояс; старику одна шапка обшита бахтой...; Прасковье Сем-не Вдовиной дано: сарафан китаешной вишневой, конец китайки не ношеной... рубахи баховые и белые, запон белой и рядинковой, три аршина бахты красной, одна головка штофная лазоревая, два платка шелковые с позументами, кокошник матеревой с позументами, запон ситцевой, рукава ситцовы, запон набойчатой красной... чулки русские женские... малахай черной плисовой, манька старая алая голевая... полушубок дабой крытой, волосник тафтяной"³³. Кроме того, среди имущества М.И. Тулянкиной, предназначенного для продажи, опись навывает: "тулуп, мех под оным мерлушатою черной, крытой вишневой китайкой, тулуп суконной синей под кои мех овчинной, женская шубка крыта вишневой китайкой, а мех мерлушатою белой, таковая же пушенная котиком, полушубков крытых китайкой и дабой, кафтанов - суконной темно-зеленой, вишневой китайчатой, полукафтанье суконное малиновое, сарафан гарнитуровой двоелишневой с золотыми сетками вокруг, китаешных разных цветов с шелковыми кружевами, пять разных кокошников

матерьев и бархатных с позументами, бархатной шитой золотом очелье ниваное жемчгом китайским... рубашек женских - тафтяная, фанзовая, кисейная, китайчатая белая, бахтовая, белых холщовых и выбойчатых... лент девичьих - одна бархатная, одна шитая золотом, лопаски штофные; фат шелковых, тальянской... поясьев шелковых; чебак женской верх бархатной, пушен куницей... пестряди портошной, в основе с красной бумагой, уток синей рядной - 20 аршин; рядной синей одноутошной - 20 аршин; кафтан кожаной дорожной...³⁴. В описи названы преимущественно дорогие ткани и предметы, которые, судя по разным другим источникам, приобретались в основном состоятельными крестьянами.

Нательная мужская и женская одежда. В ранний период истории Среднего Урала нательной одеждой были туникообразные рубахи, у мужчин - длиной почти до колен, у женщин - до ступней. С конца XVIII века допускалось ношение рубах намного короче и с измененным покроем. Старообрядцы Осинского, Оханского, Чердынского уездов повседневно носили рубахи туникообразного покроя еще на рубеже XIX-XX веков и обязательно включали их в состав "смертного" комплекса³⁵. Основу таких рубах составляло перегнутое по утку цельное полотнище с вырезом на месте сгиба для воротника. Сверху к нему под прямыми линиями пришивались рукава, а по бокам - дополнительные полосы холста. Обшивка шейного выреза образовывала стоячий воротник. Мужские рубахи отличались местом разреза ворота и вастежкой на левой стороне. В описаниях середины XIX века они названы косоворотками.

Было принято шить их из пестряди в мелкую клетку. У состоятельных крестьян, судя по документам, праздничными считались рубахи "сатинетовые" (из сатина), "атласные" (из атласа), "кашемировые" (из кашемира)³⁶, которые отличались кроем от туникообразных. Их шили на прямой кокетке и часто с разрезом на середине груди. Кокетка, придающая прочность рубахе, на Среднем Урале называлась подоплечьем, подоплекой, позднее - подкладом³⁷. Боковые полосы заменяли раскошенными книзу клиньями, рукава кроили зауженными и с обшлагами, исключали ластовицы. Подпоясывали рубахи узким поясом - тельником, завязываемым на левом боку.

Традиционные мужские штаны-порты шили из кежевого холста в мелкую полоску. Их крой был у среднеуральских крестьян таким же, как у большинства русских крестьян. Зауженные книзу штанины соединялись вверху косыми вставками. В начале XX века состоятельные

мужчины вместо домотканых портов стали носить штаны без соединительной вставки. Новый крой был заимствован из городской среды.

Женские рубахи повсеместно называли становинами. С начала XVIII века рубахи туникообразного покроя все чаще заменялись сшитыми из двух частей: рукавов (верхняя часть) и стана (нижняя часть). На рукава шли белый холст и пестрядь из качественной льняной пряжи, а на стан - холст только белого или серого цвета и не всегда лучших сортов. Во второй половине XVIII века рукава стали шить из покупных фабричных тканей - сатина, ситца, кумача, коленкора, миткаля. По сведениям очевидцев, корреспондентов Русского Географического общества, русские женщины в первой половине XIX века носили рубахи с рукавами "из чистого белого холста или из какой-нибудь цветной материи, в особенности из кумача" (с. Большие Ключи Красноуфимского уезда, 1848 год)³⁸; "из миткаля, ситцу или простой пестряди" (с. Покровское Ирбитского уезда, 1849 год)³⁹, а также рубахи, у которых "становина шилась из холста белого и рукава (их было видно) из синего самодельного, иногда пестрого, а праздничные - из ситца, кумача, полотна и т.п., при концах рукава с кружевами" (с. Серегово Чердынского уезда 1865-1880 годы)⁴⁰.

Письменные сведения первой половины XIX века и рубахи, сохранившиеся в музейных собраниях и у старообрядческого населения, позволяют сделать вывод о том, что крестьянки Среднего Урала знали все виды бесполиковых и поликовых рубах, широко известных русскому населению. Для прочности под верхнюю часть рубах подшивали кокетку, которую называли еще "перелинкой". Как новый вид одежды рубахи на кокетке и со собранными рукавами имели ограниченное распространение у старообрядческого населения.

Цельнокроенные бесполиковые рубахи шились без верхнего шва, проходящего по плечам. Такие древние рубахи в XVIII веке уже перестали носить, позднее они оставались только у некоторых старообрядцев как часть "смертного" (погребального) комплекса.

Рубахи с прямыми плечевыми вставками - поликами, пришитыми по утку и по основе (ранний вариант), дольше сохранялись в среде крестьян русских старожильческих районов в Кунгурском, Соликамском, Чердынском, северной части Верхотурского уездов. Под рукава вшивались квадратные ластовицы. Стан рубах этого вида состоял из четырех полотнищ - переднего, заднего и двух боковых. Рукава пришивались по прямой линии и имели чаще всего скошенную форму и обшивку у запястья. Ворот обшивали узкой тканью. Эти рубахи до сих

пор носят соборные старообрядцы-поморцы Верхокамья (бывший Оханский и Глазовский уезды)⁴¹. Рубахи с косыми вставками-поликами на плечах и на кокетке явились поздним вариантом. У них рукава имели сборки у ворота и запястья. На Среднем Урале такие рубахи в первой половине XIX века распространились нешироко, в основном их носили крестьяне, чья жизнь была тесно связана с торгово-ремесленной деятельностью (Екатеринбургский, Кунгурский, Пермский уезды). На рубахах состоятельных крестьян полики украшались затканными узорами, вышивкой, а у бедных - вставными тканями, отличавшимися по цвету от материала самих рукавов. На эту особенность, например, обращал внимание крестьянин Белослудской слободы Верхотурского уезда еще в 1645 году, у которого "из коробки была украдена рубаха женская полотняная... шелкова, а... клин у той рубахи на плечах из холста"⁴².

Русские крестьянки исследуемой территории поверх рубахи-старины надевали сарафан. Комплекс одежды с сарафаном, характерный для северно-среднерусского населения, преобладал в женском традиционном костюме до конца XIX века (рис.28). Этнографы считают, что комплекс с сарафаном возник во времена формирования русской народности в XIV-XV веках и распространился на многие земли в связи с расселением русских на вновь осваиваемые территории⁴³. На Среднем Урале он появился с момента переселения русских крестьян в XV-XVI веках, так как упоминается среди вещей, принесенных из Поморья⁴⁴. Имеются многочисленные документальные источники, по которым можно судить о материале, покрое, расцветке, украшениях и среде бытования сарафанов. Документы XVII - начала XVIII века приводят такие названия сарафанов: дубас красный, синий, сарафан кумашный, крашеный, китайный (китайчатый), ситцевый, нанковый, зеленной, киндяшный, тафтяной, дорогильный. В ряде письменных источников сарафан называется верхницей (холщовой, крашеной и др.).

Старообрядцы Среднего Урала продолжают называть дубасом сарафаны двух старых видов, которые бытуют в наши дни. В Верхокамье соборные старообрядцы (члены общины-собора) носят косоклинные дубасы однотонного синего или черного цвета (рис.30). Верхняя часть его остается открытой, с ляжками-проймами, а нижняя собирается из трех цельных полотнищ и боковых клиньев, за счет которых дубас становился шире и пышнее. Два передних полотнища сшивались так, что шов приходился на середину. Задняя цельная сторона выкраивалась по-старинному - сверху с большим фигурным выступом-лапochкой,

Рис. 28. Русская женщина в праздничном костюме
1840-х годов, с. Пидва Чердынского уезда

Рис. 29. Мужской повседневный костюм 1850-х годов,
с. Таборы Оханского уезда

Рис. 30. Старообрядческий моленный костюм 1850-х годов, д. Андронята Оханского уезда. Слева в дубасе, платике; справа в шабуре, платке

Рис. 31. Охотники Чердынского уезда в традиционной одежде 1860-х годов. Слева в запоне, справа в лузанае и запоне

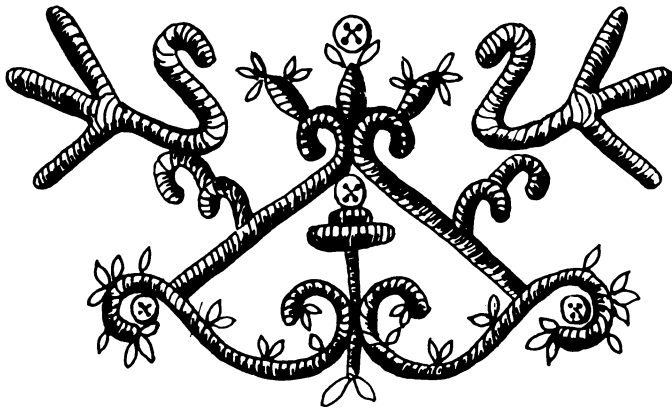
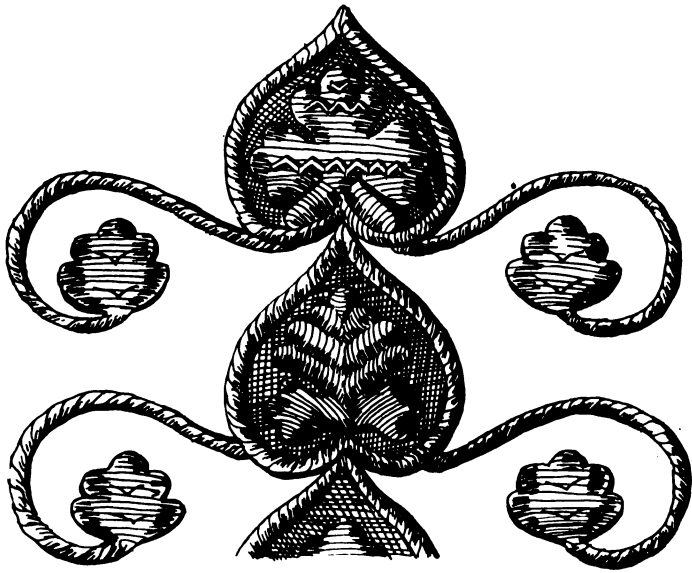

Рис. 32. Мотивы узоров золотого шитья на головных уборах XVIII века из Соликамского и Чердынского уездов

к которой пришивались лямки-проймы. Верх дубаса и края лямок иногда обшивались красным материалом. Верхний край спинки собирался не борками, а складками-пластиками.

Дубас еще более древнего, туникообразного, покроя обнаружен у старообрядцев Верхокамья и под г.Лысьвой (бывший Пермский уезд). По рассказам и вещественным доказательствам для его изготовления брали длинное холщовое полотно, перегибали его по плечам и делали вырез для головы и рук. По бокам пришивали боковые вставки. Дубас такого покроя из фабричного материала часовенные старообрядцы, живущие возле г.Лысьвы, надевают только на моление, а старообрядцы-поморцы Верхокамья включают его в состав "смертной" (погребальной) одежды⁴⁵. Упоминание о глухом дубасе, т.е. туникообразного покроя, встречаем в челобитной крестьянина Чердынского уезда 1645 года⁴⁶. Как показывают приведенные примеры, название "дубас" дольше удерживалось за сарафаном туникообразного и косоклинного покроя, с архаическими деталями - широкими лапочками для пришивания лямок-пройм, пластиками по талии, а также сшитыми из однотонного материала и используемыми в ритуальных целях.

С большой вероятностью можно допустить, что ношение обоих видов дубаса - глухого и косоклинного - в период заселения и освоения русскими Среднего Урала не ограничивалось той ритуальной функцией, которую мы знаем по позднему времени их использования. На это обращает внимание ответ А.Лепоринского в 1849 году на вопрос анкеты Русского Географического общества: "Женщин и девиц праздничный наряд состоит из шелкового, ситцевого или китайного сарафана с клиньями, ибо круглый почитают носить за грех" (с.Черновское Оханского уезда)⁴⁷. Иными словами, косоклинному, а не новому круглому сарафану отдавалось предпочтение как праздничному, и шили его из дорогих материалов.

Круглые сарафаны входили в употребление во многих уездах Пермской губернии с начала XIX века. Этот сарафан имел прямой покрой, поэтому и назывался еще "прямым". 6-8 полос материи шло на обшивку. На спинке полосы собирались в сборку, а спреди укладывались пластиками. На задней полосе сверху выступала маленькая лапочка для закрепления узких лямок-пройм. Будничный круглый сарафан шили из домотканого холста, а праздничный - из набивного, а в местах, приближенных к городским и горнозаводским центрам, - исключительно из покупных и чаще всего из дорогих материалов. Допускалось варьирование украшений круглых сарафанов. По сведениям корреспондентов Русского Географического общества, в первой поло-

вине XIX века в одних и тех же местах Среднего Урала круглые сарафаны служили праздничной одеждой, а косоклинные - будничной. Так, в с.Спасбардинском Кунгурского уезда, по наблюдению И.Бердникова в 1848 году, "женщины в праздники носили шелковые, ситцевые и китайные сарафаны обложенные через плечи и около ворота позументом... а в домах своих и в теплую погоду по селению ходят в простое время в рубашках с синими из толстого холста рукавами и в таком же дубасе с поясом из русских шерстей"⁴⁸. Из этого же описания видно, что круглый сарафан надевался на рубаху, сшитую из покупных фабричных тканей, а косоклинный - на рубаху из дотомканных. Об этом же сообщал в 1850 году В.Прибылев из Камышловского уезда: женщины ходили в гости в "шелковых сарафанах, кисейных белых рубашках... а дома в простую пору ходят очень просто: пестрая или белая рубашка, синего холста дубас или верхница называемая"⁴⁹. Богатые крестьяне украшали сарафаны парчевыми, атласными лентами, на шов спереди пришивали серебряные пуговицы⁵⁰. Непременной принадлежностью сарафанов являлись пояса, повязываемые на талии.

У состоятельных крестьян комплекс с сарафаном дополнялся нагрудной одеждой. На Среднем Урале ею являлись шугаи, душегреи (душегрейки). По покрою шугаи напоминали обычную кофту. В письменных источниках они описываются "короткими", "с холщовой синеею подкладкою, с шелковою опояскою" (с.Ляминское Верхотурского уезда, 1849 год; Кунгурский уезд, 1858 год)⁵¹. Душегреи сохраняли вид короткой кофты, но отличались от нее тем, что не имели рукавов и спереди оставались распашными. Их носили на лямках. Внутри стежили, а сверху покрывали дорогими тканями, отделявали мехом и даже расшивали золотом. Подобная душегрея из д.Попово (Останино) Соликамского уезда сохранилась в собрании Соликамского краеведческого музея⁵². В письменных материалах душегреи характеризовались так: "Душегрейка голевая, две душегрейки китайные, из оных одна синяя, а другая зеленая" (с.Лялинское Верхотурского уезда, 1777 год)⁵³. Душегреи носило ограниченное число людей. Описывая одежду русских крестьян Пермской губернии, Н.С.Попов в 1804 году счел необходимым отметить, что "в немногих местах носят душегрейки, шугаи"⁵⁴.

Как бы ни широко распространился сарафанный комплекс, русские крестьяне с конца XVIII века начали носить вместо него юбку. Первое упоминание этого вида одежды нам встретилось в характеристике быта жителей с.Ляминского Верхотурского уезда за 1777 год: "... у них юпки китайные, из оных одна синяя, другая алая"⁵⁵. Юбку наде-

вали поверх рубахи-становины и обязательно, как часто сообщают корреспонденты Русского Географического общества, с кофтой-шугаем⁵⁶. По письменным источникам первой половины XIX века можно установить, что новый комплекс одежды, названный позднее крестьянами парочкой, сначала распространился вблизи городских и заводских центров культуры, а позднее - в тех сельских районах, где ремесленно-торговая деятельность крестьян являлась преобладающей. Первыми стали носить юбки зажиточные крестьяне, так как в источниках чаще всего отмечается, что юбки были из дорогих тканей, недоступных менее состоятельным крестьянам. Как показывали поздние материалы, процесс внедрения парочек среди всех категорий крестьян активно шел с 1870-х годов⁵⁷.

На изучаемой территории различались три вида юбок по характеру покроя: прямые из цельных продольных полотнищ (6-8); расширенные к низу и с косой оборкой (оборку кроили из того же материала, что и основная часть юбки, и пришивали наискосок со складками-пластиками); составные из двух одинаковых и обязательно полосатых полотнищ, сшитых друг с другом. Юбки, сшитые в середине XIX века, хранятся в Российском этнографическом музее, Соликамском и Чердынском краеведческих музеях⁵⁸. Прямые юбки являются самой ранней их разновидностью. По талии полотнища собирали складками-пластиками и обшивали холстом или покупной тканью. Носили юбки на плетеном пояске-гаснике. Крестьяне чаще всего шили юбки из клетчатого льняного материала и полосатого шерстяного. Первые назывались юбками-тканками, а вторые - юбками-сукманками. Подол и оборки праздничных домотканых юбок обшивали цветными лентами.

Из поясной одежды этнографический интерес представляют бытовавшие в Прикамье (Кунгурский, Пермский, Соликамский, Чердынский уезды) прямые и составные полосатые (по вертикали) юбки-сукманки из домашнего тканого сукна. Подобные юбки были распространены в Северодвинском бассейне (Архангельская, Вологодская губернии)⁵⁹, откуда их могли занести в Прикамье первые русские переселенцы. Существование таких юбок зафиксировано еще и в южных лесостепных уездах Западной Сибири, заселенных также севернорусскими крестьянами⁶⁰. Ареал бытования подобных юбок совпадает с территорией старожильческого русского заселения. Но на раннем этапе заселения юбки-сукманки имели более ограниченное распространение, что объяснялось преобладанием сарафанного комплекса. В поздний период на этой же территории женщины носили полосатые цельные и составные юбки-сукманки наряду с льняными⁶¹.

Женский костюм дополнялся передником, будничным или праздничным. Русские крестьяне называли его запоном. Наименования "передник" и "фартук" заимствованы позднее у городских жителей. Будничные и праздничные запоны-передники различались по материалу, первые шили из холста, а вторые - из фабричной ткани. Кроме того, различия проявлялись в покрое и отделке. Будничные запоны делали из цельных или сшивных домотканых холстин, приспособленных на пояске. Этнографы считают их старой формой⁶². В праздничный костюм включали запоны с нагрудником (с. Большие Ключи Красноуфимского уезда, 1849 год)⁶³. По подолу праздничные запоны-передники украшались лентами, кружевами, ткаными узорами. Оба вида запонов-передников являлись популярными у русского населения Европейской России и Сибири.

Нательную мужскую и женскую одежду обязательно подпоясывали не только из практических соображений, но и в силу сакрального свойства поясов. Среднеуральские крестьяне знали разные виды поясов. Узкие пояса, которые плели без всяких приспособлений, назывались тельниками. Их носили преимущественно мужчины поверх рубах. Пояса с геометрическим орнаментом ткали на маленьких ниченках и на квадратных дощечках-тапках. На ниченках ("на ниту") орнамент по поверхности пояса получался рельефным, а на тапках - гладким. Пояса, изготовленные на ниту, именовались пскромками. Они считались женскими и использовались для подпоясывания сарафанов. На тапках ткали так называемые выкладные (с крупным узором в виде ромбов, треугольников) и именные (со словами-пожеланиями) пояса. Техника изготовления, названия и функции поясов были известны всему севернорусскому населению.

В некоторых случаях при выполнении хозяйственных работ мужчины подпоясывались кожаными ремнями, на которые с левой стороны вешали небольшую сумку с огнивом - кремнистые гальки, железное кольцо, трут для высекаания огня. Рядом с огнивом прикреплялся нож. Иногда огниво вешали на шерстяной пояс⁶⁴.

Верхняя мужская и женская одежда. На Среднем Урале преобладала известная на Европейском Севере и в Сибири распашная одежда. Мужчины и женщины помимо специфических видов одежды имели и общие ее виды, различавшиеся только размерами и материалом. В зимнее время носили овчинные шубы и полушубки, "крытые у важиточных фабричным сукном или нанкою, а у прочих - синим крестьянским сукном или просто дубленые" (с. Спасбардинское Кунгурского уезда, 1848

год)⁶⁵. У состоятельных крестьян к праздничным шубам, крытым чаще зеленой нанкой, китайкой, пришивали "мерлушчатые или белковые воротники" (с.Ляминское Верхотурского уезда, 1849 года)⁶⁶. По разным сведениям на Среднем Урале чрезвычайно многообразием отличались женские шубы. Очевидцы оставили такие характеристики их. В д.Шубинцы Кунгурского уезда в 1720 году "носили шубы крытые крашениной и бобром опушенные"⁶⁷. В с.Серегово Чердынского уезда, по сведениям 1860-х годов "женщины носили меховые шубы крытые синим холстом или базарной материей, с узким меховым воротником, часто лисьем, с борами сзади... при поездке в гости, в деревни, в Чердынь надевали широкие шубы наподобие ретонды, но только с рукавами, с широким воротником, с беличьими хвостиками, крытые базарной материей"⁶⁸.

Многие подробности покроя и отделки шуб находим в этнографическом описании с.Верхне-Чусовские городки за 1848 год: "В зимнее время в простые дни одежду составляет короткая до колен шубейка на белом овечьем меху, крытая по большей части черным плисом с большим крагеном - воротником из белок и широкою выпушкою из тех же белок кругом рукавов, полах и подолу. В праздничное время шубейка заменяется эпанчею на бельем или лисьем меху, а иногда и ватшною крытою парчою или шелковою материей с собольем крагеном - воротником, так же с широкою выпушкою по краям из того же соболя, юбки и кофты тогда бывают из хорошего ситцу, а чаще шелковой материи"⁶⁹. Подгородные крестьяне Ирбита, как пишет очевидец в 1849 году, "надевают шубу, покрытую драдедамом или нанкою с беличьим или лисьим воротником"⁷⁰.

Повседневной крестьянской одеждой были суконные понитки и холщовые шабуры. У понитка спинка выкраивалась из цельного полотнища приталенной. Вверху к ней пришивались два полотнища, переходящие в полы, а ниже талии между спинкой и полами шивались клинья. На спинке и груди пониток имел холщовую подкладку. Воротник оформлялся в виде стойки. Понитки, крытые синим или серым холстом назывались повсеместно гуней, а в Красноуфимском и Пермском уезде - тяжело⁷¹. Гуни и тяжелки являлись рабочей одеждой. Если пониток покрывали фабричными тканями, то их надевали по праздникам.

Шабуры шили из холста с отрезной талией, по которой в ранний период нижнее полотнище собирали в глубокие складки-пластики, а в поздний - в борки. Воротник имел форму стойки. Дольше всего шабуры носили старообрядцы. Реже в качестве повседневной, а чаще - мо-

ленной одежды они бытуют и в наши дни, причем у соборных старообрядцев Верхокамья (бывшие Оханский и Глазовский уезды) они сохранили старый покрой (рис.30)⁷².

У крестьян Среднего Урала шабур трансформировался в некоторые другие типы верхней одежды, имевшие разные названия. В старообрядческой среде долго носили сибирки, имевшие в отличие от шабура лацканы, пышные борки по талии. Состоятельные крестьяне шили их из тонкого сукна (Оханский уезд). В Южном Прикамье и Зауралье одежду типа сибирки называли азямами и армяками (Камышловский и Оханский уезды)⁷³. Сибирки в наши дни донашивают старообрядцы-поморцы Верхокамья⁷⁴. Чекмень выделялся более приталенной формой, отложным воротником, его шили из фабричного, а менее состоятельные люди - из "синего крестьянского сукна" (Кунгурский уезд, 1848 год)⁷⁵. В южных местах Среднего Урала повседневно носили халаты "нанковые", "китайные", "с широким воротником" (с.Верхне-Чусовские городки Пермского уезда, 1848 год; с.Спасбардинское Кунгурского уезда, 1848 год)⁷⁶, в Тагильской слободе (Верхотурский уезд, 1848 год) - "халаты черные, русской шерсти, крыты белым холстом"⁷⁷, в с.Ляминском Верхотурского уезда - "нанковые халаты с плисовыми черными воротниками" (1848 год)⁷⁸, в с.Покровском Ирбитского уезда некоторые крестьяне кроме халатов имели кафтаны (1849 год)⁷⁹. В с.Частинском Оханского уезда корреспондент Русского Географического общества увидел женский холщовый пушпан⁸⁰. У нас нет сведений о его покрое, но в районах Русского Севера он известен только туникообразного вида, распашной.

Распространенной мужской верхней одеждой длительное время являлись зипуны. Источники XVII - первой половины XIX века характеризуют их по-разному: "сермяжные", "темно-зеленые", "анбурские", "серой да белой" и др. Зипун по покрою не отличался от понитка. В делах о кражах в Верхотурском уезде за 1771 год описываются два зипуна, "один сукна синего, другой сермяжного" (Пышминская волость)⁸¹. В Юрлинской волости Чердынского уезда носили "зипун синий крестьянской работы, воротник плисовый" (1826 год)⁸². О покрое и назначении зипунов более точную информацию сообщает в 1849 году корреспондент Русского Географического общества В.Ф.Бурдин из с.Большие Ключи Красноуфимского уезда: "... носят синие и серые зипуны (их еще называют чепанами), то же понитки и тяжелки, только покрыты понаряднее"⁸³. Из нее, как и из приведенных описаний, становится ясно, что зипунами называли не только сермяжный кафтан, но и одежду вида понитка, изготовленную из по-

купных и даже дорогих материй. Зипуны из сермяжного холста и сукна надевали поверх шубы или понитка в дорогу, а в других ходили по праздникам⁸⁴.

Исключительно дорожной одеждой были бешметы, яги, совики. Бешметы шили прямыми, с воротником и капшоном ("башлыком") из сукна, холста. У населения Среднего Урала бешмет появился ближе к середине XIX века в результате заимствований у населения Западной Сибири и Нижнего Прикамья. Ягу шили из конских, собачьих и козлиных шкур мехом наружу, с суконным капшоном ("кашпоу"). Она распространилась только в Зауралье⁸⁵. В Верхотурском уезде были известны яги с высокими воротниками из медвежьих шкур (с. Красная Гора, д. Корчемкина).

Охотники Верхотурского, Соликамского, Чердынского уездов носили длинные совики широкого покроя с капшоном, сшитые из оленьих шкур мехом наружу. Их надевали через голову. Некоторые крестьяне знали малицу - тоже глухую меховую одежду из шкур оленей, но мехом внутрь. В 1826 году поношенную малицу имел крестьянин Мошевской волости Чердынского уезда⁸⁶. Сówki и малицы крестьяне покупали или выменивали у северных манси.

Помимо описанных традиционных видов верхней одежды русские крестьяне Среднего Урала широко использовали при выполнении хозяйственных работ глухие запоны и лузаны (рис. 31). Запоны надевали поверх понитка, шабура, гуни, тяжелка, когда отправлялись обрабатывать пашню, осваивать подсеку, возить навоз, рубить дрова, убирать урожай, молотить зерно и др. Шили их туникообразными из синего холста. Перегнупое по плечам полотнище спереди оставалось длиннее заднего. Боковые вставки и рукава с составными клиньями, ластовицы прямоугольной или квадратной формы пришивались по прямым линиям. Ворот овальной формы обшивался холстом. В позднем варианте вместо ластовиц делали разрез. Надевали запон через голову. При отсутствии застежек его подпоясывали широким поясом. Описанные запоны были распространены еще в 1950-е годы. Сымый ранний образец запона хранится в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), куда он был доставлен в 1889 году из Чердынского уезда секретарем этнографического отдела Русского Географического общества Ф.М. Истоминым⁸⁷. В ряде уездов - Верхотурском, Кунгурском, Осинском, Чердынском - запон называли балахоном⁸⁸. В белых холщовых запонах ездили на городские ярмарки (с. Половодово Соликамского уезда, 1830 год)⁸⁹.

Лузан был рабочей одеждой на охоте и при рыбной ловле. Его

шили из специально сотканного толстого, мягкого, широкого и обязательно поперечно-полосатого сукна (серого или коричневого с белым). Подолнище перегибали по плечам и в середине вырезали овальное отверстие, через которое лузан надевался так, что закрывал грудь и спину. Нижняя часть веревочками привязывалась к туловищу. Чтобы придать лузану прочность, плечи покрывались кожей или холстом. С изнанки пришивался холст. За счет этого образовывались мешки-карманы, которые использовали во время переходов для хранения шкурок зверей, продуктов, дичи, а также необходимых охотнику принадлежностей. По наблюдению П.Н.Крылова, побывавшему у охотников верховьев Вишеры (Чердынский уезд) в 1870-е годы, "в мешки лузанов складывали дичи до 30 штук"⁹⁰. Об универсальности лузана свидетельствуют и другие его детали: кожаные карманы на груди для компаса ("матки"), железная петля на спине для подвешивания топора. Такой лузан был известен во всей лесной полосе. Охотники и рыбаки используют лузаны до сих пор. Ранний его образец, изготовленный в середине XIX века, хранится в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), куда он был привезен в 1889 году из Чердынского уезда тоже Ф.М.Истоминим⁹¹.

Верхняя одежда стягивалась по талии широкими поясами. Документы XVII - первой половины XIX века чаще всего называют их опоясками. Другие сведения об их названиях, кроме письменных, очень скудны. При описании крестьян Юрлинской волости Чердынского уезда в 1826 году отмечается такой набор поясов верхней одежды: "опояска суконная, пестрая, новая", "опояска бумажная с синими полосами", "опояска гарусная", "опояска пестрая овечьей шерсти"⁹². В Кунгурском уезде, по наблюдению С.Буевского в 1850-х годах, крестьяне "опояску... употребляют по большей части тканую из красных, черных, белых, желтых и синих шерстяных либо из синих, белых, холщовых ниток"⁹³. На основании этих данных можно полагать, что у крестьян были пояса из домашней пряжи и покупного гаруса, украшенные полосатым и геометрическим узорами.

Подобные пояса нам известны в большом количестве по позднему периоду. Крестьяне называли их кушаками. Опояски-кушаки для верхней одежды ткали на обычных станках-кроснах или при помощи бердечек - прямоугольных деревянных дощечек с прорезями и сквозными отверстиями для нитей основы.

О связи населения Среднего Урала и Северодвинского бассейна свидетельствуют бытовавшие у русских крестьян Северного Прикамья пояса, которые в документальных источниках названы "красноборски-

ми" (Бонджская и Мошевская волости Чердынского уездов, 1826 год)⁹⁴. Эти пояса изготовляли в Сольвычегодском уезде, в г. Красноборске и его округе, и распрсстраняли через ярмарки по всему Европейскому Северу. В XVII - начале XVIII века в Красноборск доставлялись товары из многих мест Северодвинского бассейна и изделия местных промыслов занимали в обороте Красноборской ярмарки ведущее место⁹⁵. Основа красноборских поясов делалась из однотонной льняной пряжи, а уток - из цветных льняных и шерстяных ниток. Путем чередования цветных нитей в утке образовывались широкие поперечные полосы. Концы поясов украшали кистями и изображениями людей. Мужские фигуры называли "попы", "попи", а женские - "панки"⁹⁶. Аналогичные пояса производились в Велико-Устюжском и Никольском уездах Вологодской губернии⁹⁷.

Головные уборы. По материалам среднеуральских источников можно сделать вывод о типичности и большом разнообразии головных уборов, известных севернорусскому населению.

Мужчины повсеместно носили овчинные шапки, так называемые малахай, с ушами и четырехугольным верхом - "верховищем", покрытым сукном, нанкой, плисом. С исподней стороны вшивался "подскорь шапошной" (Белоярская слобода Верхотурского уезда, 1696 год)⁹⁸. Письменные материалы запечатлели многие особенности мужских шапок разных районов Среднего Урала: "малахай с лисьим околышем" (Петропавловская волость Шадринского уезда, 1852 год)⁹⁹, "опушка из нерпа или тюленя" (Кунгурский уезд, 1858 год)¹⁰⁰, "шапки формой похожие на кучерские, с пестрым меховым околышем, а тулья из материи, верх четырехугольный" (с.Серегово Чердынского уезда, 1865 год)¹⁰¹, "шапка разрезная синяя, плисовая, околыш бобровый" (с.Верхне-Чусовские городки Пермского уезда, 1789 год)¹⁰², "малахай с мерлушчатыми опушками" (Кунгурский уезд, 1858 год)¹⁰³, "шапка долгоухая" (с.Вильгорт Чердынского уезда, 1826 год)¹⁰⁴. Мужчины пожилого возраста в первой половине XIX века носили "треухи... из овчин с ушами вниз опущенными по обе стороны и назад" (с.Частинское Оханского уезда, 1850 год)¹⁰⁵. Выражение "треух бобровый" нам впервые встретилось в судебном деле Кунгурского уезда 1710 года¹⁰⁶.

В летнее будничное время надевали чрезвычайно устойчивой формы валяные колпаки, с цилиндрической или полусферической тульей, поднятыми вверх или откинутыми наружу полями (рис. 29). Верхотурские и чердынские охотники носил шапки из оленьего меха. В

первой половине XIX века среди молодежи получили распространение заимствованные в городе картузы ("фуражки") из сукна, плиса, с плоским цельным верхом, высоким околышем, а также шляпы плисовые, поярковые, с выемкой впереди ("чубак"), сначала привозимые из Вятской земли, а затем и сшитые на месте (Кунгурский уезд, 1858 год)¹⁰⁷. Картузы постепенно вытесняли колпаки.

Женские головные уборы имели отчетливо выраженную этническую специфику. Девушкам в отличие от женщин разрешалось ходить в уборах, не закрывавших волос. Они носили налобные повязки, бедные - из льняной пестряди, однотонного холста, а богатые - из шелка, парчи. По письменным источникам и наблюдениям очевидцев девичьи головные уборы отличались разнообразием. В документах XVII века налобные повязки чаще всего называются "перевязками" (д.Средняя Мечка Кунгурского уезда, 1685 год)¹⁰⁸, "перевязки золотые" носили в Верхотурском уезде (1696 год)¹⁰⁹. Иногда перевязку делали из платка. Например, учитель Кунгурского уезда в этнографических заметках 1858 года писал: "Девки... на головах... носят бумажный платок, а богатые шелковый платок, который повязывают как ленту, оставляя открытою верхнюю часть головы и распустив назади концы платка"¹¹⁰.

Наиболее полное представление об этом типе головного убора дает праздничная перевязка XVIII века из Вильгортской волости Чердынского уезда, находящаяся в собрании Чердынского краеведческого музея¹¹¹. Ее лобная часть из простеганного холста длиной 30 и шириной 12 сантиметров сплошь покрыта спереди серебряным галуном и украшена узорами в виде кругов, распустившихся деревьев, кустов из жемчуга, бисера и стекла. Прикрепленные к перевязке широкие шелковые ленты обвивали голову, скреплялись на ватылке и спускались на спину.

В XVII веке девушки Верхотурского уезда часто носили "венцы мишурные и с кистями мишурными"¹¹². В первой половине XIX века по праздникам, особенно на хороводы, девушки надевали матерчатые венки с лентами или кисточку из бисера" (с.Покровское Ирбитского уезда, 1849 год)¹¹³. Своей формой перевязки, венки и венцы, отмеченные в районах раннего русского заселения на Среднем Урале, оставались близкими круговым девичьим головным уборам, которые были известны во многих районах Русского Севера¹¹⁴. На архаичность подобных головных уборов указывают случаи использования их в свадебной обрядности. Венки символизировали молодость, девичество и поэтому служили материальным воплощением дивьей красоты¹¹⁵.

Женщины заплетали волосы в две косы, укладывали их вокруг темени и надевали уборы, из-под которых никогда не было видно волос. Документальные и вещественные источники показывают, что на Среднем Урале женщины носили почти все известные севернорусскому населению головные уборы: полотенце, кокошник, чепец, сороку, убрус, поддубрусник, подзатыльник, повойник, шамшуру (шамшуру), волосник, очелок, сборник, моршень, наколку, плат (платок), шаль, подшалок.

Платы надевали самостоятельно и в составе других головных уборов. В челобитной из д. Средняя Мечка Кунгурского уезда за 1686 год назван "плат шапошной"¹¹⁶, т.е. платок, которым закрывали головной убор в виде шапочки на макушке. Ранние платы изготовляли из белого однотонного холста, а поздние - из пестряди. Старообрядцы некоторых согласий включали белые платы в состав повседневного, моленного и погребального комплексов. В Верхотамье старообрядцы-поморцы до сих пор надевают с дубасом на время моления, а также и на умершего человека не платок, а "платик" прямоугольной формы, напоминавший полотенце (рис. 30). Повязывание платика отличается от способов ношения обычного платка. Полотнищем покрывают голову, концы под подбородком сводят в пучок и завязывают узким пояском. На умершем человеке платик завязывали так называемой светильной ниткой, которую специально готовили из кудели для погребальной одежды. Отличающийся по форме, способу повязывания и использованию платик, по-видимому, являлся одним из вариантов древнего полотенчатого головного убора¹¹⁷.

В Кунгурских актах 1688 года встречается название древнего полотенчатого головного убора - "убруса с поддубрусником"¹¹⁸, которые обвивали голову и спускались на плечи и спину. В этих же актах упомянуты очелки (передняя часть) и подзатыльники (ленты, закрепленные на затылке под очелками и спускающиеся на спину), которые этнографами признаются частями сложных кичкообразных головных уборов¹¹⁹. К сожалению, у нас нет других источников, позволяющих составить представление о распространении древних полотенчатых и кичкообразных головных уборов среди старожилов русских крестьян Среднего Урала в ранний и поздний период. Имеется лишь заключение В.И.Семевского 1880-х годов без ссылок на источники, согласно которому крестьянки, переселившиеся с мужьями из Тульской губернии на уральские заводы Демидова, сохранили прежние головные уборы: "... невысокие кички, загибавшиеся впереди и оканчивавшиеся наверху почти острием, по лбу подвязывали ши-

тую золотом сороку, а свади простой кумашный подватыльник с узким поументом без кистей. Сверху накидывалась полотняная наметка и укреплялась пришитым к ней шнурком"¹²⁰.

По некоторым документам таможенного делопроизводства XVII - начала XVIII века видно, что часть древних женских головных уборов привозилась из русских городов Европейского Севера и продавалась на Среднем Урале¹²¹.

Согласно наблюдениям корреспондентов Русского Географического общества, в первой половине XIX века допускалось ношение наряду со сложными традиционными головными уборами разных платков, ша-лей, полшалаков. По праздникам надевали "шелковый или батистовый большой платок назад концами", а в будни - "холщовый платок концами вперед" (с.Покровское Ирбитского уезда, 1849 год)¹²². Ближе к городским и заводским центрам носили "бумажный платок, надеваемый на шею, и шелковые косинки, которую увивается голова" (с.Верхне-Чусовские городки Пермского уезда, 1848 год)¹²³, "в храмовые праздники и воскресные дни в церковь ходили накрывшись ситцевым, с крупным цветным рисунком платком, настолько большим, что были закрыты руки" (с.Серегово Чердынского уезда, 1865 год)¹²⁴.

В XVII веке русским крестьянам Среднего Урала были хорошо известны кокошники. В документах различаются кокошники по способу изготовления: шитые шелком, серсбром, золотом - и по материалу: кумашные (кумачные), атласные, красные, золотые, жемчужные, шелковые, белые. Они появились вместе с сарафаном в период первоначального заселения русскими среднеуральских территорий и сохранялись до тех пор, пока существовал сарафанный комплекс (рис. 28). В Верхотурском и Соликамском уездах новобрачная до рождения первого ребенка носила кокошник с налобной принизкой - полоской холста, украшенной бисером, жемчугом, спускающейся на лоб, т.е. почти что налобной повязкой, но без лент, опоясывающих голову¹²⁵.

Форма ранних кокошников остается неизвестной, поскольку в источниках не обнаружено их описания. В собраниях Кунгурского, Пермского, Чердынского краеведческих музеев хранится большое число кокошников середины XIX - начала XX века и несколько образцов XVIII века. Ранние кокошники из с.Губдор, деревень Амбор, Ксенофонтово Чердынского уезда и им подобные из с.Вильгорт, деревень Верхние Ворцева, Данькова этого же уезда, иллюстрации которых приведены в публикациях А.Ф.Теплоухова и И.Н.Ухановой¹²⁶, следует отнести к типу однорогих. Тыльная часть таких кокошников шилась в

виде мягкой шапочки из ярких дорогих тканей, а полукруглый лицевой околыш - очелье - на твердой основе делился на квадраты и сплошь покрывался золотошвейной вышивкой¹²⁷. Возможно, это и есть старинный вид кокошников, так как украшение головных уборов золотым шитьем является давней традицией. К тому же "кокошник золотой" чаще всего навывается в документах XVII века (Верхотурский и Кунгурский уезды)¹²⁸.

Повдние кокошники имели более пологий околыш с острыми концами и украшениями из жемчуга, бисера, крученой золотой и серебряной нити, повумента и даже фольги и пуговиц. Тыльная часть закрывалась платком, а лицевая всегда оставалась открытой. Описанный вид кокошников широко бытовал в северных и центральных губерниях России¹²⁹. Появление его на Среднем Урале следует связывать с заселением теми русскими из Европейской России, которые ведут происхождение от выходцев Владимиро-Суздальской земли (так называемый низовский поток колонизации).

На Среднем Урале выделяется устойчивый район бытования однорогих кокошников с заостренным очельем - нижегородский тип. В середине XVIII века их носили жители заводских поселков Невьянск и Нижний Тагил, а затем и сельские жители округи. Образцы таких кокошников сохранились в Екатеринбургском краеведческом музее и Нижне-Тагильском музее - заповеднике. Для них характерно широкое с приподнятым верхом очелье, украшенное серебряным и золотым шитьем по сложному рисунку. О мастерицах этого района в середине XIX века отзывались как о лучших на Среднем Урале¹³⁰. Этот тип кокошника был занесен сюда крестьянами Балахонского уезда Нижегородской губернии (села Семеново, Хохлома), которых в XVIII веке переселяли на Урал на постоянное жительство и заводские работы¹³¹.

У старообрядцев Верхотурья архаическим головным убором являлся "рогатый колпачок" с налобным выступом. Из повседневного употребления он вышел в середине XIX века и использовался только в свадебном костюме. Его шили в виде мягкой шапочки из однотонного материала. Спереди пришивали рога из куска липы с выступом, обшитые материей. В повдном варианте рога заменили выступом из туго свернутой кудели или лыка. Свади колпачок стягивали тесьмой. Описанный головной убор следует считать традиционным, поскольку наличие зооморфных мотивов служит показателем его древности.

Широко использовались на Среднем Урале мягкие повойники, сборники, чепцы, сшитые из шелковых тканей в виде шапочки на ситцевой или холщовой подкладке, неоднократно называемые в докумен-

тах XVII века¹³³. Тыльную часть их украшали пышными растительными узорами, вышитыми золотыми, реже - серебряными, нитями. Поэтому в документах им давалась такая характеристика: "Повойник тафтяной по самому верху шит золотом" (с.Лялинское Верхотурского уезда, 1777 год)¹³³. Сюжеты вышивки на сохранившихся повойниках рубежа XVIII-XIX веков из Чердынского и Соликамского уездов¹³⁴ имеют аналогии с северодвинскими (рис. 32)¹³⁵.

Повойники на затылке стягивали в сборки тесьмой, вставленной в подшивку нижнего края. Носили их под платками. Один из способов покрытия таких головных уборов описал очевидец: "На голове повязан по самым бровям бумажный платок с опущенными концами по затылку, который покрывает сверх того повойник или кокошник" (Петропавловская волость Шадринского уезда, 1852 год)¹³⁶.

Среднеуральским крестьянам было известно несколько видов шамшур (шашмура - второй вариант наавания), которые женщины по традиции тоже носили под платком. Основу их составлял твердый верх (на простеганном и клееном холсте с берестой) округлой, квадратной или трапециевидной формы, к которому по окружности пришивалась мягкая красивая ткань (яркая однотонная или цветная) с завязками на затылке. Праздничные шамшур украшались полосками лент, позументом, золотыми и серебряными вышивками, также схожими с северодвинскими¹³⁷. В некоторых отдаленных местах Среднего Урала шамшур носили на рубеже XIX-XX веков, их украшали не только вышивками, но и бисером (д.Бахари Чердынского уезда, 1917 год)¹³⁸.

В Кунгурском уезде, по отзывам очевидца 1850-х годов, "шамшур имела род плоской неглубокой шапочки или кички, едва покрывающей две косы, с пристеганными на вате или хлопьях верховищами из цветной материи или шитые золотом"¹³⁹. По словам другого современника, в с.Большие Ключи Красноуфимского уезда "шамшур бывает из золотистой материи" (1849 год)¹⁴⁰. Более подробные сведения о шамшурах сообщил в Русское Географическое общество из с.Песчанского Шадринского уезда И.Смирнов в 1848 году: "Женщины на голове носят шамшур, которая имеет верх кругообразный, крытый красным бархатом или полубархатом и вышитый золотом мишурою около 4-х вершков. На голове шамшур привязывается шелковым или бумажным платком, концы которого завязываются на затылке"¹⁴¹. Некоторые женщины под шамшур надевали волосники - сплетенные из колшовых ниток полусферические каркасы, обшитые холстом¹⁴².

К середине XIX века во многих местах Среднего Урала распространились моршни, наколки, вытесняя более сложные древние головные

уборы. Носили их под платком и преимущественно в составе нового костюма - юбки и кофты. Моршень и наколка обладали одинаковой формой. Моршень шили из ситца, сатина, шелка, бархата без подклада, спереди слегка присборенным, сзади на вздержке. Сшитую из дорогих тканей наколку натягивали на проклеенный холщовый каркас с внутренней обтяжкой из ситца или сатина. По наружной стороне пришивали до 7 цветных лент, кружева, банты. Большие коллекции наколок из пригородных сел Вильгорт, Покча, Серегово Чердынского уезда представлены в собраниях Российского этнографического музея и Чердынского краеведческого музея¹⁴³.

О стадиальности в развитии головных уборов русских крестьян свидетельствуют наблюдения жителя пригородного с.Серегово Чердынского уезда И.К.Бахарева, относящиеся к 1860-1880-м годам: "Замужние женщины носили шамшуры, а в позднейшее время наколки. Все более молодые женщины носили шамшуры, но старухи, которые были на лицо в это время, носили кокошники. У меня в д.Юрино была тетка, она носила кокошник. Кокошники носили не вполне старые женщины, лет на десять старше моей матери"¹⁴⁴.

Моршень имел повсеместное распространение у крестьян, а наколка - только у проживавших возле городских и заводских центров культуры. Часто носили наколку в деревнях по нижней Чусовой. Наколку закрывали красивым платком и фатой - светлым тонким платком или кружевной косинкой.

Украшения одежды. Помимо узорного тканья, вышивки, цветных фабричных материалов, лент и бумажных цветов костюм русских крестьян дополнялся стеклянными и металлическими украшениями. Женщины носили разноцветные стеклянные бусы, серебряные и медные цепочки, перстни и кольца. В судебном деле крестьянина Бондюжской волости Чердынского уезда за 1686 год называются старинные серьги - "пелкишы"¹⁴⁵. "Девичий красный косник" упоминается в челобитной крестьянина Арамашевской слободы Верхотурского уезда от 1695 года¹⁴⁶. По сведениям 1667 года в Верхотурском уезде в богатых семьях к праздничным сарафанам и шубам пришивались "пуговицы серебряные позолоченные и петли мушурные"¹⁴⁷.

В середине XIX века девушки Петропавловской волости Шадринского уезда продолжали носить, по словам очевидца, "серьги серебряные со стеклянными вставками в два ряда", которые в прошлом были широко известны крестьянам других уездов¹⁴⁸. В этнографическом описании с.Вольские Ключи Красноуфимского уезда за 1849 год не

только приведены названия украшений, но и указаны особенности их ношения: "В праздничное время... на шею носят буски, металлические цепочки и бархатинки. Первое украшение венчает шею, концы двух последних опускаются, обогнувшись вокруг шеи, под нагрудником запона, украшающего перед"¹⁴⁹.

Сведения о металлических украшениях слишком фрагментарны, и поэтому говорить об их этноопределяющих чертах невозможно.

Обувь. Основными видами ранней обуви у русских крестьян были лапти, кожаные коты, бахилы, валенки. Можно полагать, что на Среднем Урале лапти носили не все крестьяне, так как в документах, относящихся к некоторым территориям, они не называются. Этот древний вид обуви не являлся повсеместно распространенным и в XIX веке¹⁵⁰. У многих крестьян была возможность шить кожаную обувь.

Русские крестьяне Среднего Урала знали лапти только одного способа плетения - с прямой головкой (носком). Поэтому лапти можно было надевать на любую ногу. Плели их из бересты и лыка. Старообрядцы некоторых согласий (поморцы Верхоямья, часовенные возле горнозаводских центров) предпочитали носить лыковые ("лыченные") лапти, а приверженцы официального православия - лапти из лыка и бересты ("выговорены"). Старообрядцы плели еще лапти "одноковырки" - в один слой, которые предназначались для умерших.

Представление о кожаной обуви дают материалы раскопок ранних русских поселений, описания середины XIX века и образцы, изготовленные в XX веке.

Коты и бахилы являлись мягкой бескаблучной обувью. Швы делались внутренними. Подошвы имели закругленные носки и пятку. Коты шились низкими, не выше щиколотки, а бахилы - с голенищами, поднимающимися до колен. По краю котов пришивались чаще красные опушки. Опушки стягивались вокруг ноги плетеным шерстяным пояском, вставленным во внутреннюю складку. Коты плотно облевали ногу. Бахилы с помощью кожаных ремешков, вставленных во вшитые петли, закреплялись вокруг щиколотки. Бахилы в некоторых районах Среднего Урала называли выворотными, так как сложенные края кожи сначала прошивались, а потом выворачивались вовнутрь. Коты и бахилы носили мужчины и женщины в будни и праздники. Охотники пользовались броднями. Это были тоже бахилы, но с голенищами выше колен. Чтобы предотвратить возможное попадание воды внутрь, в швах между краями прокладывалась узкая полоска кожи.

В исследуемый период охотники и рыбаки носили архаичский вид

обуви - уледи и порубни ("порубенные обутки"). От другой кожаной обуви они отличались низким разрезным голенищем. При надевании на чулок одна сторона голенища накладывалась на другую и сверху обматывалась ремнями. Различие уледей и порубней состояло в том, что первые имели голенище из кожи, а вторые - из грубого домашнего сукна. Уледи и порубни использовали преимущественно для ходьбы на лыжах. Кожа, заготовленная для шитья уледей, называлась "уледницей" (Цидвенская волость Чердынского уезда, 1826 год)¹⁵¹.

С конца XVIII века состоятельные крестьяне всё чаще начинали носить новые виды обуви: в будни - башмаки, а в праздники - ботинки и сапоги¹⁵². В Кунгурском уезде, по наблюдению И. Бердникова в 1848 году, "женщины зимой в праздники обувались в коты или обутки с опушкой красного цвета, а девицы в башмаки с белыми шерстяными или холщовыми чулками"¹⁵³. В с. Черновском Оханского уезда праздничный наряд женщин и девиц дополняли "красные или голубые башмаки" (1849 год)¹⁵⁴. В Пермском уезде, по описанию корреспондента Русского Географического общества П. Первушина 1848 года, "мужчины повседневно зимой и летом носили сапоги, а женщины в летнее время в простые дни башмаки, в праздничные - сафьяновые башмаки, а в зимнее время - вязаные из разноцветных шерстей ботинки"¹⁵⁵. В с. Верхне-Чусовские городки Пермского уезда у крестьян, занимавшихся на рубеже XVIII-XIX веков торговлей, встречались женские башмаки разных видов: павловские, черные суконные, плисовые и даже вышитые золотом¹⁵⁶.

В середине XIX века более разнообразную обувь имели крестьяне южных уездов. В этнографическом описании Петропавловской волости Шадринского уезда, составленном корреспондентом Русского Географического общества А. Н. Зыряновым в 1852-1860 годах, находим в связи со сказанным такое наблюдение: мужчины "зимой употребляют в носке бахилы, головка коих из яловой мериной кожи, подошвы и голяшки из конской, не очерненные, в оригинальном белом или желтом виде, носят выше колен", а женщины - "башмаки сверх нитяных белых чулок из сафьяновой кожи, употребляемые только в большой праздник"¹⁵⁷. Сафьяновая кожа являлась давним предметом заимствования у степных кочевых народов. В разных уездах Пермской губернии были известны "сапоги кожаные кунгурской работы" (Половодовская волость Соликамского уезда, 1830 год)¹⁵⁸.

Валяная обувь называлась по-разному: пимы или валенные сапоги, тюни - валенки (Екатеринбургский, Осинский, Оханский уезды)¹⁵⁹. В с. Песчанском Шадринского уезда крестьяне в 1840-е годы носили пи-

мы, "у которых нижняя часть из кожи, а верх катан из шерсти, обтянуты холстом"¹⁶⁰.

Рукавицы, чулки. В источниках они описывались как в составе комплекса одежды, так и отдельно. Ранние и поздние документы содержат такие характеристики рукавиц: "рукавицы овчинные длинные и под сукном зеленым, опушены бобром" (Новопышминская слобода Верхотурского уезда, 1695 год)¹⁶¹; "рукавицы телятинные" (Верхотурский уезд, 1700 год)¹⁶²; "рукавиц шубницы под сукном темнозеленые" (Арамашевская слобода Верхотурского уезда, 1695 год)¹⁶³; "рукавицы кожаные с вязаными исподками" (с.Покровское Ирбитского уезда, 1849 год)¹⁶⁴; "оленьи рукавицы с одноигольными (способ вязания. - Г.Ч.) исподками" (с.Ляминское Верхотурского уезда, 1849 год)¹⁶⁵; "кожаные, чаще выворотные рукавицы (шубницы) с овчинной шерстью внутрь" (Кунгурский уезд, 1858 год)¹⁶⁶.

Судя по письменным источникам чулки носили "вязаные или сшитые суконные" (Кунгурский уезд. 1858 год)¹⁶⁷; "белые шерстяные или холщовые" (с.Спасбардинское Кунгурского уезда, 1848 год)¹⁶⁸; "сермяжные" (Арамашевская слобода Верхотурского уезда, 1696 год)¹⁶⁹.

Описанные в источниках рукавицы и чулки оставались самыми распространенными. Наряду с чулками носили онучи ("скуты"). Многие крестьяне носили двойные рукавицы. В этом случае внутреннюю рукавицу называли исподкой, так как надевали ее на тело. По нашим полевым материалам видно, что название это бытует до сих пор в местах старого русского заселения - Северное Прикамье, Верхотурье, Сылвенско-Иренское поречье и Верхотурье. По-видимому, традиция эта древняя.

В художественном отношении своеобразием выделяются вязаные изделия русских крестьян верховьев Колвы и соседней верхней Печоры (Чердынский уезд). Здесь рукавицы и чулки для охотников украшались традиционными северными узорами - сорочья лапа, пила, елочка, зубчик, мусник (мучник) разных вариантов (простой, рога-тый, в ящичке). Старинная форма узоров повторяется в вязаных изделиях наших дней. Орнаментацию и терминологию узорного вязания следует считать частью единого художественного направления, известного населению Северной Двины, Пинеги, Мезени, Печоры¹⁷⁰. Подобное узорное вязание знало русское крестьянство других старожильческих мест Среднего Урала. Но во второй половине XIX века оно оказалось забытым.

Комплексы одежды, их этнические и региональные признаки. Прибеденный материал позволяет раскрыть многообразие одежды русских крестьян Среднего Урала в изучаемый период. На раннем этапе - в конце XVI - начале XVIII века - одежда обладала устойчивыми северно-среднерусскими признаками и этнически связывала русское население Среднего Урала с Европейским Севером. С середины XVIII века под воздействием расширяющихся связей крестьянства с городскими и заводскими центрами культуры во многих районах Среднего Урала начинается процесс нивелирования старых видов костюма. В большой степени он охватил территории, на которых проживали крестьяне, ставшие состоятельными благодаря торговле, ремеслу, извозу. В центральных и южных уездах быстрее, чем в северных, дотканина заменялась фабричными тканями. Естественно, изменения эти касались в первую очередь праздничного костюма.

На Среднем Урале широко использовалась на раннем этапе одежда наиболее простого туникообразного покроя - мужские и женские рубахи, дубасы, рабочие запоны. Характерные черты этого покроя дольше всего сохранялись в погребальном комплексе старообрядческого населения. Многие рубахи в середине XVIII - первой половине XIX века уже отличались прямой кокеткой, боковыми клинообразными вставками, зауженными рукавами. Такую рубаху носили со штанами, имеющими широкий шаг. У женщин в более позднее время преобладающими стали рубахи с прямыми поликами. Аналогичные рубахи были известны многим русским Европейской России и Сибири. Женские рубахи с косыми поликами в первой половине XIX века еще имели ограниченное распространение.

Женские рубахи носили с сарафаном, вместе они составляли сарафанный комплекс, хорошо известный северно-среднерусскому населению. У среднеуральских крестьян были распространены три типа сарафанов - туникообразные, косоклинные, круглые (прямые). В середине XVIII - первой половине XIX века в районах с патриархальным укладом жизни большой популярностью пользовались косоклинные сарафаны, а в остальных - круглые (прямые). Как и на Русском Севере, непременной принадлежностью сарафанного комплекса являлись кокошники, повойники, шамшур, чепцы, а в более раннее время - полотенчатые и кичкообразные головные уборы: платы, убрusy с подбрусниками, очелки с подзатыльниками, украшенные по-севернорусски золотым и серебряным шитьем, позументом, жемчугом, бисером. Формы головных уборов и способы их ношения также соответствовали тем, которые знали русские Европейского Севера. Источники

с середины XVIII века гораздо реже содержат сведения о полотняных и кичкообразных головных уборах, что позволяет судить об их редком использовании. Сарафанный комплекс со старинными головными уборами начинает исчезать с середины XIX века. Вначале его стали заменять юбкой и кофтой (парочкой) молодые женщины. В отдаленных местах Среднего Урала (Верхотурский, Оханский, Соликамский, Чердынский уезды) пожилые женщины носили сарафаны, сборники, кокошники, моршни еще в первой четверти XX века.

Сарафаны надевали и девушки, а в качестве головных уборов использовали платки, налобные повязки, венцы, украшенные для праздников золотым шитьем, бисером, стеклярусом. Схемы и техника исполнения узоров оставались типично северными.

Обычной обувью издавна служили кожаные коты, бахилы и лапти русского плетения.

С конца XVIII века в деревню все шире проникают фабричные ткани, украшения и покупная обувь, которые сначала применяются в праздничном, а позднее в будничном костюме. С этого времени приобретает особенности, связанные с материалом и кроем, одежда некоторых социальных категорий крестьянства и отдельных территорий Среднего Урала. При описании одежды крестьян на это постоянно обращали внимание корреспонденты Русского Географического общества. В торгово-ремесленных селах и деревнях, поселениях близ городов и заводов в мужской одежде наблюдаются варианты: ситцевые или нанковые рубахи на кокетке с прямым разрезом на груди, штаны без соединительной вставки из плиса, нанки, кафтан - халат из голубой нанки, суконная фуражка или шляпа, сапоги. Зимой поверх такого костюма надевалась шуба с борами на спине, покрытая фабричной тканью или сукном, шапка - малахай, гарусная опояска.

Женский костюм был более разнообразным: рубахи из ситца, миткаля, сарафан из китайки или ситца, шелковый или батистовый платок; зимой кафтан с борами из сукна или шуба с борами, покрытая китайкой или нанкой с лисьим воротником. В южных уездах раньше и шире носили пояса из гаруса, купленного ча базаре.

Однако, несмотря на восприятие новых элементов одежды, в развитии русского народного костюма долго прослеживались ранние традиции. Это касалось верхней повседневной одежды и одежды, предназначенной для хозяйственных дел. Понитки, шабуры, вipuny, лузаны, запоны не изменили старый покрой. Лишь некоторые понитки покрывались фабричными тканями.

Этнокультурные процессы на Среднем Урале отражены в народной

терминологии - названиях одежды и орудий труда, необходимых для ее изготовления. В Прикамье и Верхотурском уезде она исключительно севернорусского происхождения - дубас, сарафан, пониток, зипун, становина, шабур, кокошник, моршень, шамшура, покровка, тельник, опояска и др. В Южном Прикамье и особенно в Южном Зауралье употреблялись названия, заимствованные у населения более южных, лесостепных районов. Кафтаны из покупных материалов называли сибирками, азиями, халатами, штаны - шароварами. В северных уездах зипун именовали только сермяжным, а в южных - кафтаном, так как шили его из фабричного материала. В юго-восточных уездах кафтаны из верблюжьей шерсти называли только армяками.

Архаические элементы и единообразие одежды как в покрое, так и в материале дольше сохраняло старообрядческое население, особенно в изолированных группах. Из всех групп старообрядцев Среднего Урала наиболее строгие виды одежды со старым покроем, без яркой расцветки носили старообрядцы, приобщенные к соборам-общинам в Верхотурье и поддерживавшие духовные связи с Выговской померской пустыней в Заонежье (Оханский, Пермский, Глазовский уезды). Своей скромностью эта одежда удивляла многих путешественников середины XIX века.

Ряд региональных отличий в одежде возник под влиянием природных факторов. На севере долго сохранялась меховая правдничная и будничная одежда, а также промысловая (совики, малицы, уледи, порубни). На юге больше, чем на севере, использовались меха для отделки верхней одежды (на севере одежду шили целиком из мехов). Имела специфику и дорожная одежда: бешметь, яга на юге и в Зауралье.

По одежде можно было судить о социальном положении крестьян. Покупные дорогие ткани, украшения, головные уборы с золотым и серебряным шитьем приобретали состоятельные крестьяне, занимавшиеся торговлей, ремеслом, отходничеством в караваны и на заводы.

Городская и заводская культура по-разному влияла на крестьянский быт. На раннем этапе - в XVII - первой половине XVIII века, когда в самой городской культуре господствовали севернорусские традиции, - связи крестьян с городским и заводским населением имели результатом не только заимствование, но и упрочение в среде крестьян традиционных видов одежды. Как только городская и заводская культура приобрела с конца XVIII века неоднородные черты, на крестьянскую культуру она стала оказывать уже иное воздействие - способствовала внедрению в крестьянский мир совершенно новых

видов одежды. Городские и заводские фасоны одежды более всего проникали в южные и центральные уезды. В целом же крестьянская одежда Среднего Урала сохраняла северно-среднерусские традиции.

¹ РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.36, л.201.

² ВГМЗ. Кол. 13807, 16043, 22573, 24823, 27082/20; ВУГМЗ. Кол. 15124, 15150; ГАВО. Ф.4389, оп.1, д.144, л.25-27; СИХМ. Кол. 2857.

³ ВУГМЗ. Кол. 23065, 23274; Бежкович А.С. и др. Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры. М., 1959. С.35; Круглова О.В. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1974. С.11.

⁴ Левинсон-Нечаева М.Н. Ткачество // Очерки по истории русской деревни X-XIII в. М., 1953. С.18-19.

⁵ РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.1122, л.113.

⁶ Там же. Ф.1398, оп.1, д.281, л.3.

⁷ ГАПО. Ф.13, оп.1, д.710, л.10.

⁸ ТАМ ЖЕ. Ф.15, оп.1, д.220, л.377.

⁹ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т.2. С.145.

¹⁰ АГО. Р.29, оп.1, д.12, л.9.

¹¹ Полевые материалы, собранные автором в Алапаевском, Верхотурском, Осинском, Соликамском районах в 1976-1989 годах.

¹² АГО. Р.29, оп.1, д.102, л.30б.

¹³ ВГМЗ. Кол.20101, 24926; ВУГМУ. Кол.8948, 23161, 23270.

¹⁴ Кожевникова Л.А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С.107-121.

¹⁵ АГО. Р.29, оп.1, д.12, л.9.

¹⁶ ЧКМ. Ф.4, оп.17, д.65, л.44.

¹⁷ Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951. Т.2. С.112, 346; Т.3. С.18-152, 269-348.

¹⁸ РГАДА. Ф.829, оп.1, д.1707, л.385-490.

¹⁹ Там же. Д.1685, л.3-13, д.1702, л.13; Ф.1111, оп.1, д.144, л.379.

²⁰ Кунгурские акты XVII в. (1668-1699 гг.). Спб., 1888. С.160, 241.

²¹ РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.36, л.235-237.

²² АГО. Р.29, оп.1, д.12, л.4.

²³ ЧКМ. Ф.4, оп.17, д.65, л.44.

- 24 Семевский В.И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устой. Спб., 1882. №1. С.123.
- 25 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.144, л.377.
- 26 ГАПО. Ф.12, оп.1, д.319, л.5.
- 27 Там же. Ф.6. оп.1, д.7, л.3.
- 28 РГАДА. Ф.214, оп.5, д.1065, л.67.
- 29 Там же. Ф.1111, оп.1, д.105, л.17.
- 30 Кунгурские акты XVII в... С.74.
- 31 ГИМ. Ф.14, оп.1, д.638, л.26-66.
- 32 ГАПО. Ф.13, оп.1, д.710, л.3-4об.
- 33 ГАСО. Ф.12, оп.1, д.500, л.17-21об.
- 34 Там же. Л.35-36об.
- 35 Полевые материалы, собранные автором в Сивинском, Чайковском, Чердынском районах в 1983-1989 годах.
- 36 АГО. Р.29, оп.1, д.96, л.6об.
- 37 Полевые материалы, собранные автором в Красновишерском, Соликамском, Чердынском районах в 1975-1981 годах.
- 38 АГО. Р.29, оп.1, д.89, л.9.
- 39 Там же. Д.18, л.2.
- 40 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180, л.24об.
- 41 Полевые материалы, собранные автором в Верещагинском, Кезском, Сивинском районах в 1984-1993 годах.
- 42 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.43, л.176.
- 43 Чистов К.В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С.3-9.
- 44 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.105, л.17.
- 45 Полевые материалы, собранные автором в Лысьвенском, Верещагинском, Кезском, Сивинском районах в 1984-1990 годах.
- 46 ЧКМ. Кол.2561, л.1.
- 47 АГО. Р.29, оп.1, д.24, л.4об.
- 48 Там же. Д.75, л.4.
- 49 Там же. Д.56, л.13.
- 50 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180, л.24об.
- 51 АГО. Р.29, оп.1, д.22, л.1об; Бувевский С. Жители Кунгурского уезда // Ученые записки, издаваемые имп. Казанским университетом. Казань, 1858. Кн.1. С.149.
- 52 СКМ. Кол.2097.
- 53 РГАДА. Ф.1398, оп.1, д.281, л.9.
- 54 Попов Н.С. Указ. раб. С.226.

- 55 РГАДА. Ф.1398, оп.1, д.281, л.9.
- 56 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.4; д.22, л.10б; д.23, л.4; д.93, л.4.
- 57 На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства. М., 1989. С.160-161.
- 58 РЭМ. Кол.7076; СКМ. Кол.3241/8; ЧКМ. Кол.3838.
- 59 Маслово Г.С. Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в XIX - начале XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С.78-85.
- 60 На путях из земли Пермской... С.163; Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992. С.158-159.
- 61 На путях из земли Пермской... С.163.
- 62 Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С.35.
- 63 АГО. Р.29, оп.1, д.31, л.9.
- 64 ЧКМ. Ф.4, оп.17, д.65, л.38.
- 65 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.30б.
- 66 Там же. Д.22, л.10б.
- 67 РГАДА. Ф.1015, оп.1, д.1624, л.1-2.
- 68 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180, л.26.
- 69 АГО. Р.29, оп.1, д.96, л.7.
- 70 Там же. Д.23, л.4.
- 71 Там же. Д.89, л.8; д.56, л.13.
- 72 Полевые материалы, собранные автором в Верещагинском, Кезском, Сивинском районах в 1984-1990 годах.
- 73 АГО. Р.29, оп.1, д.31, л.10б; д.56, л.13.
- 74 Полевые материалы, собранные автором в Верещагинском, Кезском районах в 1987-1991 годах.
- 75 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.30б.
- 76 Там же. Д.96, л.60б.
- 77 Там же. Д.93, л.4.
- 78 Там же. Д.22, л.10б.
- 79 Там же. Д.18, л.20б.
- 80 Там же. Д.31, л.10б.
- 81 РГАДА. Ф.1398, оп.1, д.216, л.9, 19.
- 82 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.3780б.
- 83 АГО. Р.29, оп.1, д.89, л.8.
- 84 Там же. Д.22, л.10б; д.93, л.4.
- 85 Там же. Д.12, л.20б; д.102, л.1.
- 86 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.183.

- 87 МАЭ. Кол.360/6.
- 88 Полевые материалы, собранные автором в Верхотурском, Кунгурском, Осинском, Чердынском районах в 1983-1990 годах.
- 89 ГАПО. Ф.297, оп.3, д.7, л.129-130об.
- 90 Крылов П.Н. Вишерский край: Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Заметки из путешествия по Пермской губернии в 1870-1878 гг. Свердловск, 1926. С.18.
- 91 МАЭ. Кол.360/8.
- 92 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.369об-378об.
- 93 Бувеский С. Указ. раб. С.149.
- 94 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.479-485.
- 95 Мервон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С.572.
- 96 ВУТМЗ. Кол. 8250, 12974, 15805.
- 97 Там же. Кол.8250; Сафьянова А.В. Народное крестьянское жилище Вологодской области (по материалам экспедиции 1966 г.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С.69-70.
- 98 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.455, л.59.
- 99 АГО. Р.29, оп.1, д.102, л.3.
- 100 Бувеский С. Указ. раб. С.149.
- 101 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180, л.23.
- 102 ГИМ. Ф.14, оп.1, д.638, л.37об.
- 103 Бувеский С. Указ. раб. С.149.
- 104 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.23.
- 105 АГО. Р.29, оп.1, д.31, л.1об.
- 106 РГАДА. Ф.1015, оп.1, д.841, л.1-2.
- 107 Бувеский С. Указ. раб. С.149.
- 108 Кунгурские акты XVII в... С.74.
- 109 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.36, л.269.
- 110 Бувеский С. Указ. раб. С.149.
- 111 ЧКМ. Кол.4062.
- 112 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.36, л.226-229, 269.
- 113 АГО. Р.29, оп.1, д.18, л.2об.
- 114 Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX - начало XX в.). М., 1971. С.151.
- 115 Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX- начале XX века. Пермь, 1993. С.36-37.
- 116 Кунгурские акты XVII в... С.74.
- 117 Русские: Историко-этнографический атлас... С.45.

- 118 Кунгурские акты XVII в... С.160.
- 119 Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С.276-277.
- 120 Семевский В.И. Указ. раб. С.129-130.
- 121 Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Указ. раб. С.417-418, 572, 634; Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951. Т.3. С.18, 71, 111, 346.
- 122 АГО. Р.29, оп.1, д.18, л.2об.
- 123 Там же. Д.96, л.6об.
- 124 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180, л.26.
- 125 Полевые материалы, собранные автором в Верхотурском, Соликамском районах в 1976, 1990 годах.
- 126 Теплоухов А.Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып.2. С.130-132; Уханова И.Н. Этнографические наблюдения в Верхнем Прикамье // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С.71.
- 127 ЧКМ. Кол.415, 416.
- 128 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.36, л.258, 260; Кунгурские акты XVII в... С.241.
- 129 Русские: Историко-этнографический атлас... Карта 54.
- 130 Семевский В.И. Указ. раб. С.127.
- 131 РГАДА. Ф.1267. оп.1, д.622,623.
- 132 Там же. Ф.1111, оп.1, д.455, л.59; Кунгурские акты XVII в... С.160-241.
- 133 РГАДА. Ф.1398, оп.1, д.281, л.9.
- 134 МАЭ. Кол.4794; СКМ. Кол.2345; ЧКМ. Кол.4321.
- 135 Маслова Г.С. Северодвинская золотшвейная вышивка // Из культурного наследия народов России. Л., 1972. С.43-47.
- 136 АГО. Р.29, оп.1, д.102, л.3об.
- 137 Маслова Г.С. Северодвинская золотшвейная вышивка... С.43-47.
- 138 ГАПО. Ф.973, оп.1, д.1121, л.6об.
- 139 Бувевский С. Указ. раб. С.148.
- 140 АГО. Р.29, оп.1, д.89, л.9.
- 141 Там же. Д.12, л.4.
- 142 Полевые материалы, собранные автором в Верхотурском районе в 1990- 1991 годах.
- 143 РЭМ. Кол.7076; ЧКМ. Кол.432.

- 144 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.180, л.24-25об.
145 РГАДА. Ф.137, оп.1, д.8, л.34об.
146 Там же. Ф.1111, оп.1, д.144, л.384, 386.
147 Там же. Д.102, л.6.
148 АГО. Р.29, оп.1, д.102, л.6.
149 Там же. Д.89, л.9.
150 Полевые материалы, собранные автором в разных районах Среднего Урала в 1967-1993 годах.
151 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.411.
152 Там же. Ф.680, оп.1, д.180. л.25об; АГО. Р.29, оп.1, д.18, л.2об; д.93, л.4.
153 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.4.
154 Там же. Д.24, л.4об.
155 Там же. Д.96, л.7.
156 ГИМ. Ф.14, оп.1, д.638, л.38.
157 АГО. Р.29, оп.1, д.102, л.3об, 6.
158 ГАПО. Ф.297, оп.3, д.7, л.129об.
159 АГО. Р.29, оп.1, д.31, л.1об.
160 Там же. Д.12, л.2об.
161 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.144, л.378.
162 Там же. Оп.2, д.693, л.1об.
163 Там же. Оп.1, д.144, л.373.
164 АГО. Р.29, оп.1, д.18, л.2об.
165 Там же. Д.22, л.1об.
166 Бувевский С. Указ. раб. С.149.
167 Там же.
168 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.4.
169 РГАДА. Ф.1111, оп.1, д.105, л.17.
170 Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С.177-178; Климова Г.Н. Узорное вязание русского населения Печоры // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С.75-77; На путях из земли Пермской... С.77, 173; Чагин Г.Н. На древней Пермской земле. М., 1988. С.166-167.

Глава V. Взаимодействие этносов Среднего Урала в материальной культуре

На Среднем Урале при общем преобладании русского населения сложилось компактное и дисперсное расселение коми-пермяков, манси, марийцев, удмуртов, татар и башкир (см. главу 1). Поэтому в местах соприкосновения этносов развивались процессы этнокультурной интеграции и ассимиляции. Помимо близости мест проживания на культурное развитие народов влияли многие другие условия, одинаковая конфессиональная принадлежность, единое административное устройство.

От проявления в той или иной степени перечисленных факторов менялись этнические традиции народов и даже такой важный показатель, как этническое самосознание. В этнокультурное взаимодействие вовлекались как целые этнические общности, так и дисперсные их группы. Причем сферы культуры реагировали по-разному. Наибольшую устойчивость проявляла духовная культура, если у соседствующих народов была одна религия. Народ, пребывающий на более низком уровне хозяйственного и культурного развития, чаще принимал заимствования у более развитого соседа.

Раньше всего возникли контакты севернорусских поселенцев с коми-пермяками и манси в Северном Прикамье и верховьях Туры, а затем установились взаимосвязи с марийцами верховьев Сылвы и Уфы, с удмуртами верховьев Буя, позднее - с татарами и башкирами южных территорий Среднего Урала.

Наиболее сложные, но мирные взаимоотношения, затрагивающие многие стороны жизнедеятельности, развивались у русских и коми-пермяков, так как оба народа проживали в сходных экологических условиях, вели однотипную трудовую деятельность, специфичную в пределах локальных природных зон, и, несмотря на сохранявшееся язычество, с XV века были вовлечены в приходские общины официального православия. Для коми-пермяков, обитавших по Каме и ее притокам Вишере, Колве, Уролке, Вильве, Мошевице в центральных районах Чердынского и Соликамского уездов, активно заселявшихся русскими на раннем этапе освоения Среднего Урала, типичными стали этнические процессы этнотрансформационного характера. В конце XVI века эти процессы на данной территории завершились переходом коми-пермяков в русский этнос. У коми-пермяков западных погостов и волостей Чердынского и Соликамского уездов, а также двух дисперс-

ных групп - зюадинцев и язвинцев - шли этнические процессы этноэволюционного содержания. Представители этих ветвей коми-пермяцкой этнической общности хотя и приобрели многие схожие с русскими культурно-бытовые черты, но не утратили главного этнического определителя - этнического самосознания и языка.

Благодаря природной среде, в которой жили манси на Среднем Урале, они выработали две разные формы хозяйствования. Северные - чердынские и лозьвинские (верхотурские) - являлись исключительно охотниками и рыбаками, а южные - по р.Чусовой в Кунгурском и Верхотурском уездах - в отличие от северных раньше освоили оседлый образ жизни и помимо охоты занимались земледелием и животноводством.

При дисперсном расселении на землях манси оставалось много незаселенных мест. Проникновение на них русских на раннем этапе вызывало немало недовольства со стороны манси, так как там находились их охотничьи угодья. Но во второй половине XVII века контакты двух народов приобрели дружественный характер. По этому же периоду известно немало случаев, когда манси занимали у русских крестьян и служилых людей деньги, а под залог отдавали усадьбы, лесные и "путичные" (охотничьи) места и участки рек под мельницы¹. В более ранний период общая природная среда, близкие формы хозяйствования во многом способствовали заимствованию русскими материального быта манси, а на позднем этапе - наоборот. Подобное не наблюдалось в духовной культуре, ибо манси стойко придерживались язычества, а не официального православия, принятого в XVIII веке. Манси насильственно приобщали к религии русских - православию - путем крещения лозьвинских в 1721, а вишерских - в 1751 году². Чусовских манси И.Идес в 1692 году застал язычниками³, а И.Г.Георги в 1771 году - христианами, "продолжающими идолопоклонство"⁴. Этнокультурные контакты манси и русских развивались в направлении ассимиляции манси.

Этнокультурное развитие компактной группы удмуртов Осинского уезда оказалось детерминировано в большей степени не русскими, а башкирами, с которыми прямые контакты начались значительно раньше.

Марийцы верховьев Сылвы и Уфы (на раннем этапе входили в Кунгурский уезд, а с 1780-х годов - в Красноуфимский), с давних пор проживавшие компактно и чересполосно с русскими, башкирами и татарами, по-разному реагировали на культуру соседнего населения. Сылвенские (кунгурские) и уфимские (красноуфимские) марийцы через

общение в хозяйственной сфере допускали заимствования из материальной культуры русских, а марийцы юга Красноуфимского уезда - башкир и татар. В позднем периоде некоторые элементы культуры тюркских народов через южных марийцев проникли к более северным - красноуфимским и сылвенским. Контакты в сфере духовной культуры с соседними народами не допускались, так как среднеуральские марийцы оставались язычниками.

Прямые и длительные контакты проживавших на смежных территориях башкир и татар способствовали формированию многих общих элементов не только в материальной, но и в духовной культуре народов. Близость традиционных черт поддерживалась общей духовной основой - мусульманством. Представленная в зрелом виде религия одновременно создавала серьезный барьер иноэтническим заимствованиям.

В связи с тем, что предметом нашего исследования из всей сферы этнической культуры русских крестьян Среднего Урала избраны поселения, жилище и одежда, мы на этих же основных комплексах культуры жизнеобеспечения покажем этнокультурные связи русских крестьян с другими исторически сложившимися народами Среднего Урала. В освещении данного вопроса мы не будем подробно характеризовать саму материальную культуру нерусского населения, а коснемся только тех ее проявлений, по которым можно судить об этнокультурном взаимодействии народов.

§ 1. Взаимосвязи русских и коми-пермяков

Формирование русского населения и сложение коми-пермяцкой народности в Северном Прикамье шло в обстановке теснейшего контакта народов, в котором заметную роль играли русские. Как уже подчеркивалось, в этнических взаимосвязях обоих народов до начала XVIII века на центральной территории расселения, т.е. приближенной к уездным городам Чердыни и Соликамску, преобладал процесс ассимиляции коми-пермяков. С начала XVIII века стабилизируются границы расселения коми-пермяков, в том числе обособленных этнических групп зюдинцев и язвинцев, которые оставались неизменными до середины XX века.

Типичным примером того, как русские поселялись в коми-пермяцком населенном пункте и влияли на местное население, является история погоста Вильгорт, расположенного на 18 верст севернее Чердыни. История Вильгорта (название погоста, ставшего в пос-

ледствии селом, образовано из двух коми-пермяцких слов: виль - новый, горт - родина, родное поселение, дом) началась с XII века с Вымкорского городища, находившегося при впадении р.Цидва в Колву. По местному преданию, записанному в XIX веке, русские селились вместе с коми-пермяками как на городище, так и западнее городища, осваивая новую территорию по правому берегу ручья, впадающему в р.Цидва. С конца XVIII века западную половину села, заселенную только русскими, стали называть русской стороной, а восточную, где находилось городище, - пермяцкой⁵. Оба эти названия не забыты и в наши дни.

Известны примеры, когда русские крестьяне (в данном случае из числа внутренних мигрантов) селились не на окраине ойкумены коми-пермяков, а в местах их компактного проживания. Если русских было немного, то они, как правило, опермячивались. Следы таких процессов нашли отражение в названиях поселений. Например, в Чердынском уезде в Косинской и Юксеевской волостях возникли две деревни с названием Москали и одна деревня Москвино, в которых по данным VII ревизии 1834 года проживали одни коми-пермяки⁶. В то же время ниже этих деревень по р.Кама на границе расселения коми-пермяков и русских было положено начало еще двум деревням с названием Москали (впоследствии, как уже писали, они слились в одну деревню), где проживали одни русские. Сложившийся этнический состав населения в этих деревнях сохранялся до начала XX века⁷.

В обоих случаях название Москали пошло от коми-пермяков, считавших поселившихся русских (в первом случае большинство их опермячилось) выходцами из-под Москвы. Но, возможно, прямыми выходцами оттуда они не были, так как миграции извне в Чердынский уезд на рубеже XVIII-XIX веков не наблюдались и русские первопоселенцы могли прийти из старожильческих мест Северного Прикамья.

В ряде районов Северного Прикамья, оказавшихся в зонах контактов народов, были поселения, где долго сохранялось этнически смешанное население. Например, коми-пермяцкое население д.Немзя, расположенной на границе расселения русских и язьвинских коми-пермяков, уже в середине XVIII века стало обрусевшим⁸. Некоторые крестьяне, из числа тех, кто положил в XVIII веке начало этнографической группе русских юрлинцев ("русскому острову") в Чердынском уезде по рекам Лопва и Юм (притоки Косы), брали жен из соседних коми-пермяцких деревень Соликамского уезда, которые вскоре забывали родной язык. В другом регионе проживания коми-пермяков - верховьях Язьвы - в XIX веке д.Пьянково основали

несколько русских мужчин, переселившихся из с.Усть-Боровского Соликамского уезда. Почти все они женились на коми-пермяцких девушках, которые родной язык не забыли, так как на нем стали говорить их мужья, а потом и дети. Население д.Пьянковой осознавало свою принадлежность к язвинской группе коми-пермяков⁹.

Деревня Пудьва в верховьях р.Язьва, основанная в начале XIX века родом Паршаковых, вышедшим из коми-язвинской деревни Паршаковой¹⁰, вскоре превратилась в крупный духовный центр старообрядцев-беглопоповцев Северного Урала. Некоторые мужчины д.Пудьва брали в жены русских из соседних деревень Соликамского уезда, которые переходили на коми-пермяцкую разговорную речь. Процесс опермячивания русских женщин в д.Пудьва наблюдался еще в 1920-е годы. Старожилы нам рассказывали, что через полгода русские женщины говорили по-пермяцки на любые бытовые темы¹¹.

В Северном Прикамье сложилось немало преданий об основании поселений и людях, проживавших в них. Так, жители с.Гордино, возникшего в середине XVIII века в 30 верстах от истока Камы, на границе расселения русских и зюадинских коми-пермяков, помнили, что первопоселенцами здесь были коми-пермяки, выходцы из д.Харино, расположенной ниже по Каме¹². Коми-пермяки в с.Гордино и вокруг него обрусели рано и в середине XIX века путешественники уже не встречали здесь ни одного коми-пермяка. Контактам народов на верхней Каме служила традиция общения, выявленная по археологическому материалу XV-XVII веков¹³.

От с.Гордино вниз по р.Кама находилась основная территория расселения зюадинских коми-пермяков. Здесь большая часть поселений возникла в середине XVIII века, когда происходила миграция коми-пермяков в направлении с севера (по Каме) на юг, пока не произошла встреча с удмуртами (вотяками), двигавшимися с юга на север¹⁴. Эта обособленная группа коми-пермяков хотя и оказалась в иноэтническом окружении, но до XX века сохраняла многие черты, образующие ее специфичный культурный облик. По этому поводу доктор медицины Хомяков, проводивший в 1910 году краниологические исследования в верховьях Камы, писал: "Встретил население довольно плотное, почти исключительно говорящее по-русски, по происхождению - пермяки, ведущие свой род с берегов Иньвы (точнее с верхнего течения Камы), по вере - около половины раскольники, без всяких признаков вырождения, с вотяками и татарами не брачатся, коренных русских среди них мало и смешения с ними почти не наблюдается"¹⁵.

В XVII-XVIII веках у большинства коми-пермяков сохранялись традиции расселения в древних очагах их формирования. Так, у язьвинских коми-пермяков обозначились три очага - погост Верх-Язьва с д.Кичигино (род Кичиги), деревни Верхняя и Нижняя Бычина (род Бычи), деревни Арефина, Антипина, Паршакова (род Антипы и Паршака). От названия родов здесь пошли самые распространенные фамилии.

Крупные деревни возникали путем слияния близко расположенных починков, образованных большим семейным коллективом. Например, к центральной части д.Антипиной, заселенной родом Антипы, примкнули четыре конца - Ипатово, Мироново, Нефедово и Карьело, из которых три конца названы тоже по именам первопоселенцев, а четвертый - по особенностям местности (словом "карьело" в местном языке обозначают высокие места)¹⁶.

К сожалению, не обнаружены источники, характеризующие усадьбы коми-пермяков XVII- первой половины XVIII века, за исключением лишь нескольких усадеб язьвинских коми-пермяков, описанных в 1627-1639 годах¹⁷. Но документальные сведения второй половины XVIII - начала XIX века таковы, что позволяют видеть особенности более ранней строительной культуры коми-пермяков. Материалы, орудия труда, техника возведения построек у коми-пермяков оставались аналогичными русским. Своеобразие техники строительства коми-пермяков - лишь в более широком и длительном использовании архаичной заплотно-столбовой конструкции стен и самцовых безгвоздевых крыш.

Рассмотрим жилые и хозяйственные постройки язьвинских коми-пермяков, описанные в связи с разделом наследства между пятью сыновьями Паршаковыми в д.Паршаковой, доставшегося им не только от отца, но и от деда. Время описания - 1627-1639 годы - и указание на то, что "некоторые строения были старыми и ветхими", позволяют отнести комплексы построек Паршаковых к середине XVI века.

Во всех четырех усадьбах жилая часть и крытый двор представляют собой, как и у русских, единый комплекс. Жилищем служили избы с сенями, соединенные по типу однорядной связи с двухъярусными дворами. Иабы, судя по источникам, были "большими", "высокими", "на подклетах"¹⁸. Во дворах находились "синницы с хлевом", "сенник на подклете" или "по два сенника с подклеты", а в некоторых случаях - "клеть наземная". Кроме того, в двух усадьбах стояло по "веже с погребом"¹⁹. Вежами в XVI-XVII веках назывались отдельные постройки, предназначенные для кухни²⁰. Амбары-житницы, используемые для хранения зерна и муки, располагались как возле жилых

строений, так и в стороне, даже на другом берегу р.Пулт²¹. За речкой Пултом стояли "овины з гуменником"²². На все большее хозяйство Паршаковых имелась одна мельница по р.Пулт.

Таким образом, усадьбы язвинских коми-пермяков в середине XVI - начале XVII века включали те же постройки, что и усадьбы русских крестьян Северного Прикамья, занятых земледелием, животноводством и охотой. Просматриваются общие черты в конструкции построек: избы на высоком подклете, двухъярусные дворы, однорядная связь двора и жилища под двускатной крышей. Под влиянием русских у всех групп коми-пермяков распространилась и стала преобладающей двухрядная связь усадеб, при которой трехкамерное жилище ставилось длинной стороной к улице. Подобных усадеб, например, не имели коми-зыряне, не испытывавшие влияния русских²³.

Коми-пермяцкое жилище второй половины XVIII - начала XIX века можем охарактеризовать на основе описаний 35 усадеб, выявленных в 6 волостях Чердынского уезда в 1825-1827 годах²⁴ (табл. 17). Жилище варианта "изба черная, сени, клеть" (трехкамерная связь) обнаружено в 23 усадьбах, что составляло 65,8% всех установленных по документу типов (табл. 18). Жилищ варианта "изба, сени" (двухкамерная связь) было 3, или 8,6%. В 8 усадьбах трехкамерная связь имела две жилые избы, из которых в 4 случаях одну называли горницей. Доля нового варианта жилища составляла 22,8% (табл. 17, 18). И один жилищный комплекс состоял из горницы и сеней (2,8%). Таким образом, в 1825-1827 годах у косинско-камских коми-пермяков, входящих в Чердынский уезд, насчитывалось 31 трехкамерное связевое жилище, это 85,6% описанных усадеб (табл. 18). Старые и новые варианты жилища наблюдались в это же время и у русских крестьян Чердынского уезда (табл. 15).

О трехкамерном жилище как о преобладающем у северной (гайнской) группы косинско-камских коми-пермяков Чердынского уезда писал в 1848 году в ответе на вопрос анкеты Русского Географического общества священник Н.Попов: "Домостроительство во всем нашем приходе у жителей: изба с печью битой из глины без трубы ко крыше - черная, клеть не мшюная и между избой и клетью делаются в столбах сени, под клетью погреб, в коем к лету навозится снег, подле избу и клеть строится двор и клев для скота. Анбар и бани строятся за жительство (в стороне от жилища. - Г. Ч.)"²⁵.

В первой половине XIX века внутренняя планировка и обустройство жилища соответствовали тем, что знали русские крестьяне всего Северного Урала. Севернорусские черты были присущи как черным,

Жилые и хозяйственные постройки
коми-пермяков Чердынского уезда в 1825-1827 годах

Должность главы хозяйства	Тип жилища	Устройство окон	Характер печи	Хозяйственные постройки
---------------------------	------------	-----------------	---------------	-------------------------

Г а й н с к а я   в о л о с т ь

Голова волости	Изба-сени-клеть, ветхие	В избе 3 волоковых окна, 1 колодное со стеклянными окончинами, в клетки 2 волоковых со стеклянными окончинами	-	Хлев, конюшня, амбар
Староста волости	Изба-сени-клеть	В избе 5 волоковых окон со стеклянными окончинами, в клетки 2 волоковых	-	За клетью двор, 2 хлева, амбар, конюшня, крытые тесом
Сборщик подушный	Изба-сени-изба, ветхие	В одной избе 4 волоковых окна, в другой - 1 волоковое, 3 колодных со стеклянными окончинами	Обе печи битые, заслонки деревянные	Амбар, крыт тесом и берестой
Сборщик подушный	Изба-сени, новые	4 волоковых окна, 1 колодное со стеклянными окончинами	Печь битая, заслонка деревянная	2 хлева, амбар елового лесу
Сборщик землемерный	Изба-сени	2 колодных окна, 1 волоковое со стеклянными окончинами	-	Задворье елового лесу

Продолжение табл. 17

Должность главы хозяйства	Тип жилища	Устройство окон	Характер печи	Хозяйственные постройки
Сборщик рекрутский	Изба новая-сени-изба ветхая	В каждой избе по 2 волоковых окна и по 1 колодному	-	Задворье при избах
К е л и ч е с к а я в о л о с т ь				
Голова волости	Изба-сени-изба	В одной избе 5 окон волоковых с брусинными окончинами, во второй - 2 волоковых	Печь битая, заслонка деревянная	Задний двор с 3 хлевами, анбар с переданбарьем
Староста волости	Изба-сени-изба	В одной избе 5 окон волоковых с брусинными окончинами, в одном окне со стеклянной окончиной, в другой избе 3 окна	Печь битая, заслонка деревянная	Двор с 2 хлевами, анбар крыт берестой, баня с крышей на один скат жердями
Сборщик подушный	Изба-сени-клеть	В избе 1 колодное с брусинной оконницей, 4 волоковых со стеклянными оконницами	Печь битая, заслонка железная	
Ч а ж е г о в с к а я в о л о с т ь				
Голова волости	Изба-сени-клеть	В избе 1 окно с брусинной оконницей, 3 волоковых, 1 оконница стеклянная, в 2 брусинная, в клетки 1 колодное, 1 волоковое	Печь битая, заслонка деревянная	Двор с 2 хлевами

Должность главы хозяйства	Тип жилища	Устройство окон	Характер печи	Хозяйственные постройки
Староста волости	Изба-сени-клеть, епанешная крыша крыта тесом	В избе 2 волоковых, 2 колодных окна с бумажными окончинами	Печь битая, заслонка деревянная	За домом двор с 2 хлевами
Сборщик подушный	Изба-сени-клеть, ветхие	В избе 1 колодное, 2 волоковых окна со стеклянными окончинами, в клетки 2 окна - колодное и волоковое со стеклянными окончинами	Печь битая, заслонка деревянная	Амбар
Сборщик подушный	Изба-сени-клеть	В избе 1 колодное, 3 волоковых окна, в клетки 2 волоковых, оконницы стеклянные	-	Двор с 2 хлевами, амбар
Сборщик землемерный	Изба-сени-клеть	В избе 1 окно колодное со стеклянной окончиной, 2 волоковых с брусинными окончинами	Печь битая, заслонка деревянная	-
Сборщик рекрутский	Изба-сени-горница, под горницей подыбница	В горнице 4 окна колодных, в подыбнице 2 волоковых и 2 колодных	Печь битая, без заслонки, в подыбнице печь битая с трубой без заслонки	Двор с 2 хлевами, амбар

Должность главы ховаяйства	Тип жилища	Устройство окон	Характер печи	Хозяйственные постройки
----------------------------	------------	-----------------	---------------	-------------------------

З у л и н с к а я   в о л о с т ь

Голова волости	Изаба-сени-клеть	3 волоковых окна, 1 колодное	-	Анбар, крытый драницами с берестой, анбар, крытый скальем
Староста волости	Изаба-сени-клеть	-	-	Дьор
Сборщик подушный	Изаба-сени-клеть	4 окна волоковых со стеклянными оконницами	Печь битая, заслонка деревянная	Двор с 2 хлевами, крыт тесом и берестой
Сборщик землемерный	Изаба-сени-клеть, новые	В избе 4 окна волоковых, оконницы брусинные	Печь битая, заслонка деревянная	Двор с 2 хлевами
Сборщик рекрутский	Изаба-сени-клеть	4 окна волоковых с окончинами брусинными	Печь битая, заслонка деревянная	Двор крытый драницей
Отдатчик рекрутский	Изаба-горница новые, клеть-сени старые, под горницей изба	В избе 2 окна колодных, 4 волоковых со стеклянными окончинами	В избе печь битая, заслонка деревянная	Двор с 3 хлевами

Продолжение табл. 17

Должность главы хозяйства	Тип жилища	Устройство окон	Характер печи	Хозяйственные постройки
---------------------------	------------	-----------------	---------------	-------------------------

К о ч и н с к а я   в о л о с т ь

Голова волости	Иаба-сени-клеть	1 колодное окно, 4 волоковых со стеклянными окончинами	-	Двор крыт тесом
Староста волости	Иаба-сени-клеть	4 волоковых окна со стеклянными окончинами	Печь битая, заслонка деревянная	Задворье с 2 хлевами
Сборщик подушный	Иаба-сени	5 волоковых окон, в 2 окончины стеклянные, в прочих без окончин	Печь битая	Двор, 2 хлева, крытые тесом
Сборщик землемерный	Иаба-сени-клеть	В избе 4 волоковых окна, 1 колодное со стеклянными ветхими окончинами	-	Двор
Сборщик рекрутский	Иаба-сени-клеть	В избе 3 волоковых окна, 1 колодное, в них 2 окончины стеклянных, 2 брусинных	Печь битая	Задний двор с хлевом
Отдатчик рекрутский	Иаба-сени-клеть	В избе 3 волоковых окна	Печь битая, заслонка деревянная	Хлев крыт тесом

С е д и щ е н с к а я   в о л о с т ь

Голова волости	Горница-сени, под горницей подвал	5 окон колодных со стеклянными окончинами	Печь кирпичная	2 хлева и задний двор
----------------	-----------------------------------	---	----------------	-----------------------

Окончание табл. 17

Должность главы хозяйства	Тип жилища	Устройство окон	Характер печи	Хозяйственные постройки
Староста волости	Изба-сени-клеть	В избе 5 волоковых окон с брюшинами, в клетки 2 таких же без окончин	Печь битая, заслонка деревянная	Двор
Сборщик подушный	Иаба, сени-клеть, ветхие	В избе 4 окна с брюшинами	Печь битая, заслонка деревянная	Хлев скотский, конюшня, крытые тесом
Сборщик подушный	Изаба-сени-горница	В избе 4 волоковых окна, 1 колодное с бумажными оконницами	Печь битая, заслонка деревянная	Двор
Сборщик землемерный	Изаба-сени-клеть	В избе 4 волоковых окна, в 2 оконницы стеклянные	Печь битая, заслонка деревянная	Задворье с хлевом
Сборщик рекрутский	Изаба-сени-клеть, ветхие	В избе 1 колодное, 5 волоковых окон	-	На заднем дворе хлèves

Примечание: Таблица составлена по данным следующего источника: ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.357-364, 381-398, 438-462, 192-499

Жилище коми-пермяков
Чердынского уезда в 1825-1827 годах

Тип жилища	Число жилищ	
	абс.	%
Изба - сени - клеть	23	65,8
Изба - сени - изба	4	11,4
Изба - сени	3	8,6
Изба - сени - горница	4	11,4
Горница - сени	1	2,8
ИТОГО	35	100

Примечание: Таблица составлена по данным следующего источника: ГАПО. Ф. 15, оп.1, д.220, л.357-364, 381-398, 438-462, 492-499

так и белым избам. Автор интересного этнографического очерка о зюэдинских коми-пермяках, неоднократно бывавший у них в 1870-е годы, оставил подробное описание курной (черной) избы в д.Пашнино по р.Кама: "Над дверями широкие полаты, на половину (по высоте) делят комнату. По высоте полатей в переднем углу идут полки. От входа налево большая битая печь без трубы. Потолок черный от копоти. Над печкой в потолке отверстие для выхода дыма. По стенам широкие лавки. Три небольшие окна с цельными стеклами. Стол с расписной крышкой, сработанный кочующими вятскими столярами. Стан для тканья холстов и деревянные стулья дополняют убранство избы"²⁶. Другой путешественник - Н.П.Блинов, посетивший зюэдинских коми-пермяков в 1860-е годы, о жилище отозвался так: "Избы у пермяков отапливаются по-черному, дым выходит через окно в стене "сенной", то есть у сеней"²⁷. В обеих информациях отмечается несколько важных этнических признаков интерьера. Печь находилась слева от входной двери, и в этом случае передним углом (его называли "ен-угол", так как "Ен" по-коми-пермяцки - Бог) считался тот,

Таблица 19

Конструкция окон в 35 коми-пермяцких
усадебях Чердынского уезда в 1825-1827 годах

Тип окна	К о л и ч е с т в о о к н					
	В избе	В горнице	В келти	В под- избице	Всего	
					абс.	%
ВОЛОКОВОЕ						
стеклянные						
окончины	62	-	5	-	67	49,3
брюшинные	33	-	2	-	35	25,7
бумажные	6	-	-	-	6	4,4
деревянные						
обоюнья	18	-	8	2	28	20,6
ВСЕГО	119	-	15	2	136	100
КОЛОДНОЕ						
стеклянные						
окончины	12	5	-	-	17	43,6
брюшинные	2	-	-	-	5	5,1
бумажные	3	-	-	-	3	7,7
без укаваний						
окончин	4	4	7	2	17	43,6
ВСЕГО	21	9	7	2	39	100
ИТОГО	140	9	22	4	175	-

Примечание: Таблица составлена по данным следующего источника:
ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.357-384, 391-398, 438-462, 492-499

что был по диагонали от печи. О таком варианте, встречающемся у русских крестьян Среднего Урала, мы писали как о старом и более традиционном. Именно при этом интерьере во время моления мужчины стояли у своей, мужской, лавки, а женщины - слева и тоже у своей, женской, лавки, которая была единой для кути-кухни и переднего угла избы.

Описания показывают, что существовало два способа дымоудаления: через окно в стене, обращенной в сени или через отверстие в потолке над печью. По мнению многих исследователей и нашим наблюдениям первый способ применялся в русском жилище Европейского Севера, Сибири, а второй - преимущественно в жилищах финно-угорского населения: карел, вепсов, удмуртов, коми²⁸. О преобладании потолочного дымоволока пишут все изучавшие жилища этого народа²⁹. Очевидно, стеной дымоволока, о котором сообщил путешественник, явился следствием влияния русских на аюдинских коми-пермяков. На другой контактной территории в Чердынском уезде стеной дымоволока имели русские юрлинцы, а потолочный - соседние коми-пермяки³⁰. При типологической общности интерьера русского и коми-пермяцкого жилища последнее отличалось наличием против печи на лавке в углу кути двух каменных жерновов, на которых "женщины каждое утро мелют хлеб для печения" (с. Гайны Чердынского уезда, 1848 год)³¹.

Важным показателем истории и культурного облика жилища является сочетание ранних и поздних вариантов окон. Из документального описания в 1825-1827 годах 35 жилищ коми-пермяков в 6 волостях Чердынского уезда нами извлечены сведения о конструкции 175 окон, из которых 140 были в избах, 9 - в горницах, 22 - в клетях, 4 - в подыбницах (табл. 19). Окон архаической конструкции - волоковых - насчитывалось 136, что составляло 77,7% их общего числа, а более совершенных - колодных - 39 (22,3%). Из 175 окон 84 имели "стеклянные окончины" (48%). Волоковые окна закрывались наглухо деревянными сдвижными ставнями - "обоконьями". Но таких в 1825-1827 годах встретилось только 28 (18 в избах, 8 в клетях, 2 в подыбницах) из 136 - 20,6%. В остальных случаях вставлялись рамы - "окончины" со стеклом - 67 (49,3%), "с брьюшиной" - 35 (25,7%), "с бумагой" - 6 (4,4%). Колодных окон по сравнению с волоковыми устраивали еще немного. Из 39 описанных в 1825-1827 годах 17 имели "окончины стеклянные" (43,6%), 2 - "брюшинные" (5,1%), 3 - "бумажные" (7,7%), об "оконницах" 17 колодных окон (43,6%) сведения не приведены.

В коми-пермяцком жилище сложилась своя система расположения

окон (табл. 18). Из 3 волоковых окон 2 находились в переднем углу (по одному на каждой стене), а третье - в кути-кухне против печи. Если в жилище прорубалось пятое окно, то 4 находились в переднем углу (по 2 на обеих сторонах), а пятое, чаще волоковое, - в кути-кухне (рис. 33). Большие колодные окна (позднее их стали называть косячатыми, если грубые колоды заменяли тесаными косяками) со стеклянными рамами - "окончинами" - устраивались посередине передних стен, рядом с волоковыми. Такую закономерность в расположении окон у коми-пермяков не раз подчеркивали очевидцы в своих записках³².

У коми-пермяков, как и у русских, замена в трехкамерном жилище клетки второй жилой избой (а иногда и горницей) сопровождалась перестройкой черных изб на белые. Но у русских крестьян этот процесс шел быстрее, чем у коми-пермяков. К тому же все новшества в интерьере, конструкции окон, крыши, которые наблюдались у русских в первой половине XIX века, появлялись и у коми-пермяков, но по сравнению с русскими с опозданием, с меньшим - у южных, иньвенских коми-пермяков, большим - у северных. Кстати, в первой половине XIX века только у иньвенских коми-пермяков стали отмечать новый тип усадьбы с покоеобразной застройкой и домом-пятистенком. Для возведения их пользовались услугами вятских плотников³³.

У северных (косинско-камских, язвинских) и зюдинских коми-пермяков дольше сохранялись самцово-слеговые конструкции крыш, на которых чаще, чем у русских, встречались скульптурные зооморфные украшения - коньки на охлупных бревнах и курицы на клюках-корневищах (рис. 33). В этом коми-пермяки обнаружили свое высокое искусство обработки дерева³⁴. Стропильные конструкции крыш на гвоздях в первой половине XIX века коми-пермякам были еще не известны.

Взаимосвязи двух народов отразились в хозяйственных постройках. В XVIII веке коми-пермяки заимствовали русский овин, заменив им хлебосушильни примитивной конической формы из жердей, поставленных над ямой с костром³⁵. Русские на территориях с преобладающим охотничьим промыслом перенимали от коми-пермяков удобную и простую срубную постройку - чамью - на высоких столбах (одном или четырех), в которой сберегались от хищных птиц и зверей продукты охотников и добытая дичь, пушнина (рис. 34).

Показателем этнокультурных взаимовлияний русских и коми-пермяков служит и одежда. Общность в ее составе, покрое, назначении и терминологии свидетельствует об общих древних путях развития

Рис. 33. Изба зюэдинских коми-пермяков 1840-х годов
в д. Пашнино Глазовского уезда

Рис. 34. Чамья язьвинских коми-пермяков 1860-х годов.
Чердынский уезд

народов и длительной активности их исторических контактов.

В отличие от русских коми-пермяки шили одежду, даже праздничную, преимущественно из материалов собственного производства. Холст и сукно коми-пермяки изготавливали в домашних условиях по технологии, которая была известна и русским крестьянам. Коми-пермяцкие мастерицы владели навыками узорного, браного и закладного ткачества, а также вышивки. Привозные ткани были доступны небольшой части зажиточных коми-пермяков, связанных с ярмарочной торговлей, и тем, кто занимался отхожим промыслом. Раньше остальных полного сходства достиг мужской нательный и верхний комплекс. У коми-пермяков распространилась русская рубаха-косоворотка туникообразного покроя с разрезом на правой стороне и невысоким стоячим воротником, которая бытовала и у других финно-угорских народов³⁶. Штаны по покрою напоминали русские. Их концы зауживались и заправлялись онучами.

Женской нательной одеждой служила длинная рубаха и сарафан севернорусского вида. Покрой коми-пермяцких и русских рубах был одинаковым. Сначала их шили целиком из белого льняного холста, а позднее верхнюю часть - рукава - из пестряди или покупных тканей. Эволюция покроя женских рубах была той же, что и у русских. Ранние туникообразные рубахи изготавливали из перегнутого вдвое полотнища, к которому по бокам пришивали клинья. Вверху оставались проймы для рукавов. Воротник обшивался полоской ткани и собирался в сборку, разрез на груди был прямым. Рукава кроились прямыми, снизу к ним пришивались клинья, а в местах соединения со станом - квадратные ластовицы, придававшие рубахе свободный покрой. Плечи и обшлага рукавов выделялись браными ткаными узорами красного цвета или нашивками из фабричного материала. На смену им пошли рубахи более усовершенствованного покроя. Верхняя часть - рукава - и нижняя - стан - кроились отдельно и сшивались по талии. Стан делали из трех прямых полотнищ, а рукава - спереди и сзади на кокетке с плечевыми вставками-ластовицами, а иногда с цельными полками. Рубахи с косыми плечевыми вставками, как и у русских Северного Прикамья, не получили широкого бытования. Рубахи позднего варианта имели стоячий воротник и глубокий разрез посередине груди. Туникообразные рубахи входили только в погребальный комплекс.

Сарафаны у коми-пермяцких девушек и женщин были того же вида, что и у русских: глухие прямые, косоклинные однотонные (синие и дубленые), круглые (сборчатые) с широкими проймами. Праздничные

сарафаны шили из набивных холстов, а более состоятельные - из голубой китайки или кумача (с. Архангельское Соликамского уезда, 1848 год)³⁷.

Верхняя мужская и женская одежда была схожа с русской. Повседневно носили холщовые шабуры, у которых спинку делали шивной, с борками по талии. По сведениям Н. Попова, изучавшего косинско-камских коми-пермяков в конце 1840-х годов, шабуры были белого цвета, но с середины XIX века - чаще синего³⁸. Праздничные белые шабуры называли гуней, если "ворот без воротника обшивали кумашною оторочкою" (с. Архангельское Соликамского уезда, 1848 год)³⁹. Гуней считали и суконный пониток, поверх которого надевали "запаны холстяные с рукавами" (с. Архангельское Соликамского уезда, 1848 год)⁴⁰. В зимнее время в будни носили "шубы нагольные, а в праздники - покрытые китайкой черного или голубого цвета, на коих воротники из лисичьей или беличьей шкуры" (иньвенские коми-пермяки Соликамского уезда, 1848 год)⁴¹. В дорогу коми-пермяки надевали поверх понитка или шабура "нагольный" зипун из серого или коричневого сукна прямого покроя. Вся описанная одежда коми-пермяков была известна русским крестьянам. Новые виды одежды - юбки и кофты, сибирки из фабричных тканей, понитки, покрытые купленными материалами, - входили в употребление в середине XIX века, но более медленно, чем у русских крестьян.

Необходимую часть одежды составляли тканые пояса. Способы изготовления кушаков, покровок, тельников не отличались от русских. Во многом оставалась схожей и орнаментация. Основные мотивы орнамента типичны для узоров на поясах, бытовавших у русских крестьян во многих местах Европейского Севера⁴².

Помимо схожести в составе, покрое, назначении, украшении одежды обоих народов отмечались и общие ее названия - дубас, сарафан, шабур, пониток, кушак, покровка, тельник, хотя у коми-пермяков известны были названия и на родном языке.

Этнокультурные взаимовлияния коми-пермяков и русских проявились в головных уборах. Коми-пермяцкие и русские мужчины носили летом одинакового вида шляпы и колпаки с высоким верхом, широкими полями, скатанные из овечьей шерсти, а зимой - шапки из овчин.

Однорогие кокошники, бытовавшие у русских крестьян Северного Прикамья, надевали с сарафаном и коми-пермяцкие замужние женщины (рис. 35), причем носили их дольше, чем русские женщины (до 1930-х годов). В документальных источниках можно найти такую характеристику их: "... кокошники вышиты наперед жемчугом, а задок

у кокошников из травчатой штофы" (с.Архангельское Соликамского уезда, 1848 год)⁴³. Более 60 кокошников из коми-пермяцких деревень Чердынского уезда сохранилось в собраниях Коми-Пермяцкого окружного, Пермского, Чердынского краеведческих музеев.

Весьма интересный факт ношения головных уборов на ранней стадии этнической истории коми-пермяков узнаем из послания митрополита Симона, с которым он обращался в 1501. году к наместнику Московского князя Матвею в Перми Великой Чердыни. Официальное указание о том, что "... а жены все ваши ходят простоволосы, непокровенными главами: ино то чините не по закону христианскому и вы от сих мест так не чинили, как неверные чинят. А которым у вас женится и они бы женились благословением от священника, с обручением и с венчанием по закону христианскому, ни в роду, ни в племени, а жены бы ваши имели покровены главы"⁴⁴, очевидно, было вызвано тем, что после принятия христианства (1462 год) и вхождения Северного Прикамья в Русское государство (1472 год) женщины продолжали не соблюдать христианского обычая постоянно ходить в головных уборах. Следы головных уборов пока на обнаружены и археологами, вскрывшими немало коми-пермяцких погребений X-XV веков. Исходя из этого с большой долей вероятности можно полагать, что головные уборы, и прежде всего кокошники, вошли в быт коми-пермяков лишь с приходом в Северное Прикамье русского населения. Поэтому следует согласиться с А.Ф.Теплоуховым в том, что многие головные уборы коми-пермяки переняли от русских⁴⁵. Судя по сохранившимся образцам коми-пермяцких и русских кокошников процесс заимствования не являлся механическим. Коми-пермяцкие кокошники приобрели отличительные черты: более пологий лицевой околыш, наличие острых углов, отсутствие сплошного золотого шитья, при ношении нахождение лицевой стороны не в вертикальном положении, как у русских, а в наклонном (рис. 35). На последнюю особенность впервые обратила внимание В.Н.Белицер⁴⁶.

О заимствовании кокошников коми-пермяками у русских побуждает говорить и факт распространения их в среде не всех, а только северных - косинско-камских и язьвинских - коми-пермяков, предки которых раньше других вступили в контакты с русскими крестьянами. Южные, иньвенские, коми-пермяки носили шамшуры, но не с круглым верхом, как русские крестьяне Северного Прикамья, а с квадратным или же трапециевидным (рис. 36). Как и кокошники, шамшуры редко

Рис. 35. Коми-пермячки Чердынского уезда в кокошниках
1850-х годов

Рис. 36. Коми-пермячки Соликамского уезда в шамшурах
1860-х годов

украшались золотым шитьем. Впервые о локальных вариантах головных уборов у коми-пермяков писали наблюдатели в середине XIX века⁴⁷.

Известны примеры и русского заимствования у коми-пермяков. Ранние судебные документы неоднократно упоминают серебряные серьги у русских женщин - педкиши (Бонджожский стан, 1686 год; Янидорский стан, 1680 год)⁴⁸. Название их явно коми-пермяцкого происхождения: "пель" - ухо, "кытш" - кольцо, круг⁴⁹. Возможно, педкиши бытовали у коми-пермяков длительное время, так как описание их находим в источниках середины XIX века: "Серьги серебряные старинной работы, долгие, с рясками" (с. Гайны Чердынского уезда, 1848 год)⁵⁰. Интересен факт бытования в Чердынском уезде сережек, украшенных птичьими лапками. В судебном деле 1686 года предьявляется иск русскому крестьянину погоста Цидва Чердынского уезда "за украденные лапки да за серьги"⁵¹. Серьги под названием лапи в XIX веке были широко распространены среди коми-пермяцких женщин⁵². Они представляли собой изогнутый стержень с нанизанным стеклом, к которому снизу прикреплялись мелкие подвески в виде птичьих лапок. Судя по археологическим материалам X-XV веков подобные серьги были известны предкам коми-пермяков. Бытование их в среде русского населения побуждает говорить о древних связях двух основных народов Северного Прикамья.

Северные русские крестьяне, занимавшиеся охотой и рыболовством, носили наплечные суконные лузаны, а на ногах - уледи и порубни. Этнографы склонны считать их изобретением финно-угорских народов, распространившимся у русских соседей лесной таежной среды⁵³. Но лапти у коми-пермяков и русских стойко сохраняли свои особенности. Коми-пермячки плели лапти с косым носком (со срезанным углом) и предназначали их на определенную ногу, а русские - с прямым, круглым носком и поэтому надевали на любую ногу.

Таким образом, взаимовлияние материальной культуры русских и коми-пермяков прослеживается на многих примерах. Они убеждают в том, что этнические различия в культуре русских и коми-пермяков были достаточно сглажены. Заимствованные культурные традиции русских в среде коми-пермяков сохранялись длительное время, вплоть до 1930-х годов. У многих русских крестьян прежде развивавшиеся элементы культуры, в том числе переданные коми-пермякам, во второй половине XIX века подвергались нивелированию под воздействием городской среды и рыночных отношений. Поэтому коми-пермяки выступили как бы хранителями русских этнокультурных традиций. Из всех коми-пермяков в наибольшей степени этнокультурную само-

бытность сохраняли южные, иньвенские, коми-пермяки. Этот факт отмечали исследователи как прошлого века⁵⁴, так и последних десятилетий⁵⁵. Именно на территории проживания южных коми-пермяков наиболее благополучное положение с функционированием родного языка.

§ 2. Взаимосвязи русских и манси

Знакомство русских с манси началось во время походов новгородских и московских дружин за сбором дани в XIV - первой половине XV века, но интенсивные контакты народов относятся к рубежу XVI-XVII веков, когда вслед за Прикамьем активно стал заселяться русскими Верхотурский уезд. Этнокультурное взаимодействие происходило на основе общности хозяйственной деятельности. На раннем этапе основным занятием манси являлась охота. И.Идес, глава русского посольства, направлявшегося в 1692 году через Урал в Китай, обратил внимание на особенности охоты чусовских манси и описал ее так: "Они живут тем, что добывают луком и стрелой. Лучшей дичью считаются лоси, которые пасутся стадами. Кур и свиней они не едят. Чтобы поймать дикое животное, они устраивают в лесах нечто вроде больших луков и привязывают к ним веревку, к которой прикрепляют зерно или другую приманку, и оставляют открытым лишь подход; если лоси или другое дикое животное хочет поживиться приманкой, они не могут не задеть веревки, тогда лук стреляет и стрела впивается в тело животного и валит его на землю. Вогулы выкапывают в лесах большие ямы, которые покрывают камышом и травой, если зверь ступит на яму, он проваливается и будет пойман"⁵⁶.

Русские первопоселенцы в местах проживания манси поначалу также занимались охотой и рыболовством, заимствуя у аборигенов соответствующие орудия и приемы ведения этих промыслов. Но хозяйственная деятельность их постоянно расширялась за счет хлебопашества на плодородных землях и животноводства. К ним русские приучали и манси. В XVIII веке у манси, проживавших по Чусовой, в низовьях Лозьвы и Сосьвы, земледелие стало преобладающим занятием. У других манси, например вишерских, земледелие не прививалось по причине суровых природных условий в местах, где они жили. Некоторые из них заимствовали у русских только приемы животноводства. Так, в "Кратком известии о пермских чердынских вогуличах, собранном Его Высокопреподобием Свяжского монастыря архимандритом Платоном, фамилии Лобарских" за 1788 год приведено такое наблюдение: "Ближе к русским живущие начинают держать при юр-

тах по 1-2 коровы. Покупают у чердынских купцов муку ржаную и ячменную. Однако же не все женщины умеют из муки печь хлеб"⁵⁷.

Манси, как и русские, селились по берегам рек. Их поселения чаще всего не имели четко выраженного плана, потому что жилища - юрты ставились на значительном удалении друг от друга. У вишерских манси редко собиралось вместе до 5 юрт, "от кочевья до кочевья насчитывалось по 15, 20, 40 и 60 верст. Юрты ставились там, где выгодно" (Платон Любарских, 1788 год)⁵⁸. "Деревни без всякого плана", - писал о лозьвинских манси Верхотурского уезда корреспондент Русского Географического общества Е.Павлов в 1851 году⁵⁹. Наблюдатели отмечали немало заброшенных юрт, что было вызвано частыми миграциями манси в поисках лучших охотничьих угодий или обычаем, когда "после смерти одного члена семьи все остальные покидали юрту, уже не жили" (манси верховьев Вишеры Чердынского уезда, 1788 год)⁶⁰.

Были случаи, когда в местах давних контактов русских и манси возникали их общие поселения. Например, вишерская д.Усть-Улс состояла из "русского и вогульского концов. Из 33 дворов вогулы жили в 16... Между концами имелась полуверстная полоска покосу"⁶¹. Из старых мансийских деревень в Чусовской волости в первой половине XVIII века сохранялись три: Бабенки, Копчик, Шугаева, в 1766 году в них проживало 89 человек⁶². К концу XVIII века осталось только две деревни. В д.Копчик было 20 дворов, из которых 10 принадлежали русским владельческим крестьянам, а остальные - "новокрещеным ясажным вогулякам"⁶³. А в д.Бабенки, расположенной на противоположном от д.Копчик берегу Чусовой, из 9 дворов 5 было "ясашных вогуляков", а остальные - русских владельческих крестьян⁶⁴.

На севере Верхотурского уезда, где проживала основная часть манси Среднего Урала (лозьвинская группа, в начале XIX века она насчитывала 676 человек), смешанных в этническом отношении поселений не наблюдалось. В описании быта манси Верхотурского уезда отмечалось: "Вогулы приписаны к своим волостям. В деревнях вогул нет русских и наоборот. Это строгое разделение одних от других корениться не в отчуждении русских, а в поземельном наделе, экономическом устройстве и в разности гражданских прав и обязанностей тех и других"⁶⁵. Манси издавна владели большими земельными участками и пользовались льготами, например, с них снималась рекрутская и земская повинности и "переход к ним русских был не позволен"⁶⁶.

К середине XIX века кочующих манси на Среднем Урале остава-

лось немного, в основном в Верхотурском уезде по правому берегу р. Лозьва. Значительная их часть удалась на север - в бассейн Северной Сосьвы (в Березовский уезд Тобольской губернии), где их потомки живут в наши дни. Причиной ухода явилось включение владений манси в XVIII веке в Богословский горный округ. Развитие золотодобывающей промышленности привело к быстрому истреблению лесов и исчезновению зверей. Многие оседлые манси низовьев Лозьвы и Сосьвы в середине XIX века уже не говорили на родном языке⁶⁷. Очевидцы писали, что "обруселые вогулы больше похожи на крестьян Верхотурского уезда, чем на вогулов" (по нижнему течению р. Лозьва, 1850 год)⁶⁸. Их образ жизни и домашний быт не отличались от быта и жизни русских крестьян и заводских людей, поскольку существовали давние смешанные браки. Один из наблюдателей писал: "Влияние русского элемента сильнее выразилось не в физиологических изменениях, а в перемене обычаев, привычек, образа жизни. Так, заговоры имеют характер молитв. Заговаривают только оружие" (Верхотурский уезд, 1880 год)⁶⁹. Русские охотно отдавали своих девушек в жены манси, так как "жизнь вогул казалась им райской (приволье хозяйственных угодий, незначительность ясака, свобода выбора занятий). Отдавая дочерей, русские приобретали право пользоваться угодьями вогул" (Верхотурский уезд, 1880 год)⁷⁰. Через русских в жизнь манси прочно входили православные обряды, навыки полеводства и ухода за домашним скотом, а также получала распространение русская разговорная речь. Смешанные браки наблюдались и у вишерских манси Чердынского уезда. В д. Усть-Улс "вогулы брали жен у русских, а русские вогулок нет"⁷¹. Поэтому одним из важных путей обрусения манси, по мнению наблюдателей, явились смешанные браки с русскими, число которых постоянно увеличивалось.

В середине XIX века русская речь проникла и к манси, что проживали в верховьях р. Лозьва. Но их еще считали необруселыми. Интересное наблюдение привел в 1851 году священник Петропавловского завода Верхотурского уезда Е. Павлов в ответе на вопрос анкеты Русского Географического общества: "С русскими взрослыми всегда говорят кое-как и по-русски, но между собою всегда по-вогульски. От этого ни женщины, ни малолеты, особенно последние, вовсе не знают русского языка"⁷². Такая языковая ситуация сохранялась и позднее. И. Н. Глушков в 1900 году писал: "Лозьвинцы - вогулы говорят исключительно на родном языке, только некоторые мужчины могут изъясняться по-русски"⁷³. Другой корреспондент Русского Географического общества, иеромонах Макарий, в 1853 году по этому же по-

воду счел нужным заметить: "В вогульском языке нет многих слов, которыми нужно пользоваться, потому пополняют русскими" (манси, живущие по р. Ловья Верхотурского уезда)⁷⁴. Очевидно, такая необходимость возникла, когда у русских заимствовались конкретные виды занятий и черты быта.

У лозьвинских манси существовал еще один путь познания русской культуры и языка. Они женились не только на русских девушках, но и на коми-зырянских, которые, как писал И.Н.Глушков, "более обрусевшие и вносят обрусение в семью"⁷⁵.

В первой половине XIX века на Среднем Урале некоторые манси, незначительные по численности и дисперсно расселенные, с переходом на русскую речь напрочь забывали бытовые традиции предков и считали себя русскими. Свидетель тому, И.Архангельский, в 1887 году писал: "По р.Бисерть, притоку Уфы живут 150 душ вогуличей, которые говорят по-русски, имеют свое управление в лице избираемых старшин, платят ясак звериными шкурами. Слились с русскими, поэтому их даже нельзя считать инородцами" (д.Кленовская Красноуфимского уезда)⁷⁶.

На протяжении XVII - первой половины XIX века у манси Среднего Урала можно было встретить равнообразные варианты жилища. Появлению их способствовали природные условия, занятия, строительные традиции предков и связи с русскими крестьянами.

У манси охотников и рыбаков основным жилищем служила бревенчатая прямоугольная юрта без подклета, с земляным полом или слоем дерна, плоской крышей, покрытой расколотыми бревнами - "драньем" и берестой. С торца юрты (восточного или северного - у верхотурских манси и южного - у вишерских) пристраивались крыльцо и сени, как глухие, так и открытые сверху - без крыши, так как место возле дверей могло "обставляться нетолстым огородником и сие служило вместо сеней" (верховья р.Вишеры, 1788 год)⁷⁷. Каждый хозяин хранил домашние вещи и продукты в амбаре или лабазе, поставленном недалеко от юрты на четырех столбах⁷⁸. Кроме того, перед дверями юрт "громоэдили для домашних поклаж чуланы" (манси Чердынского уезда, 1799 год)⁷⁹.

Из описаний чусовских манси 1692 года, верхотурских (лозьвинских) 1784-1785 годов, вишерских 1792 года видно, что юрты имели архаическую конструкцию. У них не было окон, потолка, а иногда и деревянного пола. Например, у лозьвинских манси еще в XIX веке можно было встретить юрты не только без пола, но и с "завалинами для спанья"⁸⁰.

Оттапливались юрты открытыми очагами - чужалами, всегда находившимися в углу воле входной двери. Они состояли из глинобитного основания и поставленного посередине его деревянного плетеного каркаса (иногда для этого использовали рыболовную снасть - морду), обмазанного снаружи и внутри глиной. По каркасу - трубе, подведенному к прорубленному в крыше отверстию, удалялся дым. Передняя часть чужала с одной стороны оставлялась открытой. В него вмазывался медный котел для варки пищи. По сведениям очевидца, очаг-чужал "топили сухими мелкими дровами и для приготовления пищи, и для тепла в зимнее время или просто для освещения, а иногда для того и другого, и третьего вместе" (манси верховьев р. Лозьва Верхотурского уезда, 1851 год)⁸¹. При отсутствии окон юрта освещалась специальным отверстием посередине крыши. Зимой его закрывали куском льда, а летом держали открытым.

Кочевые манси - оленеводы - в верховьях северных рек Среднего Урала проводили зиму в "столбчатых, дерном или корою покрытых шалашах", а летом - "в другом жилище, которое делали из столбиков, сведя вверху остро, покрывают берестой"⁸². При кочевом образе жизни в местах остановок возводили жилище каркасного типа - конические чумы, покрытые оленьими шкурами и берестой (рис. 38), зимние шалаша в виде усеченных пирамид, а также углубленные в землю временные юрты без пола, с очагами посередине и дымовым окном в крыше⁸³. В местах непродолжительных остановок пользовались летом шалашами - навесами на кольях, с крышами и стенками из бересты⁸⁴.

Во многих описаниях отмечалась обязательная принадлежность внутренней обстановки юрт - нары. По запискам И. Идеса 1692 года, устройство их было таким: "У них нет табуреток, есть нечто вроде широкой лавки, тянущейся вокруг всей избы над земляным полом, в локоть высотой и два локтя шириной. На них и сидят вогулы, как персы, поджав под себя ноги, на них же и спят" (чувовские манси).

По мере общения с русскими крестьянами происходило видоизменение традиционного жилища манси, а порой даже замена его русскими типами жилища. Интенсивность этого процесса в каждой группе манси была различной. Кроме того, он приобретал отличительные черты. В обобщающем разделе "Топографического описания Пермского наместничества" за 1786 год по этому поводу сказано: "Однако не многие строят дома по обычаю русских мужиков вместе с клетями"⁸⁶. Источники и публикации рубежа XVIII-XIX веков воспроизводят уже иную картину. Элементы русского домостроительства в подавляющем

большинстве случаев встречались у манси разных территорий.

В одной из первых обобщающих работ о вишерских (чердынских) манси, датированной 1792 годом, отмечалось: "... побогатее живущие, а наипаче к русским крестьянам соседствующие, имеют в кочевье или деревне для печения хлеба и варения браги одну русскую черную избу, в которой никогда не живут"⁸⁷. Прежде для выпечки хлеба сооружались глинобитные печи на улице, закрывающиеся не железными заслонками, а деревянными⁸⁸.

Традиционное жилище манси изменялось таким путем. В срубе не более двух саженей в длину или полторы сажени в ширину прорубалось по 2-3 небольших окна, которые оклеивались "брюшинами, рыбьими пузырями и редко застеклялись" (у манси отдаленных мест бассейна р.Ловьва Верхотурского уезда, 1851 год)⁸⁹. Наряду с прежним крыльцом появлялось новое - "глухое с сенями, в одной связи с домом" (Верхотурский уезд, 1853 год)⁹⁰. Открытые или глухие дворы для скота ставились "на расстоянии от домов или же в связи с ними" (верховья р.Ловьва Верхотурского уезда, 1853 год)⁹¹. Такое жилище манси называлось уже не юртой, а по-русски: домом, избой и даже хоромами. В описании жилища верхотурских манси 1784-1785 годов отмечалось, что некоторые манси имели "избы с клетями", "как и у прочих деревенских жителей"⁹².

Были случаи, когда отдельные зажиточные манси Верхотурского уезда владели усадьбами, похожими на русские, еще в XVII веке. Так, в 1656 году толмач манси закладывал верхотурскому стрельцу за взятые деньги "деревню свою на Сосьве по обе стороны Сосьвы-реки, да двор со всеми хоромы и пашенные земли, и сенные покосы, и со всякими угодьи..."⁹³. Хоромами, как известно, в XVII веке было принято называть усадьбы с полным комплексом жилых и хозяйственных построек. Ясачный манси Лялинской волости в 1672 году закладывал посадскому человеку Верхотурья на Лялинском карауле по Бабиновской дороге "двор свой и избу, а на дворе хоромов изба на змостье и с передызбным предмостьем, да против избы банное место, да на том же дворе юрта, а против юрты по обе стороны кругом заплоты"⁹⁴. Последний пример интересен тем, что в усадьбе с жилищем русского типа сохранялась прежде существовавшая юрта. Крестьяне, не имевшие возможности сразу построить русскую избу, ограничивались на первых порах возведением клетки. Так, в 1692 году ясачный манси Сосьвенской волости уступал Верхотурскому Николаевскому монастырю вотчину с пахотными, санными, рыболовными угодьями и "с юртовым местом, с юртой и с клетью"⁹⁵. Исследователи быта манси

Верхотурского уезда отмечали, что русские научили манси "строить дома, ходить за скотом"⁹⁶.

Судя по описаниям усадеб XVII-XVIII веков и сведениям корреспондентов Русского Географического общества за 1850-1853 годы, под влиянием русских манси заводили двухкамерное жилище варианта изба - сени и трехкамерное, состоящее из избы, сеней и клетки. Двор ставили вплотную к жилищу - в один ряд с ним или вторым порядком, но были случаи размещения дворовых построек и на удалении от жилища.

В нескольких описаниях усадеб манси Верхотурского уезда подчеркивается деталь, отличавшая конструкцию двора от русского его варианта. Из сеней не делали дверь во двор, как принято у русских, и поэтому во двор можно было попасть "с переднего крыльца вокруг дома" (1850-1853 годы). В этом случае остается неясным, почему манси, заимствовав русский двор, не переняли удобный способ пользования им.

Русская строительная техника в более совершенном виде получила распространение среди обрусевших манси по Чусовой, в низовьях Лозьвы, Сосьвы и в верховьях Вишеры, Косьвы, Яйвы. Известны примеры возникновения в первой половине XIX века высоких срубных изб на подклетах, с двускатными самцовыми крышами безвоздушной конструкции и большими окнами. Состоятельные манси нижней Лозьвы строили "две избы в одной связи, с глухими между ними сенями и наружным крыльцом", а бедные довольствовались "одной избой с сенями или без сеней"⁹⁸, и поэтому, по мнению наблюдателей, были "больше похожи на крестьян Верхотурского уезда, чем на вогул"⁹⁹.

Из наблюдений корреспондентов Русского Географического общества 1850-1853 годов видно, что у всех групп манси - обруселых и необруселых - жилище обогревалось глинобитной русской печью, находившейся "в котором либо углу или по середине избы... с ее обыкновенными принадлежностями: голбцем, полатами (но чаще их не было), на левом в углу под порогом помещен ручной жернов... на стенах нередко хвосты глухарей, пеструх. Колыбель привязывается к перекладине, поддерживающей полати, а не как у русских и обруселых вогул - качается на палке"¹⁰⁰. Печи архаического вида - глинобитные чувалы с открытым очагом и трубой из плетеного каркаса, обмазанного глиной, - использовались чрезвычайно редко, даже среди необруселых верхнелозьвинских манси, которых подробно описал в 1851 году корреспондент Русского Географического общества Е. Павлов¹⁰¹.

Таким образом, интерьер большинства жилищ манси приобрел севернорусские черты - диагональное расположение печи и переднего угла с обеденным столом, наличие полатей, пристенных лавок, ручных жерновов под полатами и даже русский прием устройства колыбели. Известный фольклорист Н.Е.Ончуков, побывавший в вишерской д.Усть-Улс, так отзывался о жилище манси: "Иаба обыкновенная, с иконами, столом в переднем углу, с лавками по стенам и всей прочей совершенно русской крестьянской обстановкой"¹⁰².

Знакомство с русскими, повлиявшими на формирование многообразной хозяйственной деятельности манси, способствовало заимствованию построек производственного назначения. Развитие домашнего животноводства побудило строить дворы с хлевами в нижнем ярусе и поветями в верхнем. Помимо амбаров и лабазов на столбах удобными являлись клетки на погребках, поставленные вплотную к сенам или на небольшом удалении от жилища. От русских были переняты овины и гумна. Лозьвинские манси чаще строили их по одному на всю деревню или округу¹⁰³. Овины у манси были верховыми, а гумна - с глиняной "долонью". Молотили зерно деревянными цепями с кадочкой. Полное сходство имели ручные и водяные мельницы.

Ярким отражением исторических взаимоотношений русских и манси явилась одежда. В литературе отмечается, что одежда манси воплощает в себе традиции разных народов¹⁰⁴, но одежда севернорусских манси - в большей мере традиции русских. Исследователи и путешественники, побывавшие у лозьвинских, вишерских, чувовских манси в XVII-XVIII веках неоднократно обращали внимание, что не только у обруселых, но и почти у всех необруселых манси виды одежды и покрой оставались близкими севернорусским.

При отсутствии благоприятных условий для земледелия и при наличии условий для успешной охоты манси в обмен на пушнину и оленьи шкуры приобретали холщовые и шерстяные ткани у русских соседей или покупали на рынках уездных городов. Иногда манси заказывали русским женщинам шить одежду (верховья р.Вишера, Чердынский уезд, 1788 год)¹⁰⁵. Поначалу манси изготавливали ткани из крапивных волокон. Крапиву заготавливали в сентябре и обрабатывали таким же способом, каким русские женщины лен и коноплю. "Навязаев пучки, - писал очевидец, - вешают на деревья, и когда хорошо высохнет, выминают кюстрицу и оставшееся волокно, еще смягчив, прядут и ткут. Сие гжучее быдние почитают они за особый дар Божий, и которое вместо льну самородно растет в их лесах в великом множестве" (манси верховьев Вишеры, 1788 год)¹⁰⁶.

Рис. 37. Манси из рода Бахтиаровых во время кочевий в верховьях р. Вишера. XIX век.

Рис. 38. Манси оленевод с верховьев р. Ловьва. XIX век

В традиции манси было ношение одежды и обуви из шкур оленей, лосей и пушных зверей (рис. 37, 38). Традиционной верхней одеждой манси являлись суконные и сермяжные зипуны. Мужчины летом надевали их поверх пестрых рубах, а женщины - на дубасы. Мужчины носили по праздникам кафтаны из сукна или китайки с шерстяными опоясками, разноцветными или одного сукна¹⁰⁷. В одежде преобладал белый цвет. Зимой зипуны надевали сверху шуб и полушубков. Головными уборами являлись шапки, картузы - "фуражки своеделщины", валяные колпаки, а обувью - кожаные бродни, бахилы и чарки - "обутки" с "красными суконными завязками, называемыми оборками", которые надевали поверх чулок. По праздникам ходили в сапогах (Верхотурский уезд, 1851 год)¹⁰⁸. Поэтому в первой сводной этнографической работе о народах России И.Г.Георги, подводивший в конце XVIII века итог многолетних поисков, счел нужным отметить, что "мужчины носят, когда порядочно нарядаются, такое одеяние, как и российские мужики"¹⁰⁹. Другой исследователь лозьвинских (верхотурских) манси Е.Павлов пришел в 1851 году к выводу, согласно которому "платье коренного вогула ни чем не отличается от одежды обруселого или чисто русского крестьянина"¹¹⁰.

Некоторые авторы описания быта манси конца XVIII века отмечали женскую верхнюю одежду типа свитки. Так, в кратком известии о вишерских (чердынских) манси 1780-х годов находим сведения: "Женщины одеваются в долгие свитки красного, синего или зеленого сукна, на оных от воротника висят две покрочки, одна наперед, другая назад, вышитые бисером, а на концах с ширкунцами или бубенчиками, кругом подола у свитки пришиты медкие кружочки"¹¹¹. Подобные свитки "с навешанными на груди разными медными бляхами" продолжали носить по праздникам необруселые лозьвинские манси в середине XIX века¹¹². Свитки являлись частью традиционного праздничного костюма и придавали ему своеобразие.

Наравне с мужчинами женщины носили "штаны суконные и холстинные и подпоясываемые пестрые рубахи" (Верхотурский уезд, 1784-1785 годы)¹¹³. Русский сарафан верхотурские манси начали надевать с конца XVII века, а вишерские - с середины XVIII века¹¹⁴. Манси называли их не только дубасами, сарафанами, но и верхницами. Будничный костюм включал "верхницу из небеленого холста... платок или какую-либо тряпицу на голове, повязанную по-вогульски кое-как", а праздничный - "такую же верхницу из китайки, большей частью темно-синего цвета, обшитую на груди тесьмой вроде повумента" (Верхотурский уезд, 1851 год)¹¹⁵. В середине XIX века моло-

две женщины и девушки из лозьвинских необруселых манси начинали носить ситцевые юбки с кофтами - "шугаями"¹¹⁶.

Путешественники и исследователи второй половины XVIII века описывали только женские головные уборы, а не девичьи, поскольку "девки заплетают волосы в несколько кос и головы ничем не покрывают" (Верхотурский уезд, 1784-1785 годы)¹¹⁷. Эти же авторы видели, что "бабы носят головные повязки униженные копейками и ефимками, и коробками, а покрывают голову висячими по-татарскому обыкновению через плечи и волосы закрывавшим вышитым платком"¹¹⁸. По сведениям корреспондента Русского Географического общества Е. Павлова за 1851 год, в зажиточных семьях необруселых лозьвинских манси девушки надевали на голову повязку, называемую по-мансийски панжос. Сзади ее стягивали завязками. Верх и затылок головы оставались непокрытыми. Лицевая сторона повязки украшалась крупным бисером, а нижний край - "что-то вроде змеиных головок, довольно искусно сделанных из кости и утвержденных в недалеком между собою расстоянии"¹¹⁹.

Приведенные сведения позволяют сделать вывод о том, что манси заимствовали у русских виды нательной одежды, но сохранили свои головные уборы. Они восприняли русский сарафан, но кокошники, шамшур, чепцы, составлявшие у русских обязательную часть сарафанного комплекса, не переняли.

В среде манси популярным был комплекс одежды для промысловых занятий. Охотились в лузанах, которые называли "лаз". Во время сильных морозов надевали меховую одежду глухого покроя с кашпоном: совики из оленьих шкур шерстью наружу (некоторые манси называли их "гусь") и малицы с мехом внутрь¹²⁰. Более зажиточные манси носили совики из шкур молодых оленей ("пыжики"), расшитые по подолу геометрическими узорами. Их называли "порка" или "парка"¹²¹. Для ходьбы на лыжах использовали "уледи" кожаные и "няры", сшитые из шкур с ног или со лба оленя (причем подошва выкраивалась из так называемых щеток - той части, которая выше копыт)¹²².

Влияние в области одежды русских и манси не было односторонним. Русские не только дали манси некоторые элементы костюма, но и сами заимствовали приспособленную к местным условиям меховую одежду - уледи и няры. На такую взаимосвязь русских и манси не раз обращали внимание исследователи, путешественники и корреспонденты Русского Географического общества¹²³.

Длительное общение народов привело к заимствованиям не только

в сфере жилища, одежды, но и в других областях хозяйственной и культурной жизни. Так, русские крестьяне, проживавшие рядом с вишерскими и ловьвинскими манси, благополучно освоили мансийский способ ловли рыбы сырпом - сетью, в которую загоняли рыбу сплавлявшиеся сверху на 8-10 лодках рыбаки. Переняли русские охотники и удобную форму мансийских нарт, и способы устройства наиболее прочного плота для сплава и перевоза добычи по горным рекам. Взаимовлияния допускались и в других сферах жизнедеятельности, в том числе в языке¹²⁴.

§ 3. Контакты русских и марийцев

Земли, которые осваивали марийцы в XVI-XVII веках, были свободными. На них не претендовали другие народы, и поэтому заселение и расселение пришедших из Среднего Поволжья марийцев и их потомков происходило исключительно в мирных условиях. В случае нехватки земли марийцы брали ее по припуску у башкир. В очерке 1887 года, посвященном быту народов Красноуфимского уезда, отмечалось: "Черемисы, как истые земледельцы, выбрали прекрасные и удобные для поселения и хлебопашества места - равнины и низменности около р.Уфы и притоков. Замечательно то, что черемисы сумели определить при начале поселения плодородный грунт земли (чернозем). Как видно, они были старинными оседлыми жителями и трудолюбивыми земледельцами"¹²⁵.

Земельные угодья по Сылве и Уфе закреплялись за марийцами указами царя Алексея Михайловича¹²⁶. В некоторых прошениях в суд марийцы указывали, что "платили ясак куницами, а протчие из числа нас денежный оброк без доимки повсягодно сами в Москву в Сибирский приказ" (Тебеняковская волость Красноуфимского уезда, 1805 год)¹²⁷. Угодий было достаточно, чтобы заниматься "хлебопашеством, рыбною и звериною ловлею, хмельявым шипаньем, бортными угодьями"¹²⁸. Хотя по указу Сената 1734 года марийцы передали на арендных условиях значительную часть земли Демидовым для постройки Суксунского, Тисовского, Молебкинского заводов¹²⁹, у них ее оставалось еще немало для развития традиционного земледельческо-промышленного хозяйства. Были хозяйства, как писали очевидцы, в которых "оставшуюся землю всегда отдают под посев русским и получая за то хлеб и деньги, имеют источник к продовольствию" (д.Нижняя Солянка Кунгурского уезда, 1848 год)¹³⁰.

Оказавшись в верховьях Уфы и Сылвы в иноэтническом окружении,

марийцы более всего контактировали с русскими крестьянами, хотя конфессиональная принадлежность тех и других не изменилась. У марийцев долго удерживалось язычество. Первыми приняли христианство 9 семей марийцев из д. Васькино Красноуфимского уезда в 1912-1914 годах¹³¹. Но некоторые элементы христианской обрядности были заимствованы у русских намного раньше. Исследователь быта красноуфимских марийцев И. Архангельский в 1887 году писал: "Соприкасаясь с русскими, они желают соблюдать православные праздники - Пасху, Новый год (Васильев день), Ильин день, святителя Николая. В день святого Николая в г. Красноуфимске ставят Николаю свечи и становятся перед ним на колени. Этот святитель пользуется у черемис особым уважением"¹³². Языческие верования и обряды среднеуральских марийцев подробно описал в 1914 году уроженец марийской деревни Бабаевой Киебаковской волости Бирского уезда Уфимской губернии А. Изибаев¹³³.

Ранние связи с русскими нашли отражение в культурно-бытовом развитии. По отзывам наблюдателей XIX века, большинство марийцев знало русский язык. Об этом находим такое заключение у И. Бердникова: "Черемисы говорят своим природным языком, а всегдашнее обращение с русскими научило их говорить и языком крестьянским (русским. - Г. Ч.), коего не знают и не понимают лишь малолетние дети их" (д. Нижняя Солянка Кунгурского уезда, 1848 год)¹³⁴. Предпочтение, отдаваемое русскому языку, отметил и И. Архангельский: "Все черемисы-мужчины хорошо говорят по-русски. Татары стараются избежать русской грамоты, а черемисы ищут с русскими сближения" (Красноуфимский уезд, 1887 год)¹³⁵.

У марийцев преобладали поселения с однородным этническим составом. Русские, проживавшие по соседству, чаще всего имели свои поселения (рис. 39). В Красноуфимском уезде были села Русская Тавра и Малая Тавра (с марийским населением), деревни Русские Карши и Марийские Карши, Русский Усть-Маш и Марийский Усть-Маш и др. Примером марийско-русского поселения служит д. Сызганка, возникшая в Красноуфимском уезде по р. Сылва во второй половине XVIII века (рис. 40). Марийцы занимали часть деревни на левом берегу р. Сызганка (приток Сылвы), а русские - на правом, где впоследствии образовался так называемый "русский околоток" с православной часовней¹³⁶. В целом поселений со смешанным этническим составом появилось мало.

Неподалеку от марийских и русских поселений возникли татарские (рис. 39) села и деревни¹³⁷. О том, что марийцы в большей ме-

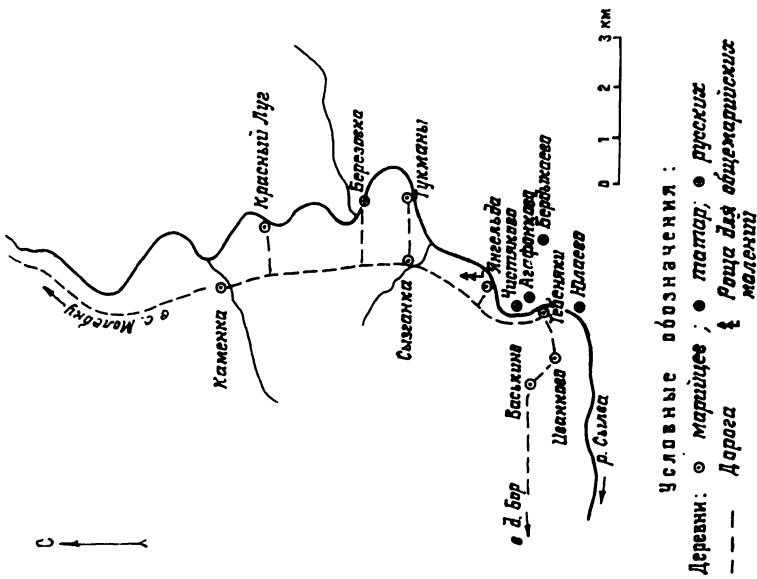

Рис. 39. Размещение поселений по р. Сызла в Красноуфимском уезде. 1850-е годы

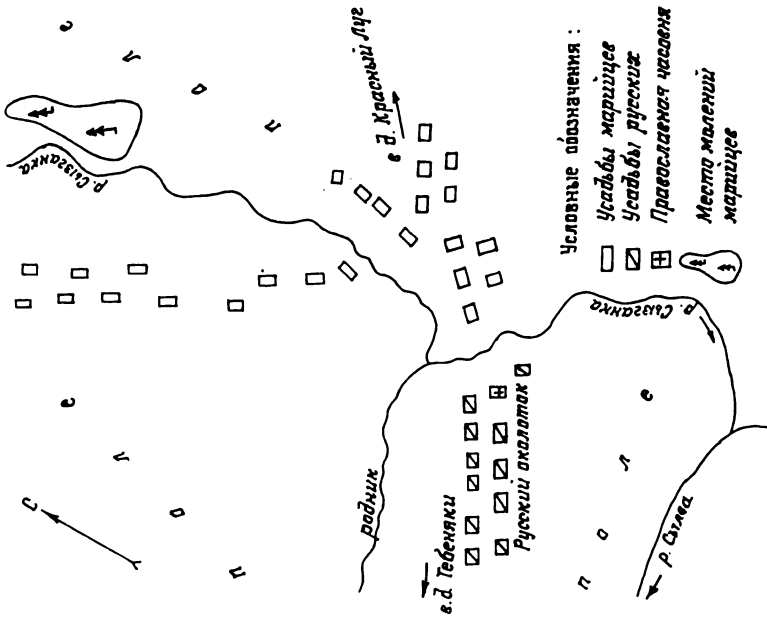

Рис. 40. План д. Сызанка Красноуфимского уезда 1850-х годов

ре сближались с русскими, чем с татарами и башкирами, говорят такие примеры. По мнению очевидцев, марийцы сознательно не овладевали татарской и башкирской речью, а заимствовали лишь бытовую терминологию¹³⁸.

В "Топографическом описании Пермского наместничества" за 1786 год отмечалось, что марийцы летом жили "в своих вежах, построенных из дерева наподобие обширного амбара, в середине крыши которых оставляют отверстие с тем, чтоб дым от огня, который горит беспрестанно посередине вежи, оным проходил. Над огнем почти всегда висит котел с молоком или с салом, которые, если делать нечего, кушают, когда вадумается... а осенью, когда уже делается холодно, из своих веж переходят в избу"¹³⁹. Иметь летнее и зимнее жилище - давняя традиция марийцев. Некоторые современные исследователи пишут, что в более ранний период летние вежи использовались для обрядовых церемоний - свадьбы, поминок¹⁴⁰. Они считались местом обитания духов-покровителей и напоминали широко известную культовую постройку "кудо", располагавшуюся в глубине двора.

Несмотря на наличие летних и зимних изб и дворов для скота, поставленных в стороне от жилых строений, марийские поселения представляли достаточно скученными и бессистемными. Поэтому священник Кунгурского уезда И. Бердников считал необходимым в ответе на вопрос анкеты Русского Географического общества за 1848 год отметить, что марийское поселение на территории его православного прихода - д. Нижняя Солянка - "при первом взгляде на его устройство" заставляло подумать, "что оно не русское. Дома большей частью полураскрытые и полуразрушившиеся, без клетей и даже многие без сеней, стоящие в беспорядке"¹⁴¹. Зимнее жилище отапливалось по-черному, где "во время топления печек, которые труб не имеют, дым не доволен оудучи выходить определенным ему окном, наполняет собою всю избу и принужден искать проход во двери и окно для света, а не для него сделанные" (Кунгурский уезд, 1786 год)¹⁴².

В ранних усадьбах марийцев Среднего Урала сохранялось раздельное расположение жилых и хозяйственных построек¹⁴³. Эта особенность присуща другим нерусским народам Среднего Поволжья и Урала¹⁴⁴. Под влиянием русских соседей на рубеже XVIII-XIX веков в марийском жилище начали происходить существенные изменения. Избы стали строиться с сенями и клетями по типу русской трехкамерной связи.

Усадьбы сылвенских (кунгурских) марийцев представляли собой чаще всего двухрядную связь с крытым двором, а усадьбы красноуфимских - г-образную и, позднее, покоеобразную. По мере контактов с русскими видоизменялся интерьер жилища. В начале XIX века марийская изба имела по два "колодных" окна на передней и боковой стенах. Для проветривания жилища на кухне в стене под потолком прорубалось небольшое окно с задвижным деревянным ставнем. Нары заменялись лавками. Русские печи с трубами встраивались в угол при входе и обращались устьем-шестком к передней стене. У печи со стороны входа находилась западня и полка-голубец. Сылвенские марийцы чаще, чем красноуфимские, устраивали полати. Передний угол, расположенный по диагонали от печи, занимал обеденный стол. Внутренняя обстановка марийских изб в середине XIX века приобрела севернорусский облик. От старого варианта долго сохранялись только две детали - окно на кухне в стене под потолком и котел, "вмазанный" возле устья печи. Как заметил И. Архангельский, описывая красноуфимских марийцев в 1887 году, "устройство домов подражает русским крестьянам"¹⁴⁵. Появление русского интерьера зависело еще от того, что "избы черемисские строили вятские плотники"¹⁴⁶.

В сравнении с жилищем костюм марийцев сохранил большее своеобразие (рис. 41), хотя на нем сказались контакты марийцев с народами Среднего Урала и Поволжья. Женский комплекс костюма сылвенских и красноуфимских марийцев лучше других сохранил этнический облик одежды. У них долго нательным бельем и верхним платьем служила белая рубаша туникообразного покроя ("тувыр")¹⁴⁷ с вышивкой на груди, по подолу, на вороте и на концах рукавов (рис. 41). У среднеуральских марийцев встречалась вышивка с более архаическими мотивами и для скрепления грудного разреза рубашки использовались старинные застежки "ширкамы", имеющие круглую форму с зубчиками (фибулы-сюльгамы). Марийцы Кунгурского уезда (д. Нижняя Солянка) пристегивали на грудь от 4 до 10 таких застежек¹⁴⁸, тогда как красноуфимские обходились 2-4, а луговые в Среднем Поволжье - одной¹⁴⁹.

Верхней одеждой служили различные распашные кафтаны. По праздникам носили "елан" из черной фабричной хлопчатобумажной ткани, у которого задние полотнища перерезались по линии талии и собирались в сборку, а подол и борта украшались пришитыми цветными лентами (рис. 41). На время моления, похорон и обрядов с жертвоприношениями надевали кафтан из белого холста "шобр". Зимой в

Рис. 41. Сылвенские маришцы Красноуфимского уезда
1860-х годов

Рис. 42. Буйские удмурты Осинского уезда
1850-х годов

будни носили суконный кафтан "мажер" черного или синего цвета, а в праздники - "парчан кандемжер" из синего сукна, украшенный на груди пришитыми красными лентами и монетами (в марийском языке "парчан" - монеты, "кандем" - синий, "жер" - сукно).

Замужние женщины носили головной убор "шнашобычо" (некоторые красноуфимские марийцы называют его "шынгашобычо"), который по конструкции был близок остроконечному убору "шимакш" луговых марийцев¹⁵⁰. У сылвенских и красноуфимских марийцев он сохранился до наших дней и называется еще тюркским словом "шлык" (рис. 41). Впервые это слово нам встретилось в челобитной грамоте татарина д. Корсановы Кунгурского уезда за 1720 год. По ней видно, что "шлык с серебряными деньгами" в то время являлся обычным женским головным убором¹⁵¹. При ношении остроконечная часть его выставлялась вперед надо лбом. Девичьим головным убором была шапочка "такья", украшенная монетами и бисером. На свадьбу женщины надевали платок "солык" с вышивкой и монетами. Широко были распространены серебряные серьги "кёрж" с монетами и пухом гусиным. Верхнюю одежду повязывали суконным поясом "ўшто".

При всей устойчивости традиционных черт в одежде сылвенских и красноуфимских марийцев все же проявилось влияние одежды русских крестьян и, в меньшей степени, костюма татар и башкир. Сходство в одежде русских и марийцев Среднего Урала находили многие исследователи XIX века.

Наиболее подвергся влиянию повседневный костюм мужчин, которые больше общались с русскими. В ответах Ф. Неклюдова на вопрос анкеты В. Н. Татищева 1730-х годов о марийцах, проживавших в Верхотурском уезде по р. Бисерть (приток Уфы, с 1780-х годов территория входила во вновь образованный Красноуфимский уезд), указывалось, что они "платья сами носят много сходно как русские простые мужики... обувь носят по-русски"¹⁵³. О сходстве повседневного мужского костюма с тем, "какое у русских мужиков бывает", писал историк Г. Ф. Миллер, побывавший на Среднем Урале в составе Академической экспедиции в 1740-е годы¹⁵⁴.

От русских вошли в обиход штаны с широким шагом, рубахи-косоворотки, шубы с отрезной талией, темные кафтаны без отделки, сапоги, летом - шляпы, зимой - шапки¹⁵⁵. Под влиянием русских в первой половине XIX века начали использовать вместо белого холста домотканую пестрядь, а в середине XIX века - фабричные ткани. Женская белая холщовая рубаха заменялась на пестрядинную, хотя покрой и вышивка оставались вначале прежними. Позднее вышивку по

вороту, рукавам и подолу заменяли ткаными узорами или лентами, а иногда - бисером, пуговицами и монетами. В середине XIX века наблюдалась тенденция к возникновению нового типа женской рубахи - туникообразный покрой сохранялся только в верхней части рубахи, подол же ее стал широким за счет соединения нескольких полос пестряди и клиньев между ними, а также пришитых прямых или косых оборок из фабричных тканей. Длительное время существовал переходный тип пестрядинной мужской рубахи с туникообразным верхом, прямыми рукавами, квадратными ластовицами и расширенным подолом за счет косых боковых клиньев.

Под влиянием русских претерпела изменение такая древняя часть женского костюма, как передник. Марийцы называют его "ончалосакме". В старину передник шили из белого холста, без нагрудника, подол украшали вышивкой. Потребность в переднике с нагрудником появилась с тех пор, как у рубах стали исчезать нагрудные вышивки. По мере их утраты марийцы начали шить передники с нагрудниками, за которыми закрепилось название "рушла онг", что означает в переводе "русский нагрудник"¹⁵⁶. Кстати, пожилые женщины уже в наши дни предпочитают носить передники без нагрудников¹⁵⁷.

Вначале нагрудники на передниках делали небольшими, чтобы не закрывать вышивку рубахи и надеваемое на шею нагрудное украшение "ягу" из серебра, монет и бисера, которое, по мнению исследователей, было заимствовано у тюркских народов¹⁵⁸. Нагрудники передников у красноуфимских мариек были меньше, чем у сылвенских, так как украшение "яга" имело намного большие размеры. Менялся материал передников и способы их ношения. Вместо белого холста сначала использовали пестрядь, а затем - фабричные ткани. Молодые женщины и девушки пришивали по подолу передника вышитые или тканые полосы, пышные оборки, края обшивали лентами и украшали блестками, позументом, пуговицами. Сылвенские и красноуфимские марийки надевали передники поверх рубах, так как кафтаны ("еланы") дольше, чем у других групп марийцев, оставались распашными (рис. 41). Подобный способ ношения сохранился в наши дни¹⁵⁹.

Следствием упрочения связей между марийцами и русскими явилось более широкое распространение кожаной обуви. Н.С. Попов на рубеже XVIII-XIX веков писал о том, что марийцы любили носить "русские с красными опушками коты"¹⁶¹. По сведениям 1848 года кожаные коты, башмаки и сапоги заводили более состоятельные марийцы. Общеупотребительными у марийцев были лапти с прямыми "носками". Кроме обычных валенок носили узорные. Марийцы-охотники имели

уеди, которые знали русские, манси, коми-пермяки.

Влияние русских заметнее проявилось в повседневном костюме марийцев, а не в обрядовом, роль которого в жизни крестьян определялась сохранявшимся языческим мировоззрением. Традиционная одежда не исчезла, она продолжает бытовать в наши дни. Наиболее устойчивым оказался женский костюм, а из мужского комплекса - рубаха. Многие заимствованные черты русского костюма в сочетании с традиционными стали органической частью современного национального костюма марийцев Среднего Урала¹⁶².

§ 4. Взаимоотношения удмуртов, башкир и русских

Буйские удмурты (в XVIII - начале XX века их называли гондырскими и большегондырскими вотяками по административной принадлежности - Большегондырской волости Осинского уезда), как особая этнографическая группа, сформировавшаяся в XVII веке на землях башкир-мусульман, до 1737 года находились на положении припущенников. Натуральный налог платили башкирам, а денежный - русскому правительству. Свободными от башкир они стали с тех пор, как получили занимаемые земли в вечное пользование¹⁶³. Зависимость от башкир и длительное общение с ними способствовали овладению башкирским языком и некоторыми элементами их материальной культуры.

Кроме социального давления удмурты испытывали духовный гнет, выражавшийся в попытках обращения башкирами в мусульманскую веру, а русскими - в христианство. В защиту верований своих предков выступило местное жречество, которое имело у населения большой авторитет. Обращенных в чужую веру оказалось не так много. В 1888 году удмуртов-христиан насчитывалось до 20, а мусульман - до 360 человек¹⁶⁴. По наблюдению очевидца, земского врача Н.Тевякова, удмурты "охотнее переходят в магометанство, чем в христианство. Муллы хорошо владеют вотяцким языком, а христианские миссионеры нет"¹⁶⁵. Мусульманство в основном принимали состоятельные и влиятельные удмурты, а христианство - исключительно нищие. Обратив удмуртов в эти веры не удалось, и они остались язычниками по сей день. Будучи язычниками, они не слились с башкирами и русскими, хотя и усвоили их язык.

Буйские удмурты сохранили самосознание, многие черты этнической культуры, принесенные с исторической родины - правобережья Камы (нынешний северо-восток Удмуртской республики). Удмурты признавали Инмара - верховного Бога творца, добрых и злых духов

полей, лесов, воды. Каждая семья имела своих покровителей - воршудов, в честь которых в родовых куалах (постройки, напоминавшие с виду амбар) совершались моления с жертвоприношениями. Браки допускались с людьми, принадлежавшими разным воршудам¹⁶⁶. Большим авторитетом пользовались жрецы, оберегавшие языческую веру от влияния других религий. Сохраняя древние верования и соблюдая обряды, потомки первопоселенцев продолжали считать себя "истинными и чистыми удмуртами", подкрепляя это знанием фонетических и лексических особенностей своего языка в отличие от языка удмуртов, проживавших в междуречье Камы и Вятки¹⁶⁷.

Нам известно, что в верховьях р.Буй русские селились значительно позже удмуртов. На первых порах удмурты относились к русским с некоторым недоверием. Этническая территория буйских удмуртов сохраняла устойчивость. В 8 близко расположенных деревнях проживали одни удмурты (рис. 6). Смешанные браки с башкирами и русскими не заключались, и миграции за пределы этнической территории не происходили.

Хорошо знавший быт буйских удмуртов земский врач Н.Тезяков писал в 1880-е годы, что они многое заимствовали у башкир, связи с которыми были длительными. В одной из своих работ Н.Тезяков дает такую характеристику буйским удмуртам: "Постоянные столкновения сблизили два народа, вотяки заимствовали много у башкир. Жилище вотяка не отличается от башкирского, малая разница в костюме, песни тоже заимствованы у башкир. Но оставаясь язычниками, закамские (по сравнению с основной массой удмуртов они жили за Камой, в ее левобережной части. - Г.Ч.) вотяки не слились с башкирами-магометанами"¹⁶⁸.

Вывод Н.Тезякова о близости жилища буйских удмуртов и башкир основывался на идентичности его внутренней обстановки. Значительную часть жилой избы занимали нары, которые, по наблюдению Н.Тезякова, "делаются во всю длину избы на высоте 10-11 вершков от полу и длиной 1,5 - 1 ³/₄ аршина", "снаружи печи перед топкою обязательно находится большой котел для приготовления пищи"¹⁶⁹. Нары, как известно, являлись обязательной и универсальной принадлежностью жилища тюркских народов. На них отдыхали, работали, хранили сундуки с постельными принадлежностями. Наличие вмазанного в печь котла служит еще одним доказательством заимствований удмуртами деталей башкирского жилища.

Если внутренняя обстановка создавалась по типу башкирского жилища, то конструктивно-планировочное решение жилого комплекса

удмуртов имело прямое сходство с русским. По наблюдению того же Н.Тезякова, "дом вотняка средней зажиточности делится на две половины с сенами посередине. Одна половина чаще светлая, чистая, часто без печи и редко служит жилым помещением, скорее складом"¹⁷⁰. Судя по этому описанию жилище удмуртов напоминало широко распространенный в эти же годы трехкамерный вариант русского крестьянского жилища, состоящего из избы, сеней и клетки.

В первой половине XIX века удмурты шили одежду преимущественно из тканей домашнего изготовления. Комплексы традиционной одежды, имевшие повсеместное бытование, содержали элементы как собственного костюма, так и заимствованного у башкир. Мужчины носили холщовую белую рубаху ("дэрэм"), штаны из синей пестряди, на ногах - онучи и лапти с косым носком (у них они различались на правый и левый). Верхней праздничной одеждой служил камвол без рукавов из фабричной ткани, а будничной - халат ("шортдэрэм") и вipun ("дукэс") из белого холста (рис. 42)¹⁷¹. Верхнюю одежду подвязывали по талии поясами или ремнями с ножнами либо кольцом для топора. В зимнее время надевали шапки, белые войлочные шляпы, а летом - тюбетейки, похожие на башкирские.

Костюм женщин и девушек состоял из длинных рубах-платьев из белого холста или синей пестряди с обшивкой цветным ситцем, пестрядинных штанов, онучей и лаптей. Поверх рубахи надевали передник. Женщины, как и мужчины, носили камволы (рис. 42) и вipunы, а в холодное время ходили в шубах.

В головных уборах девушек и женщин допускались различия. Девушки надевали "манлай" (вид чепца) и сверху "упочачак" (колпак), из-под которого выставлялись серебряные монеты, пришитые по краю "манлая". Женщины тоже надевали "манлай", украшенный монетами (рис. 42), но его обматывали специальным полотенцем (покрывалом) так, что концы спускались на спину. К числу головных украшений относились сережки из серебряных монет ("пель-узы"), которые надевались на ушную раковину. В качестве нагрудных украшений женщины носили нагрудники ("мылы-уюк") на матерчатой основе, украшенные монетами, позументами, и наиболее традиционные для башкир серебряные ожерелья ("силь-сюмс"). Девушки вплетали в косы шнурки с серебряными монетами. Из наручных украшений широко бытовали кольца и браслеты ("билязък").

По приведенным примерам создается впечатление, что в системе материальной культуры буйских удмуртов больше было заимствований у башкир, а не у русских крестьян. Причина этого нам ви-

дится в более ранних и тесных контактах удмуртов с башкирами, чем с русскими. Нам уже известно, что русские поселились вокруг удмуртов поздно, в начале XIX века, когда удмуртско-башкирские отношения носили достаточно развитый характер (см. главу 1). Но удмурты как этнос сохранились благодаря компактному проживанию и прочности своих глубоких, языческих корней мировоззрения. Все попытки приобщить удмуртов к другой религии не завершились успехом. В связи с этим Н.Тезяков писал в 1896 году: "Обращенных вотяков в христианство мало... В 1873 году в д.Большой Гондырь пермским миссионерским обществом была открыта первая вотяцкая школа грамоты. Другая школа открыта в 1886 году. Вотяки охотно отдают детей в школы, так как преподавание идет на родном языке. Духовенство и администрация озабочены были постройкой православной церкви. Вотяки этому противодействуют. Они охотнее переходят в магометанство, чем в христианство..."¹⁷².

В то же время, несмотря на близость удмуртов и башкир (кстати, в Большегондырской волости в 1888 году проживало 5600 удмуртов-язычников и 1700 башкир-магометан¹⁷³), удмурты молодого поколения в середине XIX века свободно владели на бытовом уровне русской разговорной речью.

Таким образом, буйские удмурты находились под этнокультурным влиянием с двух сторон - башкир и русских, но башкирское воздействие оказалось более интенсивным.

§ 5. Взаимоотношения татар, башкир и русских

Татары и башкиры Среднего Урала находились в длительном этнокультурном взаимодействии. Поэтому, как отмечают изучавшие тюркоязычное население Среднего Урала, невозможно определить этнические границы расселения того или иного народа и своеобразие их культуры и быта. Источники, а вслед за ними некоторые исследователи называют оба народа татарами, и исходя из этого этнокультурные традиции рассматриваются в этнографических работах вместе¹⁷⁴. Характеризуя формирование тюркоязычного населения Среднего Урала, мы отмечали (см. главу 1), что в южных уездах башкиры не всегда отделяли себя от татар, так как большая их часть попала под влияние татар и была ими ассимилирована. В результате сокращалось башкирское население. Башкиры овладевали татарской речью и стали записывать себя татарами. Знание татарского языка определяло новое этническое сознание. Сближению татар и башкир способствовала

и единая конфессиональная принадлежность - мусульманство.

Этнокультурные процессы, охватившие народы южных уездов Среднего Урала, привели к сложной языковой ситуации, о которой авторы "Топографического описания Пермского наместничества" 1786 года писали: "Башкиры говорят своим языком, который только следует с татарским, что почти невозможно сказать, чтоб оныя были два особливые языка... большая часть слов как у тех, так и у других равно произносится... пишут арабскими буквами на своем языке, а не многие по-русски, по причине частого обращения с россиянами, некоторые говорят хорошо по российски"¹⁷⁵.

Подобно русским у татар и башкир преобладающим типом заселения был прибрежно-речной. В конце XVIII века до 85% поселений располагались по берегам рек¹⁷⁶. В Красноуфимском, Кунгурском, Осинском, Пермском уездах в начале XIX века до 25% татарских и башкирских деревень размещались у ключей и колодцев, что явилось результатом освоения новых земель по водоразделам. Поселения располагались в местах, удобных для занятия земледелием, животноводством и промыслами. В Красноуфимском уезде в середине XIX века земли татар и башкир продолжали оставаться предметом зависти остального населения, особенно русского, которое, по отзыву И. Архангельского, "живет одним хлебопашеством, а земля и лесные уголья в татарских руках"¹⁷⁷.

Планировка поселений татар и башкир длительное время оставалась беспорядочной. Современники и исследователи в начале XIX века замечали: "В старину в татарских деревнях не было порядку и улиц"¹⁷⁸; "по деревням у них избы кое-как набросаны" (Кунгурский уезд)¹⁷⁹. Впервые упорядочением застройки деревень занялось кантонное военное управление, существовавшее до 1866 года. Так, в Красноуфимском уезде оно "в устройстве домов и расположении селений завело общий порядок. Дома и постройки расположены в линию, разбросанных лачуг - прежних юрт нигде нет"¹⁸⁰. В результате переустройства, как отмечал очевидец в 1887 году, "татарское селение мало чем отличается от русского"¹⁸¹.

Поздние усадьбы татар и башкир имели ограждения из плетней, жердей и бревенчатых прясел, в которые со стороны улицы встраивались ворота. По периметру двора стояли дом, сарай, хлев, клеть, навесы. Набор построек зависел от состоятельности хозяина. Кроме открытых усадеб имелись и закрытые, в которых связь жилища и двора организовывалась в один или два ряда. Устройство закрытых усадеб было идентично русским, коми-пермяцким (на юге) и марий-

ким, ибо оно определялось природными условиями и преобладанием земледельческо-скотоводческого направления хозяйства. Появление крытых усадеб сопровождалось введением срубного жилища на высокой подклети, близкой севернорусскому варианту. Помещение в подклети у русских называлось голбец, а у татар - "гульбич" или "гулбич"¹⁸¹.

В более ранний период усадеб туркских народов Прикамья застраивались совсем иным способом. Так, в 1858 году исследователь этнографии Кунгурского уезда С. Бувевский писал: "По деревням у них избы кое-как набросаны без всяких пристроек, без клетей и горниц и даже без оград, с одним амбаром и банею..."¹⁸³. Возможно, упорядоченную форму татарские и башкирские усадеб стали приобретать под влиянием русской строительной культуры.

Приемы устройства срубов, крыши и внутренних конструкций основывались на традициях строительной культуры лесной и лесостепной зоны России и во многом оставались схожими с теми, что использовались другими народами. Например, стропильным четырехскатным крышам предшествовали двускатные на самцах. Но в отличие от севернорусской конструкции они не имели скульптурных зооморфных украшений.

Ранним видом жилища тюркоязычных народов Приуралья, Среднего Поволжья и Сибири являлась однокамерная изба, которая позднее трансформировалась в двухкамерную. Со стороны входа пристраивались навесы на столбах, а затем сени в срубном или дощатом исполнении. Большинство татар и башкир Среднего Урала в XVIII - первой половине XIX века имели двухкамерное жилище из избы и сеней¹⁸⁴. Состоятельные крестьяне строили избы больших размеров и разделяли их внутри дощатыми перегородками на комнаты, предназначенные для приема гостей, спальни, кухни. Одновременно с середины XVIII века появился трехкамерный тип дома, представлявший собой в горизонтальном плане связь из избы, сеней и клетки¹⁸⁵. Подобный тип, как уже отмечалось, был известен другим народам Среднего Урала - русским, коми-пермякам, манси. Такое жилище заводили большие семьи, которые нередко превращали клеть во второе жилое помещение.

Письменные сведения 1784-1810 годов о жилище татар и башкир Пермского и Осинского уездов позволяют сделать вывод о его конструктивной развитости, конкретной функциональной значимости и идентичности с русским крестьянским домостроительством. В этнографическом описании татар и башкир деревень Кояново, Култаево, Янычи Пермского уезда за 1784-1785 годы отмечено: "Житие их в сих

деревнях немалым числом домов выстроенных по обыкновению, как у деревенских жителей (под деревенскими жителями подразумевались русские крестьяне. - Г.Ч.), избы у них однако все белые, вообще с клетями и горницами"¹⁸⁶. В этот же период аналогичным являлось жилище башкир Осинского уезда¹⁸⁷. О многообразии типов жилища башкир д.Кояново Пермского уезда сообщается в акте о разделе наследства 1810 года. В нем сын умершего крестьянина называет "стряпушую избу с гечью, голбцем, чуланом; черную избу, стоящую во дворе...; два белых покоя с чуланами и печами...; большой покой, где большею частью бывают люди, с прихожей, чуланом и печами, имеющей под ними такой же внизу покой; черную избу с чуланом... мельницу о трех поставах, при ней избу с клетью...; покой же с печью, чуланом, белую клеть и под оною нижнюю клеть же...; мельницу о двух поставах... стоящую при ней избу с клетью"¹⁸⁸. Некоторые описанные равновидности жилища не отличались от русского - приближались к двухчастному и трехчастному вариантам.

В первой половине XIX века в жилище зажиточной части тюркоязычных народов Среднего Урала преобладающим становился северно-среднерусский тип внутренней планировки. Печь находилась справа или слева от входной двери и устьем-шестком была направлена к передней стене. По сведениям наблюдателей в Красноуфимском и Кунгурском уездах печь ставилась вплотную к стенам¹⁸⁹. Кроме того, появились как и в русских избах полати над входом, западни для входа в подклет, лавки и полки вдоль стен. Внедрение этих элементов интерьера происходило под влиянием русского населения, с которым татары и башкиры имели длительное ховайственнo-культурное общение.

Вместе с тем сохранялась и традиционная обстановка жилища, особенно в отдаленных местах и бедных семьях. Очевидцы описывали ее так: "Вместо лавок и стульев устроены "сике", то есть нары, на которых лежат перины и подушки (Кунгурский уезд, 1858 год)¹⁹⁰; "домашняя обстановка у татар: мебель - кровать, стулья, шкаф - принадлежность зажиточных домов, у большинства устроены нары, которые заменяют стол для обеда и чаепития. У зажиточных - ковер, кошма, гора подушек, перин. Пищу варят в казанах, вмазанных к трубе около печи" (Красноуфимский уезд, 1887 год)¹⁹¹. Нары и вмазанный котел являлись наследием древнего тюркского жилища. В жилище бедных семей они сохранились до начала XX века¹⁹², а в Кунгурском и Осинском уездах наряду с общепринятым вариантом нар существовала их измененная форма: они ставились раздельно в перед-

ней и кухонной частях жилища, а освободившееся пространство занимал обеденный стол¹⁹³.

Для раннего жилища татар и башкир Среднего Урала был характерен открытый очаг-чувал. В первой половине XIX века он сохранялся лишь у бедных хозяев в составе нового варианта хлебопекарной печи. По описанию 1860-х годов он выглядел таким образом: "Направо от двери устраивается чувал, то есть печь, имеющая сходство с камином большого размера, вроде тех, какие имеют в своих избах дольвинские вогулы. Около чувала с левой стороны вделан большой чугунный котел, в котором варят пищу"¹⁹⁴. Комплекс с хлебопекарной печью, очагом-чувалом и котлом, называвшийся в Красноуфимском уезде "печью-тройчаткой"¹⁹⁵, несомненно, возник под влиянием культуры русского населения, так как хлебопекарные печи у татар и башкир были только русского типа.

Кроме того, в домах у тюркского населения Среднего Урала печи имели и такие "чисто русские" черты: деревянный настил в основании и стенки по сторонам (опечек), высокое расположение шестка над полом, деревянный печной столб на внешнем углу печи, западня и лежанка - голбец со стороны входной двери.

Наличие всех отмеченных признаков дает возможность считать, что некоторые усовершенствования в жилище татар и башкир появились в ходе взаимодействия с русским населением. Общность проявилась в тех элементах жилища, эволюция которых в большей степени определялась природной средой и единой хозяйственной принадлежностью.

В одежде татар и башкир широко применялись одноцветные и узорные ткани домашнего изготовления как из собственной пряжи, так и из фабричной. Техника ткачества была такой же, как и у русских, но колорит тканей имел особенности. Изучение одежды тюркоязычного населения Южного Прикамья в 1970-е годы показало, что на протяжении XIX века она сохраняла многие "редиктовые" элементы, "которые в исследуемое время в основном уже вышли из быта самих казанских татар, сохраняясь, однако, в одежде более архаичных кряшен"¹⁹⁶ (кряшены - этноконфессиональная группа татар, принявшая в XVI-XVIII веках православие¹⁹⁷). Это дает повод предположить, что одежда тюркских народов Среднего Урала на более раннем этапе обладала исключительно этнической спецификой. Сравнительный анализ одежды татар и башкир с одеждой другого тюркоязычного населения, проведенный С.В.Сусловой, позволял заключить, что традиционный костюм в Южном Прикамье являлся в основе своей казанс-

ко-татарским¹⁹⁸ (рис. 43). Одновременно в нем отмечалось сходство с одеждой уфимских башкир¹⁹⁹.

Комплекс праздничной одежды XVIII века достаточно полно воссоздается по материалам трех деревень - Кояново, Култаево, Янычи Пермского уезда. Судя по данным за 1784-1785 годы мужчины носили "долгий кафтан из хороших разных московских сукон, на голове тюбетай вышит золотом и серебром, на верх тюбетаю надевают летом шапку, на ногах ичеги желтой и черной кожи, в башмаках и сапогах, как у турков. Бедные - в простых суконных кафтанах, в шубной веташе"²⁰⁰, а женщины надевали "рубахи длинные, в штанах, большей частью в кафтанах, только на голове шлыки, убранные золотыми и серебряными денгами, разным жемчугом и коронками. Девки в такой одежде на волосы заплетают несколько кос, повязавшись платком, надевают по обеим сторонам лица называемо подволос, убраной денгами же, так как у женщин в ушах серьги, на руках персни и колечки, носят некоторые наручни, а бедные в простых одеждах по достаткам своим"²⁰¹. Отмеченные особенности костюма встречались в одежде татар Среднего Поволжья и башкир Южного Урала²⁰².

Наиболее архаичными являлись головные уборы и украшения. Мужской тюбетай отличался не только золотым и серебряным шитьем, но и сферическим верхом с кисточкой на макушке (рис. 43). Шлыки, которые использовали женщины, относились к группе шапкообразных головных уборов. Восстановить их форму позволяют не только приведенные заметки 1784-1785 годов, но и более уточняющее описание, оставленное Н.С.Поповым в начале XIX века: "Девки... носят на голове вострые шапочки, унизанные равною серебряною монетою, под именем шлыков, от которых свади пущен по спине колщовой долгой, но широкой лоскут в ладонь до самых икр, на конце коего привешиваются разноцветные коронки с кистями"²⁰³. Исследователи склонны считать описанные шлыки древним головным убором типа "кашпау", бытовавшим на позднем этапе как у татар - мишарей, так и у башкир²⁰⁴.

Разнообразные ювелирные изделия для женского костюма приобретались у торговцев из Казани и Уфы. Кроме того, большой популярностью пользовались головные, шейно-нагрудные и наручные украшения, изготовленные в башкирской д.Кояново Пермского уезда и татарских деревнях Гайна Красноуфимского уезда и Татарский Таз Кунагурского уезда. Местные мастера в XVIII-XIX веках владели техникой чеканки, гравировки, чернения и могли изготовить достаточно сложные украшения, например "яка чылбыры" (рис. 43).

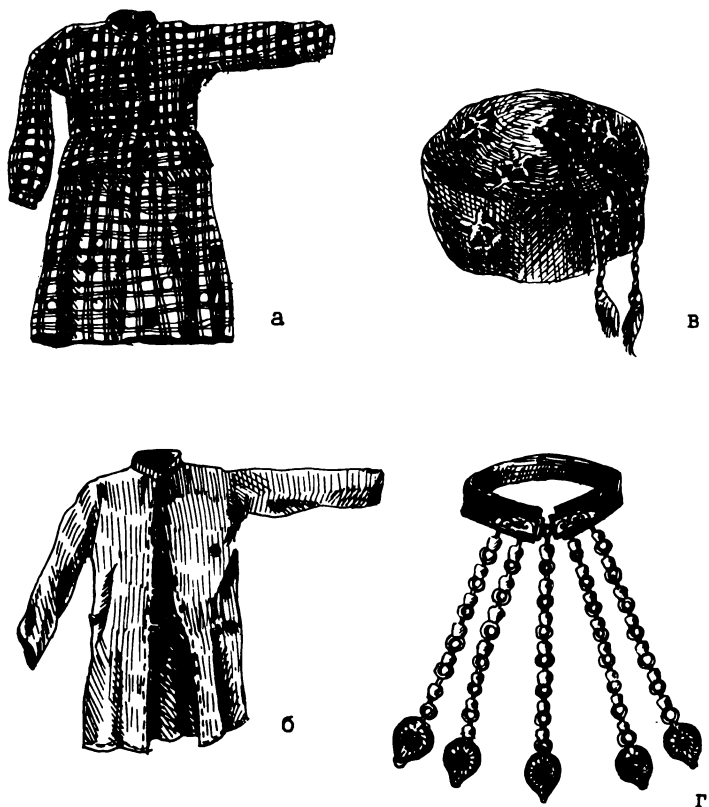

Рис. 43. Образцы традиционной одежды татар и башкир Осинского и Пермского уездов: а) кулмэк - женская рубаха, б) чыба - мужской кафтан (камзол), в) тибетай - мужской головной убор, г) яка чылбыры - женское шейно-нагрудное украшение

Повседневный и праздничный костюм татар Кунгурского уезда в первой половине XIX века, когда наблюдался уже приток фабричных тканей, описал С.Бувеский: "Мужчины повседневно носят пеструю холщовую синюю рубаху ("кульмяк"), нанковый камзол, белый суконный "чекмень" и белую шляпу, а в праздники - пеструю красную рубаху, "чекмень" из синего сукна, у бедных из сводедльщины, у богатых из лавочного. Зимой - овечьи шубы "тун", то есть некрытая, и "тымлятун" - крытая нанкой или чем-то другим. Женщины их ходят в таких же "кульмяках" и камзолах, на голове носят платки и белые косинки с налобниками из позумента ("кайка битляк")²⁰⁵. Наблюдения очевидца служат основанием для вывода о том, что, несмотря на расширение экономических связей татар и башкир с населением развитых центров Среднего Урала (города, заводские поселки, торговые села), обусловленное утверждением капиталистических отношений, в традиционной одежде каких-либо изменений в первой половине XIX века не допускалось.

Говорить о заимствованных чертах в одежде тюркского и соседнего русского населения Среднего Урала нет оснований, поскольку материалы по народному костюму более всего отражали этническое самосознание народа и религиозные чувства людей. Потребность в соответствующих заимствованиях возникала, как мы установили, лишь в жилищном комплексе. Появлению сходных черт в жилище способствовали рациональные представления, уровень которых определялся хозяйственной направленностью и естественной средой проживания.

* * *

В целом сравнительно-сопоставительный подход к материальной культуре народов Среднего Урала позволяет проследить преобладание в ней сложных взаимосвязей народов, обусловленных историей Урала, средой проживания, неизбежными экономическими отношениями в пределах региона. Ставя вопрос о взаимосвязях народов, мы прежде всего обращали внимание на общие черты, свойственные русским и их соседям. Взаимные контакты русских и коми-пермяков, русских и манси, татар и башкир, как показывает анализ материальной культуры, способствовали ассимиляции народов.

Из всех рассмотренных областей материальной культуры наибольшая близость народов обнаруживалась в жилище, а у русских, коми-пермяков и манси - еще и в одежде. Но самобытность материальной культуры каждого народа вовсе не исчезла, не превратилась в

конгломерат разных заимствований, а в той или иной степени сохранила свой этнический облик. В сфере традиционной культуры унификация форм достигла большей степени во второй половине XIX века, приобрела новое качество - в первой четверти XX века.

Большую роль в сближении народов сыграло русское сельское, а затем городское и заводское население, о чем свидетельствуют как развитие материальной культуры, так и распространение русского языка, без которого общение народов было невозможно. Связи сельской местности с городскими и заводскими центрами культуры до середины XIX века в основном проявлялись, судя по материалам одежды, в заимствовании тканей и украшений, а не типов костюма.

Многое из культурного достояния русских взяли коми-пермяки, манси, в меньшей мере - марийцы, татары, башкиры и совсем немного удмурты. Наряду с этим наблюдалась и такая картина: сами русские заимствовали элементы материальной культуры у тех народов, которым и передавали свой накопленный опыт (хотя, естественно, не в равной степени).

Проявление взаимовлияний народов можно обнаружить в сфере духовной культуры. На пути ее изучения исследователей ожидает также немало интересного. В данной работе эта область остается за пределами изучения.

---

¹ СПБМИРИАН. Ф.28, карт.18, д.23, л.4; карт.25, д.32, л.2.

² Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Спб., 1813. Т.3. С.50.

³ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). М., 1967. С.72.

⁴ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1799. Ч.1. С.60-64.

⁵ ЧКМ. Кол.2689, д.3, л.94.

⁶ ГАПО. Ф.111, оп.1, д.2372, л.18.

⁷ Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С.541-543.

⁸ Полевые материалы, собранные автором в д.Немая Красновишерского района в 1979 году.

⁹ Полевые материалы, собранные автором в д.Пьянково Красновишерского района в 1966 году; Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки: Историко-культурный остров. Пермь, 1995. С.12-15; Белдыцкий Н.П. Из природы и быта Пермского края // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып.2. С.37-38.

- 10 ГАПО. Ф.111, оп.1, д.2374, л.623-626;
- 11 Полевые материалы, собранные автором в д.Пудьва Соликамского района в 1987, 1990-1992 годах; Белдыцкий Н.П. Указ. раб. С.38-41.
- 12 И-в А. Кама-река // Волжский вестник. Казань, 1883. №3.
- 13 Макаров Л.Д. Славянские древности и русские поселения в верховьях р.Камы (постановка проблемы) // Коми-пермяки и Финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С.22-25.
- 14 Блинов Н.П. Описание Карсавайского прихода Глазовского уезда // ВГВ. 1864. №16; Нечаев Г. Коми-пермяки Эюэдинского края // Коми му. Сыктывкар, 1929. №10; Он же. Характеристика эюэдинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып.1; Белицер В.Н. У эюэдинских коми-пермяков // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып.15. С.27-38.
- 15 Эюэдинский край // Труды Общества естествоиспытателей при имп. Казанском университете. Казань, 1911. Т.44, вып.3. С.3.
- 16 Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки // Наш край. Кудымкар, 1995. С.70.
- 17 СПБФИРИАН. Кол.122, оп.2, д.45, л.1-92.
- 18 Там же. Л.12, 14, 22, 27.
- 19 Там же. Л.12-27.
- 20 Шенников А.А. О значении термина "вежа" // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С.73-75.
- 21 СПБФИРИАН. Кол.122, оп.2, д.45, л.12, 27.
- 22 Там же. Л.18, 70.
- 23 Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX - начало XX в. М., 1958. С.207.
- 24 ГАПО. Ф.15, оп.1, д.220, л.357-364, 381-398, 438-471.
- 25 АГО. Р.29, оп.1, д.72, л.3.
- 26 И-в А. Указ. раб. №4.
- 27 Блинов Н.П. Указ. раб. №49.
- 28 Белицер В.Н. Очерки по этнографии... С.186-187, 205; Етоева З.И. Поселения и жилища вепсов конца XIX - начала XX в.: // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С.130-131; Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С.28-29; Шкляев К.Г. К изучению крестьянского жилища и поселений удмуртов (конец XIX - начало XX в.) // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С.41.
- 29 Белицер В.Н. Очерки по этнографии... С.186-187, 205; Шерс-

тобитов И. Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону р. Камы // ПГВ. 1865. №13.

³⁰ ЧКМ. Кол.3009, л.17-18; ГАПО. Ф.973, оп.1, д.288, л.2об.

³¹ АГО. Р.29, оп.1, д.72, л.3.

³² Попов Н. Этнографические заметки о пермяках // Журнал Министерства внутренних дел. 1852. Т.39. №9. С.456-464.

³³ Белицер В.Н. Очерки по этнографии... С.209.

³⁴ Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. С.38-42; Сыропятов А.К. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. С.39-45; Чагин Г.Н. За охлупнями и "утицами" // На Западном Урале. Пермь, 1969. С.243-246.

³⁵ Смирнов И.Н. Пермьяки: Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. С.194.

³⁶ Белицер В.Н. Очерки по этнографии... С.242; Мордовская народная вышивка. Саранск, 1991. С.7-11; Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. С.14-21.

³⁷ АГО. Р.29, оп.1, д.72, л.9об-10.

³⁸ Попов Н. Этнографические заметки о пермяках... С.456-464.

³⁹ АГО. Р.29, оп.1, д.72, л.9об-10.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства. М., 1989. С.169-171; Соболев Н.Н. Русский орнамент. М., 1948. С.9-54; Смирнов В.И. Русское узорное тканье (костромские пояса) // СЭ. 1940. №3. С.90-97.

⁴³ АГО. Р.29, оп.1, д.72, л.9об.

⁴⁴ Акты исторические. Спб. 1841. Т.1. С.166-169.

⁴⁵ Теплоухов А.Ф. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып.2. С.130.

⁴⁶ Белицер В.Н. Очерки по этнографии... С.280-281.

⁴⁷ АГО. Р.29, оп.1, д.92, л.25; Рогов Н.А. Материалы для списания быта пермяков // Журнал Министерства внутренних дел. 1858. Кн.4. С.55-56.

⁴⁸ РГАДА. Ф.137, оп.1, д.3, л.42об; д.8, л.34об.

⁴⁹ Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. С.215, 329.

⁵⁰ АГО. Р.29, оп.1, д.72, л.3об-5.

51 РГАДА. Ф.137, оп.1, д.10, л.8.

52 Белицер В.Н. Очерки по этнографии... С.278-279.

53 Там же. С.245-246, 254.

54 Смирнов И.Н. Указ. раб. С.173; Хлопин Н. Пермяки // Москвитянин. 1847. С.1; Хлопов В. Хозяйственный и нравственный быт пермяков // Журнал Министерства государственных имуществ. 1852. Т.44. С.166-167.

55 Шабаетов Ю.П. Коми-пермяки: Проблемы выживания // ЭО. 1994. №4. С.26-30; Jurij Sabaev, Seppo Lallukka and Valerij Derjabin. Between Assimilation and Accomodation: Problems of Komi-Permiak Identity Maintenance // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1994. Т. 11. S.101-118.

56 Идес И., Бранд А. Указ. раб. С.74.

57 Краткое известие о пермских чердынских вогуличах, собранное Его Высокопреподобием Свяжского монастыря архимандритом Платоном, фамилии Любарских // Российский магазин. Спб., 1792. Ч.1. С.79.

58 Там же. С.62.

59 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.3.

60 Краткое известие... С.64.

61 Ончуков Н.Е. По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // ЖС. 1901. Вып.1. С.46.

62 РГАДА. Ф.474, оп.1, д.238, л.110б-130б.

63 ГИМ. Ф.14, оп.1, д.533, л.130б-140б.

64 Там же.

65 Л-ский П. О вогулах Верхотурского уезда Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1880. №10. С.163.

66 Там же.

67 АГО. Р.29, оп.1, д.71, л.3.

68 Там же.

69 Л-ский П. Указ. раб. С.162.

70 Там же.

71 Ончуков Н.Е. По Чердынскому уезду... С.46; Он же. На горной Вишере // Новое дело. 1902. №12. С.231.

72 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.1.

73 Глушков И.Н. Чердынские вогулы: Этнографический очерк. М., 1900. С.16.

74 Иеромонах Макарий. Заметки о верхотурских вогулах, живущих по р.Лозьва // Вестник имп. Русского Географического общества. Спб., 1853. Ч.7. С.15.

- 75 Глушков И.Н. Указ. раб. С.16.
- 76 Архангельский И. Краткий очерк современного быта инородцев
Красноуфимского уезда // ПГВ. 1887. №4.
- 77 Краткое известие... С.62-63.
- 78 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.52об.
- 79 Георги И.Г. Указ. раб. С.61.
- 80 Прядильщиков Ф.А. Заметки о вогулах // ПГВ. 1880. №74.
- 81 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.4.
- 82 Георги И.Г. Указ. раб. С.60-61.
- 83 Чупин Н.К. О местах жительства и образе жизни вогул //
Сборник Пермского земства. Пермь, 1874. Кн.1. С.128.
- 84 Прядильщиков Ф.А. Указ. раб.
- 85 Идес И., Бранд А. Указ. раб. С.73.
- 86 РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.27об.
- 87 Краткое известие... С.64.
- 88 Там же.
- 89 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.2-2об.
- 90 Иеромонах Макарий. Указ. раб. С.15.
- 91 Там же.
- 92 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.52об.
- 93 СПБЦИРИАН. Ф.28, карт.44, д.10, л.27-28.
- 94 Там же. Карт.27, д.14, л.17-18.
- 95 Там же. Карт. 36, д.8, л.4.
- 96 Л-ский П. Указ. раб. С.162.
- 97 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.2об; д.71, л.4.
- 98 Там же. Д.71, л.4.
- 99 Там же. Л.3.
- 100 Там же. Д.36, л.3об.
- 101 Там же. Л.4.
- 102 Ончуков Н.Е. На горной Вишере... С.231.
- 103 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.3.
- 104 Токарев С.А. Этнография народов СССР. М.,1958. С.475.
- 105 Краткое известие... С.77-78.
- 106 Там же. С.78.
- 107 Там же.
- 108 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.4об-5.
- 109 Георги Г.И. Указ. раб. С.62.
- 110 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.5.
- 111 Краткое известие... С.78.
- 112 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.5об.

- 113 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.54.
114 Краткое известие... С.78.
115 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.5.
116 Там же.
117 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.54.
118 Там же; РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.27.
119 АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.4.
120 Придильщиков Ф.А. Указ. раб.
121 Глушков И.Н. Указ. раб. С.25.
122 Там же.
123 Там же. С.25-26; АГО. Р.29, оп.1, д.36, л.5; д.71, л.5.
124 Чагин Г.Н. Этнокультурные взаимодействия русских и манси Северного Урала в XVIII-XIX вв. // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990. С.73-78.
125 Архангельский И. Указ. раб. №1.
126 ГАПО. Ф.297, оп.1, д.846, л.69-70.
127 Там же. Л.69об.
128 Там же.
129 Там же. Д.1080, л.1-7.
130 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.8об.
131 Ефремов Г. Духовное торжество, состоящее 20 июля сего года в деревне Васькиной Красноуфимского уезда // ПЕВ. 1912. №24; Пономарев Н. Миссионерский крестный ход по Красноуфимскому уезду из Сарсинского женского монастыря в черемисскую деревню Васькину // ПЕВ. 1914. №26, 27.
132 Архангельский И. Указ. раб. №7. Подобную информацию сообщили нам старожилы во время полевых исследований в 1990-1993 годах.
133 ГАПО. Ф.680, оп.1, д.289.
134 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.2.
135 Архангельский И. Указ. раб. №7.
136 Полевые материалы, собранные автором в д.Сызганка в 1990 году.
137 Список населенных мест Пермской губернии: Красноуфимский уезд. Пермь, 1909.
138 Архангельский И. Указ. раб. №7.
139 РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.30об.
140 Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX - начало XX в.). Йошкар-Ола, 1975. С.128-129.

- 141 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.8.
- 142 РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.29.
- 143 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т.2. С.41.
- 144 Сепеев Г.А. Указ. раб. С.123; Козлова К.И. Восточные марийцы // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1958. Вып.11. С.115; Пермские татары. Казань, 1983. С.44-50.
- 145 Архангельский И. Указ. раб. №6.
- 146 Там же.
- 147 Здесь и далее терминология одежды и украшений приведена по полевым материалам, собранным автором в Ачитском и Суксунском районах в 1990-1995 годах.
- 148 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.8об.
- 149 Сепеев Г.А. Указ. раб. С.78; Евсевьев Т.В. Одежда марийцев // Марий Эл. 1927. №1-3. С.114.
- 150 Молотова Т.Л. Указ. раб. С.34-35.
- 151 РГАДА. Ф.1015, оп.1, д.1596, л.1-2.
- 152 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.8-8об; Никольский Д.П. Этнографическо-антропологический очерк восточных черемис // Труды Антропологического общества при Военно-медицинской Академии 1894-95 уч. года. Спб., 1897. Т.2. С.18.
- 153 ААН. Ф.21, оп.5, д.149, л.393об-398.
- 154 Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. Спб., 1791. С.14.
- 155 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.8-8об.
- 156 Сепеев Г.А. Указ. раб. С.168.
- 157 Полевые материалы, собранные автором в Ачитском и Суксунском районах в 1990-1991 годах.
- 158 Сепеев Г.А. Указ. раб. С.169.
- 159 Полевые материалы, собранные автором в д.Красный Луг Суксунского района в 1991 году.
- 160 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т.2. С.43.
- 161 АГО. Р.29, оп.1, д.75, л.3об.
- 162 Молотова Т.Л., Иванова Н.А. Особенности женского народного костюма уральских марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. Йошкар-Ола, 1993. С.41-51; Полевые материалы, собранные автором в Суксунском районе в 1990-1993 годах.
- 163 ГАПО. Ф.177, оп.1, д.1944, л.167; копия указа 1737 года

хранилась в конце XIX века в волостном правлении с.Большой Гондырь.

164 Теязков Н. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников // Новое слово. 1896. №4. С.1-10.

165 Там же.

166 Яковлев И.В. Из жизни вотяков Гондырского края // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1903. Т.19, вып.3-4. С.183-195.

167 Полевые материалы, собранные А.В.Черных в Куединском районе в 1992-1995 годах; Чагин Г.Н. История и судьбы традиционной-бытовой культуры народов Пермского Прикамья // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Сыктывкар, 1994. С.88; Он же. Изучение малых этнических групп в Пермской области // Переходное общество: Тенденции развития. Пермь, 1993. С.145.

168 Теязков Н. Вотяки Больше-Гондырской волости // Земский врач. 1891. №40.

169 Там же.

170 Там же.

171 Здесь и далее терминология одежды и украшений взята из статьи Теязкова Н. "Вотяки Больше-Гондырской волости..."

172 Теязков Н. Праздники и жертвоприношения... С.9.

173 Там же. С.2.

174 Пермские татары...; Приуральские татары. Казань, 1990.

175 РГВИА. Ф.ВУА, д.18925, л.20-21.

176 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.7об.

177 Архангельский И. Указ. раб. №4.

178 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Спб., 1813. Т.3. С.8, 10, 14.

179 Буевский С. Жители Кунгурского уезда // Ученые записки, издаваемые имп. Казанским университетом. Казань, 1858. Кн.1. С.142.

180 Архангельский И. Указ. раб. №4.

181 Там же.

182 Пермские татары... С.50, 55.

183 Буевский С. Указ. раб. С.142-143.

184 Пермские татары... С.69.

185 Там же. С.71-73.

186 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.45об.

- 187 Там же. Л.68об.
- 188 Там же. Ф.297, оп.2, д.359.
- 189 Пермские татары... С.80-81.
- 190 Буевский С. Указ. раб. С.142-143.
- 191 Архангельский И. Указ. раб. №4.
- 192 Зеленин Д. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Пермского края. Юрьев, 1904. С.26.
- 193 Рыбаков С. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. №7. С.280.
- 194 Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. Спб., 1864. Ч.2. С.54.
- 195 Скалозубов Н.Л. Из заметок во время разъездов по Красноуфимскому уезду // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Пермь, 1892. Вып.4. С.26.
- 196 Пермские татары... С.114.
- 197 Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. М., 1977.
- 198 Пермские татары... С.114.
- 199 Шитова С.Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. С.125-227.
- 200 ГАПО. Ф.316, оп.1, д.78, л.46.
- 201 Там же.
- 202 Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С.10-25; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
- 203 Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Спб., 1813. Ч.3. С.191.
- 204 Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.;Л., 1955. С.190; Мухамедова Р.Г. Татары - мишари. М., 1972. С.110.
- 205 Буевский С. Указ. раб. С.142.

Заключение

Исследование этнокультурных процессов на Среднем Урале в конце XVI - первой половине XIX века на примере материальной культуры дало возможность увидеть общность и особенность проявления русской народной культуры на пути продвижения русского народа из Европейской России в Сибирь. Такой подход к проблеме распространения и утверждения русской народной культуры стал актуальным в отечественной этнографии в связи с использованием опыта сравнительного этнорегионального анализа¹.

Интенсивная миграция русского населения из чернососных уездов Поморья, преобладание русских среди всех других народов региона уже в середине XVII века, природные условия, способствующие сохранению и развитию на вновь осваиваемых землях прежней хозяйственно-ремесленной деятельности, обусловили распространение и утверждение на Среднем Урале опыта севернорусского населения. Из мест раннего заселения (Чердынский, Соликамский, Кунгурский, Верхотурский уезды) потомки первопоселенцев распространили укрепившиеся севернорусские традиции в глубь среднеуральской территории, охваченной с середины XVIII века внутренними миграциями.

Во многих заселяемых районах устойчивое бытование традиционных форм культуры было вызвано замедленностью социально-экономического, культурного развития, а также приверженностью населения старообрядческой вере. В более позднюю пору, несмотря на нивелировку традиционного образа жизни крестьян под влиянием городских и заводских центров, во многих районах вторичного заселения русских формы культуры и быта оставались неизменными. Поэтому в своем исследовании мы стремились рассмотреть народную культуру районов как раннего, так и позднего заселения и убедились, что культурная трансформация шла в незначительной степени.

Как известно, интенсивный приток русских на Средний Урал наблюдался в конце XVI - начале XVIII века, а накануне, в XV-XVI веках, восточные земли Европейского Севера, откуда как раз и вышли в основном русские переселенцы на Средний Урал, продолжали заселяться русскими из Ростово-Суздальских (низовских) земель. Поэтому народная культура Северо-Двинского бассейна (усадебь, постройки, костюм, говоры, изобразительное и устное творчество)² приобрела черты культуры верхневолжской. Хозяйственные и культурные навыки, еще формирующиеся на территории образования севернорус-

кой этнографической зоны, переселенцы несли и в новые среднеуральские земли.

Старожильческое русское население Среднего Урала и его потомки явились не локальной группой народа, а органической частью севернорусской этнографической общности. Этот вывод делается на основе сходства материальных элементов культурно-бытовой традиции, выявленных и достаточно всесторонне описанных нами по широкому кругу источников. Вместе с народной культурой на Среднем Урале прочно закрепилась и севернорусская терминология ее элементов. В верности вывода убеждает анализ явлений духовной культуры (обряды, праздники, фольклор, говоры, знания, суеверия и др.), раскрытых в литературе³, но требующих еще более глубокого осмысления.

О достаточной устойчивости традиций Русского Севера, принятых на Средний Урал, говорит тот факт, что они успешно развивались не только в местах раннего освоения Пермского Прикамья, но и на восточном склоне Урала, в Верхотурском уезде, русское население которого в отличие от населения пермских земель в большинстве случаев было вторичного формирования (значительная его часть пришла не прямо из Северо-Двинского бассейна, а после прохождения Пермского Прикамья - территорий Чердынского, Соликамского, Кунгурского, Осинского уездов).

Изучение поселений, жилых и хозяйственных построек, одежды показало, что на Среднем Урале некоторые севернорусские культурные формы и явления развивались в несколько измененном виде по сравнению с культурой населения Северо-Двинского региона, причем даже на раннем этапе (XVI-XVII века). Так, в жилище преобладающей стала не однорядная связь усадебных строений, а двухрядная, клеть размещалась не в верхнем ярусе крытого двора, а в отдельном срубе трехкамерного связевого жилища, избы обладали меньшими габаритами; в женском костюме ограничено использовались душегреи, шугаи, одежда украшалась в большей мере браными, закладными узорами, а не вышивкой, рано вышли из употребления полотнятые головные уборы, совсем редко носили кичкообразные головные уборы, предпочтение отдавали повойникам, шамшурам, сборникам и однорогим кокошникам, которые у населения Пермского Прикамья приобрели местную специфику (высокий гребень поперек головы), ограничено использовались золотое шитье и жемчужные украшения и др. Упрощения и изменения в традиционной севернорусской культуре на Среднем Урале можно объяснить природными условиями и хозяйственными, материальными трудностями, которые выпали на долю первопроходцев.

Длительное сохранение архаических признаков жилища и одежды отмечено у старообрядческого населения Среднего Урала, преимущественно у беспоповцев, которые в отличие от старообрядцев поповцев предпочитали жить более изолированно.

Вместе с тем разнообразие природной среды, обширность среднеуральского региона и контакты русских с другими народами определили некоторую специфику занятий, орудий труда, размещения поселений, типов жилищ, хозяйственных построек, одежды и других элементов культуры, которая стала особенно характерна для локальных этнотерриториальных групп русских Среднего Урала - юрлинцев, колво-вишерцев, яйвинцев, верхотурцев. Выделение этих групп признается обоснованным с фольклорной и диалектологической точек зрения⁴. По мере продвижения по среднеуральской территории в южном направлении русские утрачивали некоторые черты северной культуры. Однако судя по источникам, даже относящимся к середине XIX века, полного исчезновения культуры не происходило. На заселенной и хозяйственно освоенной ими юго-восточной территории Среднего Урала севернорусских культурных традиций было еще много, хотя наряду с ними проявлялась близость к среднерусской культуре.

В литературе, основанной на археологических, летописных и лингвистических источниках⁵, указывается, что население Прикамья (в большинстве северного) имело связи не только с Северо-Двинской, но и с Новгородской землей. В ранних доступных нам этнографических материалах каких-либо следов этих связей не обнаружено. Возможно, они носили эпизодический характер, не вызвали миграций населения, а свойственные новгородцам черты перенимались лишь аборигенным коми-пермяцким населением, процесс же распространения их оказался "перекрытым" мощной волной миграции русских из Северо-Двинского бассейна.

Севернорусская культура сначала в пермских уездах, а затем и в зауральских развивалась не только самостоятельно, но и под влиянием длительных контактов русских крестьян с иноэтносными. Русские со своими хозяйственно-культурными традициями наиболее активно участвовали в этнической истории коми-пермяков и манси. Массовое заселение русскими севернопикамских земель привело к ассимиляции коми-пермяков, проживавших в левобережной части Камы и вблизи уездных центров Чердыни, Соликамска. Границы расселения русских и коми-пермяков приобрели стабильность начиная с рубежа XVII-XVIII веков. География расселения коми-пермяков оставалась неизменной до конца 1920-х годов. Заселение русскими земель манси

и их общение привело к ассимиляции манси, а также к уходу манси из глубинных североуральских мест к той части своего этноса, которая проживала еще севернее - в таежных местах северо-западной Сибири.

Коми-пермяки и манси многое взяли от русских, а заимствования самих русских касались преимущественно хозяйственной деятельности (случаи заимствования в области культуры единичны). Русские многое передали из своего опыта коми-пермякам, потому что уровень развития русских во всех отношениях оставался достаточно высоким и соответствовал той природной среде, в которой проживали оба народа. К тому же культура этих народов развивалась и обогащалась в условиях их единой конфессиональной принадлежности - христианства. Так, общественные и семейные обряды уже с конца XV века осуществлялись на основе единых верований. Потребность в определенных заимствованиях русских и манси появилась, как только русские поселились в местах проживания манси. Основой сближения народов явились близкие формы хозяйствования, на первых порах - охота, рыболовство, а позднее - животноводство и земледелие. Однако растворение манси в русской этнической среде произошло по причине их рассеянного проживания, малочисленности, смешанных браков, а также в результате заимствования более рациональной русской земледельческо-животноводческой и строительной практики.

Взаимоотношения русских и других финноязычных народов - марийцев и удмуртов - сложились по-разному. Сылвенские и красноуфимские маришцы отреагировали на знакомство с материальной культурой (усадебь, одежда) русских, а буйские удмурты - нет (сходство нам удалось увидеть лишь в наличии трехкамерного связевого жилища). Хотя у этих народов много общего - формирование из предков, мигрировавших почти в одно и то же время из Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, одинаковая численность, компактная территория проживания, земледельческо-животноводческая направленность хозяйства, языческое мировоззрение, однотипный уровень общественных отношений, но начало контактов с русскими пришлось на разное время.

Маришцы с конца XVI века селились в верховьях Уфы и Сыды на свободных землях, и возле обживаемой ими территории основывали свои поселения русские. С этого момента и начались контакты народов, которые длительное время не прекращались, имели мирный характер, но охватывали только хозяйственно-культурную область, а не семейно-бытовую (смешанных браков не допускалось). Впоследствии,

хотя и в незначительной степени, сближение народов проявилось и в духовной жизни: марийцы в середине XIX века стихийно, т.е. без вмешательства господствующей церкви, начали отмечать наиболее популярные русские праздники и почитать христианских святых.

Буйские удмурты проживали длительное время в изоляции от русских. Ближайшими их соседями стали башкиры, на земле которых они и поселились по припуску. Экономическая зависимость от башкир распространилась на культурную сферу и даже ее этническую область. Постоянное русское население на этих землях отмечено только в начале XIX века. Это были старообрядцы часовенного согласия. Поэтому у первых русских соседей не появилось желания сблизиться в хозяйственно-культурном отношении с удмуртами-язычниками. И, даже когда во второй половине XIX века господствующая православная церковь предприняла попытки обратить некрещеных "иноверцев" в православие, удмурты отдали предпочтение мусульманству (но оно не получило всеобщего распространения, потому что языческие верования и обряды прочно удерживались, особенно в сфере семейной жизни).

Татаро-башкирское население сохраняло численное и хозяйственно-культурное превосходство над другими нерусскими народами Среднего Урала. С давних пор развивались устойчивые и разносторонние татаро-башкирские взаимоотношения, основой которых служила одна конфессиональная принадлежность - мусульманство. В результате происходило сглаживание этнических признаков в их народной культуре. Хотя татары и башкиры - два самостоятельных народа, но на Среднем Урале у них выработалось достаточно много общих культурных и языковых черт, и порой трудно отличить один народ от другого. Этнокультурное же своеобразие и единство они стойко сохраняли даже в пору расширения хозяйственных связей в середине XIX века. Влияние русских проявилось лишь в структуре позднего жилища.

Таким образом, представленные в монографии материалы показывают, что народы Среднего Урала на стыке Европы и Азии в условиях общности исторического пути создали интересный этнокультурный регион со специфичными национальными культурами.

---

¹ Александров В.А. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII - начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С.7-30; На путях из земли Пермской в Сибирь:

Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989. С.3-7; Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья: Очерки материальной культуры XVII - начало XX века. М., 1992; Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1992; Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII-XX вв.). М., 1987; Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX - начале XX в.: Этнографические очерки. Л., 1983; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.354-413; История северного крестьянства: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. Т.1. С.8-14, 348-420.

² Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. №6. С.87-94; Русские: Историко-этнографический атлас М., 1967. С.158; Дерягин В.А., Комягин Л.П. Из истории диалектных границ в Северной России // Вопросы языкознания. 1968. №6. С.109-119; Чистов К.В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С.9-14.

³ На путях из земли Пермской... С.222-308; Чагин Г.Н. Мирозрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX века. Пермь, 1993; Альбинский В.А., Шумов К.Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Т.26. С.171-188; Троицкий В.И. Русские говоры Верхне-Камского края // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 1959. Т.119, кн.5. С.250-260; Шумов К.Э. Современное состояние несказочной прозы в Чердынском районе Пермской области // Фольклор Урала: Современный русский фольклор промышленного региона. Свердловск, 1989. С.48-59; Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П. Хрестоматия говоров Пермской области. Пермь, 1976; Прокошева К.Н. Об исторических основах фразеологии говоров Северного Прикамья // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1974. С.98-104.

⁴ Скитова Ф.Л. Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1961; Прокошева К.Н. Об исторических основах...; Она же. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972; Светлова В.Н. Говоры восточных районов Среднего Урала: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1965; На путях из земли

Пермской в Сибирь... С.265; Чагин Г.Н. Особенности календарной обрядности русских крестьян верховьев Печоры и Колвы в начале XX века // Духовная культура: Проблемы и тенденции развития. Сыктывкар, 1994. С.73-75; Он же. Этнографический уклад верхней Колвы // Этническая история народов Урала и Поволжья. Уфа, 1976. С.27-28; Зырянов И.В. Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья. Пермь, 1975; Воропай П. Заметки и очерки о северном крае Чердынского уезда // Памятная книжка Пермской губернии. Пермь, 1880. С.150-155; Чесноков А. Свадебные обряды и песни "кержаков" // ЖС. 1911. Вып.1. С.57-96; Ончуков Н.Е. Из уральского фольклора // Сказочная комиссия Государственного Русского Географического общества. Л., 1928. С.27-33; Он же. Северные сказки (Архангельская и Олонекская губерния). Спб., 1908. С.493.

⁵ Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI - начале XVII века. Иркутск, 1990. С.62-63, 66; Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Ученые записки №191: Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып.4. С.43-44; Прокошева К.Н. Об исторических основах... С.95-96, 98; Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Пермь, 1971. С.11-14; Шишкин Н.И. Коми-пермяки. Пермь, 1947.

Список сокращений

ААН	-	Архив Академии наук
АГО	-	Архив Русского Географического общества
ВГВ	-	Вятские губернские ведомости
ВГМЭ	-	Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВУГМЭ	-	Велико-Устюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГАПО	-	Государственный архив Пермской области
ГАСО	-	Государственный архив Свердловской области
ГИМ	-	Государственный Исторический музей
ЖС	-	Живая старина
ИКМ	-	Ильинский краеведческий музей
ККМ	-	Кунгурский краеведческий музей
МЭЭ	-	Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого (Кунсткамера)
ПГВ	-	Пермские губернские ведомости
ПЕВ	-	Пермские епархиальные ведомости
ПОБ	-	Пермская областная библиотека
ПОКМ	-	Пермский областной краеведческий музей
РГБ	-	Российская государственная библиотека
РГАДА	-	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	-	Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	-	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	-	Российский государственный исторический архив
РЭМ	-	Российский этнографический музей
СИХМ	-	Сольвычегодский историко-художественный музей
СКМ	-	Соликамский краеведческий музей
СПБФИРИАН	-	Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской Академии наук
СЭ	-	Советская этнография
УОЛЕ	-	Уральское общество любителей естествознания
ЧКМ	-	Чердынский краеведческий музей им.А.С.Пушкина
ЭО	-	Этнографическое обозрение

Список иллюстраций

Рис.1. Расселение народностей и племен Урала в IX-XV веках.	23
Рис.2. Размещение поселений Кунгурского уезда в 1704-1719 годах. - РГАДА. Ф.214, оп.5, д.744; ф.350, оп.3, д.1662. . .	48
Рис.3. Размещение поселений в Верхотурском уезде в 1680-1681 годах. - РГАДА. Ф.214, кн.697, 723.	58
Рис.4. Административное устройство Среднего Урала в конце XVIII - начале XX века.	70
Рис.5. Расселение народов Среднего Урала в начале XIX века.	71
Рис.6. Размещение поселений в Осинском уезде в 1782 году. - ПЮКМ. Кол. 427/171.	87
Рис.7. Размещение поселений общины старообрядцев поморцев в Оханском уезде в 1795 году. - РГАДА. Ф.1278, оп.2, д.3604.	110
Рис.8. Размещение поселений в Чердынском уезде в 1678 году. - РГАДА. Ф.1209, кн.352.	129
Рис.9. Размещение поселений в Пермском уезде по р.Чусовой в 1824 году. - ГАПО. Ф.279, оп. 2, д.493.	159
Рис.10. Размещение поселений на водоразделе в Пермском уезде в 1824 году. - ГАПО. Ф.279, оп.2, д.489.	160
Рис.11. План д.Морчаны Чердынского уезда 1885 года.- Кол. Красновишерского музея.	162
Рис.12. План с.Серегово Чердынского уезда 1782 года. - ГАПО. Ф.279, оп.3, д.452.	164
Рис.13. План д.Больша Аниковская Чердынского уезда 1782 года. - ГАПО. Ф.279, оп.3, д.452.	165
Рис.14. План с.Покча Чердынского уезда 1782 года. - ГАПО. Ф.279, оп.3, д.452.	166
Рис.15. План с.Редикюр Чердынского уезда 1782 года. - ГАПО. Ф.279, оп.3, д.452.	166
Рис.16. Размещение поселений в Бондожской волости Чердынского уезда в 1834 году. - ГАПО. Ф.111, оп.1, д.2372; полевые материалы автора 1975 года.	168
Рис.17. Размещение поселений в Осинском уезде в 1793 году. - ГАПО. Ф.279, оп.1, д.796.	172
Рис.18. План с.Черновское Оханского уезда 1855 года. - ГАПО. Ф.279, оп.2, д.121.	175
Рис.19. План с.Молебжа Красноуфимского уезда 1848 года. -	

Кол. музея Молебкинской школы Кишертского района.	176
Рис.20. Образцы усадеб, рекомендованных в 1722 году для возведения в Исетской провинции. - ГАСО. Ф.101, оп.1, д.376.	220
Рис.21. План изб, построенных в 1810-е (слева) и 1870-е годы в д.Буланово Оханского уезда. - Полевые материалы автора 1989-1990 годов.	221
Рис.22. Конструкции изб в д.Буланово Оханского уезда. Слева изба 1810-х годов, справа - 1870-х. - Полевые материалы автора 1989-1990 годов.	222
Рис.23. Южный фасад курной избы 1810-х годов в д.Буланово Оханского уезда. - Полевые материалы автора 1989-1990 годов.	223
Рис.24. Интерьер курной избы 1810-х годов в д.Буланово Оханского уезда. Вид на южную стену. - Полевые материалы автора 1989-1990 годов.	224
Рис.25. Интерьер курной избы 1810-х годов в д.Буланово Оханского уезда. Вид на печь и северную стену. - Полевые материалы автора 1989-1990 годов.	225
Рис.26. Крыльцо у домов 1810-х,1870-х годов в д.Буланово Оханского уезда. - Полевые материалы автора 1989-1990 годов.	226
Рис.27. Типы ткацких станков XIX века: а) трехподставной, д.Нижние Ворцева Чердынского уезда; б) кросна, д.Абросята Оханского уезда. - Полевые материалы автора 1965, 1984 годов.	247
Рис.28. Русская женщина в праздничном костюме 1840-х годов, с.Цидва Чердынского уезда. - Кол. ЧКМ.	258
Рис.29. Мужской повседневный костюм 1850-х годов, с.Таборы Оханского уезда.- Кол. ПОКМ.	259
Рис.30. Старообрядческий моленный костюм 1850-х годов, д.Андронята Оханского уезда.- Кол. ПОКМ.	260
Рис.31. Охотники Чердынского уезда в традиционной одежде 1860-х годов. - Кол. МАЭ.	261
Рис.32. Мотивы уворов золотого шитья на головных уборах XVIII века из Соликамского и Чердынского уездов. - Кол. СКМ, ЧКМ.	262
Рис.33. Изба зювдинских коми-пермяков 1840- годов в д.Пашнино Глазовского уезда. - По фотографии 1929 года, кол. РСМ.	307
Рис.34. Чамья яввинских коми-пермяков 1860-х годов. Чердынский уезд.- По фотографии В.Н.Вишневого 1916 года. Кол. РСМ.	307
Рис.35. Коми-пермячки Чердынского уезда в кокошниках 1850-х годов. - По фотографии А.Ф.Теплоухова 1910 года, кол.	

ПОКМ.	311
Рис.36. Коми-пермячки Соликамского уезда в шампурах 1860-х годов. - По фотографии А.Ф.Теплоухова 1909 года, кол.	
ПОКМ.	311
Рис.37. Манси из рода Бахтиаровых во время кочевий в верховьях р.Вишера.- Рис. И.Глушкова 1890-х годов, кол. МАЭ.	321
Рис.38. Манси оленевод с верховьев р.Лозьва. - Рис. И.Глушкова 1890-х годов, кол. МАЭ.	321
Рис.39. Размещение поселений по р.Сылва в Красноуфимском уезде в 1850-е годы. - Реконструкция по полевым материалам авторе 1990 года.	326
Рис.40. План д.Сызганка Красноуфимского уезда 1850-х годов.- Реконструкция по полевым материалам автора 1990 года.	326
Рис.41. Сылвенские марийцы Красноуфимского уезда 1860-х годов. - Полевые материалы автора 1990 года.	329
Рис.42. Буйские удмурты Осинского уезда 1850-х годов. - Полевые материалы А.В.Черных 1992 года.	329
Рис.43. Образцы традиционной одежды татар и башкир Осинского и Пермского уездов 1850-х годов. - Кол. ПОКМ.	341

Оглавление

Введение	3
Глава I. Формирование сельского населения, его этнической состав и особенности расселения	22
§ 1. Заселение Среднего Урала в X - первой половине XVI века	22
§ 2. Освоение территории Среднего Урала во второй половине XVI - начале XVIII века	27
Чердынский уезд	27
Соликамский уезд	34
Вотчина Строгановых	37
Кунгурский уезд	40
Новоникольская слобода и Осинская дорога	50
Верхотурский уезд	56
§ 3. Этнодемографическое развитие и этнокультурные ареалы в середине XVIII - первой половине XIX века	68

§ 4. Типы заселения и расселения в конце XVI - первой половине XIX века	92
Типы заселения	93
Типы расселения	104
Глава II. Типы и формы сельских поселений в конце XVI - первой половине XIX века	126
Типы поселений	126
Формы поселений	156
Глава III. Усадьбы, мшмы и хозяйственные постройки русских крестьян в конце XVI - первой половине XIX века	184
§ 1. Строительная культура русских крестьян первого и второго поколений	184
§ 2. Типы усадеб и конструктивные особенности построек в середине XVIII - первой половине XIX века	202
Глава IV. Специфика одежды русских крестьян в конце XVI - первой половине XIX века	245
Глава V. Взаимодействие этносов Среднего Урала в материальной культуре	290
§ 1. Взаимосвязи русских и коми-пермяков	292
§ 2. Взаимосвязи русских и манси	313
§ 3. Контакты русских и марийцев	324
§ 4. Взаимоотношения удмуртов, башкир и русских	332
§ 5. Взаимоотношения татар, башкир и русских	335
Заключение	352
Список сокращений	359
Список иллюстраций	360

Научное издание

Чагин Георгий Николаевич

Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI - первой
половине XIX века

Редактор Е. А. Огиенко

Технический редактор Г. А. Ковальчук

Корректор Г. А. Провументик

ИБ №65

Лицензия ЛР 020408 от 12.02.92

Подписано в печать 12.09.95. Формат 60x84 1/16. Бум. тип. №2.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,1. Уч. -изд. л. 20.

Усл. кр.-отт. 20. Тираж 1500 экз. Заказ 299. С 11

Издательство Пермского университета

614600. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского университета

614600. Пермь, ул. Букирева, 15